

SERIES MINOR

А. А. ЗАЛИЗНЯК

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»:
ВЗГЛЯД ЛИНГВИСТА

УИПАМЬИХЪСВІР
ВАСЛІЮСТЬГЪПАЛІ
ЧЕРДЕЕЩІЦДОСТІ
ЕДІСТЬИХЪВІЦЦ
ЦЛЪШАНИИПЕНАВІДАЩЕН
ЧИШАНИИВІДАХЪ
НІНШАСЛІШІЧІНН
ЫІНДЪБІВІА ТИМЕ

РУКОПИСНЫЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

А. А. ЗАЛИЗНЯК

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»:
ВЗГЛЯД ЛИНГВИСТА

Издание третье, дополненное

РУКОПИСНЫЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Москва

2008

ББК 63.4
355

Зализняк А. А.

355 «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. — 3-е изд.,
доп. — М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. —
480 с. — (Studia philologica. Series minor).

ISBN 978-5-9551-0261-0

Уже двести лет не прекращается дискуссия о том, что представляют собой «Слово о полку Игореве» — подлинное древнерусское произведение или искусную подделку под древность, созданную в XVIII веке. С обеих сторон в эту дискуссию вложено много страсти, в них часто привносятся и различные научные элементы, так что во многих случаях несложно отследить в них научную аргументацию от эмоциональной.

Гибель единственного списка этого произведения лишает исследователей возможности произвести анализ почерка, бумаги, чернил и прочих материальных характеристик первоисточника. Наиболее прочным основанием для решения проблемы подлинности или поддельности «Слова о полку Игореве» оказывается в таких условиях язык этого памятника.

Настоящая книга посвящена изучению именно лингвистической стороны данной проблемы.

Третье издание книги расширено по сравнению с первым и вторым.

Книга предназначена как для специалистов-филологов, так и для широкого круга читателей, интересующихся «Словом о полку Игореве» и его происхождением.

ББК 63.4

В оформлении переплета использована Киевская Псалтирь 1397 года

ISBN 978-5-9551-0261-0

© А. А. Зализняк, 2008

© Рукописные памятники Древней Руси, 2008

Предисловие

Уже после выхода в свет первого издания настоящей книги (2004 г.) произошло заметное событие в перипетиях дискуссии о «Слове о полку Игореве» (сокращено: СПИ) — опубликован окончательный текст большой работы А. А. Зимина на эту тему (Зимин 2006). Кроме того, появился ряд рецензий на первое издание нашей книги. Наряду с положительными в их числе имеется также одна отрицательная (Вилкул 2005), где выводам нашей книги противопоставлена версия, согласно которой СПИ могло быть создано без специальных лингвистических знаний, путем одного лишь подражания реальным древним памятникам.

В связи с этим при втором издании книги (в 2007 г.) оказалось целесообразно несколько расширить ее первоначальный состав, включив в нее, во-первых, разбор новой книги Зимина, во-вторых, разбор версии о создании СПИ путем подражания реальным древним памятникам. Кроме того, в основной текст были внесены небольшие дополнения или редакционные изменения; в частности, учтены те берестяные грамоты из раскопок 2004–2006 годов, которые содержат дополнительный материал по разбираемым в книге проблемам.

В дальнейшем при подготовке третьего издания книги в текст был включен пересказ печатной дискуссии между мною и М. Мозером (т. е. статей Мозер 2005 и Зализняк 2007), существенно расширен раздел о раннедревнерусских чертах СПИ и внесены некоторые другие дополнения.

В настоящем издании книга состоит из пяти отдельных статей, посвященных одной общей теме — лингвистической стороне проблемы подлинности или под-

дельности «Слова о полку Игореве». Из этих пяти статей последняя представляет собой добавление к тексту первого издания.

Первая статья (основная) — «Лингвистические аргументы за и против подлинности "Слова о полку Игореве"» (сокращенно при внутренних отсылках: «Аргументы...»). В ней рассматриваются выдвигавшиеся в разное время аргументы этих двух категорий и оценивается их относительный «вес». Одна за другой разбираются особенности языка СПИ, способные в той или иной степени пролить свет на решение проблемы подлинности или поддельности этого произведения.

Эта статья представляет собой главную составную часть книги, ее ядро. Читатель при желании может ограничиться чтением одной лишь этой статьи — в ней содержатся (пусть иногда в краткой форме) все основные положения данной книги. В этой статье рассматривается проблема в целом и автор приходит к определенному выводу о том, как она решается. Все остальные статьи представляют собой лишь более подробное (в основном полемическое) обсуждение отдельных вопросов, которые уже кратко рассматривались в основной статье.

В статье «К чтению нескольких мест из "Слова о полку Игореве"» (при внутренних отсылках: «К чтению...») обсуждаются некоторые трудные места текста СПИ. Предлагаемые чтения этих мест имеют определенное значение в общем балансе аргументов за и против подлинности СПИ. Но мы предпочли вынести их в отдельное рассмотрение, поскольку аргументы, основанные на предполагаемых, а не на бесспорных чтениях, занимают в иерархии аргументов лишь второстепенное место.

Статья «О нескольких лингвистических работах противников подлинности "Слова о полку Игореве"» (при внутренних отсылках: «О противниках...») посвящена

разбору ряда статей, появившихся в 1970-е – 1990-е гг. Это своего рода приложение к соответствующему разделу основной статьи, куда вынесены подробности, которые в рамках основной статьи были бы излишними.

Статья «Новейший кандидат на авторство "Слова о полку Игореве" — Йосеф Добровский» (при внутренних отсылках: «О Добровском...») посвящена разбору недавно вышедшей книги Э. Кинана, развивающей гипотезу о том, что СПИ создано Й. Добровским.

Статья «Можно ли создать "Слово о полку Игореве" путем имитации» (при внутренних отсылках: «Об имитации...») посвящена дополнительному анализу гипотезы о создании СПИ методом простой имитации реальных древних рукописей.

Параграфы, включенные в текст лишь во втором или в третьем издании, помечены добавочными буквами. В первой статье это § 13а, 14а, 14б, 14в, 35а, во второй — § 1а.

Для удобства читателя в конце книги в качестве приложения дан также сам текст СПИ.

Цитаты из СПИ приводятся по первому изданию 1800 г. (если необходимо, то с конъектурами, которые в этом случае отмечаются угловыми скобками), но без обязательного соблюдения принятых в этом издании словоделения, заглавных букв и пунктуации (подробнее см. «Аргументы...», § 6).

Для указания места цитаты внутри памятника используется нумерация «звеньев» текста, принятая в критическом издании Р. Якобсона (1948: 133–150). После цитаты ставится просто номер звена, например: *Стёдлай, брате, свои бръзыи комони* 21. По номеру звена читатель легко найдет это место в приложении.

Особо подчеркнем: эта книга — не описание языка СПИ как таковое. Ее единственная задача состоит в том, чтобы изучить проблему подлинности или под-

дельности СПИ. Анализ языка СПИ нужен нам лишь в рамках, определяемых этой основной задачей.

Участников дискуссии о происхождении СПИ (да и просто всех имеющих свое мнение об этом вопросе) обычно называют соответственно сторонниками подлинности СПИ и сторонниками его поддельности. Но в слове «сторонник» заложена отчетливая коннотация субъективности и пристрастности, равно как презумпция неизвестности того, на чьей же стороне истина. И, к сожалению, большинство участников дискуссии вполне оправдывают эту коннотацию, будучи готовы защищать свою версию «до последней капли крови», совершенно независимо от того, что им говорят оппоненты.

Рискуя вызвать усмешку у недоверчивого читателя, я все же позволю себе сказать, что, начиная работу над данной проблемой, я не имел ни готового мнения о том, на какой стороне истина, ни желания, чтобы она оказалась именно на такой-то стороне. Проделав всю эту работу, я пришел к определенному решению — пусть не стопроцентному, но все же во много раз более вероятному, чем противоположное решение. Но даже и после этого я не хотел бы принять на себя наименование «сторонника» в том смысле, о котором сказано выше.

Автор не может не знать итогов своей работы, и ему нелегко строить изложение в точности таким же образом, как если бы он сам узнал об этих итогах лишь в конце книги. Неслучайно участники данной дискуссии почти всегда начинают с объявления своей позиции по основному вопросу (о подлинности или поддельности СПИ), после чего разбор любого частного вопроса уже строится по схеме «почему и в данном пункте объявленная с самого начала позиция верна».

Несмотря на трудность этой задачи, в основной статье настоящей книги я стремился к тому, чтобы рас-

сматривать противостояние двух основных версий происхождения СПИ как противоборство с неизвестным исходом. В частности, переходя к разбору очередной языковой черты СПИ, я вновь взвешиваю обе основные версии, не опираясь на то, что при разборе предыдущей черты (или черт) одна из версий была признана намного более вероятной, чем другая.

Сказанное относится к основной статье («Аргументы...»). Но после того, как в заключении этой статьи конечный вывод сделан, дальнейшие статьи уже написаны с учетом этого вывода.

Приношу благодарность Е. А. Гришиной, Е. В. Падучевой, С. М. Толстой, Б. А. Успенскому и В. А. Успенскому за сделанные ими замечания; В. Л. Янину за возможность воспользоваться его экземпляром книги Зимин 1963 (полученным от автора); В. М. Живову за замечания и за возможность ознакомиться с его работой (в тот момент еще не опубликованной), содержащей критику гипотезы Э. Кинана о Й. Добровском как авторе СПИ; В. Б. Крысько за замечания и за то, что он обратил мое внимание на необходимость ближе ознакомиться с работами К. Троста, М. Хендлера и Р. Айтцетмюллера о происхождении СПИ (в некоторых случаях ниже использованы также его критические замечания по поводу этих работ); Л. А. Бассалыго за замечания и за идею оформления обложки; М. Н. Толстой за замечания и за бесценную помощь при подготовке книги к печати.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АРГУМЕНТЫ ЗА И ПРОТИВ ПОДЛИННОСТИ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

§ 1. Происхождение «Слова о полку Игореве» вот уже два столетия остается предметом дискуссии. Основной вопрос, интересующий как специалистов, так и широкую публику, состоит здесь в том, является ли оно подлинным древним сочинением или поздним сочинением, имитирующим древность.

Главная техническая проблема, которую необходимо решить для ответа на указанный основной вопрос (интересующая уже только специалистов), связана с тем, что имеются многочисленные текстуальные параллели (полные совпадения или близкие сходства), неслучайность которых находится вне сомнений, между СПИ, описывающим поход 1185 г., и Задонщиной, описывающей Куликовскую битву 1380 г. (и созданной в интервале между самой Куликовской битвой и 1470-ми годами, к которым относится ее самый ранний дошедший до нас список). Необходимо так или иначе объяснить эти параллели.

Конкурируют две основные версии: 1) о раннем создании СПИ — до Задонщины; 2) о позднем его создании — после Задонщины. В первой версии параллели между СПИ и Задонщиной, естественно, объясняются как заимствования из СПИ в текст Задонщины, во второй — наоборот. Соответственно, можно говорить о версии первичности СПИ и версии его вторичности.

Капитальный факт, не оспариваемый никем, состоит в том, что язык СПИ намного архаичнее языка За-

донщины. Следовательно, если СПИ создано позднее Задонщины, то автор писал не на языке своего времени, а имитировал древний язык. Таким образом, противопоставление версий первичности и вторичности можно представить также и в следующем виде: либо СПИ написано на языке своего времени, либо его язык есть имитация языка, на несколько веков более древнего.

Если будет доказана первичность СПИ, то тем самым решается и основная проблема: СПИ должно быть признано подлинным древним произведением. Поэтому версии первичности и вторичности СПИ мы можем называть также соответственно версиями подлинности и неподлинности.

Замечание. Версия подлинности СПИ, конечно, не означает предположения о том, что до момента печатной публикации (1800 г.) дошел ни в чем не искаженный и никем не подправлявшийся первоначальный текст СПИ. Напротив, это было бы настоящим чудом. Одного лишь примера Задонщины, все списки которой полны разнообразных ошибок, достаточно, чтобы понять, каким серьезным искажениям и переделкам мог подвергаться текст в рукописной традиции. Тем самым взгляд на СПИ как на древний текст, в который на протяжении последующих веков могли вноситься какие-то редакционные изменения или вставки, не является чем-то средним между двумя основными версиями — это частный случай версии подлинности.

Если верна версия вторичности (неподлинности) СПИ, то возникает дополнительная дилемма: создавалось ли СПИ как обычное литературное произведение или с замыслом ввести общество в заблуждение относительно его происхождения, т. е. как подделка. Тем самым версия вторичности подразделяется на: а) версию о простой имитации (не предлагающей какого-либо обмана); б) версию о поддельности.

Здесь следует учитывать, что заимствования из одного сочинения в другое в разные эпохи воспринимались по-разному. Автор XIV–XV веков, включавший пассажи из более древнего сочинения в свой текст, не нарушал никаких представлений своего времени о нормах литературного творчества. Но автор, например, XVIII века, пожелавший воспеть в древнем стиле поход XII века и заимствующий при этом целые пассажи из сочинения XV века, мог восприниматься только как стилизатор, а если он не открывал своего авторства и выдавал свое сочинение за древнее, то уже как мистификатор (= фальсификатор).

Предполагаемого в рамках версии вторичности создателя СПИ (имитировавшего древний язык) мы будем называть Анонимом. Ниже этот гипотетический персонаж будет у нас постоянным действующим лицом; просим не забывать, что даже там, где о нем говорится в изъявительном наклонении, мы всё же не знаем, существовал ли он на самом деле.

Разумеется, для восстановления полной картины создания СПИ представляет интерес не только вопрос «до или после Задонщины», но также и более точное определение времени, например, XII или XIV век в версии первичности, XVI или XVIII век в версии вторичности.

Но в настоящей работе мы этими проблемами заниматься не будем. В частности, в рамках версии первичности СПИ мы не касаемся вопроса о том, к какому именно времени внутри хронологического интервала между походом 1185 г. и созданием Задонщины его предпочтительно относить. (Отметим лишь, что большинство сторонников данной версии относят создание СПИ ко времени вскоре после 1185 г.)

В рамках версии вторичности СПИ мы тоже не будем специально заниматься уточнением века. Но вопроса о простой имитации или подделке коснемся.

Несколько забегая вперед, укажем, что версия «невинной имитации» обладает в данном случае гораздо меньшим правдоподобием, чем версия поддельности. Дело в том, что, как мы вскоре увидим, объем знаний, необходимых для достижения того уровня сходства с древними текстами, которым обладает СПИ, очень велик. Поэтому крайне маловероятно, чтобы кто-либо взял на себя тот огромный труд, который необходим для овладения всем этим объемом знаний, всего лишь ради удачной стилизации.

В самом деле, стилизатору вполне достаточно, чтобы его произведение производило желаемое впечатление на публику (а для этого, к тому же, обычно бывает нужно не столько реальное сходство с подлинной древностью, сколько соответствие представлениям публики). Только мистификатор будет добиваться того, чтобы его не смогли разоблачить даже специалисты.

Соответственно, в рамках версии вторичности СПИ имеет смысл рассматривать в первую очередь именно вариант с подделкой. Если бы оказалось, что даже и этот вариант не проходит, то про вариант с «невинной имитацией» уже незачем было бы и говорить.

Почти все сторонники позднего происхождения СПИ относят предполагаемого автора СПИ к XVIII веку (и даже уже — к концу века). Это легко объясняется культурно-историческими соображениями — состоянием русского общества, первой публикацией летописей, пробуждением интереса к древности. Для более раннего времени (XV–XVII вв.) фигура фальсификатора и в самом деле выглядит очень неправдоподобно.

Ради общности мы формально допускаем фигуру фальсификатора для любого времени между созданием Задонщины и концом XVIII в. Но реально везде, где почему-либо необходима конкретизация, мы рассма-

тряваем вариант с сочинителем XVIII века. Наши заключения относительно предполагаемого фальсификатора XVIII в. (подытоженные в § 38) таковы, что они тем более действительны для фальсификатора более ранних веков.

Таким образом, настоящая работа посвящена в первую очередь сравнению аргументации в пользу первичности (подлинности) СПИ и в пользу его поддельности (в последнем случае с преимущественным вниманием к версии о фальсификаторе XVIII века). И ниже мы в большинстве случаев ограничиваемся тем, что вместо строгого противопоставления «первичное — вторичное» рассматриваем не исчерпывающее всех логических возможностей, но для всех практических целей достаточное противопоставление «подлинное — поддельное».

Нас будет интересовать вопрос о том, что дают особенности языка СПИ для установления его подлинности или неподлинности. При этом следует подчеркнуть, что очень многое здесь уже сделано нашими предшественниками, так что значительная часть нашей работы в сущности сводится к систематизации известного¹.

Прочих аспектов проблемы подлинности СПИ мы почти не затрагиваем и во всяком случае не позволяем себе строить на их основе какие-либо далеко идущие заключения. В частности, в настоящей статье мы не касаемся вопроса о возможности отождествления Анони-

¹ Настоящая статья уже была написана, когда вышла большая статья О. Б. Страховой (2003), где обсуждается в сущности та же основная проблема. В ряде пунктов ход рассуждения в обеих работах оказался практически одинаков. Но в данном случае это настолько естественно вытекает из сути дела, что мы сочли ненужным специально устранять такие параллелизмы.

ма с каким-либо конкретным лицом, а из его знаний и умений рассматриваем только те, которые имеют отношение к языку СПИ.

Ограничивааясь одной лишь лингвистической проблематикой, мы, разумеется, ни в коей мере не отрицаем значения литературоведческого, исторического и культурологического аспектов данной проблемы. Но мы, во-первых, предпочитаем в данном случае не выходить за рамки своей прямой специальности, во-вторых, полагаем, что лингвистические данные, с их относительно высокой объективностью и определенностью, могут способствовать решению проблемы более эффективно, чем области, где намного шире простор для вольной игры мнений.

Исходя из того, что обсуждаемая проблема представляет интерес для достаточно широкого круга читателей, мы считаем полезным сопровождать свое изложение пояснениями, многие из которых для специалиста излишни. Лишь небольшое число лингвистических сюжетов разбирается с подробностью, требующей некоторой филологической подготовки. В тех немногих случаях, когда обсуждение выходит за рамки лингвистики, мы обычно ограничиваемся популярным изложением известного.

§ 2. Особенности дискуссии о подлинности или неподлинности «Слова о полку Игореве» связаны прежде всего с некоторой неясностью и таинственностью обстоятельств, при которых оно стало известно общественности.

СПИ было издано в 1800 г. А. И. Мусиным-Пушкиным. По сообщению последнего, оно входило в состав приобретенного им рукописного сборника. Но способ приобретения остается не совсем ясным; А. И. Мусин-Пушкин говорил об этом скучо и уклончиво. Через 12

лет после издания СПИ сборник, как обычно считают, погиб в великом московском пожаре (правда, сохранившиеся сообщения об этом носят несколько неопределенный и не вполне надежный характер).

На всех этапах изучения СПИ безусловно преобладал взгляд на него как на подлинное древнее сочинение. Поэтому перечислять сторонников этой точки зрения нет необходимости. Здесь нужно, однако, учитывать то особое обстоятельство, что в СССР в этом вопросе свободная конкуренция версий была невозможна: версия подлинности СПИ была фактически включена в число официальных научных постулатов, сомнение в которых было равнозначно политической нелояльности.

С другой стороны, с самого момента публикации СПИ и в особенности после того, как появилось сообщение о гибели рукописи, высказывались и сомнения в его подлинности. И необходимо признать, что таинственность, которой было обставлено появление этого памятника, и театральность его гибели сильно располагали и поныне продолжают располагать к априорному недоверию.

Историю скептических выступлений можно схематически представить так.

Первая волна скептиков (так называемые скептики пушкинской эпохи) появилась вскоре после публикации памятника. Это еще не научные исследования, а главным образом выражения непосредственной субъективной оценки, с обсуждением преимущественно стиля, иногда отдельных слов (см. подробное изложение в Зимин 1963, глава 8, и 2006, глава VIII; критический обзор — Якобсон 1948: 192–195).

Второй этап скептического отношения к подлинности СПИ относится к гораздо более позднему времени. Предвестники этого этапа — Л. Леже (работы 1890-х гг.) и М. И. Успенский (работы 1920-х гг.); но главным его

представителем является Андре Мазон (работы 1938–1944 гг.). Основная идея Мазона: СПИ — подделка конца XVIII века (в качестве возможных авторов подозреваются А. И. Мусин-Пушкин, Н. Н. Бантыш-Каменский; позднее Мазон счел возможной также кандидатуру Иоиля Быковского, о котором см. ниже). Гипотеза Мазона подвергнута критике во многих работах; важнейшая из них — Якобсон 1948, где положения Мазона разобраны последовательно и полно и по оценке десятков филологов разных стран (см. обзор в Якобсон 1952: 388–389) в научном смысле уничтожены.

Следующий этап составляют работы А. А. Зимина (1960-е гг., с продолжением до 1980 г. и итоговой посмертной публикацией 2006 г.). Основная идея: СПИ — сочинение архимандрита Спасо-Ярославского монастыря Иоиля Быковского (1726–1798), задуманное не как фальсификат, а как стилизованное сочинение на историческую тему, которое впоследствии А. И. Мусин-Пушкин решил выдать за древнее.

Поскольку в советскую эпоху версия подлинности СПИ была превращена в идеологическую догму, концепция А. А. Зимина по приказу сверху замалчивалась: его книгу 1963 года напечатали ротапринтом в 100 экземплярах для временной выдачи участникам разгромного обсуждения с обязанностью сдать все экземпляры после обсуждения обратно в спецхран. Не было и сколько-нибудь подробных критических публикаций с конкретным разбором его положений; опубликован лишь отчет об указанном обсуждении. Наиболее полный зарубежный критический разбор гипотезы А. А. Зимина — Якобсон 1966.

Еще более поздний этап (1970-е – 1990-е гг.) составляют работы К. Троста, М. Хендлера, Р. Айтцетмюллера и некоторых других. К. Тростом выдвинута версия о том, что СПИ принадлежит перу Н. М. Карамзина. Эта

группа работ рассмотрена в настоящей книге в статье «О противниках...».

Наконец, в самые последние годы появилась версия Эдварда Кинана, согласно которой СПИ — это подделка, осуществленная знаменитым чешским лингвистом, основателем сравнительной грамматики славянских языков Йосефом Добровским (1753–1829). Эта версия рассмотрена в настоящей книге в статье «О Добровском...».

В ходе этой контроверзы выяснилось, что в вопросе о подлинности СПИ имеется заметное различие между лингвистами, с одной стороны, и литературоведами и историками, с другой. А. В. Исаченко (1941: 34–35) писал: «Именно со стороны языковедов никогда не высказывалось ни малейших сомнений в подлинности, т. е. в древности этого памятника. Серьезные сомнения высказывались исключительно филологами, заинтересованными главным образом литературно-исторической стороной вопроса, начиная со скептиков пушкинских времен и кончая современными французскими "иконокластами", по выражению А. Мазона». В 1941 г. А. В. Исаченко мог знать только о первых двух «волнах» скептиков; примечательно, однако, что его наблюдение в значительной мере сохранило силу и в дальнейшем: так, А. А. Зимин и Э. Кинан — историки, а не лингвисты; лингвистов же в лагере скептиков и поныне совсем мало.

Почему дискуссия о подлинности «Слова о полку Игореве» тянется так долго

§ 3. Почему же все-таки дискуссия о подлинности или поддельности СПИ приобрела характер вечной проблемы, превратившись в глазах многих в образец безнадежного словопрения, которое уже никогда не кончится чьей-либо научной победой?

Мы полагаем, что этому способствовали следующие основные факторы.

1. Нелингвисты совершенно не осознают мощности языка как механизма, а именно, количества и степени сложности правил, которые надо соблюсти, чтобы получить правильный текст. Легкость, с которой человек производит устные и письменные тексты на родном языке, лишает его возможности поверить в истинные масштабы той информации, которой он при этом бессознательно оперирует. Особенно доверчиво относятся к мысли о том, что некто засел за книги и научился говорить и писать на иностранном языке «как на родном», те, кто ни одним иностранным языком активно не владеет. Люди верят бойким журналистским рассказам о том, как способного русского паренька поучили в разведшколе немецкому языку, забросили в немецкий тыл и там он успешно выдавал себя за немца.

Поэтому рассказ о том, что кто-то написал безупречный длинный текст на чужом языке (или на своем, но тысячелетней давности), далекими от лингвистики людьми не воспринимается как рассказ о подвиге или чуде. Они скорее возьмутся обсуждать вопрос о том, зачем это могло автору понадобиться, чем то, как ему это удалось. Они вполне готовы допустить, например, что это было сделано между делом, в качестве озорной шутки.

Между тем как раз люди, профессионально связанные с иностранными языками, знают, какое это редчайшее чудо — человек, изучавший иностранный язык не с детства и не в условиях долголетней жизни в соответствующей стране и тем не менее достигший того, чтобы природные носители не распознавали в нем иностранца и чтобы в написанном им длинном тексте даже строгие критики не находили никаких огрехов, выдающих иностранца. Речь ведь идет не о простых вещах,

вроде того, чтобы помнить, как будет «хлеб» или «ходить» или как образуется прошедшее время от такого-то глагола, а о деталях несравненно более тонких и, главное, чрезвычайно многочисленных.

Древнерусский язык — тот же иностранный. И ситуация именно такова, что никто не знает его с детства и не может пожить в стране, где на нем говорят. Единственное облегчение для имитатора здесь в том, что и другие тоже знают этот язык несовершенно. В роли экзаменаторов здесь оказываются уже не природные носители, а профессионалы, глубоко изучившие совокупность имеющихся текстов. Но есть и лишняя трудность по сравнению с живым языком: могут найтись новые древнерусские тексты (как это реально случилось, скажем, с берестяными грамотами), и на их материале могут открыться дополнительные языковые закономерности, которые невозможно было выявить на прежнем ограниченном материале, — и тогда имитация, основанная на прежнем материале, на новом уровне знаний окажется неудовлетворительной.

Самый знаменитый пример подделки древних славянских рукописей принадлежит видному деятелю чешского национального возрождения Вацлаву Ганке (1791–1861). Ученик Й. Добровского и В. Копитара, Ганка обладал очень высокой для своего времени славистической квалификацией и был необыкновенно начитан в древних рукописях. Благодаря этому его подделки — так наз. Краледворская и Зеленогорская рукописи — были действительно столь успешны, что очень долго принимались за подлинные. Но все же, когда Я. Гебауэр подверг эти сочинения тщательному высокопрофессиональному лингвистическому контролю, факт подделки выявился с полной неумолимостью. Обнаружились отклонения от норм древнечешской орографии; слова, взятые из русского языка с ошибками

в фонетическом «пересчете» с русского на древнечешский; синтаксические кальки с современного немецкого; чешские слова, употребленные в значении, которое развилось у них только в позднюю эпоху, и др. В общей сложности на 6000 слов, содержащихся в этих двух рукописях, Ганка допустил около 1000 отклонений от того, что реально наблюдается в подлинных древнечешских рукописях (подробнее см. Якобсон 1948: 220–223).

Этот пример дает достаточно ясное представление о том, как высоко лежит тот порог, которого должен достичь имитатор, пусть даже великолепно подготовленный, чтобы не на время, а навсегда обмануть своих будущих критиков-лингвистов.

Между тем многие участники дискуссии, в особенности литературоведы и историки, подозревая то или иное лицо в мистификации, с поразительной наивностью допускают, что уж с этой-то стороной дела их кандидат должен был справиться. Вот, например, как Зимин представляет себе основную задачу сочинителя СПИ: «Только человек, прошедший длительную школу риторики и пиитики, мог так легко использовать словарный материал древних литературных памятников для создания совершенно индивидуального и ни с чем несравнимого произведения поэтического искусства» (1963: 394; 2006: 332). Суметь использовать словарный материал — вот, оказывается, и вся проблема. И задавшись вопросом, «мог ли обладать писатель, живший, скажем, во второй половине XVIII века, филологическими познаниями, необходимыми для составления такого произведения» (1963: 292; почти так же в 2006: 257), Зимин в конечном счете использует в качестве ответа на этот вопрос следующую цитату из М. Н. Тихомирова: «Вообще нельзя представлять себе Москву XVIII века какой-то пустыней, где не было образованных людей» (1963: 338; 2006: 301).

Ниже мы рассмотрим более конкретно вопрос о том, какой именно степенью образованности должен был обладать «образованный человек», чтобы успешно решить такую задачу.

2. Другая причина затяжного характера дискуссии — малая доказательная сила большинства используемых в дискуссии аргументов. В громаде опубликованных работ выдвинуты сотни разнообразных соображений, которые с некоторой степенью вероятности говорят в пользу отстаиваемой данным автором версии. Но очень часто из предъявленного факта решительно ничего не вытекает с обязательностью, и даже, если взглянуть на тот же самый факт чуть иначе, он начинает выглядеть как свидетельство в пользу противоположной версии. Поэтому, как это ни поразительно, сторонники противоположных точек зрения нередко ссылаются на одни и те же факты. Вот некоторые примеры.

СПИ обнаруживает несомненную связь с русским, украинским и белорусским народным творчеством. И вот мы видим, что этот факт активно используется обеими партиями. Для одних это говорит о том, что фальсификатор мог все, что нужно, взять просто из современного ему фольклора, не углубляясь в многочисленные древние рукописи. Для их противников это, напротив, говорит о том, что произведение древнее, поскольку фольклор отражает очень древний пласт мифологии и словесного творчества.

В СПИ есть некоторое число «темных мест». И снова: для одних это свидетельство того, что Аноним кое-где не справился с трудным делом сочинения по-древнерусски (ср. «*malhabileté de l'auteur à manier le langage ancien*» [Мазон 1940: 46]); для других — свидетельство того, что произведение подлинное, потому что фальсификатору незачем было бы портить у публики впечатление, подбавляя в текст абракадабру.

Нередко авторы не замечают, что их аргументация построена по беспрогрышной схеме, в которую одинаково хорошо подходит и некий факт, и его прямая противоположность. Например, сторонник поддельности СПИ отмечает в его тексте необычное слово. Если этого слова нет ни в одном древнерусском памятнике, значит, фальсификатор его просто выдумал. Но если оно все-таки нашлось в каком-то памятнике, то еще проще — значит, именно оттуда он его и взял. И поддельность в обоих случаях подтвердилаась. О методе Мазона Якобсон замечает (1948: 269): «Если "ясному" пассажу Слова соответствует "темное место" Задонщины, то это для Мазона лишнее доказательство не в пользу Слова. Но если более "темным" кажется Слово, это уже прямое свидетельство против него».

Вот особенно наглядный пример. Два сторонника поддельности СПИ — К. Трост и М. Хендлер — большое внимание уделяют вопросу о церковнославянских элементах СПИ. По Тросту (1974: 140), в СПИ таких элементов крайне мало, и этим себя выдал сочинитель СПИ Карамзин, который отстаивал тезис, что у русского языка нет никакой органической связи с церковнославянским, и хотел с помощью сочиненного им СПИ показать русскому обществу, что это было верно уже и для эпохи Нестора. По Хендлеру (1977: 129, 159), употребление глагольных времен (и ряд других черт) в СПИ носит отчетливо церковнославянский характер, тесно сближая его с агиографической литературой, что и выдает неподлинность СПИ, поскольку светское сочинение светского автора такого характера иметь не должно было.

Вообще именно у сторонников поддельности СПИ особенно заметен разнобой аргументов. Чуть ли не у каждого из них свой кандидат на авторство СПИ; тем самым почти каждый новый носитель этой идеи, вы-

ступающий на арену, в той или иной степени дезавуирует утверждения своих предшественников. В подтверждение своей идеи А. Мазон находит в СПИ галлицизмы, К. Трост — германизмы, Р. Айтцетмюллер — полонизмы, Э. Кинан — богемизмы. Хорошей иллюстрацией здесь может служить, например, сводка расхождений между А. А. Зиминым и Э. Кинаном, приведенная ниже в статье «О Добровском...», § 13.

Вот также пример из несколько иной сферы. Известно, что граф А. И. Мусин-Пушкин долгое время вообще не отвечал на настойчивые письма молодого историка К. Ф. Калайдовича, просившего его подробно описать обстоятельства приобретения рукописи СПИ. Для Зимина это аргумент в пользу того, что Мусин-Пушкин старался скрыть обстоятельства фальсификации. Действительно, причина могла быть именно такова; но решительно никакой обязательности в этом нет. Столь же легко допустить, например, что Мусин-Пушкин не желал оглашения этих подробностей потому, что тут были какие-то деликатные моменты финансового или юридического свойства, или просто обер-прокурор Синода, старый екатерининский вельможа, считал ниже своего достоинства отвечать дерзкому в своей настойчивости молодому человеку.

И многие работы представляют собой в сущности собрания именно таких аргументов — до какой-то степени вероятных, но ни к чему не обязывающих. И ничего удивительного, что противная сторона может подобрать примерно такие же аргументы в пользу противоположной версии. Читателю же остается только пожать плечами и отвернуться.

Можно лишь поражаться тому, как мало иногда бывает нужно, чтобы построить чрезвычайно далеко идущую гипотезу. Так, Зимин объявляет Иоиля Быковского автором СПИ, имея в своем распоряжении только

сведение (причем даже не вполне надежное) о том, что сборник, содержавший СПИ, Мусин-Пушкин приобрел именно у него, что Иоиль имел склонность к сочинению виршей и что он происходил из Белоруссии и учился в Киеве, следовательно, мог быть знаком с белорусским и украинским фольклором. Признавая, что никакого таланта в заурядных виршах Быковского не чувствуется, Зимин считает возможным обойти это препятствие для своей гипотезы так (1963: 352): «Дар художественной стилизации может сочетаться с творческой беспомощностью при создании вполне самостоятельных произведений».

Нередко далеко идущие выводы делаются на основе аргументов, которые имеют не непосредственный, а условный характер: эти аргументы верны лишь при условии, что принята точка зрения автора на некоторую другую проблему (скажем, на интерпретацию спорного места текста или на хронологию определенного фонетического или морфологического изменения) — при том, что эта точка зрения может быть далеко не общепризнанной.

Более того, многие участники дискуссии проявляют преимущественный интерес именно к «темным местам» СПИ и иногда даже прямо провозглашают идею, что как раз «темные места», будучи разгаданы, и принесут нам важнейшие доказательства подлинности (или, напротив, поддельности) текста. Они предлагают для таких мест свое решение — иногда более или менее вероятное, иногда абсолютно произвольное и субъективное, но непременно подтверждающее позицию автора в вопросе о подлинности или поддельности. Такие решения почти никогда не получают всеобщего признания и обычно лишь пополняют фонд альтернативных интерпретаций. И это неудивительно, поскольку простых и самоочевидных решений для таких мест

нет: если бы они были, их бы уже давно нашли, и место бы не считалось темным.

Понятно, что аргументы этого рода имеют совершенно иной статус, чем те, которые опираются на бесспорные факты: подобная «двухэтажная» конструкция не имеет никакой силы в глазах противников, поскольку они отказываются соглашаться с ней уже на уровне «первого этажа».

Убедительность многих работ страдает также от того, что их авторы неспособны ограничиться в защите своей версии одними лишь надежными утверждениями. Очень часто автор идет дальше и добавляет к ним также менее надежные и даже просто сомнительные. Ему самому в его страстной вере они представляются столь же очевидными и непреложными; и он не замечает, как переходит порог убедительности для читателя. После этого противникам уже легко ухватиться за одни лишь эти спорные утверждения и, показав их шаткость, получить психологическую возможность относиться без всякого почтения уже и ко всем прочим утверждениям данного автора.

Излишняя страстность (которой чаще грешат защитники подлинности СПИ) тоже не способствует убедительности. Она превращает дискуссию в бой, а в бою, во-первых, можно пользоваться уже любым попавшим под руку оружием, во-вторых, нельзя слушать никаких доводов противника, пусть даже самых резонных.

Особенно обескураживающие для постороннего читателя выглядят некоторые споры в литературоведческой сфере. Так, множество авторов твердят нам: «СПИ — гениальное литературное произведение». А с другой стороны мы читаем у Мазона: «бессвязное и посредственное» (*incohérent et médiocre*). Напротив, Задонщину, которую большинство исследователей оценивает в литературном отношении не слишком высоко, Мазон объявляет шедевром.

Тот же Мазон заявляет, что СПИ — это явное подражание Оссиану. Якобсон отвечает ему, что СПИ не имеет ничего общего с духом Оссиана, кроме разве что некоторых мрачных картин природы. По утверждению Мазона, совпадение фразы из СПИ с припиской к псковскому Апостолу 1307 г. не имеет никакой доказательной силы, потому что, например, отрезок *съяшется и растяшет усобицами* ('засевалась и прорастала усобицами') — это лишь банальное общее место. Якобсон отвечает, что это не общее место, а одна из оригинальнейших фраз в древнерусской литературе, не повторяющаяся более нигде.

Нетрудно понять, что у непредвзятого читателя перед лицом столь противоположных оценок возникает просто общее неуважение к той сфере, где состояние знаний допускает дискуссию такого вида. Люди негуманитарных профессий нередко даже склонны заключать из подобных ситуаций, что гуманитарные занятия вообще не заслуживают названия науки.

3. Дискуссия о подлинности или поддельности СПИ в значительной степени построена по принципу разговора глухих: в большом числе работ аргументы противоположной стороны вообще не упоминаются или упоминаются без всякого разбора мельком, в пренебрежительной тональности, которая как бы освобождает от необходимости всерьез полемизировать. Некоторые авторы прямо провозглашают окончательность достигнутой ими истины. Например, Р. Айтцетмюллер не боится использовать для этого такие определения, как «неопровергимо» (см. подробнее ниже, «О противниках..., § 1). Якобсон, который дал себе труд последовательно разобрать все утверждения своего оппонента Мазона, — яркое исключение на фоне множества других участников этой дискуссии.

От большинства работ на тему подлинности или неподлинности СПИ у читателя остается ощущение, что автор сперва с помощью некоей глобальной интуиции пришел к выводу о том, какая из двух версий верна, а затем уже подбирал как можно большее количество фактов и фактиков, которые служат на пользу этой версии. Впрочем, не редкость и прямые заявления о том, что подлинность (или, напротив, поддельность) СПИ чувствуется по всему с первого же мгновения. Таким образом, при всей ценности интуиции как инструмента познания, приходится признать, что в данном случае она открывает одним одно решение с такой же ясностью, как другим противоположное.

Но даже там, где автор ссылается не на интуицию, а на логические выводы, чаще всего работа строится (иногда явно, чаще неявно) по следующей схеме: «Я принимаю такую-то из двух противоборствующих версий. И далее я продемонстрирую, как много фактов, требующих объяснения, получает при этой версии хорошее объяснение».

Допустимо ли такое логическое построение? Да, допустимо. Но только рассуждение по этой схеме не достигает своей цели (доказательства правильности выбранной версии), пока не показано, что выбранная версия успешно справляется также с фактами, на которые опирается аргументация противоположной стороны. А когда этого нет, то ничто не мешает появиться работе сторонника противоположной версии, построенной ровно по такой же схеме.

4. Очень существенную роль в том ощущении тутика и отсутствия какого-либо объективного решения, которое сопряжено в общественном сознании с проблемой подлинности «Слова о полку Игореве», играет то, что эта проблема давно перестала быть чисто научной

и густо обросла ненаучными обертонами и политическими коннотациями.

Как уже отмечено выше, в советскую эпоху версия подлинности СПИ была превращена в СССР в идеологическую догму. И для российского общества чрезвычайно существенно то, что эта версия была (и продолжает быть) официальной, а версия поддельности СПИ — крамольной. В силу традиционных свойств русской интеллигенции это обстоятельство делает для нее крайне малоприятной поддержку первой и психологически привлекательной поддержку второй. А устойчивый и отнюдь еще не изжитый советский комплекс уверенности в том, что нас всегда во всем обманывали, делает версию поддельности СПИ привлекательной не только для интеллигенции, но и для гораздо более широкого круга российских людей.

Сама тональность большинства работ советского периода по «Слову о полку Игореве» такова, что читателю (и тогдашнему, и нынешнему) трудно воспринять их иначе как пропагандистские сочинения, созданные для внушения заранее заданной идеи. Естественной реакцией на все, что преподносится в такой тональности, является психологическое сопротивление. Отчетливо отрицательное впечатление производят, в частности, фразы типа «из этого следует, что СПИ подлинно», повторяемые как рефрен после каждого существенного или несущественного наблюдения и очень часто там, где логически ничего не следует.

И, конечно, убийственную роль для репутации этих работ у читателей играет лежащее на них клеймо советской цензуры, которая практически не допускала прямого цитирования А. Мазона или А. А. Зимина. Бесчисленные страстные доказательства подлинности Слова подразумевали наличие некоего коварного врага, который стремится обесчесть эту гордость советского народа

и о котором по советской традиции читателю не положено было знать сверх этого почти ничего; даже имена врагов предпочтительно было заменять безличным «скептики». А уже по другой, но тоже политической причине читателю не положено было знать и о работах Р. Якобсона, активнейшего противника «скептиков».

Справедливость требует отметить, что политизированное отношение к вопросу о подлинности или неподлинности СПИ было характерно не только для СССР, но и для эмигрантских кругов на Западе. «Патриотическая» окраска большинства выступлений в защиту подлинности СПИ в глазах стороннего читателя вычищалась из их собственно научной ценности.

5. Стоит добавить к этому, что даже независимо от политических обертонов сама идея талантливой мистификации обладает известной привлекательностью. В самом деле, насколько живее и интереснее версия, по которой перед нами некая масштабная игра, а не просто еще одна единица хранения, дожекавшая до великого московского пожара. Соблазнительна также мысль о том, какое количество почтенных специалистов оказывается в дураках, вот уже двести лет глубокомысленно наводя науку на чью-то озорную шутку. Ср. поразительно широкий успех в определенных кругах российского общества, который получила теория А. Т. Фоменко, провозглашающая подделку не просто одного какого-то сочинения, а тысяч документов и сочинений, на которых основаны наши представления о мировой истории.

§ 4. Такова в общих чертах та малосимпатичная картина, которая сложилась за двести лет дискуссии и которая побуждает часть ученых просто сторониться данной проблемы, как потерявшей собственно научный характер.

Дискуссия о СПИ заставляет задуматься о способе аргументации в гуманитарных науках вообще. Вот, например, перед читателем книга Якобсона (1948). В ней предъявлено такое множество аргументов в пользу подлинности СПИ — с какой стороны на это произведение ни взглянуть, — что читателю уже кажутся излишними долгие разговоры: все ясно! Но если после этого у него в руках оказывается, скажем, книга Кинана (2003), то там он находит такое же множество аргументов в пользу поддельности СПИ, изложенных с таким же напором, и тоже получается, что все ясно.

Но ведь кто бы из них ни был прав, другой-то не-прав! А ведь и у него бездна аргументов — от маленьких до таких, которые он считает неотразимыми!

Как такое вообще возможно? Ответ ясен: безусловное большинство фигурирующих в дискуссии аргументов носит не абсолютный характер, а использует лишь одну из возможностей объяснения того или иного факта. И увы, показывает, как легко гуманитарий поддается соблазну истолковать в пользу своей гипотезы даже самые незначительные и логически ни к чему не обязывающие обстоятельства дела. А потом тот же эффект происходит в восприятии читателя: вот уже десятое, тридцатое, сотое маленькое подтверждение развиваемой автором идеи. Конечно, каждое в отдельности подтверждение легонькое и, если вдуматься, необязательное. Но их так много! Значит, идея верна: не может же быть, чтобы из такого великого множества аргументов все оказались недействительными. Однако же достаточно вспомнить об описанном выше противостоянии, и становится ясно: к сожалению, может!

Таким образом, степень прочности аргументов должна рассматриваться как несопоставимо более важный признак, чем их количество.

Что же делать, чтобы попытаться вырваться из этой дурной бесконечности?

Очевидно, необходимо отказаться от рассуждений в рамках только одной из двух основных версий и рассматривать любые факты сразу с двух противоположных точек зрения. И, конечно, отказаться от любых интуитивных и эмоциональных оценок и от риторического напора.

А при оценке любых аргументов считать самой важной их характеристикой степень надежности.

Ниже мы везде рассматриваем в первую очередь аргументы, основанные на общепризнанных фактах, а те, которые основаны лишь на предположениях (пусть даже правдоподобных), в особенности на одном из нескольких конкурирующих предположений, относим к более низкой категории. И как самые слабые расцениваются аргументы, основанные на конъектурах; они могут даже вообще не приниматься во внимание.

А те случаи, где нам все же хотелось бы предложить свои собственные интерпретации некоторых мест СПИ, мы вынесли в отдельную статью («К чтению...») — с тем, чтобы не строить на их основании выводов общего характера.

Задачи, стоящие перед имитатором древнего текста

§ 5. Для нашего разбора полезно вначале бросить общий взгляд на работу древнего сочинителя и работу имитатора. Испытываемые ими трудности — совершенно разного масштаба. И тот и другой совершает труд литературного сочинительства. Но у обычного сочинителя его задача этим и ограничивается, а имитатор должен еще откуда-то узнать и принять во внимание множество элементов информации, которые сочи-

нителю даны без всякого труда, — он знает их просто из своей текущей жизни. Пример: у сочинителя нет опасности вставить в свой текст цитату из автора, который еще не родился, или слово, которого в его время в языке еще нет; а имитатор от подобных ошибок совершенно не гарантирован. Его может уберечь от этого только точное знание; и таких элементов знания ему необходимо огромное количество. У сочинителя XII века нет ровно никакой заслуги в том, что он написал свое сочинение языком этого века, с диалектными особенностями той области, откуда он был родом, с орографией, принятой в его время в той среде, к которой он принадлежал, и т. д. Но имитатор, который хочет достичь того же результата через несколько веков, должен каким-то образом узнать и ни в какой момент не упускать из виду сотни вещей, о которых сочинитель никогда даже не задумывался.

Отметим еще одно важное для нас обстоятельство. Очень сильно различаются по трудности имитация единичных фактов и имитация системных фактов. Например, изображая деревенскую речь, имитатор может вставлять времена от времени несколько запомненных им словечек вроде *давеча* или *намедни* — это довольно просто. Гораздо сложнее правильно воспроизвести некоторое системное явление, скажем, яканье. Имитатор произнесет (или напишет) *бяда*, *дяревня*, но он вполне может вставить в свою речь и *пясать* вместо *писать*, а это уже неверно: *и* в действительности не существует в яканье. Подобные ошибки сплошь и рядом встречаются в литературных имитациях деревенской речи. Для непрофессионального читателя, впрочем, они не имеют значения, и на этом уровне можно считать, что имитатор достиг своей цели, т. е. определенной стилизации. Но если бы дело все-таки дошло до лингвистического контроля, то поддельность выяснилась бы мгновенно.

Вот яркий пример такого рода из творчества писателя, который по всемирному признанию обладал безмерной силой интуиции, — Федора Михайловича Достоевского. В романе «Братья Карамазовы» выведен среди прочих персонажей суровый монах-постник отец Ферапонт. Про него автор говорит, что он сильно окал («говорил с сильным ударением на *о*», как выражается Достоевский). А немного далее мы читаем: «А грузди? — спросил вдруг отец Ферапонт, произнося букву *г* приподыхательно, почти как хер». (Ясно, что таким образом здесь описание фрикативное [γ].)

Достоевский несомненно хотел показать читателю, что отец Ферапонт происходит из крестьян и необразован. Однако же в изображении речи Ферапонта он допустил прямую лингвистическую ошибку: оканье — черта северновеликорусская, а произнесение буквы *г* как [γ] — черта южновеликорусская. Тем самым у русского человека вместе они не соединяются — именно так говорящего Ферапонта в действительности быть не могло.

Конечно, для художественного произведения такая деталь — это всего лишь небольшая неточность, обычному читателю незаметная. Но если бы кто-то вздумал сочинить речь от лица крестьянина и выдать ее за подлинную, а при этом допустил бы ту же ошибку, что у Достоевского, то лингвист сразу же понял бы, что перед ним подделка.

Этот пример наглядно показывает, как мало шансов у имитатора, даже при большом таланте, достичь полного успеха в имитации текста на чужом диалекте, если речь идет не о том, чтобы произвести желаемое впечатление на публику, а о том, чтобы пройти профессиональный лингвистический контроль.

Такое же положение и с имитацией древнего текста. Легче всего вставить в текст взятые из подлинных па-

мятников необычные слова. Их можно набрать, даже не утруждая себя сплошным чтением объемистых летописей и т. п., — достаточно сделать выписки при просмотре. Совсем иное дело, когда требуется воспроизвести некоторую грамматическую закономерность, реализованную в выбранном памятнике, скажем, установить, по каким правилам в нем распределены комплексы типа *слышалъ еси* и типа *еси слышалъ*, и соблюсти эти правила в поддельном тексте. Здесь уже недостаточно не только беглого просмотра, но даже и полного прочтения памятника — необходимо провести специальное его исследование с данной точки зрения. Количество требуемого труда тут совершенно несопоставимо с заимствованием единичного слова.

Заметим, что с этой точки зрения позиция почти всех сторонников поддельности СПИ имеет следующую серьезнейшую слабость: в вопросах языка они ограничиваются только лексикой. И потому с легкой душой утверждают, что со стороны языка у Анонима не было особых проблем, так как все использованные им необычные древнерусские слова он мог взять из таких-то памятников.

Ниже мы стремимся уделять основное внимание тем аспектам языка, где как раз наиболее полно проявляется системность, — грамматике и фонетике.

В настоящее время усилиями большого числа исследователей язык СПИ изучен уже достаточно подробно. Общий вывод этих исследований таков: язык СПИ — правильный древнерусский XI–XII веков, на который наложены орфографические, фонетические (отчасти также морфологические) особенности, свойственные писцам XV–XVI веков вообще и писцам северо-запада восточнославянской зоны в частности.

В версии подлинности СПИ эта картина объясняется без всяких затруднений: текст СПИ был создан в

конце XII — начале XIII века и переписан где-то на северо-западе в XV или XVI веке. Проблема состоит в том, можно ли получить правдоподобное объяснение этой картины также и в рамках версии поддельности СПИ.

Если Аноним вообще существовал, то он безусловно стремился к тому, чтобы его произведение было принято за подлинное. Он хотел внушить читателям и будущим исследователям, что это произведение XII века, переписанное (с некоторыми искажениями) в XV или XVI веке.

Что касается тезиса Зимина о том, что автор не собирался никого обманывать², то, как уже указано в § 1, такая версия невероятна: в этом случае огромные усилия, положенные им на то, чтобы изучить и правдоподобно имитировать не только язык XII века, но также и орфографические, фонетические и морфологические эффекты, которые должны были возникнуть под пером переписчика XV или XVI века, нельзя объяснить уже ничем, кроме прямых психических повреждений. Эту версию можно в дальнейшем уже более не принимать во внимание.

При создании фальсификата перед Анонимом стояло по крайней мере две разных задачи: литературная и лингвистическая.

Литературная часть задачи Анонима состояла в том, чтобы из материала Задонщины и летописного рассказа о походе 1185 г. (взятого в основном из Ипатьевской летописи) создать литературное произведение, которое общество примет за древнее. Эта сторона проблемы более всего и обсуждалась литературоведами обоих лагерей. С нашей точки зрения, в этой сфере имеется

² Ныне такое же предположение мы находим и в последней книге Кинана (2003: 424).

целый ряд надежных и чрезвычайно показательных фактов, ведущих к тем же выводам, что и лингвистические аргументы, разбираемые ниже. Но, как уже указано, в настоящей работе мы не касаемся этой стороны дела, а ограничиваемся только лингвистической проблематикой.

Лингвистическая часть задачи Анонима, очевидно, должна была состоять в следующем:

- 1) создать текст, удовлетворяющий грамматическим и лексическим нормам языка XII века;
- 2) сымитировать эффекты орфографического, фонетического, морфологического и иного характера (включая ошибки), которыми обычно сопровождалось копирование древнего текста переписчиком XV–XVI века;
- 3) сымитировать диалектные эффекты, характерные для северо-западных писцов данного времени.

Мы знаем теперь, что эти конкретные лингвистические задачи решены в тексте СПИ в целом очень хорошо. Так что не может быть и речи о том, чтобы Аноним решал их наугад, придумывая недостающие грамматические и лексические звенья просто из головы. Он безусловно должен был обладать в этих вопросах вполне достоверными сведениями.

Откуда он мог почертнуть такие сведения?

Мыслимых путей только два: а) из грамматик и словарей; б) из собственных наблюдений над древними рукописями (или их изданиями), а также над современными славянскими языками и их народными говорами.

Первый путь в конце XVIII века (не говоря уже о более раннем времени) был в отношении грамматик предельно ограничен (см. об этом Исаченко 1941), а в отношении словарей еще практически закрыт: десятки слов, использованных в СПИ, не фигурируют ни в каких словарях того времени.

Но изучение древних рукописей, равно как изучение славянских языков и их говоров, в принципе было возможно — хотя, конечно, Аноним находился в этом отношении перед лицом ситуации, неизмеримо более трудной, чем теперь, когда и в то и в другое уже вложен труд сотен и тысяч исследователей и результаты их труда так или иначе опубликованы.

Все сказанное выше, казалось бы, уже само по себе подводит лингвиста к выводу о том, что версия поддельности СПИ крайне неправдоподобна. Но мы все же не будем на основе одних лишь общих соображений отрицать возможность успеха Анонима в его предполагаемой деятельности, а попытаемся внимательно и непредвзято рассмотреть возникающие в связи с этой проблемой конкретные лингвистические сюжеты.

Последующий разбор строится в основном в порядке названных выше лингвистических задач, которые должны были стоять перед Анонимом.

Общие сведения о рассматриваемых памятниках

§ 6. Лингвистический анализ СПИ следует предварить некоторыми замечаниями о его списках. Наши нынешние источники — первое издание, т. е. издание А. И. Мусина-Пушкина 1800 г. (условное обозначение П.), рукописная копия, изготовленная в 1795–1796 гг. для Екатерины II (Е.), выписки А. Ф. Малиновского (М.) и выписки Н. М. Карамзина (К.) — имеют между собой много мелких расхождений (согласно СССПИ, в 591 точке), в подавляющем большинстве случаев касающихся, правда, лишь орфографии. Из сравнения этих списков некоторые отличия погибшей рукописи от публикации ныне ясны. Так, в рукописи скорее всего

вообще не было буквы *i*, не различались *и* и *й*, предлог и приставка 'от' почти наверное записывались в виде *ѡ*, в начале слова, вероятно, писалось *ѡ*, а не *о*, встречалось (а может быть, даже было последовательно проведено) написание *оу* и несомненно присутствовали выносные буквы и написания под титлом. В публикации написания с выносными буквами и под титлом раскрыты — к сожалению, в соответствии с не очень высоким уровнем знаний издателя и с его не слишком скрупулезным отношением к деталям орфографии оригинала. Скажем, *рассоушა*^с (так в М.) передано в издании как *рассуяясь*. Между тем выносное ^с здесь почти наверное заменяло *са*, а не *сь* (последнее в аористах выступало крайне редко). Это значит, что различию *-ся* и *-сь*, а также, например, различию *-ть* и *-тъ*, *-мь* и *-мъ*, *же* и *жъ* и т. п., в публикации СПИ (равно как и в других его списках) непосредственно доверять нельзя. Конечно, определенные заключения об орфографии рукописи все же возможны, но лишь через призму сравнительного анализа разных списков.

Как уже указано в начале работы, цитаты из СПИ в принципе приводятся по первому изданию, но без обязательного соблюдения принятых в этом издании словоделения, заглавных букв и пунктуации. При этом, однако, могут быть использованы конъектуры; они отмечаются так: добавленные буквы — круглыми скобками, исправленные — угловыми. Единичные буквы могут быть взяты не из первого издания, а из Екатерининской копии; при цитировании это специально не отмечается. При желании установить более точно, откуда взят тот или иной элемент текста, надлежит обращаться к приложению.

Буквы *и* и *й* распределяются при цитировании не в соответствии с первым изданием, а по морфологическим правилам, и это специально не отмечается.

При рассмотрении Задонщины нам потребуется обращение к следующим ее спискам: КБ — Кирилло-Белозерский список (1470-е гг.); И-1 — 1-й список Исторического музея (XVI в.); И-2 — 2-й список Исторического музея (XVI в.); У — список Ундельского (XVII в.); С — Синодальный список (XVII в.).

Раннедревнерусские черты СПИ

§ 7. Языку СПИ посвящено значительное число работ; назовем лишь немногие наиболее важные: Потебня 1914, Каринский 1916, Соболевский 1916, 1929, Петерсон 1937, Обнорский 1939, 1946, Исаченко 1941, Якобсон 1948, Булаховский 1950, Тимберлейк 1999³. Из совокупности этих работ явствует, что язык СПИ в целом вполне соответствует древнерусским нормам XI–XII вв. (если отвлечься от явлений, которые объясняются как эффекты позднейшего переписчика [или переписчиков]).

Зашитники подлинности СПИ много сделали, чтобы выявить как можно более полный список таких морфологических и синтаксических явлений СПИ, которые характерны исключительно или преимущественно для раннедревнерусского периода. При этом они констати-

³ Почти все рассматриваемые ниже вопросы, связанные с языком СПИ, уже так или иначе обсуждались этими и другими авторами. В этих условиях давать в каждом случае историю вопроса означало бы удвоить объем книги и далеко отклониться от нашей основной задачи. Мы предпочли везде излагать непосредственно суть дела, обходясь минимумом ссылок и не подчеркивая каждый раз границ между нашими собственными соображениями и пересказом уже известных.

ровали, что в отношении этих явлений язык СПИ гораздо архаичнее языка Задонщины (ср., в частности, Котляренко 1966).

Последнее вне всякого сомнения верно. Однако, вопреки встречающемуся во многих работах утверждению, это еще не доказывает подлинности СПИ. Такая констатация опровергает лишь ту простейшую версию, что Аноним заимствовал из Задонщины не только содержание, но и языковую форму. Это опровержение, конечно, существенно. Действительно, указанную версию ныне несомненно следует признать неверной. И ниже мы уже вообще не будем больше ее рассматривать. Но Аноним вовсе не обязательно был так прост. В принципе он мог брать из Задонщины лишь содержание того или иного пассажа и «переводить» этот пассаж на язык каких-то подлинных памятников XII века⁴. Такими памятниками могли быть, например, относящиеся к XII в. части летописей.

Итак, цель защитников подлинности СПИ еще не достигается демонстрацией того, что язык СПИ — правильный раннедревнерусский. Ведь если Аноним умел сочинить грамотный текст на языке заданной эпохи, то эта демонстрация означает всего лишь комплимент его искусству.

Чтобы достичь такого результата, Аноним, по-видимому, должен был либо а) обладать точным научным знанием грамматики и лексики языка данной эпохи (извлеченным из имеющихся описаний и словарей или достигнутым на основе собственных наблюдений), либо

⁴ Сами «иконокласты», насколько можно судить, этой версии в отчетливой форме не излагают; но дело здесь просто в том, что они вообще довольно поверхностно относятся к языковой стороне проблемы. И серьезный *advocatus diaboli* должен изложить эту версию за них.

б) иметь очень большую начитанность в подлинных сочинениях данной эпохи и исключительные имитационные способности.

Как уже отмечено, для Анонима следует исключить возможность почерпнуть все необходимые знания из готовых грамматик и словарей. Но возможность самостоятельного научного анализа и/или имитации прочитанного в принципе остается. Как известно, есть люди, обладающие даром великолепно имитировать, скажем, речь своих знакомых или диалектную речь жителей определенной области (причем большинство из них, конечно, не сумело бы описать имитируемые идиомы в научных терминах). Существует и аналогичная способность имитировать письменный текст — например, у хороших пародистов. Поэтому теоретически не исключено, что человек с такими способностями, если он был хорошо начитан в подлинных древнерусских рукописях, мог написать текст, достаточно похожий по своим грамматическим и лексическим характеристикам на то, что он прочел.

Таким образом, необходимо не просто указать на присутствие в СПИ некоего древнего языкового явления, а установить, какими именно знаниями или уменьшениями должен был обладать Аноним, чтобы в его тексте оказался правильно воспроизведен соответствующий эффект.

Поэтому ниже мы не будем перечислять все архаичные черты языка СПИ (тем более, что это уже почти полностью сделано в существующих работах). Наличие таких черт само собой разумеется как в версии подлинности, так и в версии поддельности СПИ. Мы остановимся только на некоторых из таких черт, которые, с нашей точки зрения, все же могут кое-что дать для интересующей нас проблемы.

Двойственное число

§ 8. Вопрос о двойственном числе в СПИ уже достаточно хорошо проанализирован с интересующей нас точки зрения (см. прежде всего Исаченко 1941 и ИГДРЯ 2001: 186–192). А. В. Исаченко показал, что:

1) употребление двойственного числа в СПИ вполне соответствует морфологическим и синтаксическим нормам древнерусского языка XII в., а немногие отклонения сходны с теми, которые наблюдаются также в других памятниках;

2) такая картина не могла быть достигнута путем подражания Задонщине, поскольку в ней двойственное число за одним исключением вообще отсутствует;

3) предполагаемый фальсификатор не располагал грамматическими описаниями, которые позволили бы ему правильно построить все словоформы двойственного числа, использованные в СПИ; на основе имевшихся в его время грамматик он получил бы, в частности, в 1-м лице двойств. ошибочное *есма* (добавим к указаниям Исаченко: или *есва*), тогда как в действительности в СПИ выступает правильное *есвѣ*;

4) не мог он и непосредственно извлечь все эти словоформы из опубликованных к его времени летописей и других древних памятников: большинства этих словоформ там нет; следовательно, какие-то из них он неизменно должен был строить сам.

К этому разбору ныне можно добавить следующие детали.

В нарушение классических древнерусских норм в СПИ все словоформы И. дв. средн. имеют окончание *-a* (а не *-ѣ/-и*): *два солнца* 103; *ваю храбрая сердца въ жестоцемъ харапузѣ скованы*, *а въ буести закалена* 113. В традиционных памятниках такие формы появляются

лишь начиная с 3-й четверти XIII в. Но берестяные грамоты показали, что они существовали уже в XII в., ср. *дъва лѣта* (№ 113, 2-я пол. XII в.), *2 лѣкна* (№ 671, тоже время). Мы знаем теперь, что это очень ранняя инновация, начавшаяся на северо-западе не позднее XII в. (см. Зализняк 1993, § 22 и ДНД₂, § 3.12, конец) и в дальнейшем распространившаяся и на другие зоны.

Другое обстоятельство, заслуживающее особого внимания, состоит в том, что в некоторых пассажах СПИ формы двойственного числа (ниже даны жирным шрифтом) перемежаются формами множественного (ниже подчеркнуты), например: *О моя сыновчя Игорю и Все-володе! Рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити, а себѣ славы искати. Нъ нечестно одолѣсте, нечестно бо кровь поганую проліясте* 112. И далее в том же обращении к Игорю и Всеволоду: *Нъ рекосте: «Мужсаимѣся сами, преднюю славу сами похитимъ, а заднюю ся сами подѣлимъ!»* 116. Исаченко основной причиной считает здесь начавшееся уже в XII в. расщатывание категории двойственного числа.

Однако такое объяснение не согласуется с нынешними знаниями о статусе двойственного числа в древнерусском языке XII в. (см. ИГДРЯ 2001). В действительности множественное число могло появляться в ранних текстах вместо ожидаемого двойственного прежде всего потому, что автор не всегда имеет в виду только строго своих двух адресатов: он может мыслить их вместе со всеми, кого они возглавляют (дружиной, домочадцами и т. п.). При этом переход от одной авторской позиции к другой может совершаться очень легко. Примеры этого рода отчетливо обнаруживаются в берестяных грамотах; ср. в грамоте № 644 (1-я пол. XII в., письмо Нежки к брату Завиду, с упоминанием второго брата — Нежаты): *а не сестра а вамо, оже тако дѣлате, не исправите ми ничето же* (множ. число в мес-

тоимении *вамо* и в глаголах показывает, что Нежка имеет в виду и еще каких-то членов семьи или домочадцев); в грамоте № 603 (2-я пол. XII в., письмо к Гринину и Мирославу): *вы ведаета, оже а таже не добыле; тажа ваша* (словоформа *ваша* подразумевает участие еще каких-то лиц, кроме двух адресатов).

Далее, следует отметить императив 1-го лица множ. *мужсаимъся*. Исаченко допускает (как и некоторые другие комментаторы), что это испорченное 1-е лицо двойств. *мужсаи(в)ъся*. С нашей точки зрения, однако, для такого исправления текста СПИ нет достаточных оснований и в нем нет необходимости. Во-первых, во фразе *Мужсаимъся сами, преднюю славу сами похитимъ, а заднюю ся сами подѣлимъ!* не одна только эта словоформа, а все предикаты стоят во множ. числе, и это прекрасно согласуется с тем, что исполниться мужества и добыть воинскую славу должны не только два князя, но и все их воины. Во-вторых, при *мужсаимъся* (как и при последующих предикатах) стоит слово *сами* (множ. число); это значит, что нельзя предполагать здесь замену при переписке всего лишь одной буквы в предполагаемом первоначальном *мужсаивъся*, — речь может идти только о переводе всей фразы из двойственного числа в множественное. В-третьих, словоформа *мужсаимъся* находит прямую аналогию в *не проливаиме кръви* (Синодальный список НПЛ, [1137]⁵) и еще раз *а кръви не проливаиме* ([1216]; в Комиссионном списке *не проливаимя*). Что же касается записи глагольного окончания как *-мъ* (вместо *-ме*), то она не может здесь быть препятствием, поскольку переписчик СПИ явно имел некоторую склонность к замене *-е* на конце слова на *-ѣ*:ср. звательные формы *землѣ* (наряду

⁵ Здесь и далее при цитировании летописей в квадратных скобках указывается год, к которому относится цитата.

с земле), *Всеволодѣ* (наряду с *Всеволоде*), *Осмомыслѣ*, *вѣтрѣ*, И. мн. *ратаеътѣ* (ср. *дятлове*), аористы *высѣдѣ*, *утрѣнѣ* (вместо *высѣде*, *утрѣне*); фонетического различия между *e* и *ѣ* в данной позиции у него явно не было, а букву *ѣ* он, по-видимому, воспринимал как более престижную.

Этот конкретный пример не отменяет, конечно, того обстоятельства, что ошибки при переписке были возможны. В поздних списках с древних сочинений встречаются ошибки в употреблении двойственного числа, несомненно принадлежащие переписчику. См., например, ИГДРЯ 2001: 167 о заменах двойственного числа, стоящего в Синодальном списке НПЛ (XIII–XIV вв.), на множественное в Комиссионном списке (XV в.). То же в Ипатьевской летописи, например: *и досыти ми пересердия оучинила еста* (Ипат., основной список, [1148], л. 133 об.), *и тако 旣ложиста ѿба* ([1160], л. 180) — в Хлебниковском списке XVI в. *оучинили есте, 旣ложиша.*

Поэтому было бы почти невероятно, чтобы переписчик СПИ решительно нигде не ошибся в копировании древних форм двойственного числа. И действительно, некоторое число таких ошибок (впрочем, небольшое) в СПИ имеется. Так, почти наверное переписчику принадлежит множ. число в *тии бо два* 88 и *отецъ ихъ* 88 вместо двойств. *та бо два, отецъ ею*; вероятно, так же следует интерпретировать *лебедиными крылы* 76 (вместо *лебединыма крылома*) и *vasъ* 133 (вместо *ваю*). К числу других погрешностей при копировании форм двойств. числа следует отнести *убуди* 88 вместо *убудиста* (вероятно, не без влияния трех других *убуди* в предшествующих частях текста) и *съ нимъ* 103 вместо *съ нима*; возможно, еще *подастъ* 103 (ср. также ниже о вероятной вставке слова *два* в *тии бо два храбрая Святъславича*).

Для любой из этих ошибок можно указать аналоги в рукописях XV–XVI веков. Ср., например: *а тѣ два брата Ахматова* (Уваровская летопись XV в., л. 199), где *тѣ* — форма множеств. числа; *Іѡанъ же и Симонъ пристави блюсти выхода* (Флав., 446б), где *пристави* — ошибка вместо двойств. числа *пристависта* (и действительно, в других списках здесь стоит *пристависта*).

Таким образом, картина употребления двойственного числа в СПИ соответствует реальному узусу XI–XII веков и реальному облику поздних списков даже в большей степени, чем полагал А. В. Исаченко.

Следует также особо отметить, что в СПИ имеется целый ряд примеров употребления двойственного числа без числительного для предметов, не обладающих природной парностью: *ту ся брата разлучиста* 71; *уже соколома крильца притѣшили* 102; *молодая мѣсяца* 103; *о моя сыновчя* 112; *ваю храбрая сердца* 113; *вступита, господина...* 129; *своя бръзая комоня* 191. В истории русского языка этот тип употребления двойственного числа имен исчезает раньше всех прочих. В позднедревнерусский период употребление числительного в таких сочетаниях становится практически обязательным. Заметим, что несколько примеров с числительным есть и в СПИ: *тии бо два храбрая Свѧтъславича* 88; *се бо два сокола слѣтѣста* 102; *два солнца помѣркоста* 103; *оба багряная столпа погасоста* 103. Но в последних трех примерах числительное (*два* или *оба*) несет и некоторую собственную функцию, помимо дублирования двойственного числа в существительном, чем и оправдывается его присутствие. Лишь один пример: *тии бо два храбрая Свѧтъславича* — составляет в этом смысле исключение и выглядит как позднедревнерусский: раннедревнерусская норма требовала бы здесь просто *та бо храбрая Свѧтъславича*. Но в

этой фразе уже есть заведомая неправильность в виде *тии* вместо *та* (ср. выше), и можно полагать, что вся ее начальная часть на каком-то этапе подверглась искажению (а именно, «модернизации»).

Можно отметить в СПИ и такой необычный случай употребления двойственного числа, как форма *рекоста* во фразе *рекоста бо братъ брату*: «*се мое, а то мое же*» 77, где выбор числа сказуемого определяется непосредственно смыслом, а не формальным согласованием со стоящим в единственном числе подлежащим (*братъ*). Возможно ли было такое в древнерусском? Не ошибка ли это позднего сочинителя? Оказывается, не ошибка. Вот подлинная древнерусская фраза точно такой же структуры: *а Вячеславъ къ Изяславу начаста ладитисѧ* 'а Вячеслав и Изяслав начали договариваться друг с другом' (Ипат. [1150], л. 145).

Если попытаться подыскать среди рукописей XV–XVI вв. такие, где ситуация с двойственным числом наиболее похожа на СПИ, то хорошими кандидатами оказались бы «История Иудейской войны» Иосифа Флавия (переведенная в XI–XII вв., в списке последней трети XV в.) и Киевская летопись по Ипат. (т. е. летописные записи XII в. в списке первой четверти XV в.). И совершенно не подошли бы на эту роль тексты, сочиненные в XV–XVI вв., например, Задонщина, «Повесть о взятии Царьграда турками», «Хожение за три моря» Афанасия Никитина, любые летописные записи за сами эти века (во всех этих памятниках двойственного числа уже просто нет или почти нет), или такие сочинения, ближе стоящие к церковной традиции, как, скажем, «Повесть о Петре и Февронии» (где двойственное число есть, но употребляется бессистемно и в половине случаев неправильно).

Общий вывод Исаченко, который он делает с учетом уровня филологии XVIII века (и в молчаливом предположении, что мистификатор пользовался только опубликованными текстами): подделкой наблюдаемая в СПИ картина употребления двойственного числа быть не может.

На уровне обычного практического здравого смысла с ним нельзя не согласиться.

Остается, однако, еще тот абстрактный уровень рассуждения, когда не принимаются во внимание ограничения, связанные с практической жизнью, и не исключаются никакие предельные и маловероятные случаи — в частности, допускается, что Аноним был одарен способностями, многократно превосходящими способности обычных людей, и был готов вложить сколь угодно громадный труд в дело создания своего фальсификата. Рассуждая на этом уровне, мы должны допустить, что в принципе Аноним мог познакомиться с любой рукописью, лежащей в любом монастырском или ином храмилище (кроме разве что берестяных грамот). А если при этом он был гениальным лингвистом или гениальным имитатором, то для него не было неразрешимой проблемой овладеть на основе анализа этих рукописей (или путем их имитации) всеми теми тонкостями древнерусского двойственного числа, о которых шла речь.

Придется, конечно, допустить, что он был очень и очень не прост. Изучая рукописи, он сумел понять, что руководства ошибаются в отношении словоформ *есма* и *есва*: в древнейших рукописях он нашел на их месте *есвѣ*. Но если бы он всегда действовал этим методом, то неминуемо пришел бы к выводу, что двойственное число от *сердце* — это *серди*: в главнейших древнерусских рукописях, откуда он почерпнул все остальные свои морфологические знания, это действительно имен-

но так. Как уже отмечено выше, словоформы на *-а* типа *сердца* и *солнца*, которые он вставил в СПИ, встречаются только в более поздних рукописях, а из по-настоящему древних — только в берестяных грамотах. И нам придется предположить, что тут Аноним по какой-то таинственной причине решил отказаться от своей грамматической ориентации на такие памятники, как Ипат. или Лавр., и для одной грамматической формы — И. В. дв. средн. — взял в качестве образца некий более поздний памятник.

Итак, в вопросе о двойственном числе мы приходим к тому, что уже в связи с одним лишь этим частным сюжетом версия поддельности СПИ необходимым образом требует допущения гениальности его создателя.

Энклитики

§ 9. В отличие от таких традиционных объектов грамматических исследований, как двойственное число, древнерусские энклитики (т. е. безударные слова, примыкающие к предшествующему слову) привлекали сравнительно мало внимания историков языка. Даже вопрос о самом инвентаре энклитик, т. е. о том, какие именно словоформы относились в древнерусском языке к этой просодической категории, до недавнего времени был еще не решен. Например, не было известно, что энклитиками были связки *есмь*, *еси* и т. д. Не были изучены и закономерности размещения энклитик в составе древнерусской фразы. Между тем мы знаем теперь, что в этой сфере действовали очень точные синтаксические механизмы. Поэтому вопрос о том, соблюdenы ли эти механизмы в СПИ, может иметь первостепенное значение для выяснения времени создания этого текста. Важные замечания по поводу энклитик в

СПИ имеются в работах Якобсон 1948 и 1966; ниже этот вопрос рассматривается более полно.

Древнерусские энклитики делятся на два типа — основной и специальный. Энклитики основного типа (их большинство) в нормальном случае относятся по смыслу к фразе в целом (или, что равносильно, к сказуемому); их позиция во фразе определяется так наз. законом Вакернагеля, о котором см. ниже. Энклитики специального (или «невакернагелевского») типа относятся по смыслу кциальному слову (но не к сказуемому); они не подчиняются закону Вакернагеля, а располагаются просто непосредственно после того слова, к которому относятся.

Закон Вакернагеля

Закон Вакернагеля в своем наиболее общем виде гласит, что в древних индоевропейских языках энклитики (основного типа) располагаются так, что они составляют конечную часть первого фонетического слова (= тактовой группы) фразы. (Если пожертвовать некоторыми деталями, то можно это сформулировать и проще: располагаются непосредственно после первого полноударного слова фразы.) Применительно к славянскому материалу см. в первую очередь Якобсон 1935.

Для точного описания действия закона Вакернагеля в конкретном языке определенной эпохи необходимо зафиксировать следующее:

- 1) какие именно отрезки речевой цепи являются с точки зрения закона Вакернагеля «фразами», т. е. единицами, внутри которых отыскивается первое фонетическое слово;
- 2) какие именно словоформы являются энклитиками основного типа (их список всегда строго ограничен и сравнительно невелик);

3) в каком порядке располагаются энклитики в цепочке из нескольких энклитик (этот порядок почти всегда бывает жестким).

В древнерусском языке закон Вакернагеля действовал; см. об этом Зализняк 1993 (раздел «Место энклитик в предложении и их порядок» = §§ 62–75), где выявлены все три указанных аспекта действия данного закона. Там же установлены (на широком древнерусском материале) так наз. ранги энклитик, т. е. номера позиций, которые занимает конкретная энклитика в случае соединения энклитик друг с другом (скажем, энклитика 2-го ранга при таком соединении всегда стоит левее энклитики 3-го ранга).

Необходимо учитывать, однако, что соблюдение закона Вакернагеля было свойством живой древнерусской речи. На письме же соответствующие эффекты отражались лишь в той степени, в которой памятник приближался к живой речи (так, в берестяных грамотах они отражаются почти безупречно). Но как раз в ряде пунктов, связанных с реализацией этого закона, искусственная церковнославянская норма не совпадала с живой речью; например, по этой норме связки *есмъ*, *еси* и т. д. могли трактоваться как полноударные (а не энклитические) словоформы и, соответственно, ставиться практически в любую точку фразы.

Отсюда следует, что если в некотором письменном памятнике закон Вакернагеля соблюден плохо, то это еще мало что значит: за этим может стоять как плохое владение живым языком, так и стремление следовать церковнославянским нормам. Напротив, если этот закон соблюден в памятнике хорошо, то это чрезвычайно информативно: случайно такой сложный эффект возникнуть не может, следовательно, перед нами правильное отражение действующих механизмов древнерусского языка.

§ 10. Рассмотрим теперь материал СПИ по энклитикам.

Энклитики основного типа, представленные в СПИ, таковы (их ранги указываются в соответствии с работой Зализняк 1993): ранг 1 — *же* (*жъ*), 2 — *ли*, 3 — *бо*, 4 — *ти* (частица), 5 — *бы*, 6 — местоимения Д. падежа *ми*, *ти*, *ны*, 7 — местоимения В. падежа *мя*, *ся*, 8 — связки *еси*, *есвѣ*, *еста*. (Энклитика *то* относится к специальному типу.)

Об еще одной энклитике, которая представлена в СПИ, а именно *нъ*, см. отдельно в работе «О чтениях...», § 2.

Будем различать действие закона Вакернагеля: а) в основном варианте — непосредственно соответствующем данному выше определению; б) в осложненном варианте — когда в роли отрезка, в рамках которого реализуется данный закон, выступает не вся фраза целиком, а лишь та ее часть, которая стоит правее так наз. ритмико-синтаксического барьера (см. об этом понятии Зализняк 1993, § 66; примеры см. ниже, в § 11–12).

В дальнейшем разборе мы отделяем от прочих энклитику *ся*, поскольку ее поведение в древнерусском языке особое. Прочие энклитики (более 60 примеров) ведут себя в тексте СПИ так.

Все они, кроме *еси*, во всех случаях расположены в точном соответствии с законом Вакернагеля, причем в его основном варианте. Ограничимся немногими примерами: *Почнемъ же, братie ... 6;* *Не ваю ли храбрая дружина ... 128;* *Боянъ бо вѣщій ... 3;* *Тяжко ти голovy, кромѣ плечю 210;* *Аже бы ты былъ ... 125;* *Что ми шумить, что ми звенить? 68;* *Оба есвѣ Свѧтъ-славличя 20;* *Рано еста начала ... 112.*

Во всех случаях, когда возникает скопление энклитик, они стоят в СПИ в порядке их рангов, т. е. именно

так, как требует соответствующее древнерусское правило: *Луце жь бы потяту быти ... 10* (же, ранг 1 + бы, ранг 5); *Начати же ся тъй пѣсни ... 2* (же 1 + ся 7); *Мало ли ти бяшетъ ... 175* (ли 2 + ти 6); *Не лѣпо ли ны бяшетъ ... 1* (ли 2 + ны 6).

Не подпадают под закон Вакернагеля в его основном варианте только представленные в СПИ примеры словоформы *еси*. Здесь, правда, нужно прежде всего вообще исключить из рассмотрения фразу *О Русская земле, уже за шеломянемъ еси!* (32, 47): в этой фразе *еси* — не энклитика, а полноударная словоформа со значением ‘находишься’. Ср. заведомо не энклитический характер словоформы *суть* в значении ‘имеются, находятся’: *Суть бо у ваю желѣзныи папорзи подъ шеломы латинскими* 135.

Далее, не является нарушением нормы фраза *Свѣтлое и тресвѣтлое слѣнце! Всѣмъ тепло и красно еси ... 182*, где отрезок *Всѣмъ тепло и красно еси* содержит два однородных именных сказуемых. В таких случаях связка и другие энклитики, относящиеся одновременно к обоим сказуемым, обычно ставятся при первом сказуемом, но могут ставиться и при втором. Вот некоторые примеры такого же положения связки, как во фразе из СПИ: *а юзъ Бжсии и твои есь со всимъ Галичемъ* (Ипат. [1190], л. 231); *и трезвиса о всемъ, юко макокъ и младъ еси* (Жит. Андр. Юрд., С31); *но и сами бо- (го)лиши и бунаци юсте* (там же, л. 19а).

Остаются лишь два примера, которые можно рассматривать как нарушения закона Вакернагеля (они содержатся в одном и том же пассаже из плача Ярославны и совершенно однотипны): *О Днепре Словутицю! Ты пробиль еси каменныя горы сквозѣ землю Половецкую; ты лелѣялъ еси на себѣ Святослави носады до плѣку Кобякова ... 178–179.*

Эти примеры допускают несколько различных объяснений.

По обычной древнерусской норме местоимение *ты* здесь, вообще говоря, излишне. Однако, например, в Киевской летописи (по Ипат.), с которой СПИ, как известно, обнаруживает многочисленные и явно неслучайные сходства, местоимение (*и́зъ*, *ты*, *мы*) в подобных случаях иногда все же присутствует, причем в части таких примеров положение связки — такое же, как в рассматриваемых фразах СПИ; ср. *Ты мои еси а́йць* (Ипат. [1150], л. 151 б); ... *ты съль еси* ([1174], л. 204 б); *Мы гости есме твои* ([1150], л. 150б); *Азъ Изаславъ есмъ, кн́зъ вашъ* ([1151], л. 158б). Возможно, в таких случаях местоимение не опущено в связи с тем, что оно несет некоторую эмфазу, а тогда после него возможен ритмико-синтаксический барьер, которым и объясняется позиция связки. Эмфаза не исключена и во фразах из СПИ (если понимать их как 'это ты пробил...', 'это ты укачивал...').

Другая возможность состоит в том, что позиция *еси* в этих фразах СПИ, равно как и в аналогичных фразах из Ипат., есть просто дань церковнославянской норме, которая допускает несоблюдение закона Вакернагеля (см. об этом § 9).

Но наиболее правдоподобно предположение о том, что в первых двух примерах из СПИ словоформа *ты* (вообще или по крайней мере в позиции перед глаголом) принадлежит не оригиналу, а переписчику. Дело в том, что в Задонщине в соответствующих фразах словоформы *ты* нет или она стоит правее и тем самым закон Вакернагеля полностью соблюден: а) вообще без *ты* — *Доне, Доне, быстрая рѣка, прорыла еси горы каменныя, течеши в землю Половецкую* (список И-1, аналогично И-2 и С); *Доне, Доне, быстрый Доне, прошелъ еси землю Половецкую, пробилъ еси берези хара-*

ужныя (список КБ); б) с другим положением *ты — Доне, Доне, быстрая река, прорыла еси ты каменные горы и течеши в землю Половецкую* (список У).

Энклитика ся

§ 11. Обратимся теперь к намного более сложному вопросу — о месте энклитики *ся*. Основное противопоставление здесь — препозиция *ся* (т. е. положение левее глагола) или его постпозиция (положение правее глагола).

В истории русского языка расположение *ся* во фразе проходит весьма непростую эволюцию. В общих чертах ее можно описать так.

В живом древнерусском языке XI–XII веков место *ся* определялось общими правилами для энклитик, т. е. законом Вакернагеля и правилами о барьерах (ограничивающих тот отрезок фразы, к которому будет применен данный закон).

Но в письменных памятниках ситуация была сложнее.

В старославянских и ранних церковнославянских памятниках закономерности расположения энклитик, свойственные живому языку, отражались лишь в очень ограниченной степени. В частности, *ся* в подавляющем большинстве случаев ставилось непосредственно после глагола. Например, в Мариинском евангелии *са* в препозиции встретилось всего 32 раза, что составляет 2,7% от общего числа *са*, в Путятиной минее — 18 раз (2,3%).

Максимально близкое отражение живой речи представлено в берестяных грамотах. В раннедревнерусский период (XI – начало XIII в.) на препозицию здесь приходится 50% всех примеров *са*. Близко к ранним берестяным грамотам стоит прямая речь светских лиц

в Киевской летописи за XII в. по Ипат. (хотя здесь все же в какой-то мере сказывается эффект переписки в XV в.). Эти два источника мы ниже будем обозначать как «образцовые с точки зрения закона Вакернагеля» (сокращенно просто: «образцовые»).

Здесь необходимо обратить особое внимание на то, что Киевская летопись по Ипат. отчетливо делится в данном отношении (как и в ряде других) на два компонента, вклинивших один в другой: а) прямая речь светских лиц; б) авторская речь летописца и прямая речь церковных лиц (сюда же входят покаянные и молитвенные речи, вложенные летописцем в уста светским персонажам)⁶. Ниже мы будем называть эти два компонента просто прямой речью и авторской речью. Насколько существенно их различие, мы увидим из таблицы в § 12. Без указанного разграничения данные Киевской летописи оказались бы смазанными и малопоказательными.

Церковнославянские памятники этого периода, за немногими исключениями, обнаруживают примерно такую же картину, как в старославянских евангелиях. Так, в Мстиславовом евангелии препозиция *ся* встречается немного чаще, чем в Мариинском (ср. здесь, например, *иже сѧ исказиша сами* Матф. 19.2, *того сѧ оубоите* Лк. 12.5 при *иже исказиша сѧ сами, того оубоите сѧ* в Мариинском). Но, например, в таком памятнике русского происхождения, как Житие Феодосия, доля препозиции *ся* даже ниже, чем в старославянских евангелиях.

⁶ Эта особенность, отличающая Киевскую летопись почти от всех других летописей (в том числе от Галицко-Волынской летописи, тоже входящей в Ипат.), связана с тем, что здесь послания князей друг к другу цитируются почти буквально (возможно, иногда с прямым использованием соответствующих грамот), а не перелагаются на стиль летописца.

Берестяные грамоты, с одной стороны, и старославянские тексты (и подобные им), с другой, образуют в отношении энклитики *с я* два полюса, между которыми располагаются прочие памятники.

В позднедревнерусский период в живой речи появляется тенденция к более частой постановке *с я* после глагола. Ее можно интерпретировать также как тенденцию к более широкому использованию факультативных барьеров. Закон Вакернагеля еще не исчез, но сфера его применения оказывается заметно суженной. В поздних берестяных грамотах (XIII – 1-я пол. XV в.) на препозицию приходится 29% всех примеров *с я*.

Дальнейшее развитие этой тенденции приводит к современному русскому состоянию, когда *с я* уже может стоять только непосредственно после глагола и неотделимо от него. Закон Вакернагеля (по крайней мере в отношении *с я*) уже более не действует.

В нецерковных памятниках XV века и более поздних *с я* уже обычно ведет себя почти так же, как в современном языке. Например, в Задонщине препозиция *с я* встретилась всего один раз (в одном списке), в «Повести о взятии Царьграда турками» — четыре раза. Лишь в некоторых памятниках этого периода (например, в «Хожении за три моря» Афанасия Никитина) следы старого состояния более значительны.

Церковнославянские памятники сохраняют прежнюю традицию, т. е. в них препозиция *с я* в принципе возможна, но используется весьма редко.

Таким образом, если отвлечься от жанров и стилей, то история препозиции *с я* внешне выглядит довольно своеобразно: минимумы здесь представлены как в самый древний, так и в поздний период, а максимум отмечается в XI–XII вв. (в некоторой части текстов).

В СПИ *с я* встретилось 34 раза, из них в препозиции 11. Таким образом, даже по самой грубой оценке СПИ

оказывается близким к берестяным грамотам. Но ниже будут применены и более точные оценки.

Особое явление, представляющее для нас значительный интерес, — так называемое двойное ся. Оно состоит в том, что *ся* выступает дважды — как в пропозиции, так и в постпозиции. В СПИ оно представлено во фразах: *Вежи ся Половецкіи подвизащася* 187; *а древо с(я) тугою къ земли преклонилося* 74.

В грамотах (как берестяных, так и пергamenных) это явление наблюдается только начиная со 2-й половины XIV в.⁷ (см. Зализняк 1993, § 71); ср., например, в берестяных грамотах: *мнѣ сѧ не можетса* (№ 124, XV в.), *а то сѧ диялось седнѣ во велики днъ* (№ 154, XV в.). Эти примеры показывают, что данное явление могло быть свойственно и живой речи.

Но двойное ся встречается также в списках с древних оригиналов; ср., например, в Ипат.: *тамо сѧ на лѣзесѧ моужь родомъ Половчинъ именемъ Лаворъ* ([1185], л. 226 об.); *и нѣльзѣ бы ны сѧ с ними тою рѣкою битъся полко^м* ([1148], л. 132 об.); *и пакы како сѧ по на^с юлась Рускаꙗ земла всѧ* ([1151], л. 152 об.; в слове *юлась* буквы *съ* соскоблены). В этих случаях второе *сѧ* (при глаголе), очевидно, следует относить на счет позднего переписчика (в последнем случае он, возможно, сам заметил свою ошибку).

§ 12. Чтобы точнее установить место СПИ среди других памятников в вопросе о поведении *ся*, нам пришлось произвести некоторое исследование.

Для изложения его результатов необходимо вначале дать ряд сведений на более техническом языке.

⁷ Единственный более ранний пример (в берестяной грамоте XII века № 227) ненадежен.

Предварительные пояснения. Отрезок, стоящий в предложении левее глагола (если таковой вообще имеется), может представлять собой единую непосредственную составляющую предложения или включать в себя несколько составляющих (не входящих одна в другую). Пример первого рода: единая составляющая *два солнца в два солнца помъркоста*; пример второго рода: составляющие *чръныя тучя и съ моря в чръныя тучя съ моря идутъ*.

Таковая группа (= фонетическое слово) содержит основное слово (базис), к которому могут примыкать проклитики (слева) и энклитики (справа).

Важный для нас особый частный случай состоит в том, что базисом может стать и проклитика (в результате чего образуется проклитико-энклитическая таковая группа, например, *да ся*). Иначе говоря, проклитики могут вести себя в просодическом отношении двояко: объединяться в единую таковую группу со следующим знаменательным словом или принимать на себя роль базиса начальной таковой группы (и тем самым притягивать к себе энклитики).

Пусть имеется фраза F, содержащая некоторую словоформу возвратного (т. е. имеющего при себе *ся*) глагола R. Если R — неличная форма, возьмем это R со всем, что ему подчинено; в прочих случаях возьмем всю фразу F. Если во фразе F несколько сказуемых, возьмем не всю фразу, а только группу сказуемого, включающую R. Если взятый отрезок начинается с обращения, отбросим обращение. Если в нем левее R имеется вопросительное или относительное местоимение или наречие, отбросим всё, что стоит левее этого местоимения (наречия). Полученный отрезок обозначим как P⁸.

Ниже охарактеризованы те категории случаев, которые нам потребуется различать при изучении позиции энклитики

⁸ В небольшом числе случаев (ниже каждый раз оговариваемых) мы рассматриваем также «усеченные Р», т. е. такие, где отброшен более крупный начальный отрезок (например, *въ княжихъ крамолахъ* во фразе *Въ княжихъ крамолахъ вѣци чловѣкомъ скратиша*); но описать правила такого отбрасывания в формальных терминах было бы слишком сложно.

ся. Желая избежать слишком дробного членения, выделяем всего восемь таких категорий; мы будем называть их разрядами. Но в силу этого их характеристики оказываются довольно сложными: в них может участвовать много разных признаков. Ниже способ их выделения представлен в виде древовидной классификации. (Разряды занумерованы так, как удобно для последующего разбора; их номера не соответствуют порядку их появления в классификации.)

I. Если Р начинается с проклитико-энклитической тактовой группы, то такое Р попадает в разряд 5.

Если Р начинается с R (проклитики, кроме подпадающих под предыдущий пункт, не в счет), то это разряд 1.

Если Р начинается иначе, то:

II. Проверяем грамматическую форму R.

Если это инфинитив и он либо подчинен другому глаголу (*можетъ битися*), либо является подлежащим (*не лъзѣ битися*), то это разряд 2.

Если это причастие в нечленной форме, то это разряд 7.

Если это причастие в членной форме или супин, то это разряд 8.

Если это личная форма или инфинитив, не попадающий в разряд 2, то:

III. Проверяем в Р первую по порядку непосредственную составляющую⁹.

Если эта составляющая включает более одной тактовой группы, то это разряд 6.

Если она равна одной тактовой группе, то:

IV. Проверяем базис (опорное слово) начальной тактовой группы.

Если это местоимение или местоименное наречие, то это разряд 3.

Если это неместоименное знаменательное слово, то это разряд 4.

⁹ Группа из существительного и определения к нему (независимо от места определения) при этом рассматривается в целом (т. е. как единая составляющая).

Рассмотрим разряды по порядку. Для удобства им даны условные ярлыки. Эти ярлыки лишь весьма приблизительно указывают на свойства разряда; но это не опасно, так как точным определением разрядов служит данная выше классификация.

Символом // обозначается ритмико-синтаксический барьер. Но мы применяем здесь этот знак не систематически, а только там, где на это требуется обратить специальное внимание. Напомним, что в нормальном случае препозиция *ся* имеет место в тех фразах с неначальным положением глагола, где перед глаголом нет барьера, постпозиция — в тех, где он есть. Ниже мы для удобства читателя везде, где возможно, говорим не о барьерах, а прямо о препозиции или постпозиции *ся*.

Разряд 1 (начальный глагол). Это тривиальный случай: во всех памятниках *ся* всегда стоит в постпозиции. В частности, в СПИ находим: *То расѣкашется мыслю по древу* 3 (союз *то* — проклитика); *Напльнився ратнаго духа* 7; *И рассущася стрѣлами...* 37; *Бишася день, бишася другый* 70; *И падеся Кобякъ...* 89; *Мужсаимѣся сами* 116; *И дотчеся стружіемъ зата стола кіевскаго* 154; *Обѣсися синѣ мъглѣ* 155; *Въ(з)връжеся на бръзъ комонъ* 189; *Плачется мати Ростиславля* 198; *Въются голоси...* 212; то же с участием энклитики *же*: *Начати же ся тѣй пѣсни* 2.

Поскольку в тривиальном случае никаких проблем нет, мы далее уже больше не будем им заниматься.

Разряд 2 (инфinitив). Для образцовых источников нормой является препозиция ся. Примеры: берестяные грамоты — *могоу са съ тобою ати на водоу* (№ 238, нач. XII в.); *не моги сѧ ослушати* (№ 779, XII в.); Ипат. — *нѣ лзѣ ми сѧ с тобою радити* ([1150], л. 144 об.), *годно ти сѧ с ни^м оумирити, оумириши сѧ* ([1154], л. 170 об.), *ци боудеть ны сѧ соудити пред Бѣ 'предстоит ли нам судиться перед Богом'* ([1151], л. 155).

Материал СПИ. Препозиция: *A чи диво ся, братie, стару помолодити* 117. Что касается союза *чи* (*ци*), то его просодический статус здесь такой же, как в приведенной выше фразе из Ипат., где позиция энклитик *ны са* показывает, что *ци боудеть* — это единая тактовая группа, т. е. что *ци* — проклитика. Что касается положения *ся* перед обращением, ср., например: *ты са, ѿце, не труди* (Ипат. [1150], л. 145).

Разряд 3 (начальное местоимение). Для образцовых источников нормой является препозиция ся. Это самая характерная сфера применения препозиции. Примеры: берестяные грамоты — *а въ томь ми са не исправиль въ борзѣ* (№ 724, 1160-е гг.), *а чемоу са гнѣваеши* (№ 605, нач. XII в.), *а азо ти са отоплач8* (№ 829, XII в.); Ипат. — *а ту са сождемъ* ([1150], л. 149 об.), *тобѣ са оуже не ворочати, ни мнѣ* ([1152], л. 163 об.).

Материал СПИ. Препозиция: *Ту ся копіемъ прилагати* 46; *Ту ся саблямъ потручиши* 46; *Ту ся брата разлучиста...* 71.

Разряд 4 (начальное знаменательное слово). В образцовых источниках преобладает препозиция ся. Примеры: *а ныне са дроужина по ма пороучила* (берестяная грамота № 109, нач. XII в.); Ипат. — *лѣпле са с нимъ оулади* ([1147], л. 126 об.), *моложьшему са не поклоню* ([1151], л. 155 об.), *и с Лахы са есмъ за нь биль* ([1152], л. 162 об.). Особо отметим примеры с начальным подлежащим (где препозиция представлена несколько реже): *а Мѣстата са вама покланя* (берестяная грамота № 422, XII в.); Ипат. — *рѣкы са смерзываютъ* ([1150], л. 147 об.), *снѣ ти са кланяеть* ([1151], л. 157).

Но встречается также и постпозиция (как следствие появления факультативного барьера после начальной тактовой группы), например: Ипат. — *оуже ѿбъявихом-*

сѧ Ростиславичемъ ([1180], л. 216 об.) (ср. возможность препозиции при таком же начале: *оуже сѧ єсмы изнемоглѣ —* [1185], л. 226), *с людми оутвердисѧ* ([1154], л. 170 об.). То же при начальном подлежащем: *а въжники творатесѧ въдавоше Собыславоу цетыри гривне* (берестяная грамота № 550, XII в.), *Половци ѿборотилиса противоу Роускимъ кнѧземъ* (Ипат. [1183], л. 221 об.).

Материал СПИ. Препозиция: *На ниче ся годины обратиша 120; Нъ ро^зн>о ся имъ хоботы пашуть 166; а заднюю ся сами подѣлимъ 116;* сюда же [*И съ нимъ молодая мѣсяца, Олегъ и Святъславъ*] // *тъмою ся поволокоста 103* (здесь после длинной начальной части явно имелся барьер). Также с начальным подлежащим: *и древо с(я) тугою къ земли прѣклонило 199.*

Двойное *ся* (с начальным подлежащим): *а древо с(я) тугою къ земли преклонилос(я) 74.*

Постпозиция: *Уже снесеся хула на хвалу 106; Уже връжеса Дивъ на землю 108.* Также с начальным подлежащим: *Тоска разліяся по Руской земли 85; Солнце свѣтится на небесѣ 211.*

Замечание. В СПИ фраза из 74 и 199 (одна и та же) оказалась затмнена тем, что в издании в 199 ошибочно прочтено *Уныша цвѣты жалобою, и древо с тугою къ земли прѣклонило 199* (где *ся* вообще отсутствует) и *Ничить трава жалоющами, а древо с тугою къ земли преклонилос(ь) 74.* В рукописи в обоих случаях несомненно стояло *древо^стугою*. Исправление *с* на *с(я)* сделано здесь уже в работе Якобсон 1948, но, увы, не попало в СССПИ. Между тем это одно из самых надежных исправлений во всем СПИ: ср. отсутствие предлога перед *тугою* в *А древеса тугою к земли преклониша* в Задонщине (список И-2) и отсутствие предлога во фразах *Уныша цвѣты жалобою* и *Ничить трава жалоющами*, образующих с нашей фразой совершенно очевидную парал-

лельную конструкцию¹⁰. Заметим, что *древеса* вместо *древо* в Задонщине — вероятно, косвенный след точно такой же записи *древо^cтугою*.

Здесь необходимо подчеркнуть следующее: наличие в этом и других разрядах как примеров препозиции, так и примеров постпозиции не означает, что между теми и другими не было вовсе никакого различия. Разница в том, придавал ли говорящий первой тактовой группе некоторый дополнительный вес (и тогда после нее возникал ритмико-синтаксический барьер, что вело к постпозиции *ся*) или никак ее специально не выделял. Так, во фразах *уже снесеся хула на хвалу*, *уже връжеса Дивъ на землю* слово *уже*, по-видимому, подчеркнуто, будучи по смыслу равносильно целому предложению ('уже случилось вот что') — в отличие, например, от *оуже ся есмы изнемоглъ* из Ипат. Но мы не хотим здесь обращаться к такой непроверяемой сфере, как намерения говорящего, и поэтому просто констатируем наличие примеров обоего рода.

Разряд 5 (проклитико-энклитический комплекс). Этот разряд носит особый характер; сюда попадают те случаи, когда союз или другая проклитика (в частности, частица *да*, слово *се* 'вот') принимает на себя роль базиса начальной тактовой группы (и тем самым притяги-

¹⁰ К сожалению, это далеко не единственный пример того, как из-за установок советского времени совершенно убедительное грамматическое или лексическое решение, полученное за пределами СССР, не только не принято, но даже не упомянуто в СССПИ. В результате этот словарь-справочник, который в принципе мог бы послужить общим сводом всех (или хотя бы всех небессмысленных) решений, предлагавшихся по поводу той или иной точки текста СПИ, в действительности таким сводом не является.

вает к себе энклитики), например: *оти сѧ со̄ете со мною* ‘пусть сочетется со мной’ (берестяная грамота № 346, XIII в.), *да сѧ не възврашають въспать* (Мстиславово еванг., Матф. 24.18).

В СПИ материала по этому разряду нет, поэтому мы не будем здесь им заниматься.

Разряд 6 (двучленная начальная составляющая). Безусловной нормой для всех памятников является постпозиция ся. Примеры: *ваше борт(н)ико окралосѧ первы* ‘ваша пасека обокрадена первой’ (тверская берестяная грамота № 5, XIV в.); Ипат. — *а дроужина моѧ изнемогласѧ* ([1187], л. 227 об.), *и со братъю своею розоитисѧ* ([1177], л. 214), *того всего каюсѧ* ([1150], л. 151 об.;ср. рядом *а того сѧ каю* — ясно видна разница между ситуацией с одночленной и с двучленной начальной составляющей).

Препозиция представлена исключительно редко. Вот некоторые примеры: *а азо сѧ саме с нимо 8ведаю* (берестяная грамота № 142, нач. XIV в.), *зять ти сѧ король кланаеть* ‘зять-король тебе кланяется’ (Ипат. [1152], л. 161 об.), *съ гроубою сѧ чадью пърѣхъ* (Житие Мефодия — Усп. сб., 107а).

Материал СПИ. Постпозиция: *Жены Рускія въспла-кашас<я>* 82; *По Руской земли прострошася Половци...* 105; *Тогда при Олзѣ Гориславличи сѣяшется и растя-шеть усобицами...* 64; также [*Въ княжихъ крамолахъ*] // *вѣци человѣкомъ скратишас<я>* 64 (после *Въ княжихъ крамолахъ* явно имелся барьер).

Двойное *ся*: *Вежи сѧ Половецкіи подвизашася* 187. Этот пример чрезвычайно важен: ввиду предельной редкости таких примеров в памятниках трудно предполагать, что он построен Анонимом по модели какой-то конкретной фразы из древнего памятника. Но он полностью соответствует закону Вакернагеля в его не

связанной дополнительными ограничениями форме, что характерно прежде всего для древнейших памятников. С другой стороны, он содержит двойное *ся*, которое возникает не ранее XIV в. Таким образом, уже одна эта фраза как бы концентрирует в себе проблематику всего СПИ: это либо древний текст, слегка подпорченный поздним переписчиком, либо искусственная подделка, имитирующая именно такую историю дела.

Разряд 7 (причастия в нечленной форме). Преобладает постпозиция ся. Примеры: *а со мною не спрошавша* (Ипат. [1189], л. 230), *на Сулѣ бившесѧ с половци* (Мономах), *с Двдьми смирившесѧ* (там же).

Препозиция встречается сравнительно редко, преимущественно в самых древних текстах. Примеры: берестяные грамоты — *то из оцюю бы сѧ вытьръго притьклъ* ‘то ты бы, вырвавшись из-под [люских] глаз, примчался’ (№ 752, рубеж XI–XII вв.), *а нънѣти сѧ съмълъвишъ съ близокы* (№ 907, нач. XII в.).

Материал СПИ. Постпозиция: *Тъй клюками подпръся¹¹* ... 154; *Яко соколь // на вѣтрехъ ширяся* (или, может быть, *Яко соколь на вѣтрехъ // ширяся*) 134.

Разряд 8 (причастия в членной форме и супины). Постпозиция ся здесь практически обязательна (*крѣпко бившимъся, Ѣдемъ битъса* и т. п.).

В СПИ примеров нет.

Как можно видеть, во всех разрядах поведение *ся* в СПИ — в целом такое же, как в образовых с точки зрения закона Вакернагеля источниках.

Для более точной количественной оценки сходств и различий между СПИ и другими памятниками мы провели подсчеты по ряду важных памятников — церковных и нецерковных:

¹¹ О том, что это именно причастие, см. § 30.

Мариинское евангелие (Ев. от Матфея);
 Житие Феодосия по Усп. сб.;
 Русская Правда;
 «Поучение» Мономаха;
 ранние берестяные грамоты (XI – нач. XIII в.);
 Киев. лет. А — прямая речь в Киевской летописи (за 1118–1200 гг.) по Ипат. (точнее см. выше);
 Киев. лет. Б — авторская речь в той же летописи (точнее см. выше);
 Галицко-Волынская летопись (за 1201–1292 гг.) по Ипат. (без разделения на компоненты);
 поздние берестяные грамоты (XIII–XV в.);
 «Хожение за три моря» Афанасия Никитина (1471–1475 гг.; в списке XVI в.);
 Острожская библия 1581 г. (Экклезиаст);
 Задонщина (по всем четырем основным спискам: КБ + И-1 + У + С).

В приводимой ниже таблице показана доля случаев препозиции *ся*¹² в разрядах 2, 3, 4, 6, 7. (Разряд 1 не представляет интереса; разряды 5 и 8 опущены, поскольку в СПИ они не представлены.) Там, где на клетку таблицы приходится не менее 15 примеров, доля препозиции выражена в процентах (но указание 0% возможно и при меньшем числе примеров). В остальных случаях непосредственно указаны (в квадратных скобках) количества примеров: числитель дроби — число случаев препозиции, знаменатель — общее число примеров (т. е. знак / равносителен слову «из»).

Чтобы можно было оценить степень показательности приводимых данных, при каждом памятнике в квадратных скобках указано общее число примеров *ся* в разрядах 2, 3, 4, 6, 7.

¹² В число случаев препозиции включены также примеры с двойным *ся*.

	Разряд 2 (инф.)	Разряд 3 (мест.)	Разряд 4 (зnam.)	Разряд 6 (двучл.)	Разряд 7 (прич.)
<i>Памятники с частой препозицией ся</i>					
Ранн. берест. [28]	[2/2]	87%	[3/4]	[0/3]	[3/4]
Киев. лет. А [153]	81%	81%	57%	[1/13]	[4/8]
Рус. Правда [7]	[1/1]	[5/5]	[0/1]	—	—
Мономах [19]	[1/3]	[4/5]	[1/3]	[0/4]	[1/4]
<i>Памятники со средними показателями</i>					
Киев. лет. Б [ок. 500]	49%	12%	3%	0%	2%
Гал.-Вол. лет. [ок. 230]	27%	9%	5%	0%	0%
Афан. Никитин [42]	[1/1]	[6/11]	28%	[1/5]	—
Поздн. берест. [70]	[0/2]	43%	[1/11]	[1/5]	[0/1]
<i>Памятники с редкой препозицией ся</i>					
Мар. (Матфей) [143]	0%	15%	0%	0%	0%
Жит. Феодосия [240]	0%	1%	5%	3%	0%
Острож. (Эккл.) [62]	[1/8]	9%	0%	0%	0%
Задонщина [42]	[0/1]	7%	0%	0%	0%
<i>Для сравнения: СПИ</i>					
СПИ [21]	[1/1]	[3/3]	[6/10]	[1/5]	[0/2]

Таблица надежно подтверждает то, что вырисовывалось уже и из самых общих количественных оценок¹³: СПИ в рассматриваемом отношении попадает в

¹³ Здесь и в других случаях, где приводятся подсчеты, следует помнить, что по ряду причин (наличие в тексте темных или поврежденных мест, синтаксическая двусмысленность отдельных фраз и т. п.) цифры не могут быть идеально точными (а специально оговаривать каждое такое место бессмысленно). Существен, таким образом, лишь общий характер количественных соотношений (на который подобные помехи практически не влияют).

одну группу с нецерковными памятниками, созданными в XI–XII веках, и резко отличается от памятников, созданных позднее.

Разумеется, это еще не значит, что мы получили тем самым датировку СПИ: такого результата в принципе мог достичь и фальсификатор. Но мы узнаём, во-первых, какие тексты он должен был в этом отношении имитировать; во-вторых, до какой степени подробности он должен был знать закономерности распределения препозиции и постпозиции *ся* в разных типах фраз, чтобы получить не только правдоподобные суммарные цифры, но и нужную картину распределения примеров по типам фраз.

В связи с энклитикой *ся* отметим еще один интересный факт. Он связан с фразой СПИ, которую комментаторы обычно читают так: *и съ нима молодая мѣсяца, Олегъ и Свѧтъславъ, тъмою ся поволокста и въ морѣ погрузиста* 103. Нам важно то, что при *погрузиста* нет *ся*, хотя смысл здесь несомненно ‘погрузились’, а не ‘погрузили’. Комментаторы обычно добавляют здесь *ся*, полагая, что оно просто потерялось при переписке. Однако, как справедливо указал Булаховский (1950: 470), в этой конъектуре нет необходимости: в составе выписанной выше полной фразы *погрузиста* могло получить правильный смысл за счет того, что *ся* уже есть во фразе *тъмою ся поволокста* и его действие в принципе могло распространяться не на один глагол, а на два: ‘тъмою затянулись и в море погрузились’.

Но если это так, то перед нами замечательный пример чрезвычайно архаичного синтаксиса: одно *ся* на два возвратных глагола встречается крайне редко и только в текстах, сочиненных или переведенных очень рано. Ср. такие примеры, как: *то никто же вас не может вредитисѧ и оубити* (‘повредиться и убиться’),

понеже не будет ḫ Бā повелѣно («Поучение» Мономаха); *лѣниусѧ и б҃ою дръзинѹти* ‘лениюсь и боюсь дерзнуть’ (Жития святых, рукопись РГБ, фонд 173, № 57 [1520-е – 1530-е гг.], л. 269); *и не быхъ сѧ того тако боѧль или соумънѣль* ‘и я бы того так не боялся или опасался’ (Житие Феодосия — Усп. сб., 60а-б); *по въсѧ дн̄и съ братиєю подвизаѧсѧ и троужасѧ* (там же, 60г); *стыдлис(а) и срамляюще* ‘стыдясь и усрамляясь’ (Флав., 421в, чтение Виленского хронографа); *нѣсть отъ насъ ни единого о небесъныхъ тищащасѧ и подвизающа* (Иларион, «Слово о законе и благодати» — см. Срезн., II: 1035).

К сожалению, рассматриваемая фраза СПИ есть результат некоторого исправления дошедшего до нас реального текста (а именно, часть *и въ морѣ погрузиста* переставлена сюда из позиции на две строки ниже, где она совершенно неуместна по контексту и куда она попала, по-видимому, по вине переписчика). Тем самым, несмотря на то, что эта перестановка обладает высокой убедительностью и с ней согласны почти все комментаторы, данный пример все же нельзя считать вполне надежным.

§ 13. Общий вывод ясен: в «Слове о полку Игореве» картина поведения энклитик как в целом, так и во многих деталях чрезвычайно близка к тому, что наблюдается в древнерусских памятниках, и прежде всего в ранних берестяных грамотах и в прямой речи в Киевской летописи по Ипат. При этом имеющиеся нарушения (в частности, двойное *ся*) носят точно такой же характер, как в списках XV–XVI веков с раннедревнерусских оригиналов.

Особо отметим, что поведение энклитик в СПИ соответствует древнерусским правилам даже в большей степени, чем полагал Якобсон (1948: 152): он считал

нарушениями и относил за счет поздних переписчиков некоторые примеры из СПИ, которые в действительности вполне однотипны с материалом берестяных грамот XII века.

Если СПИ создано Анонимом, то и эта картина достигнута его искусством.

В русском языке XVIII века закон Вакернагеля уже не действовал (точнее, от его действия сохранились лишь ничтожные остатки). Таким образом, Анониму русский язык его времени в данном отношении уже ни в чем помочь не мог. Очень мало помогало ему и знание церковнославянского языка, поскольку в церковных текстах этот закон реализовался чрезвычайно слабо: чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на показатели Мариинского евангелия и Острожской библии в таблице из § 12. Каким же образом ему все-таки удалось соблюсти закон Вакернагеля в построенном им тексте?

Мыслимые ответы: 1) в силу точного научного знания; 2) в силу некоей исключительной способности интуитивно схватывать язык прочтенных древних текстов с полнотой, позволяющей строить на нем безупречно правильные новые тексты; 3) в силу того, что он был носителем какого-то славянского языка, где закон Вакернагеля еще действовал.

Версия 1 требует признания того, что здесь, как и во многих других пунктах, Аноним опередил лингвистическую науку — в данном случае даже не только славистику — на сто-двести лет (не пожелав при этом оставить потомству ни слова из своих научных трудов). В частности, он, а не Якоб Вакернагель, оказался первооткрывателем знаменитого закона (ср. Якобсон 1966: 690). Он выявил состав древнерусских энклитик. Он открыл, что они имеют ранговую организацию, и установил их ранги.

Самый большой труд он вложил в изучение энклитики *ся*. Он открыл, что в XII веке эта энклитика ставилась левее глагола гораздо чаще, чем в древнейших текстах — таких, как старославянские евангелия, и чем в поздних текстах — таких, как Задонщина или Острожская библия.

Но разве не мог Аноним взять правила распределения *ся* просто из того же самого источника, который он и без того заведомо использовал, — из Ипатьевской летописи? В принципе мог — но только в том случае, если бы он изучил ее столь глубоко, чтобы открыть в ее составе особый компонент, отличающийся иными правилами для *ся*, — прямую речь в той части летописи, которая относится к XII веку. Лишь после этого он мог бы принять решение имитировать поведение *ся*, свойственное именно этому компоненту летописи. А если бы он взял за образец Ипатьевскую летопись как единое целое, то у него никоим образом не получилась бы та картина поведения *ся*, которую мы видим в СПИ. Таким образом, только для того, чтобы выявить правила постановки энклитики *ся*, он должен был проделать специальное исследование, для которого пришлось бы проштудировать всю летопись, выписывая и анализируя сотни примеров с чисто технических точек зрения, — совершенно безотносительно к тому, что он извлекал из этой летописи с точки зрения содержания и литературных особенностей.

З а м е ч а н и е. Недоверчивый читатель здесь может, правда, сказать: «А так ли уж необходимо было Анониму знать все эти правила? Ведь приведенные выше правила не очень жестки (например, во многих случаях в принципе допустима как препозиция, так и постпозиция *ся*). Пусть даже Аноним принимал решения наугад — в памятниках скорее всего отыщутся какие-нибудь подходящие параллели». Но это иллюзия. Не говоря уже о том, что свободный выбор между

препозицией и постпозицией *ся* возможен далеко не всегда, этим выбором поиск правильного места для *ся* во фразе отнюдь не ограничивается. Во фразе (даже длинной) в нормальном случае имеется лишь одно или два допустимых места для *ся*; все остальные были бы ошибочными. Например, во фразе *жены Рускія въсплакашас<я>* 82 в принципе *ся* могло бы стоять не в конце, а после *жены*; но положение *ся* после *Рускія* уже было бы ошибочным. Между тем в СПИ нет ни одной фразы с заведомо ошибочным расположением *ся*. Таким образом, ставя *ся* наугад, сочинитель имел бы практически нулевые шансы получить тот текст СПИ, который мы имеем (или другой, но столь же правильный).

Версия 2 требует признания гениальности в сфере подражания. По этой версии Аноним без всякой лингвистической теории, в силу одной лишь интуиции и неограниченной способности бессознательно подражать прочитанным текстам, каждый раз безошибочно угадывал, в каком порядке расставить слова в сочиняемых древнерусских фразах (а сочинять ему бесспорно пришлось: из одних лишь вычитанных из рукописей готовых фраз составить СПИ невозможно). Подробнее о версиях этого рода см. ниже статью «Об имитации...».

Что касается версии 3, то действительно верно, что некоторые славянские языки сохраняют закон Вакернагеля гораздо полнее, чем русский; таков прежде всего сербскохорватский. Однако в том, что касается состава энклитик, их места в предложении и взаимного порядка, никакие два славянских языка не совпадают полностью между собой. Пришлось бы допустить, что Аноним знал, чем отличается в этом отношении, скажем, сербский язык XVIII в. от древнерусского языка XII в., и сумел нигде не допустить соответствующих ошибок. Понятно, что для этого надо знать древнерусский язык практически столь же глубоко, как и при

версии 1. Подробнее об этой проблеме см. ниже, § 14а и «О Добровском...», § 12.

§ 13а. Проведенный разбор проблемы энклитик в СПИ полезно дополнить кратким изложением печатной дискуссии, которая состоялась у меня по этому поводу с М. Мозером (статьи Мозер 2005 и Зализняк 2007).

М. Мозер не утверждает, что СПИ — это подделка, он лишь выражает недоверие к доказательной силе аргумента об энклитиках. «Едва ли можно утверждать, — пишет он (Мозер 2005: 280), — что ситуация с энклитиками в Игоревой песни требует недоступного для предполагаемого фальсификатора знания исторического синтаксиса. Их доказательная сила в отношении подлинности Игоревой песни остается дискуссионной».

Выше было показано, что в количественном измерении СПИ обнаруживает тот же тип соотношения препозиции и постпозиции *ся*, что в памятниках XII века, близких к живой речи, — в ранних берестяных грамотах и прямой речи в Киевской летописи. При этом сходство обнаруживается не только при суммарном подсчете, но и порознь в каждой из выделенных нами основных категорий фраз.

М. Мозер фактически трактует указанное сходство как случайное, хотя и не говорит об этом в явной форме. Его мысль сводится к тому, что представленная в СПИ картина поведения *ся* могла сложиться более или менее стихийно, в силу различных индивидуальных факторов, проявившихся в разных группах фраз.

Вот какие соображения он высказывает по поводу каждой из рассматриваемых категорий фраз с возвратным глаголом.

1 (фразы с подчиненным инфинитивом). Здесь в СПИ имеется всего один пример, и он содержит *ся* в

препозиции: *А чи диво ся, братie, стару помолодити.* Комментарий М. Мозера (с. 279): «Тот факт, что один пример с инфинитивом обнаруживает препозицию *ся*, едва ли может рассматриваться как особо показательный — для этого имеется слишком много соответствий в других древневосточнославянских текстах».

2 (фразы с начальным местоименным словом). Здесь М. Мозер указывает на то, что для сочетания *ту ся*, представленного в СПИ трижды, есть много примеров в древних текстах, в частности, в Киевской летописи. Правда, тут же он добросовестно констатирует, что в Киевской летописи наряду с таким *ту ся* имеется даже несколько большее число примеров, где *ся* стоит во фразе с *ту* не так: *и ту скуписа, и ту скупишиаса, и ту обломишиаса, и ту снашаса.* Он комментирует это так: «Фальсификатор мог усвоить конструкцию *ту + ся + глагол* совсем из другого текста». И добавляет, что соответствие для *ту ся* часто встречается в польском и в хорватском.

3 (фразы с начальным знаменательным словом). В СПИ препозиция *ся* представлена в 6 случаях из 10. Комментарий М. Мозера: «Предполагаемый фальсификатор, должно быть, установил только то, что — как в каком-то другом известном ему славянском языке вплоть до его времени — употреблялись оба варианта».

4 (фразы с начальной двучленной группой). Комментарий М. Мозера (с. 280): «Если здесь из пяти примеров один обнаруживает препозицию *ся*, то речь идет ровно об одном примере двойного *ся* (*Вежи ся Поло-вецкii подвизашася*), тем самым не о чистой препозиции — но в древнейших восточнославянских текстах препозиция засвидетельствована крайне редко, а двойное *ся*, как уже упомянуто, вообще не засвидетельствовано».

5 (фразы с причастием в нечленной форме). В СПИ примеров препозиции *ся* нет. Комментарий М. Мозера: «Это в конечном счете незначимо (*insignifikant*): правда, в древнейших текстах препозиция чаще, но предполагаемый фальсификатор, должно быть, не приобрел знания об этом (*muss dies ja nicht in Erfahrung gebracht haben*)».

Таким образом, на каждый пункт находится соображение *ad hoc*, которое должно материал этого пункта как-то обесценить. В пункте 1 М. Мозер ссылается на то, что так бывает во многих древневосточнославянских памятниках. В пункте 2 — на то, что в Киевской летописи большей частью не так, но фальсификатор в этом случае мог опираться на какой-то иной памятник. В пункте 3 — просто на то, что в памятниках бывает и так, и так. Про пункт 4 сказано только, что тут всего один пример препозиции из пяти, и тот не вполне чистый. Для пункта 5 предположено, что фальсификатор мог просто не знать, как обстоит дело в древнейших текстах.

При этом в изложении М. Мозера дело выглядит так, что объяснения требуют только примеры с препозицией *ся*, а примеры с постпозицией представляют собой как бы нейтральный, ни о чем не говорящий фон, и можно не учитывать ни их структуру, ни их количество; иначе говоря, чтобы объяснить всю ситуацию с размещением *ся* в СПИ, достаточно найти для каждой из имеющихся в СПИ фраз с препозицией *ся* какие-то индивидуальные причины, которые могли бы привести сочинителя к именно такому построению фразы.

Между тем на самом деле объяснения требуют не одни лишь фразы с препозицией *ся*, а распределение случаев его препозиции и постпозиции. Так, согласно М. Мозеру, пункт 4 не имеет большого значения по той причине, что здесь на пять примеров с *ся* приходится

всего один пример с препозицией *ся*. Но в действительности здесь существенно как раз это соотношение «всего один пример из пяти»: оно очень похоже на ситуацию в этой категории фраз в древнерусских памятниках. И нуждается в объяснении именно это сходство между СПИ и древними памятниками, а не просто конкретный пример препозиции.

Но рассмотрим все же и те конкретные соображения М. Мозера по поводу фраз СПИ с препозицией *ся*, из которых, по его мнению, вытекает, что все эти фразы могли быть построены фальсификатором без особых затруднений и не требовали от него ни больших лингвистических знаний, ни каких-то необыкновенных способностей.

Мог ли фальсификатор механически скопировать готовое сочетание *ту ся* из какого-то древнерусского памятника или из польского или хорватского языка? В принципе, конечно, мог. Я могу в этом пункте пойти даже дальше М. Мозера и предложить следующее простое (а в рамках версии поддельности даже как бы напрашивавшееся) решение. Ведь в Задонщине (в списке И-1) есть сочетание *туто ся*. И фальсификатор, если он существовал, несомненно опирался в своем сочинительстве на Задонщину. И тогда ему незачем было далеко ходить за сочетанием *туто ся* (или, что то же, *ту ся*): оно уже содержалось в его образце.¹⁴

Так что три примера с *ту ся* в СПИ действительно можно сравнительно легко объяснить как продукты копирования. Но проблема не сводится к этим трем са-

¹⁴ Понятно, что именно на это *туто ся* в Задонщине сторонники подлинности СПИ указывают как на заимствование из СПИ; но в рамках версии поддельности здесь, конечно, естественно предполагать заимствование в противоположном направлении.

мым легким примерам. Чтобы сделать вывод о том, что вообще в данном вопросе задача фальсификатора была не так уж сложна, необходимо уметь как-то объяснить все имеющиеся примеры.

И вот тут более глубокий и точнее документированный анализ показывает, что целый ряд из них искусственно создать далеко не так просто, как это выглядит в беглом обзоре у М. Мозера.

Нет необходимости подробно разбирать все фразы СПИ с препозицией *ся*. Ограничимся двумя наиболее показательными примерами.

Первый из них — фраза *A чи диво ся, братie, стару помолодити*. Она содержит инфинитив с препозицией *ся*, причем не контактной, а дистантной.

Заметим предварительно, что фальсификатор явно как-то различал — если не на основе лингвистического знания, то хотя бы интуитивно — разные категории фраз с возвратным глаголом. Из этого фактически исходит и М. Мозер: иначе каким образом фальсификатор мог бы, например, применить принцип «бывает и так, и так» только к категории 3, а не ко всем пяти?

И М. Мозер признает, что фальсификатор должен был использовать в своем деле в качестве образцов древние восточнославянские памятники — даже если он, кроме того, в той или иной мере опирался на какой-то живой славянский язык. В вопросе о том, сознательно или неосознанно он действовал в этих случаях, М. Мозер, судя по приведенной выше цитате, по-видимому, склоняется ко второму. Но для нас непринципиально в данном случае, сознательно или неосознанно фальсификатор отражал свои образцы. Важно то, что имело место отражение образцов.

Обратимся же к этим предполагаемым образцам.

Рассмотрим отношение числа фраз с инфинитивом (возвратного глагола) и дистантной препозицией *ся* к общему числу фраз с неначальным инфинитивом (возвратного глагола). Вот какая картина обнаруживается в памятниках (для расширения кругозора включаем в список также и некоторые старославянские памятники):

Мариинское евангелие	1 из 39
Супрасльский кодекс	3 из 128
Изборник 1076 года	1 из 33
«История Иудейской войны» Флавия	0 из 73
«Пчела»	1 из 41
Житие Андрея Юрдивого	22 из 73
«Повесть временных лет» (без Мономаха)	8 из 51
Киевская летопись по Ипат. (в целом)	21 из 95
Галицко-Волынская летопись	1 из 34

На фоне этих данных выглядит уже довольно легко-весным утверждение М. Мозера, что фраза из СПИ не составляет ничего особо примечательного, поскольку для нее «имеется слишком много соответствий в других древневосточнославянских текстах». Таких соответствий, конечно, можно насчитать какое-то количество, если их просуммировать по крупицам по всем памятникам. Но все же человек, знакомящийся с разными памятниками подряд, в среднем примерно в 10 раз чаще встречает другие способы построения фразы с возвратным инфинитивом.

А нет ли все-таки такого источника, где доля фраз с дистантной препозицией была бы существенно выше — ну хотя бы достигала половины случаев? Оказывается, есть: это прямая речь в Киевской летописи (и напомним, что это как раз один из тех двух источников, с которыми СПИ сближается по целому ряду признаков). В ней данное соотношение составляет 15 из 30

(тогда как в авторской речи в той же летописи — 6 из 65). Попутно отметим, что такой же порядок элементов, как в СПИ, имеет единственная фраза рассматриваемой структуры, встретившаяся в ранних берестяных грамотах: *могоу сѧ съ тобою ати на водоу* в грамоте XII века № 238.

А не могла ли именно прямая речь в Киевской летописи послужить для фальсификатора искомым образцом? Могла — но только при условии, что фальсификатор каким-то образом догадался, что прежде чем использовать эту летопись в качестве образца, ее следует вначале расщепить на два основных компонента: без этого данный источник «невидим», он растворяется в авторской речи, у которой совсем другие характеристики.

Таким образом, очень трудно объяснить, на каком базисе фальсификатор развел такую интуицию, которая позволила ему построить фразу *A чи диво ся, братie, стару помолодити*. Ведь 90 процентов прочитанного им материала подсказывало ему другую конструкцию — с постпозицией *ся* (... *стару помолодитися*) или по крайней мере с контактной препозицией (... *стару ся помолодити*).

Но и это еще не все: не следует забывать, что фальсификатор не просто сочинил эту фразу. Если СПИ создал он, то он взял эту фразу из Задонщины, где она выглядит как *Добро бы, брате, в то время стару помолодит(ь)ся*. И вот в этой уже готовой фразе, совершенно похожей на подавляющее большинство известных ему фраз с возвратным инфинитивом, он по какому-то неизвестному побуждению счел нужным изменить место *ся*, причем заменив постпозицию даже не на контактную препозицию, которая все же не столь редка, а на максимально редкую дистантную препозицию.

Как мы уже выяснили, невозможно предполагать, что он часто встречал фразы с дистантной препозицией *ся* при инфинитиве и потому просто привык именно так строить фразу. Остается только предположить — если не прибегать к жалкой версии о чисто случайной перестановке *ся*, — что он знал, что дистантная препозиция создаст впечатление древности, и именно ради этого сознательно переставил *ся*.

Разумеется, этого знания можно было достичь с помощью научного анализа. Что же касается предположения о том, что можно того же самого достичь с помощью чистой интуиции, то счастье его правдоподобным очень трудно. Во всяком случае это нас ведет к тому же допущению, к которому версия поддельности СПИ уже приводила при анализе целого ряда других аспектов этого памятника, — что подделыватель был гением интуиции.

Нельзя ли, однако, вообще обойтись без апелляции к древнерусским памятникам, а объяснить то же самое тем, что фальсификатор знал какой-то живой славянский язык, где энклитики сохраняют древний порядок (или даже просто тем, что это был его родной язык)? Правда, именно в этом пункте М. Мозер не апеллирует к инославянскому источнику, но он упоминает о возможности такого источника в некоторых других случаях.

Ситуация в разных славянских языках здесь неодинакова. Так, например, в польском дистантная препозиция *się* вообще редка и фразы рассматриваемой структуры составляют лишь ничтожную часть общего массива фраз с возвратным инфинитивом. В сербском дистантная препозиция *се* как таковая используется шире, чем в других славянских языках. Но как раз в сочетании с инфинитивом она встречается весьма редко — по той простой причине, что малоупотребителен

сам инфинитив: в его функции в большинстве случаев используется конструкция «да + презенс», например, *хоћу да речем* ‘хочу сказать’. (А в болгарском инфинитив вообще исчез.)

Но допустим все же, что в данном пункте фальсификатор сумел произвести синтаксическое заимствование, скажем, из сербского.

Если фальсификатор просто свободно говорил по-сербски и допускал сербизмы неосознанно, то чем можно объяснить, если не ссылаться в очередной раз на случайность, что он заимствовал черту, представленную также и в древнерусском источнике (причем в таком, с которым СПИ и в ряде других отношений сходно, — в прямой речи из Киевской летописи), но при этом не заимствовал сербских черт, отсутствовавших в древнерусском, например, таких, как имперфекты типа **хочаше* или типа **дотециаше* (в соответствии с сербскими *хоћаше*, *дотецијаше*) или обороты типа *хотяше да пѣснь творить* вместо *хотяше пѣснь творити*, или вариант *му* вместо *ему* и т. д.?

Если же он скопировал эту сербскую черту обдуманно, полагая, что она придаст его фальсификату более древний облик, то тот же самый вопрос принимает вид: как он сумел сделать среди разных сербских черт такой правильный, с точки зрения данной цели, выбор? И как он мог счесть данную конструкцию за древнюю в условиях, когда ни в евангельских текстах, ни в более поздних церковнославянских памятниках, ни в большинстве древнерусских она почти не встречается?

Аналогичная трудность возникнет и с любым другим славянским языком. (См. продолжение разбора данной проблемы ниже, в § 14а.)

Другой пример — фраза *Вежи ся Половецкіи подви-зашася* (с двойным *ся*).

М. Мозер лишь бегло упоминает эту фразу, не уделяя ей никакого особого внимания. Между тем в действительности для создания этой фразы фальсификатор должен был бы подняться до самых вершин своего искусства.

Первое *ся* стоит здесь в точном соответствии с законом Вакернагеля, причем оно вклиниено в группу «существительное + согласованное с ним прилагательное». И именно таким должен был быть порядок слов в первоначальном состоянии славянской фразы.

Однако во фразах с начальной группой такой структуры эта древнейшая синтаксическая модель очень рано начинает вытесняться другими конструкциями. В древнерусских памятниках, даже XI–XII веков, она сохраняется лишь в чрезвычайно редких случаях.

Рассмотрим фразы с начальной группой «существительное (в том числе местоименное) + согласованное с ним прилагательное (в том числе местоименное) или управляемое им слово» (в любом порядке) и сказуемым, имеющим при себе *ся*.

Подсчитаем отношение числа случаев вклинивания *ся* в начальную группу указанной структуры к общему количеству таких фраз. Число случаев вклинивания записано ниже (если это не нуль) в виде $a + b$, где a — число случаев с группой «существительное + согласованное с ним прилагательное», b — с группой «существительное + управляемое им слово». Общее количество фраз указывается суммарно для случаев a и b .

Вот результаты этих подсчетов для ряда важных древних памятников.

Мариинское евангелие	0 из 71
Супрасльский кодекс	0 из 148
Житие Мефодия	1+0 из 3
Изборник 1076 года	0 из 101

«История Иудейской войны» Флавия	0 из 204
«Пчела»	0 из 106
Житие Андрея Юродивого	0 из 82
Житие Феодосия	1+1 из 34
«Хождение» игумена Даниила	5+0 из 52
«Повесть временных лет» (без Мономаха)	1+1 из 80
Прямая речь в Киевской летописи	1+2 из 13
Авторская речь в Киевской летописи	0 из 136
Синодальный список НПЛ	1+2 из 139
«Слово о полку Игореве»	1+0 из 5

Приведем несколько иллюстраций из категории *a* (т. е. той, к которой относится интересующая нас фраза из СПИ); как видно из подсчетов, такие примеры представляют собой исключительную редкость:

съ гроубою сѧ чадью *пърѣхъ* (Житие Мефодия по Усп. сб., 107а);

си же сѧ злоба *сключи въ днъ Възнесенья Г̄са наше-го І̄са Х̄са* (ПВЛ по Лавр., [1093], 73 об.);

се съ симъ ны сѧ полко^м *нѣлзѣ бити сею рѣкою* (прямая речь в Киевской летописи по Ипат., [1148], 132 об.);

того сѧ всего *ѣступаюмъ* (Синод. НПЛ, [1242], 130);

да то сѧ мѣсто *зоветъ Месопотамія* («Хождение» игумена Даниила; заметим, что из 5 примеров в этом памятнике 4 практически одинаковых).

Мы ясно видим теперь тот предельно узкий базис, на который должна была опираться интуиция фальсификатора, чтобы создать фразу *Вежи сѧ Половецкіи подвизашася*, точнее, чтобы именно так поставить в ней первое *сѧ*. При такой исключительной редкости фраз данной структуры совершенно непостижимо, каким образом фальсификатор почувствовал, что это не странные ошибки, а как раз древнейшая синтаксическая модель, которую стоит запомнить и использовать.

Не помогут здесь и ссылки на живые славянские языки: ни в одном из них такая конструкция не является сколько-нибудь частотной.

Что же касается второго *ся*, то про него М. Мозер говорит лишь то, что «в древнейших восточнославянских текстах (...) двойное *ся* (...) вообще не засвидетельствовано». По-видимому, смысл этого указания в том, что здесь можно усматривать улику против фальсификатора, который в данном случае не сумел построить правильную раннедревнерусскую фразу.

Но откуда же тогда все-таки взялось второе *ся*?

В живых языках XVIII века никакого двойного *ся* уже не было. Двойное *ся* — это явление переходного периода в истории восточнославянских языков, когда древнее правило расстановки энклитик (закон Вакернагеля) постепенно ослабевало, но еще не исчезло, а новое правило (требующее постоянной постпозиции *ся*) еще не победило полностью; в основном это XV–XVI века.

Тем самым двойное *ся* относится к той же группе представленных в СПИ явлений, что южнославянская орфография (о которой см. § 17) или ряд морфологических эффектов XV–XVI веков, которых тоже нет ни в рукописях XII–XIII веков, ни в практике XVIII века, — они ограничены неким средним периодом истории русского языка. Эта группа явлений создает наибольшие трудности для версии об искусственном создании СПИ в XVIII веке, поскольку фальсификатор не мог познакомиться с ними ни по древнейшим источникам, ни из языковой реальности (и письменной практики) своего времени. Единственная возможность состояла в знакомстве с рукописями XV–XVI веков и усвоении тех их специфических особенностей, которые отличали

ют их как от древнейших, так и от позднейших рукописей.

При этом необходимо учитывать, что даже и в рукописях XV–XVI веков двойное *ся* представлено со статистической точки зрения крайне редко — в обследованном нами материале это 0,4% от общего числа *ся* при неначальном глаголе (28 случаев из примерно 6600). Чтобы заметить это явление и как-то зафиксировать в сознании (или подсознании), нужно было «проработать» множество таких рукописей.

Из всего этого ясно, что человек конца XVIII века поставить второе *ся* в силу собственных речевых или письменных автоматизмов никоим образом не мог. Ничего не давали ему здесь и живые славянские языки: двойного *ся* в них нет. Он мог только сымитировать — сознательно или неосознанно — эффект, встречавшийся ему в мизерном проценте случаев в рукописях XV–XVI веков.

Как же все-таки ему это удалось? Ничего не остается, как в очередной раз прибегнуть либо к гипотезе о беспрецедентной силе интуиции, либо к гипотезе о превосходном лингвистическом анализе (на десятилетия раньше возникновения лингвистической науки нового времени) в сочетании с изысканным коварством — желанием создать у лингвистов отдаленного будущего иллюзию древнего текста, переписанного в XV–XVI веках.

Таким образом, эта линия объяснения требует гипотез, несравненно более сложных и малоправдоподобных, чем прямолинейное предположение о том, что второе *ся* появилось под пером в точности тех, для кого оно было естественно и характерно, — писцов XV–XVI веков.

Релятивизатор *то*

§ 14. В работе Зализняк 1981 было изучено функционирование в древнерусском языке так наз. релятивизаторов, т. е. частиц, превращающих вопросительные местоимения в относительные (или подкрепляющие уже имеющееся относительное значение). Основные древнерусские релятивизаторы — *же* и *то*.

Там же был специально рассмотрен пример из СПИ, где выступает относительное местоимение *которыи то* (с релятивизатором *то*): *Ти бо два храбрая Святъславича, Игорь и Всеволодъ, уже лжсу убуди, которую то бяше успилъ отецъ ихъ Святъславъ грозный великий кievский 88.*

Имеется, правда, давняя традиция рассматривать здесь отрезок *которую то* как результат двойной порчи (*которую* якобы стоит вместо *которою*, а *то* — вместо *ту*). Но, в частности, в Якобсон 1948 принято исходное чтение, и Л. А. Булаховский (1950: 463) убедительно показал, что ни в какой правке это место текста не нуждается. Полагаю, что сторонникам версии о порче было просто неизвестно относительное местоимение *которыи то* (оно не фигурирует ни в каких грамматиках древнерусского языка), поэтому они воспринимали здесь слово *то* как лишнее и считали нужным это место как-то исправить. Реальный текст СПИ ('ложь разбудили, которую усыпил...') здесь в действительности синтаксически и семантически гораздо лучше, чем «правленый» ('ложь разбудили которою [ссо-рою]; ее усыпил...'): в последнем аномально отсутствие союза *а* и неуклюже все построение, где сперва сообщается о пробуждении, а потом о предшествующем усыплении.

В работе А. Тимберлейка (1999: 778) содержится своего рода компромисс: считая, что для *которыи* в

собственно относительной функции (причем уже без элементов древнего значения 'который из двух') конец XII в. — это слишком рано, он предположил, что в первоначальном тексте здесь стояло *юже*, а слово *которую* принадлежит переписчику (о частице *то* он при этом просто не упоминает).

С нашей точки зрения, для такого предположения нет оснований: во-первых, если бы *которую* принадлежало переписчику XV–XVI в., то при нем не было бы *то* — для релятивизатора *то* это слишком позднее время; во-вторых, *который* в собственно относительной функции (с релятивизатором *же* или *то* или без такового), причем при такой же постпозиции придаточного, как и в современном языке, с несомненностью присутствует уже, в частности, в Киевской летописи XII в. (по Ипат.). Нами отмечено 13 примеров; вот некоторые из них:

посла Всеволодъ Степолка в Новъгородъ ..., смолвася с новъгородьци, которыхъ то былъ прияль ([1142], л. 114 об.);

не бѣ бо тοѣ землѣ в Роуси, котораи же его не хоташеть ни любашеть ([1179], л. 215 об.);

поскочиша же и ти половци силы половѣцкии, коториѣ же далече рѣкы стояхоуть ([1185], л. 223 об.);

иде к Рюрикови ... с моужи тѣми, котории же его ввели бахоуть в Галичъ ([1189], л. 229 об.);

дажь стояши в томъ радоу, то ты намъ братъ, пакы ли поминаешь давныѧ тажса, котории былѣ при Ростиславѣ, то стоупиль еси радоу ([1190], л. 232);

и тако занша стадъ множество и вежса, которѣ бахоуть ѿстались в лоузѣ ([1190], л. 232 об.);

ажь, брате, жаловался на мене про волость, которые же еси просиль ([1195], л. 236 об.);

*и ѿтни города ты, которыи же блие^т емоу
далъ в Роускои земли ([1197], л. 241).*

А. Тимберлейк придает особое значение тому, что в примере из СПИ *которую*, в отличие от большинства ранних примеров, не имеет коннотации выбора из ограниченного набора возможностей. Однако и среди приведенных примеров из Ипат. есть совершенно такие же; самый чистый в этом отношении пример — *давныи тажа, которыи былѣ при Ростиславѣ* ([1190], л. 232).

Таким образом, в конце XII в. относительное *которыи* уже было вполне активно (по крайней мере в некоторых регионах), так что в этом пункте никакого анахронизма в СПИ нет.

Сочетание слова *которыи* с релятивизатором *то* известно в двух разных синтаксических функциях — субстантивной и адъективной. При *которыи то* в субстантивной функции определяемое существительное не повторяется (модель *человѣкъ, которого то мы видѣли*); в современном русском языке ему соответствует слово *который*. При *которыи то* в адъективной функции оно повторяется (модель *человѣкъ, которого то человѣка мы видѣли*); в современном русском языке его функциональным соответствием может служить слово *каковой*.

Для *которыи то* в субстантивной функции в настоящее время мы можем указать, помимо рассматриваемой фразы из СПИ, всего четыре примера:

- 1) приведенный выше пример из Ипат. [1142] (... с новьгородьци, которыхъ то былъ приялъ);
- 2) *и взати юмоу та правда, которая то в томъ городѣ* (смоленская грамота 1229 г., список Е 1-й пол. XIII в., 94; то же в списке D 1270–1277 гг., 107; в списке F XIV в. *то* отсутствует);

3) великому кнѧзю Всеvolоду, оцию его Юрью кнѧзю киевскому, дѣду его Волод(и)меру Иманаху [вместо Манамаху], которымъ то половоци дѣти своя ношаху в колыбѣли («Слово о погибели русской земли», XIII в.);

4) и новгородцы же тѣх посадниковъ и бояръ и животъ пограбили, и дворы и доспѣхъ поотнимали и всю ратноую приправоу, котори то такъ чинили (Псковская 3-я летопись [1477], Строевский список XVI в., л. 181; в Архивском 2-м списке *то* отсутствует); но в данном случае следует также считаться с возможностью того, что здесь *то* — не релятивизатор, а местоимение ‘то’.

Что касается *которыи то* в адъективной функции, то оно четче всего представлено польским *który to*;ср., например, *otrzymałem list od redaktora, który to list...* ‘я получил письмо от редактора, каковое письмо...’. *Которыи то* в адъективной функции изредка появляется также (возможно, под польским влиянием) в староукраинских грамотах XV в., например: *и тую граныци скончылы* (...), *которыи то граныци* (...) *потверждаем* (см. ССУМ, 1: 506). В великорусской зоне *которыи то* в адъективной функции не засвидетельствовано.

Итак, в СПИ встретилась очень редкая конструкция (с сочетанием *которыи то* в субстантивной функции), представленная, за исключением одного не совсем надежного примера, лишь в XII–XIII вв.

Аноним, если это именно он догадался вставить в текст столь изысканную конструкцию, очевидно, все-таки сумел отыскать в море древних рукописей какие-то из наших примеров и осознать их ценность для его фальсификата.

§ 14а. В работе Мозер 2005 высказана мысль, что *которую то* в принципе могло появиться в тексте СПИ

не как наследие древнерусского подлинника, а как заимствование из польского *który to*, совершенное фальсификатором XVIII века.

С тем, что это в принципе возможно, я согласен. Но с тем, что две версии происхождения этого *которую to* — из древнерусского или из польского — равновероятны, я не могу согласиться.

Взглянем на вопрос о возможных заимствованиях в СПИ из других славянских языков, который уже неоднократно возникал выше, с более общей точки зрения.

Предполагаемые полонизмы, богемизмы, сербизмы и прочие инославянские заимствования в некотором русском тексте естественно делить на две категории:

а) «сильные»; это такие явления, которых в древнерусском не было или по крайней мере они там пока что не обнаружены;

б) «слабые»; это явления, которые имелись также и в древнерусском.

Представляется очевидным, что если подозреваемое заимствование относится к категории слабых, то и сама гипотеза о том, что это заимствование, а не собственно русское явление, оказывается весьма слабой. Такая гипотеза может быть правдоподобной только в том случае, если помимо нее уже доказано, что текст вообще был подвержен внедрению заимствований из данного языка.

В том или ином уголке славянского мира можно найти в частично или даже полностью сохранившемся виде почти любое древнеславянское языковое явление. Поэтому, допустив, что сочинитель СПИ знал много живых славянских языков, вполне можно предположить, например, что правильное двойственное число он заимствовал из словенского языка, правильное расположение энклитик во фразе — из сербского, имперфекты совершенного вида — из болгарского, место-

имение *который то* — из польского, усилительную частицу *ти* — из чешского, и т. д.

Допустить, что сочинитель знал все эти языки, в принципе можно. Но решительно невозможно объяснить, каким образом ему удалось взять из них только такие явления, которые имелись (по данным лингвистики нашего времени) также и в древнерусском. Ведь в любом из этих славянских языков есть десятки явлений инновационного характера, которые развились именно в этом языке, а в древнерусском отсутствовали. Как мог сочинитель знать, что эти явления заимствовать не следует? См., например, выше, в § 13а, о специфических сербских языковых явлениях, которые Аноним в принципе мог заимствовать, однако же не сделал этого.

Остается только предположить, что он, помимо инославянских языков, хорошо знал также и древнерусские рукописи и заимствовал только те явления, которые обнаруживались также и в этих рукописях. Но если это так, то при чем здесь заимствования из других языков? Тогда это просто использование подлинных древнерусских языковых черт.

Как легко видеть, предположение о том, что *которую то* в СПИ есть заимствование из польского *który to*, — это предположение о слабом полонизме. Оно может приобрести какое-то правдоподобие только в том случае, если будет установлено, что СПИ писал человек, черпавший что-то из польского.

Между тем бесспорных полонизмов, т. е. несомненно пришедших из польского и несомненно отсутствовавших в древнерусском, в СПИ не обнаружено (см. об этом ниже, «О противниках...», § 4).

И немедленно возникает вопрос, о котором речь шла выше: почему в СПИ попало (в русифицированной форме) именно *który to* (имеющее древнерусское

соответствие), но не, скажем, *którys*, или *ten*, или *tamten*, или *żeby* и т. п. (не имеющие такого соответствия)?

Здесь уместно вспомнить убедительный список из 20 синтаксических явлений, которые сам М. Мозер выделяет в другой работе (Мозер 1998) как элементы польского и, в терминологии автора, «югозападнорусского» влияния на русский синтаксис. Это следующие конструкции (ради краткости опускаем их точное описание, ограничиваясь примерами, в которых подчеркнут характерный элемент): 1) *есть отцом*; 2) полные формы прилагательных в предикативной функции; 3) то же для страдательных причастий; 4) *соторився безумным*; 5) *не забвенную мя учини*; 6) *такъ вѣрни*; 7) accusativus cum infinitivo и nominativus cum infinitivo; 8) генитив качества (*и такого был мужественного сердца*); 9) *не почитаютъ насъ там... и за пса смердящаго*; 10) оборот *что за*; 11) *через + В.* падеж в значении средства или причины; 12) *до царя Василья поидоша*; 13) *по замерзлыхъ водахъ*; 14) *сuroвѣйшаго над тя мучителя*; 15) *просити о помошь*; 16) будущее время в форме *буду + инфинитив*; 17) *имѣти + инфинитив*; 18) *царицу тобою счаровано*; 19) союз *естыли (если)*; 20) союз *так что* (см. также Крысько 2001).

Если сочинителем СПИ был человек XVIII века, говоривший по-русски и по-польски (вероятно, также и по-украински и/или по-белорусски), то весь этот ряд явлений был в числе его речевых автоматизмов. Каким же образом могло получиться, что ни одно из этих 20 явлений не попало в текст СПИ, тогда как *który to* попало?

Стороннику данной версии тут остается только сказать: «Случайность». Разумеется, случайности бывают. Но верно и то, что чем больше случайностей необходимо допустить, чтобы принять некоторую версию, тем менее надежна сама версия.

Можно также допустить, что Аноним сознательно вставил в текст польское слово, полагая, что это усилит древний колорит. Но и в этом случае остается необъяснимым, почему из множества специфических польских слов он остановил свое внимание именно на *który to*, которое имеет соответствие в древнерусском. Если же он сделал это именно потому, что встретил *которыи то* также и в каком-то древнерусском источнике, то тогда достаточно одного этого — отпадает необходимость искать объяснения в польском.

Таковы причины общего характера, по которым гипотеза о том, что *которую то* в СПИ появилось под влиянием польского *który to*, оказывается маловероятной.

Но есть и совершенно конкретное основание для того, чтобы признать здесь древнерусский источник гораздо более вероятным, чем польский. Дело в том, что польское *który to* и древнерусское *которыи то* выступают в составе разных синтаксических конструкций — соответственно адъективной и субстантивной. Если бы Аноним действовал здесь просто под влиянием своего владения польским языком, он получил бы фразу *уже лжсу убуди, которую то лжсу бяше успиль* (с повторением слова *лжсу*). Но ведь он написал не так, а совершенно правильно по-древнерусски. Выходит, он сделал поправку на какие-то виденные им подлинные древнерусские фразы. Но тогда при чем здесь польский язык?

Таким образом, два конкурирующих объяснения для *которую то* в СПИ — из древнерусского или из польского — никак нельзя признать равноправными и равновероятными.

Имперфект совершенного вида

§ 14 б. Значение и употребление имперфекта совершенного вида в славянских языках, в частности, в древнерусском, блестяще проанализированы в основополагающей работе Ю. С. Маслова [Маслов 1954].

Основным значением данной формы было то, которое Ю. С. Маслов называет кратно-перфективным и определяет так: «многократно повторявшееся в прошлом действие, каждый отдельный акт которого достиг завершения».¹⁵

Пример, приводимый Ю. С. Масловым в качестве образцового (здесь и ниже имперфекты совершенного вида подчеркиваем): *согда же подъпънахутъса, начьнахуть роптати на кназъ, глюще...* ‘а когда подвыпьют, начинали роптать на князя, говоря...’ (ПВЛ по Лавр., л. 43 об.). Отметим на примере перевода ‘подвыпьют’ (где имперфект совершенного вида передан современным презенсом совершенного вида), что современный язык довольно часто именно так выражает рассматриваемое значение.

Ю. С. Маслов разбирает в основном примеры из «Повести временных лет» и из Жития Феодосия. В самом деле, в этих двух памятниках сосредоточено наибольшее количество случаев употребления данной формы. Ниже мы приводим примеры также и из ряда других памятников.

Часто в составе фразы содержатся имперфекты обоих видов, например (имперфекты несовершенного вида даем прямым шрифтом):

¹⁵ Помимо этого основного значения, имперфект совершенного вида допускает также некоторые второстепенные значения; но в нашем разборе нет необходимости к ним обращаться.

иако ѿ плькъ приносахъ коры́сть къ своимъ домомъ, тóи бы́сть слáвенъ, иже боле възмаше (Флав., 405г);

а єгда же сѣмъ придаше, аче ємъ что коли рѣчахъ, да оубиваше ма палицами и многа ми зла твораше (Жит. Андр. Юрод., С133).

С морфологической точки зрения существенно то, что в ряде случаев имперфекты от обоих членов видовой пары совпадают. Например, *обличити* и *обличати* имеют одинаковый имперфект *обличаше*; аналогично *ублажаше*, *раздѣляше*, *примирияше*, *измѣняше* и т. п. Однаковым может быть также имперфект для таких пар, как, например, *отъпустити* и *отъпущати*, *въсхытити* и *въсхыщати*, *прославити* и *прославляти* — это *отъпущаше*, *въсхыщаше*, *прославляше*; но в этом случае в совершенном виде есть и второй вариант (который в видовом отношении однозначен) — *отъпустяше*, *въсхытияше*, *прославяше*.

Пример (двувидовые имперфекты здесь и ниже даем прямым шрифтом и помечаем звездочкой): *и се раздѣлнахъ*ть*, да къждо въ нощи свою часть измѣняшеть на състроjenи€ хлѣбомъ (Житие Феодосия, л. 36а).

По-видимому, такие двувидовые имперфекты воспринимались в зависимости от контекста как принадлежащие к тому или к другому виду. К сожалению, надежно установить вид глагола в таких случаях невозможно; поэтому мы не будем пытаться этого достичь, а при подсчетах условимся рассматривать такие примеры вместе с имперфектами несовершенного вида, т. е. вместе с основной массой имперфектов.

Приведем для наглядности также пример описания сложной ситуации из целой цепочки событий, которая целиком повторялась многократно: *сѣдъ начнаше играти чатыми, да югда кто ѿ ніщихъ деръзнувъ въсхыщаše* оу него, пъхнаше юго пастью; се же видивше*

прочѣи нииции, мъстити хотаще друга своѧго, поидаху на нь с батогы; (...) повѣргъ же чатѣ, побѣгнаше ѿ нихъ, они же к тому начнаху грабити цаты ѿго (Жит. Андр. Юрод., л. 10в).

Рассмотрим теперь важный вопрос об эволюции древнерусского имперфекта совершенного вида во времени. Анализ источников ясно показывает, что активное употребление этой формы характерно лишь для древнейших памятников и уже на протяжении древнерусского периода наблюдается резкое падение ее употребительности, а в дальнейшем полное отмирание.

Разумеется, здесь существенно то, что в живом языке рано исчез вообще весь имперфект (правда, вопрос о времени этого события продолжает оставаться дискуссионным). Но в книжном языке имперфект продолжал существовать, а в собственно церковнославянском существует и поныне. Таким образом, отмирание имперфекта совершенного вида протекало гораздо быстрее, чем отмирание имперфекта вообще.

Приводим в виде таблицы количественные данные по нескольким важнейшим памятникам XI–XV веков. В подсчет числа имперфектов совершенного вида включена также форма *будяше* (которая ведет себя как принадлежащая именно к этой категории), но не включена форма *не дадяше* (которая стоит особо, а именно, большей частью ведет себя так, как если бы принадлежала к несовершенному виду).

Для каждого памятника указан его общий объем (количество слов) и число содержащихся в нем имперфектов совершенного вида¹⁶ (сокращенно: имп. СВ) в сравнении с общим числом имперфектов в памятнике.

¹⁶ Приводимые цифры не вполне строги, поскольку для некоторых примеров вопрос о виде глагола решается неоднозначно. Как уже указано, случаи, где имперфекты двух ви-

Дата при памятнике означает: для летописей — время составления соответствующей группы погодных записей, для прочих памятников — время их создания (или перевода).

Из еще не упоминавшихся выше памятников рассмотрены:

«Александрия» (перевод XI–XII вв., в списке XV в.);
Суздальская летопись (за XII–XIII вв.) по Лавр.;
Уваровская летопись (за XII–XV вв.).

Новгородские и псковские памятники в список не включены, ввиду их особенности, рассматриваемой ниже отдельно.

Памятник	Объем (колич. слов)	Доля имп. СВ в общем числе имперфектов
ПВЛ по Лавр.	72 тыс.	56 из ≈650
ПВЛ по Ипат.	74 тыс.	42 из ≈620
Житие Феодосия (нач. XII)	23 тыс.	44 из ≈380
«Александрия» (XI–XII)	30 тыс.	6 из ≈300
Житие Андрея Юрод. (XI–XII)	47 тыс.	13 из ≈760
Флав. (XI–XII)	93 тыс.	25 из ≈1800
Киев. лет. (автор.) (XII)	73 тыс.	6 из ≈780
Увар. лет. за XII в.	53 тыс.	3 из ≈330
Сузд. лет. (XII–XIII)	61 тыс.	2 из ≈300
Гал.-Волын. лет. (XIII)	48 тыс.	9 из ≈450
Увар. лет. за XIII–XIV вв.	87 тыс.	1 из ≈590
Увар. лет. за XV в.	63 тыс.	1 из ≈310

Здесь взяты памятники, где имеется хотя бы один пример имперфекта совершенного вида. Но во многих памятниках нет ни одного такого примера. Таковы, в частности (из числа тех, где имперфект вообще упо-

дов омонимичны, при подсчетах присоединяются к несовершенному виду.

требляется достаточно часто): XII в. — «Хождение» игумена Даниила, «Повесть о Варлааме и Иоасафе»; XIII–XIII вв. — «Пчела», «Девгениево деяние»; XIII в. — «Моление Даниила Заточника»; XVI в. — «Повесть о Петре и Февронии». Лишь по одному примеру встретилось в «Чудесах Николы» и «Повести об Акире Премудром» (произведениях XI–XII вв.).

Из таблицы видно, что доля имперфектов совершенного вида никогда не была велика, а тексты, где она наибольшая (6–12%), созданы в XI – начале XII века (это Житие Феодосия и «Повесть временных лет»). В прочих памятниках, даже ранних, эта доля весьма мала, причем уже и в XII веке имеются также такие памятники, где она равна нулю. Позднее XIII века примеров уже почти нет.

Как установил Ю. С. Маслов, старославянские памятники существенно отличаются в данном отношении от ранних древнерусских: имперфект совершенного вида встречается здесь очень редко. Так, в Мариинском евангелии таких форм просто нет (если не считать единичного *не дадъаше*, которое, как уже указано, стоит особо; что касается словоформ *съказаше*, *облобызааше*, *облизаахж*, *повѣдаашете*, то здесь они принадлежат к несовершенному виду).

То же верно и для церковнославянских памятников русского извода. Например, в Изборнике 1076 года таких форм нет вообще; в Изборнике 1073 года (объемом в 134 тысячи слов) отмечено только единственное *боудашие*.

Обнаруживается также диалектное различие внутри древнерусского языка между южными памятниками и новгородско-псковскими. В Новгородской первой летописи имперфекты совершенного вида почти отсутствуют: в Синодальном списке имеется лишь один пример, причем даже не вполне надежный, поскольку совершенный вид не гарантирован (*брат(ъ) брат(у) не*

съжалашеться [1230]); в младшем изводе всего на два примера больше. Совсем мало правильных имперфектов совершенного вида также в псковских летописях (случаи ошибочного употребления данной формы не в счет, см. о них ниже).

Таким образом, активное употребление имперфекта совершенного вида было характерной чертой южной части восточнославянской зоны, отличавшей ее как от старославянского и церковнославянского языка, так и от новгородско-псковской зоны.

Отмирание имперфекта совершенного вида, начавшееся уже в XII веке, выражалось в том, что вместо него все шире употреблялся обычный имперфект, т. е. имперфект несовершенного вида. Ю. С. Маслов демонстрирует многочисленные примеры из летописей, где переписчик заменяет *умряше*, стоявшее в более раннем списке, на *умираше*, *съжьжаху* — на *съжигаху*, *вложаху* — на *влагаху*, *изидяше* — на *исходяше*, *принесяше* — на *приносяше*, и т. п. (во всех этих парах первый член относится к совершенному виду, второй — к несовершенному). В ряде случаев в качестве замены выступает уже глагол несовершенного вида с суффиксом *-ыва-* (*-ива-*); например, *приискаху* заменяется на *приискиваху*, *наказаше* — на *наказываше*, *спряташе* — на *опрятываше*.

Этому направлению эволюции, очевидно, способствовало и наличие многочисленных случаев омонимии двух видов в имперфекте, типа *обличаше* (от *обличити* и от *обличати*), о которой см. выше.

Другой путь — замена на презенс совершенного вида (где отнесение по смыслу к прошедшему времени обеспечивается контекстом). Например, фраза из ПВЛ по Лавр. *и по семь твораху кладу велику и възложахуть и на кладу мртвца* в Ипат. имеет вид: *и по семь твораху кладу велику и възложать на кладу мртвца*.

Аналогичным образом *будяше* может быть заменено на *будеть*, *пъхнаше* — на *пъхнеть* и т. п. Как уже отмечено, этот способ передачи рассматриваемого значения вполне возможен и в современном языке.

Как поясняет Ю. С. Маслов, тем самым язык не сохранил древнего соединения в одной форме двух значений: повторяемости события в прошлом и совершенного вида. В позднейшем языке в одних случаях сохранялось только первое (при таких заменах, как *принесяше* на *приносяще*, *приискаху* на *приискываху* и т. п.), в других — только второе (при заменах типа *възложа-хуть* на *възложать*); в последнем случае современный язык может компенсировать утрату указания на время добавлением слова *бывало* (*бывало*, *он зайдет к вече-ру...* и т. п.).

В отдельных случаях имперфект совершенного вида устранился при переписывании просто путем замены приставочного глагола на бесприставочный, например, *изидяше* на *идяше*, *усняше* на *спяше*. В целом процесс устранения таких форм шел довольно быстро; например, в ПВЛ по Лаврентьевскому списку 1377 г. 56 примеров имперфекта совершенного вида, а в Радзивилловском списке, который всего на сто лет моложе, из них сохранено только 32, остальные тем или иным способом заменены.

Писцы (переписчики) XIV и позднейших веков уже не ощущали специфического значения рассматриваемой грамматической формы. Поэтому прежние словоформы имперфекта совершенного вида могут встретиться под их пером уже в «чужом» значении, например, в значении аориста. Вот характерный пример. Фраза старшего извода НПЛ ([1171]) *и выгна и из города, и[д]е Соуждалю къ Ѡндрееви* в младшем изводе под пером редактора XV века принимает вид: *и выгнаша его изъ Новагорода, и онъ поидяше къ Суздалю къ*

князю *Андрѣю*. В древнем языке *поидяше* ('он всякий раз шел') — это имперфект совершенного вида. Но писец XV века уже не знает его значения; для него это просто один из возможных способов выражения прошедшего времени, и вот он ставит эту словоформу вместо аориста *иде* ('он пошел') — в контексте, где речь явно идет о единичном, а не о повторяющемся действии.

Общее смешение имперфекта и аориста (в частности, смешение окончания 3-го лица единств. числа имперфекта *-ше* и окончания 3-го лица множ. числа аориста *-ша*), которое все шире распространяется в XV и позднейших веках, окончательно уничтожает имперфект совершенного вида как самостоятельную грамматическую форму. Например, в Строевском списке Псковской 3-й летописи (XVI в.) словоформа *поехаше* может означать как 'они поехали' (т. е. выступать как вариант к аористу *поехаша*), так и 'он поехал' (и тогда это вариант к аористу *поеха*); между тем в древнем языке *потѣхаше* могло быть только имперфектом совершенного вида (со значением 'он всякий раз ехал').

Таким образом, позднее XV (а возможно, даже XIV) века никто уже не умел правильно по смыслу употреблять формы имперфекта совершенного вида. Единичные случаи правильного его употребления сохранялись только в списках с древних оригиналов; но ни переписчики, ни читатели уже не понимали, что это формы с особым грамматическим значением.

Обратимся теперь к «Слову о полку Игореве». В этом памятнике есть несколько фраз с имперфектами совершенного вида. Приводим их (сохраняя принятую выше символику).

Тогда пущашеть 10 соколовъ на стадо лебедѣй: которыи дотечаше, та преди пѣс[н]ъ пояще 4;*

Камо туръ поскочяше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая, тамо лежать поганыя головы Половецкыя 54;

Всю нощь съ вечера босуви враны възграяху 98.

Кроме этих ясных случаев, где глагол (*дотечи, поскочити, възграяти*) бесспорно относится к совершенному виду, имеется еще два примера, где совершенный вид лишь возможен, но не гарантирован:

Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь влькомъ рыскаше: изъ Кыева дорискаше до куръ Тмутороканя, великому Хръсови влькомъ путь прерыскаше 159.¹⁷

В самом деле, наличие в древних текстах, в частности, такого вторичного имперфектива, как *сърыскывати* (см. Срезн.) говорит за то, что исходное *сърыскати* относилось к совершенному виду. Существенно также, что в более позднее время это уже безусловно верно для всех приставочных производных от *рыскать*, ср. современные *обрыскать, изрыскать, порыскать* и т. д. С другой стороны, причастие *нарищаще* в СПИ, очевидно, относится к несовершенному виду, и так же следует интерпретировать приводимые в Срезн. примеры презенса *пририщеть* в значении настоящего времени.

Сравнение приведенных фраз с материалом древнерусских памятников показывает, что они вполне сходны по морфологии, синтаксису и значению с подлинными древнерусскими. Так что если они сочинены фальсификатором, то здесь он справился со своей задачей очень хорошо.

Отметим прежде всего, что ни одна из словоформ *дотечаше, поскочяше, възграяху, дорискаше, прерыс-*

¹⁷ Отметим еще словоформы *пущаешь* (см. пример выше) и *пущаше* (*не 10 соколовъ на стадо лебедѣй пущаше 5*), где оба вида совпадают.

каше не отмечена в готовом виде ни в одном известном нам древнерусском памятнике, т. е. все эти словоформы фальсификатор должен был построить самостоятельно. Между тем все они морфологически безупречны.

Значение этих словоформ в составе приведенных фраз тоже вполне соответствует основному значению рассматриваемой грамматической формы.

Так, *дотечаше* означает '[всякий раз] достигал (догонял)' ('которую лебедь достигнет, та пела'); *камо поскочаше* — '[всякий раз] куда бы ни поскакал' ('куда ни поскакет, там лежат...').

Особенно интересна в данном отношении словоформа *възграяху*. В переводах на современный русский язык *врани възграяху* передаются как 'вороны грали' (или 'каркали', или 'кричали'), т. е. во всех случаях перевод такой, как если бы в тексте стояло не *възграяху*, а просто *граяху*.

Между тем приставка *въз-* здесь отнюдь не пустая. В соединении с глаголами, передающими звуки человеческого или звериного голоса, она означает начало, причем резкое, соответствующего звука. Это хорошо видно в современном русском языке: ср. *вскричать*, *взвыть*, *взреветь*, *возрыдать*, *вскрикнуть*, *взвизгнуть*, *всхрапнуть* и др. Часть этих глаголов засвидетельствована и в древнерусском, например, *въскричати*, *възвыти*, *възрюти*; кроме того, здесь находим *възъпити*, *възговорити*, *въспѣти*, *въстонати* и др.; особо отметим *възгракати* (*вранъ же оубо сѣдши на дѣбе и възграка* — Жития святых XVI в., Срезн. I: 348).

Отсюда ясно, что *възграяти* означает 'вскрикнуть (птичьим криком)', 'начать граять'. Легко понять, что имеется в виду: стая ворон, галок и т. п. может какое-то время молча сидеть на деревьях, и вдруг вся она взлетает с одновременным резким криком. Этот вскрик целой стаи и поныне воспринимается человеком как

неприятный, зловещий, угрожающий; никак не меньшие чувства он, конечно, вызывал и в древности. В «мутном сне» Святослава фигурируют именно такие зловещие птичьи вскрики, которые многократно повторялись всю ночь с вечера. Древнерусский язык дал возможность (современным языком утраченную) точно выразить это одним словом: *възграяху*. Ныне это можно попытаться приблизительно передать разве что словом *вскрикивали* (пожертвовав точностью глагола *граять*, поскольку потенциальное **взграивали* едва ли допустимо в литературном языке).

Аналогичное истолкование в принципе возможно и для словоформ *дорискаше* и *прерыскаше*: Всеслав в волчьем образе многократно рыщущей звериной побежкой до рассвета достигал Тьмутаракани и многократно перебегал дорогу восходящему солнцу.

Три имперфекта совершенного вида (или даже пять, если к их числу относятся также *дорискаше* и *прерыскаше*) приходятся в СПИ на несравненно меньшее общее число имперфектов, чем в рассмотренных выше памятниках: в СПИ их всего 39 (а если не считать *бяшеть*, *бяхуть*, стоящих несколько особо, то 35). Хотя для полноценного статистического сравнения с указанными выше крупными памятниками данных здесь недостаточно, все же ясно, что в этом пункте СПИ более всего сходно с Житием Феодосия и с «Повестью временных лет» и совершенно не похоже на памятники XIV–XV веков.

Можно отметить и то более частное обстоятельство, что СПИ обнаруживает в этом пункте сходство с южными, а не с северными древнерусскими памятниками. В рамках версии подлинности это хорошо согласуется с тем, что СПИ посвящено событию из жизни южной Руси.

Но все же главное здесь не в количественных оценках. Главное в том, что в данном отношении в тексте СПИ безусловно соблюдены морфологические и семантические правила, которыми позднее XV века на Руси не владел уже никто — до открытия их заново путем научного лингвистического анализа в XIX–XX веках.

В отличие от двойственного числа, о самом существовании которого человек XVIII века все-таки знал из церковнославянских грамматик, о грамматическом явлении, называемом ныне имперфектом совершенного вида, в этих грамматиках не было ни малейшего намека.

Прежде всего, в этих грамматиках не было ясного понятия о противопоставлении тех двух сущностей, которые мы ныне называем видами. Хотя сам термин «вид», равно как «совершенный вид», уже существовал, он понимался совсем иначе, чем теперь; например, Смотрицкий в качестве образцов глаголов совершенного вида дает *чт8* и *стою*; как образцы двух разных видов у него приводятся *чт8* и *читаю*. Не было также единого понятия, соответствующего современному понятию имперфекта.

Таким образом, чтобы открыть само существование того грамматического явления, которое мы называем имперфектом совершенного вида, Аноним должен был ни много ни мало вначале самостоятельно прийти к современному пониманию того, как глаголы делятся на два вида и как имперфект выделяется среди других грамматических форм.

После этого он должен был заметить, что в некоторых памятниках в качестве чрезвычайно редкого исключения (а именно, в 1–2 процентах случаев, максимум в 6–12), говоря в современных терминах, имперфект образуется от глаголов не несовершенного, а со-

вершенного вида. Указанный в нашей таблице общий объем памятников дает хорошее представление о том, какие массивы материала ему было необходимо для этого проработать. (Напомним, что он еще должен был попасть в этих своих занятиях на нужные рукописи; в частности, в церковных памятниках — а их в его распоряжении явно было более всех прочих — он не нашел бы на этом пути ничего.)

Далее он должен был открыть, что эти исключения носят не чисто формальный характер, а передают некоторый особый, весьма тонкий оттенок значения, например, понять, что *вложаху* и *влагаху* означают не в точности то же самое, и установить, в чем состоит различие. И только после всего этого он смог бы правильно образовать и в правильном соответствии со смыслом употребить в своем сочинении те пять словоформ, которые мы обсуждаем.

И все это ему предстояло сделать в эпоху, когда историческая лингвистика еще не родилась. Полагаю, что нет сомнений в том, как следует оценить способности такого человека.

Что же касается предположения о прямой интуитивной имитации, без лингвистического анализа, то, по-видимому, достаточно просто напомнить, что ни одна из словоформ имперфекта совершенного вида, представленных в СПИ, не встречается в готовом виде более нигде.

Второе лицо единственного числа аориста

§ 14в. В исконной славянской парадигме аориста форма 2-го лица единственного числа омонимична форме 3-го лица, и эта омонимия иногда реально уменьшает ясность текста. Вдобавок у глаголов на *-ити* аорист *сътвори, получи* и т. п. омонимичен императиву,

то есть фразы типа *ты сътвори* двусмысленны: 'ты сделал' или 'ты сделай'.

Со временем развивается тенденция устранять эту омонимию. Основной способ ее устраниния состоит в том, чтобы употреблять во 2-м лице единств. числа перфект вместо аориста.

В дальнейшем эта замена становится церковнославянской нормой, и грамматики Зизания и Смотрицкого, которыми руководствовались люди XVII–XVIII веков, уже дают парадигмы аориста по образцу: *ázъ чтóхъ*, *ты чéль (члà, члò) ессì*, *ónъ чтé*.

Так, например, в Мариинском евангелии 2-е лицо единств. числа аориста встретилось 10 раз: *ты рече* (Мт. 26.25, 64); *и ты бѣ* (Мт. 26.69, Мр. 14.67); *ты свѣдѣтельства (Ио. 3.26)*; *þко ты ма посыла* (Ио. 11.42, 17.8, 21, 23, 25).

В Синодальной библии во всех этих случаях стоит уже перфект: *ты рéклъ ессì*; *и ты бы́лъ ессì*; *ты свидѣтельствовалъ ессì*; *якѡ ты́ ма послáль еси*.

Древнерусские памятники (из числа тех, где вообще встречается прямая речь и, следовательно, 2-е лицо возможно) можно разделить с данной точки зрения на две группы — такие, где 2-е лицо единств. числа аориста еще живо, и такие, где оно уже совсем (или почти совсем) не употребляется.

В первой группе во 2-м лице единств. числа действует (с большей или меньшей степенью полноты) древнее правило распределения аориста и перфекта по смыслу, во второй — новое правило (требующее перфекта независимо от смысла).

Из нецерковных памятников к первой группе относятся прежде всего «Повесть временных лет» и перевод «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия. Здесь картина такова.

Во 2-м лице единственного числа распределение форм аориста и перфекта еще в основном подчиняется первоначальным общим правилам употребления этих форм и еще практически не отличается от их распределения в других лицах и числах. Упрощенно говоря, аорист указывает просто на действие в прошлом, а перфект — на состояние, наступившее в результате действия в прошлом.

Дополнительное техническое правило, которое необходимо учитывать, состоит в том, что в придаточных, вводимых изъяснительным *иако* и в придаточных относительных практически всегда выступает перфект, а не аорист; так что ниже эту группу фраз мы уже можем в рамках нашей проблемы не рассматривать. Другое дополнительное правило состоит в том, что у глаголов несовершенного вида (кроме глаголов движения, а также *быти*, *видѣти*, *слышати* и некоторых других) аорист обычно не употребляется, соответственно, перфект может быть употреблен и при отсутствии к этому специальных смысловых оснований.

В «Повести временных лет» по Лавр. 2-е лицо единственного числа аориста встретилось 6 раз (эти формы подчеркнуты):

чадо вѣрноє, во Крѣта крѣтиласѧ єси и во Крѣта облечесѧ 17 об.;

ѡчѣ (...) мои, что ѿси пожиль бес печали на свѣтѣ семь, многы напасти приимъ ѿ людии и ѿ браѧ своя, се же погыбе не ѿ брата, но за брата своего положи главу свою 68;

юлма же ты, брате мои, показа ко мнѣ любовь, ввѣде ма на столъ мои, и нареч(e) ма старѣшину собѣ, се азъ не поману злобы первыя 68.

Перфект встречается много чаще — 39 раз (из них 10 в придаточных с *иако* и относительных). Для боль-

шинства таких фраз можно предполагать специфическое перфектное значение состояния, наступившего в результате действия, например: *переклюкала ма єси*, *Ольга* 17 об. ('ты меня перехитрила', т. е. 'я побежден'); *да се юси пришелъ и съдиши с брат(ъ)ю своею* 92. В таких фразах перфект не является заменой аориста — он законным образом употреблен в соответствии со смыслом. С другой стороны, в некоторых фразах, по-видимому, по смыслу мог бы быть употреблен и аорист; например, в уже приведенной фразе *во Крѣта крѣстилась єси и во Крѣста облечесѧ* довольно трудно уловить какую-либо разницу между первым и вторым сказуемым по грамматическому значению. Мы не будем пытаться точно сосчитать случаи этого рода, поскольку строго провести разграничение здесь невозможно. Достаточно сказать, что, в отличие от многих других памятников, число таких случаев в данном памятнике невелико.

Другим, еще более отчетливым представителем этой группы является «История Иудейской войны» Иосифа Флавия (перевод XI–XII вв.). 2-е лицо единств. числа аориста представлено здесь словоформами: *погѹби*, *поноуди*, *нача*, *седѣ*, *посла*, *изби*, *раскровави*, *безаконствова*. Вот некоторые примеры:

ты же ми, аѣ, погѹби, иже поноуди врема вѣдати зâвисти 379а;

тъщымъ слѣвомъ пришьса въ цѣльство, а цѣльскаа дѣла прѣжде нача дѣлати, (...) и на златемъ пр(e)ст(о)лѣ седѣ 381г;

и ты послана вѣйны, и изби множество 382а.

Этим 8 формам аориста противостоят 40 форм перфекта (из них 17 в придаточных с *иако* и относительных). Как и в ПВЛ, почти все они хорошо соответствуют основному значению перфекта, как, например, во фразах: *въпїахоу на Ирода, глюще: помориль ны єси*

*глáдомъ, и кони нáши изнемогли 357г; нò аще ты оума
своего забылъ еси 416б.*

Вот яркий пример использования обеих форм с различием в значении: *и ты посла вóины, и изби мнóго* *мнóжество въ цркви пришедшихъ на прáздникъ, (...) и* *тáко еси сътворилъ оубиство, акого же ни иноплеменници сътвориша 382а.* Здесь аорист *изби* передает само действие, а перфект *еси сътворилъ* — смысл этого действия для настоящего: ‘и теперь на тебе вина за небывалое преступление’.

Как и в ПВЛ, есть также отдельные фразы, где мог бы быть употреблен аорист, но их немного, и их значение не столь однозначно, чтобы квалифицировать их как явные случаи замены аориста на перфект.

Из памятников меньшего объема отметим:

«Повесть об Акире Премудром» (переведенную в XI–XII вв. и сохранившуюся в списке XV в.); здесь 4 примера аориста (*възвиже, повелѣ, 8зрѣ, въвръже*) и 25 примеров перфекта (из них 4 придаточных с *яко* и относительных); заметим, что в это число входит представленное 7 раз *былъ еси*;

«Чудеса Николы» (сочинение предположительно XI в., сохранившееся в списке XII в.); здесь 2 примера аориста (*бѣ и рече*) и 13 примеров перфекта (из них 5 придаточных с *яко* и относительных).

Гораздо больше древнерусских памятников принадлежит к другой группе — той, где форм 2-го лица единств. числа аориста нет или почти нет. В этих памятниках во 2-м лице единств. числа вся зона прежних значений аориста и перфекта обслуживается только перфектом, безотносительно к каким бы то ни было нюансам значения.

Таковы прежде всего все летописи, кроме «Повести временных лет». Вот некоторые примеры из летописей,

где форма 2-го лица единств. числа перфекта употреблена в контексте, по первоначальным правилам несомненно требующем аориста:

ченоу хотель юси сести Переяславли? (НПЛ [1138], л. 17);

чemu ми еси во ѿномъ дни не далъ? (Ипат. [1150], л. 145);

зимусь юси ночи на свободу розбоє^м оудариль (Лавр. [1284], л. 170 об.).

К этой же группе принадлежит Житие Андрея Юродивого — произведение, во многих других отношениях весьма архаичное. Во 2-м лице единств. числа при 152 перфектах здесь нет ни одного аориста. Вот некоторые характерные примеры:

кдѣ юси быль доселѣ и кдѣ юси ходиль толико дни глумаса? 19а;

не азъ ли тѧ видихъ, коли юси взаль Ѹ плода и снѣль юси? 27в;

крилѣ юси имѣль, ѧкоже соуть оу серафимъ, да почто я юси вдалъ сотонѣ? 32г.

К этой группе принадлежат также и многие литературные произведения. Так, во 2-м лице единств. числа нет ни одного аориста, в частности, в «Александрии» (при 50 перфектах), «Пчеле» (при 48 перфектах). Вот, например, фраза из «Пчелы», в точности соответствующая правилу Смотрицкого (перфект во 2-м лице при аористе в 1-м): *ты вчера гоуда възвеселиль ма еси пѣсными, а ѧз(ъ) такоже ѡбѣщаньем(ъ) възвеселихъ васъ* 89/90.

Из нашего обзора видно, что 2-е лицо единств. числа аориста — это весьма редкая форма, представленная практически лишь в старейших канонических церковных текстах, а за рамками этого всего в нескольких памятниках XI–XII веков.

На этом фоне может показаться удивительным, что примеры 2-го лица единств. числа аориста обнаруживаются также на четыре века позже в «Повести о Петре и Февронии» (XVI в.). Но здесь мы имеем дело уже с явлением другого порядка. Это сочинение написано искусственным церковнославянским языком, подражющим древности, но со многими ошибками против подлинных древних норм. Например, активно употребляются формы двойственного числа, но часто неправильно. К числу таких искусственных архаизмов относится и употребление в нескольких фразах 2-го лица единств. числа аориста, в частности:

И прииде к брату и рече ему: «Когда убо съмо прииде ('ты пришел')?»;

Приидох же паки, ничто же нигдѣ паки помедлив, ты же не вѣм како мя предтече, напредь мене здѣ обрѣтеся;

Она же глагола ему: «Сего ли не разумѣши! Прииде ('ты пришел') в дом сии и в храмину мою вниде и видѣв мя седящу в простотѣ».

Неправильность здесь прежде всего в том, что из пяти выделенных точек по крайней мере в последних трех по смыслу соответственно древним правилам должен был быть употреблен не аорист, а перфект (*обрѣльса еси, прииша еси, въша еси*). Но автор явно избегает перфекта как формы некнижной (за рамками придаточных предложений он его вообще почти не употребляет). Кроме того, в двух фразах из трех автор, отталкиваясь от живого языка, опускает местоимение *ты*, тогда как в подлинном древнем тексте при аористе оно скорее всего было бы сохранено.

Обратимся теперь к «Слову о полку Игореве». Здесь во 2-м лице единственного числа мы находим четыре формы аориста:

Чему, господине, мое веселie по ковылю разъя?
176;

Чему, господине, простре горячую свою лучю на ладѣ вои, въ полѣ безводнѣ жаждею имъ лучи съпряже, тугою имъ тули затче? 183.

С морфологической точки зрения все они безупречны (при том, что образование аориста от *простыти* [или *прострѣти*], *съячи* и *заткнути* требует хорошей степени владения техникой словоизменения). В смысловом отношении аорист здесь вполне оправдан.

С другой стороны, в двух случаях употреблен перфект:

О Днепре Словутию! ты пробиль еси каменные горы сквозѣ землю Половецкую; ты лелѣяль еси на сѣбѣ Святославли носады до пльку Кобякова 178–179.

В *пробиль еси* перфект полностью уместен по смыслу. Во втором случае значение допускало бы и аорист, но *лелѣяти* — глагол несовершенного вида, и этого достаточно для употребления перфекта (см. выше); кроме того, симметрия двух частей фразы способствует использованию в них одной и той же грамматической формы.

Как можно видеть, в СПИ употребление времен во 2-м лице единств. числа полностью соответствует ситуации в первой из рассмотренных выше групп, то есть той, где актуально древнее правило распределения аориста и перфекта по смыслу.

Если СПИ — подлинное древнее произведение, этот факт не нуждается в особых объяснениях.

Если же это фальсификат, то его создатель должен был в вопросе о выражении 2-го лица единств. числа в прошедших временах отступить от прямых указаний известных ему грамматик и самостоятельно установить, какова была ситуация в данном пункте грамматики в древности. При этом он должен был каким-то образом

прийти к заключению, что здесь не следует принимать во внимание показания никаких летописей, кроме «Повести временных лет», равно как подавляющего большинства литературных произведений. И, наконец, в каждом из тех произведений, которые он таким образом отобрал, он должен был отыскать полдюжины нужных примеров в массивах из десятков тысяч слов.

Коротко о других древних чертах

§ 15. Аноним знал также множество других тонких правил разных уровней, которым подчинялся древнерусский текст и которые были понемногу выявлены после него также и другими лингвистами на протяжении последующих двух столетий. Упомянем коротко некоторые из них.

Он знал, например, все точки, где надо показать 2-ю палатализацию (*на рѣцѣ, на Немизѣ, при Олзѣ, въ розѣ, на тоцѣ, плѣци, вльци, стязи, пороси, друзи, на жестоцѣмъ* и т. д.). Конечно, это ему могла подсказать и церковнославянская грамматика; но ему было известно и то, что для словоформ *Полотскѣ* и *поскепаны* уместно отступить от требований этой грамматики и не менять *к* на *ц*, потому что в некотором классе древнерусских рукописей сочетание *ск* действительно не дает этого эффекта.

Он знал не только то, что церковнославянскому неполногласию соответствует древнерусское полногласие, но и то, что для максимального сходства с подлинными древними рукописями следует вставить в текст как те, так и другие варианты (скажем, *храбрыи* и *хороброе*, *враны* и *воронъ*, *на забралѣ* и *на заборолѣ*). При этом, однако, для слов, которые известны только русскому языку, но не старославянскому, он в точном соответствии с древнерусским узусом давал только полногласный вариант (например, *дорогами*, *узорочьи*, *шеломянемъ*).

Он знал, что у одушевленных существительных в единственном числе можно вставлять в текст свойственные его собственному языку словоформы винительного падежа (скажем, *князя*), а во множественном не следует, а нужно вместо этого употреблять словоформы с окончаниями *-ы*, *-и* (*сваты*, *християны*, *князи*), и только один раз позволил себе в качестве отклонения словоформу *князей*.

Он знал систему из четырех прошедших времен (аориста, имперфекта, перфекта и плюсквамперфекта) и в целом правильно распределял обозначения событий в прошлом по этим четырем грамматическим формам. В частности, ему было хорошо известно, что аорист следует в нормальном случае образовывать от глаголов совершенного вида, а имперфект — от глаголов несовершенного. Но знал он и то, что для *видѣти*, *слышати* и глаголов движения (а также *бити*, *битися*) в отношении аориста это ограничение не действует; и вот он в полном согласии с древнерусским узусом употребил аористы *видѣ*, *слыша*, *тече*, *несоша*, *ползоша*, *плаваша*, *подвизашася*, *връже*, *връжесъя*, *бишася*. Как мы уже видели выше (§ 14б), он знал, что все-таки возможен — при передаче повторяющихся действий — также имперфект совершенного вида, и успешно использовал это свое знание.

Он знал, что у глаголов на *-ити* имперфект мог образовываться как с чередованием в конечной согласной корня (например, *любляше*, *хожсане*), так и без него (например, *любяше*, *ходяше*), причем в одном и том же памятнике обычно встречаются обе модели. И вот он вставил в текст СПИ две формы без чередования (*судяше* и *рядяше*) и одну с чередованием (*прихождаху*).

Про имперфект он знал также ту тонкость, что в 3-м лице здесь возможны два варианта: с добавочным *-ть* и без него (скажем, *бяшеть* и *бяше*). При этом, однако,

он применил эти два варианта отнюдь не как попало, а распределил их сложным образом в зависимости от нескольких разных факторов (не приводя их все, укажем лишь для примера, что в положении перед энклитикой имперфект выступает здесь только в варианте с *-ть*). Это распределение выявлено в работе Тимберлейк 1999. Но самое важное в том, что, как установлено в той же работе, такое же распределение представлено в ряде традиционных раннедревнерусских памятников, например, в той части Лаврентьевской летописи, которая соответствует XII веку, — иначе говоря, Аноним не сам придумал это распределение, а установил его (на два века раньше всех прочих славистов) на основе анализа каких-то древнерусских памятников.

Вообще, он великолепно владел техникой построения древнерусских словоформ, в том числе таких, которые требовали сложного преобразования основы, особых чередований и т. п. Например, он безупречно различил имперфекты *растѣкашется* 'растекался, разбегался' (с правильным *ѣ* и правильным *к*) и *дотечаше* '[всякий раз] добегал, догонял' (с правильным *е* и правильным *ч*). Аорист 3-го лица единств. числа глаголов на *-ити*, *-ати* почти всегда получается простым обращением *-ти*, например, *въстути* 'вступил', но Аноним знал, что глагол *расшибити* этому правилу не подчиняется, и написал *разшибе* (а не *разшиби*), с правильным *-е*.

С его компетенцией для него не было препятствием даже то, что некоторые из потребовавшихся ему для СПИ словоформ сложного строения не встречаются в готовом виде ни в каком древнерусском памятнике. Таковы, например: *гримлють* '[часто] гремят', *дотчеся* 'достиг ударом, прикоснулся', *поскочяше* '[всякий раз] куда бы ни поскакал', *приламатися* 'быть изломанным'. Все эти словоформы он сумел построить безупречно правильно.

Он знал много больших и малых синтаксических правил, например, что нельзя писать *по замышлению Бояна* или *тропа Трояна* (как в языке самого Анонима), а можно только *по замышлению Бояню* или *тропа Трояня*; что следует сказать *забывъ чти и живота* (а не *забывъ честь и животъ*) или *да позримъ синего Дону* (а не *синий Дон*); что во фразе *не ваю ли храбрая дружины рыкаютъ акы тури* нужно поставить именно *рыкаютъ* (а не *рыкаетъ*).

Он знал, что в XI–XIII вв. существовала частица *ти*, передававшая весьма тонкое модальное значение (сходное, но лишь отчасти, со значением современных *ведь* и *то*), которая могла свободно сочетаться с произвольным словом, и что позднее она это свойство уже потеряла, сохранившись только в нескольких застывших сочетаниях. Например, в Задонщине *ти* встречается только в составе застывшего *то ти* ‘вот, итак’. (После Анонима это хронологическое распределение было обнаружено лишь в конце XX в., см. Зализняк 1993, § 76–78.) Зная это распределение, Аноним не стал брать из Задонщины *то ти*, а вместо этого смело сочинил исключительно правдоподобные древнерусские фразы с частицей *ти* в свободных сочетаниях: *а мои ти готови остьдлани у Курьска на переди 22; а мои ти куряни свѣдоми къмети 23; тяжко ти головы кромѣ плечю, зло ти тѣлу кромѣ головы 210.*

Знал он и то, что нужно сказать *галица* (а не *галка*), *чайца* (а не *чайка*), *лжа* (а не *ложь*), *луча* (а не *лучь*), *ужина* (а не *ужинъ*), *пустыни* [И. ед.] (а не *пустыня*), *завтрокъ* (а не *завтракъ*), *вихрь* (а не *вихрь*), *запалати* (а не *запылати*), *устпти* (а не *усыпти*), *польяна* (а не *полита*), *всядемъ* (а не *сядемъ* [на коней]), *сквозѣ* (а не *сквозь*) и др.; что можно и уместно сказать *пастися* ‘упасть’ (а не *пасти*), *полудние* (а не *полдень*); что у

имени *Святославъ* существовал редкий вариант *Святъ-славъ*; и т. д.

Опасными ловушками для него были все слова, которые изменили за протекшие века свои значения: из-за них нельзя было просто брать слова своего родного языка и подставлять древнерусские окончания — нужно было изучить множество древних памятников и выявить древние значения всех слов (напомним, что словарей еще не было). Он выполнил эту работу блестяще — не попался в такие ловушки ни разу. Так, он совершенно правильно употребил слово *полкъ* в значении 'поход', а не 'полк'; аналогично, например, в случаях: *былина* 'действительное событие, быль', *жадный* 'жаждущий', *жалоба* 'горе', *жалость* 'страстное желание', *жестокий* 'крепкий, сильный (о теле)', *жизнь* 'достояние, богатство', *жиръ* 'богатство, изобилие', *задний* 'последний по времени', *крамола* 'междоусобица', *мостъ* 'гать', *похоть* 'желание, стремление', *похитить* 'подхватить, поддержать', *сила* 'войско', *на судъ* 'на смерть', *тощий* 'пустой', *щекотать* 'петь (о соловье)' и т. д.

В целом совокупность фактов, рассмотренных выше в § 8–15, показывает, сколь мощной компетенцией в раннедревнерусском языке должен был обладать Аноним, если это он создал СПИ. Он сумел включить в свое сочинение (причем безошибочно в морфологическом и семантическом отношении) целый ряд грамматических и лексических явлений, которых не только не было в его родном языке, но большей частью не было и в церковнославянском языке его времени и которые даже в древнерусских рукописях встречались лишь изредка (а во многих вообще не встречались). Масштабы этой компетенции совершенно поразительны, если он достиг ее путем научного анализа, и просто беспрецедентны, если он выработал ее интуитивно.

Особые случаи

§ 16. В сфере синтаксиса наряду с чертами, характерными для старейших древнерусских памятников, у СПИ имеется и несколько таких черт, которые мало похожи на древние и, напротив, порождают ощущение того, что перед нами текст подозрительно современного звучания.

В наибольшей степени это относится к характерному для СПИ и столь нехарактерному для других древних памятников бессоюзию. Этот вопрос подробно разбирается ниже в разделе «Бессоюзие в СПИ и в Задонщине» (§ 30–33). Целесообразно, однако, забегая вперед, уже здесь привести один из итогов этого разбора, а именно: бессоюзие действительно является индивидуальной особенностью СПИ, резко отличающей его от других древнерусских памятников, но свидетельством его позднего происхождения служить не может.

Другой исторически новой чертой СПИ является употребление предлога перед названиями городов в локативе: *въ Кыевѣ*, *въ Новѣградѣ*, *въ Путивлѣ*, *въ Черниговѣ*. Древнейшим здесь, как известно, было беспределожное употребление таких словоформ.

В этом пункте достоверные сведения нам дают только подлинные документы домонгольского периода (прежде всего берестяные грамоты), поскольку переписчики более позднего времени в большинстве случаев добавляли от себя недостающие, по нормам их эпохи, предлоги. Материал берестяных грамот и тех немногих памятников других категорий, которые в этом отношении полезны, показывает, что новая модель (с предлогом) появляется примерно в последней четверти XII в. и побеждает примерно к середине XIII в. (см. ДНД₂, § 4.7).

Отсюда ясно, что даже если принять самую раннюю возможную дату создания СПИ — вскоре после 1185 г., — то речь идет о периоде, когда модель с предлогом уже была активна, а модель без предлога уходила в прошлое.

Но независимо от этого следует, конечно, считаться также с возможностью добавления предлогов переписчиком XV–XVI в. Более того, в тексте СПИ по крайней мере в двух точках такое добавление почти наверное имело место: это *въ полуночи* и *въ пльночи*, которые встретились здесь наряду с древним беспредложным локативом *полунощы* ‘в полночь, в полуночное время’.

Еще одна новая черта СПИ — неповторение предлога в именных группах. Примеры: *въ граде Киевѣ, при Олзѣ Гориславличи, за землю Русскую, къ Дону Великому*. Исключение составляет только *на рѣцѣ на Каляѣ* (46, 104). Для сравнения полезно привести несколько примеров из Задонщины, которая в этом отношении заметно отличается от СПИ (хотя и здесь случаев повторения предлога сравнительно мало): *в городѣ в Киевѣ, в Великом в Новгородѣ* (КБ), *за царем за Соломоном, на рекѣ на Мечи, за землю за Русскую* (У).

Но повторение предлога — это черта живого языка, которая достаточно полно отражается только в грамотах (почти последовательно в берестяных, менее последовательно в пергаменных и бумажных). В литературных текстах эта черта явно избегалась — считалась простонародной. Таким образом, отсутствие этой черты в таком памятнике, как СПИ, вполне соответствует древнерусской литературной норме. Мы должны лишь констатировать, что в этом пункте СПИ следует именно литературному, а не народному узусу.

Особо следует отметить некоторые случаи выражения притяжательности. В целом в СПИ очень четко со-

блюдаются древние правила распределения конструкций с генитивом (типа *лугъ Донца*) и с притяжательными прилагательными (типа *тропа Трояня*). В частности, действует жесткое правило, требующее конструкции типа *тропа Трояня* в случае, если подчиненное слово — это наименование лица (в единственном числе), не имеющее при себе определений, например: *о полку Игоревѣ 1, не по замышленію Бояню 2, Ольгово хоробре гнѣздо 40, Стрибожи внуци 48, съ отня зата стола 131, дѣти бѣсови 52*. При наличии определения выступает конструкция типа *лугъ Донца*, например, *на моя лады вои* во фразе *Чему мычели Хиновьскыя стрѣлки на своею нетрудною крилцю на моя лады вои? 174.*

От этих правил отклоняется лишь одна фраза: *Чему, господине, простре горячую свою лучю на ладѣ вои...? 183*, где *ладѣ* (Р. ед.) не имеет определения. Но ввиду прямого сходства этой фразы с предыдущей есть все основания предполагать здесь простой пропуск слова *моя* при переписывании.

Более сложный вопрос связан с необычными конструкциями *о пѣлку Игоревѣ, Игоря Святъславича 1* и *пльци Олговы, Ольга Святъславича 57*. Необычны здесь генитивы *Игоря* и *Ольга*, дублирующие прилагательные *Игоревѣ* и *Олговы*. Древних аналогов такой конструкции нам не удалось обнаружить. Обычные древнерусские правила требуют в таких случаях притяжательного прилагательного от первого члена и генитива второго члена, например, *судъ Ярославль Володимирича или о Святослави смерти Шловича*. Таким образом, ожидалось бы *о пѣлку Игоревѣ Святъславича и были пльци Олговы Святъславича*. И в самом тексте СПИ мы находим правильно построенное по этой модели *за раны Игоревы буего Святъславича* (129, 132, 142). Заметим, что запятая, которую ставят совре-

менные издатели в словосочетании *за раны Игоревы* (,) *буего Святъславича*, отражает современное, но не древнее восприятие текста: ныне мы в состоянии признать это словосочетание грамматически допустимым только при условии, что *буего Святъславича* обособлено и, соответственно, в смысловом отношении подано как некая дополнительная информация. Между тем для древнерусского человека это просто притяжательная форма от целостного поэтического наименования *Игорь буи Святъславичъ* и никакого обособления (и никакой паузы) здесь нет.

Возможно, перед нами «модернизация» первоначального текста под пером переписчика XV–XVI в., связанная с утратой древнего восприятия подобных словосочетаний, т. е. частичная подгонка (скорее всего бессознательная) под новый способ выражения данного смысла — с помощью одних лишь генитивов. В результате получился своего рода компромисс между старой и новой формой выражения данного смысла.

Но нельзя исключать и того, что вся конструкция принадлежит все же древнему автору, а добавленные полные имена *Игоря Святъславича* и *Ольга Святъславича* образуют род эпического повтора или представляют собой уточнения, выделяющие героя среди многих Игорей (или многих Олегов), которые были известны слушателям.

Черты XV–XVI веков в СПИ

§ 17. Морфологические и синтаксические черты XI–XII вв. облечены в СПИ в «одежду» фонетики и орографии (в значительной степени также и морфологии) XV–XVI вв.

Так, состояние редуцированных в СПИ — такое, как должно быть в XV–XVI вв. (отнюдь не в XII в.); наряду

со старыми написаниями *ky*, *gy*, *hy* широко представлены новые написания *ki*, *gi*, *hi*; отражены различные мелкие фонетические явления позднедревнерусского периода, ср., например, *половецкий* (с *и*), *рѣтко* (с *m*), *взыдоша* (с *ы*), *итти* (с *tt*) и т. п.

В орфографии СПИ широко отражено так называемое второе южнославянское влияние: преобладают написания типа *плѣкъ*, *влѣкъ*, *брѣзый*, *прѣвый*, *чрыленъ*, встречается *ь* вместо *ъ* на конце слова (*умъ*, *Велесовъ* и т. п.), *a* вместо *я* после гласной (*cia*, *вѣщia*, *копia*, *граахуть* и т. п.), имеются такие написания с *жд*, как *вижду*, *приходжаху*. В период с конца XIV по начало XVI века в большинстве рукописей, созданных на Руси, представлена именно эта орфография южнославянского типа.

В морфологии СПИ представлены многочисленные отклонения от норм XII века в сторону более поздней ситуации. Так, имеется довольно много случаев смешения И. мн. муж. и В. мн. муж. (например, И. мн. *шемолмы*, *стѣрии* или В. мн. *хлѣми*), в И. В. мн. жен. мягкого склонения господствует уже новое окончание *-и* (*лисици*, *галици*, *зори*, *вежи* и др.), в М. ед. мягкого склонения широко представлено новое окончание *-ѣ* (*въ Путивлѣ*, *въ полѣ*, *въ гридницѣ* и др.), имеются примеры несогласованных причастий (= деепричастий) (*звоня*, *имѣя*, *побарая*), в *шеломянемъ* уже выступает аналогическое *-ян-* на месте исконного *-ен-* и т. д. Все эти явления в изобилии наблюдаются в русских рукописях XV и позднейших веков.

Мы назвали пункты, где в XV–XVI вв. устанавливается уже новая норма. К ним можно добавить также ряд пунктов, где старая норма в это время еще существует (по крайней мере в книжном языке), но начинает все чаще нарушаться. Выше уже говорилось о таких

нарушениях в сфере двойственного числа и в сфере энклитик; другим подобным примером может служить такое явление, как двойное *ся* (§ 11).

К этой категории можно отнести также правила употребления перфекта. Перфект встречается в СПИ чаще, чем было бы естественно для древнего текста, и это одна из причин того, что СПИ воспринимается как текст, близкий к современному. Рассмотрим этот вопрос несколько подробнее.

Перфект встретился в СПИ 24 раза (не считая спорных случаев). В большой группе примеров представлено древнейшее значение перфекта — значение достигнутого состояния: *Мъгла поля покрыла* 34; *На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла* 104; *Уже бо, братіе, невеселая година вѣстала*, уже пустыни силу прикрыла 75; *Уже, княже, туга умъ полонила* 101; *Уже соколома крильца притѣшили поганыхъ саблями* 102; *Дремлетъ въ полѣ Ольгово хоробре гнѣздо;* далече залетѣло 40; *Олговичи, храбрыи князи, доспѣли на брань* 139; *И древо с(я) тугою къ земли прѣклонило* 199 (также 74).

Но почти для всех остальных примеров выбор между перфектом и аористом (или перфектом и имперфектом), вообще говоря, открыт.

Здесь прежде всего обращают на себя внимание случаи, когда представлены оба возможных решения. Ср. *Уныша* (аорист) *бо градомъ забралы, а веселіе пониче* 92 — *Унылы* (перфект) *голоси, пониче веселіе* 148; *Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхутъ* (имперфект) *постѣяни* 158 — *Чръна земля подъ копыты костыми* *была* (перфект) *постѣяна* 67. Никакого семантического оправдания различию времен здесь найти невозможно.

Кроме того, имеются пассажи, где в одном ряду стоят аорист и перфект — и тоже без видимых семантических оснований, например: *Вѣстала* (перфект) *обида* *въ силахъ Дажьбожа* *внука;* *вступил(a)* (перфект) *дѣ-*

*вою на землю Трояню; въсплескала (перфект) лебеди-
ными крылы на синѣмъ море, у Дону; плеиuchi убуди
(аорист) жирня времена 76.*

Узус безразличного употребления двух разных времен (вообще или в каких-то позициях) достаточно обычен для XV и более поздних веков, но не для древности. Он проявляется в бесчисленном количестве случаев, когда в одних списках в некоторой точке текста стоит аорист (или имперфект), а в других перфект, а также в свободном чередовании времен в рамках единого пассажа. При этом, конечно, общая тенденция переписчиков состояла в том, чтобы заменять архаичные прошедшие времена на живую форму, т. е. перфект (хотя в отдельных случаях бывают и примеры обратного).

Вот пример замены аориста на перфект при списывании. В старшем изводе НПЛ под 1333 г. имеется фраза: ... и *ѡнъ молбы не приялъ, а ихъ не послушалъ, а мироу не да* (аорист), *поѣха* (аорист) *прочь*. В младшем изводе, списанном в XV веке, эта фраза выглядит так: ... и *онъ молбы не приялъ, а ихъ не послушалъ, а миру не далъ* (перфект), *и прочь поихалъ* (перфект).

Еще пример. В Строевском списке Псковской 3-й летописи, сделанном в XVI в., под 1217 г. имеется запись: *и убииша* (аорист) *двѣ воеводѣ, а третьего руками яша* (аорист), *а лошадеи отняли* (перфект) 7 сом. Первоначально в этой записи явно стоял аорист *отняша* (в начале XIII в. перфект в таких летописных сообщениях еще не употребляется) — перфект здесь появился при переписке.

Пример несхождений между разными списками можно взять из Задонщины:

Уж(e), брате, возвеяша (аорист) *сил(ъ)нии вѣтри по морю на усть Дону и Непра, прилѣгшиасъ* (аорист)

великиа тучи по морю на Рускую землю, из них выступают (презенс) кровавыя зори (список И-1) —

Уже бо, брате, возвияли (перфект) по морю на усть Дону и Непра, прилъяша (аорист) тучи на Рускую землю, из них же выступали (перфект) кровавые зори (список У).

А вот пример из Строевского списка, где взаимозаменимость времен для позднего писца проявляется особенно ярко: *месяца генваря 22 (...) бысть пожаръ во Псковѣ, загорѣся (аорист) от Федоса от Гоболѣ от мястника, а загорѣлося (перфект) в неделю вечером, и горѣ до обѣда* (л. 92 об.).

Из этих примеров понятно, что в СПИ некоторое число «лишних» перфектов могло возникнуть точно таким же путем.

Итак, в рамках версии подлинности СПИ все указанные факты объясняются без всякого затруднения как совершенно обычные эффекты, возникавшие под пером переписчика XV–XVI в. Подобного же рода позднюю фонетическую и орфографическую (отчасти и морфологическую) «одежду» имеют и все другие древние сочинения или переводы, которые дошли до нас только в поздних списках, — например, Русская Правда, «Поучение» Мономаха, «Вопрошание Кириково», «История Иудейской войны» Иосифа Флавия, «Повесть об Акире Премудром» и т. д.

В рамках версии поддельности первая и простейшая идея, которая приходит в голову при виде представленных в СПИ поздних окончаний склонения и т. п., состоит в том, что это просто черты собственного языка Анонима, т. е. черты языка XVIII века, которым он по незнанию или по невнимательности позволил проникнуть в его сочинение. В самом деле, многие из упомя-

нутых выше поздних форм, например, *аки* (вместо *акы*), *шеломы* (вместо *шеломи*), *въ полѣ* (вместо *въ поли*), *звоня* (вместо *звонячи*) вполне соответствуют нормам XVIII века.

Поскольку речь идет о выборе между XVI и XVIII веком, естественно возникают два вопроса:

1) есть ли в СПИ такие поздние формы, которые в XVIII веке существовали, а в XVI отсутствовали?;

2) и есть ли в СПИ такие поздние формы, которые, напротив, в XVI веке существовали, а в XVIII отсутствовали?

Ответы оказываются совершенно определенными. Ответ на первый вопрос — отрицательный: в СПИ не найдено никаких форм, которые принадлежали бы XVIII веку, а в XVI еще не существовали. Например, приведенные выше *аки*, *шеломы*, *въ полѣ*, *звоня* для XVI века совершенно обычны.

Ответ на второй вопрос — положительный: таковы, например, написания, *плѣкъ* (вместо *полкъ*), *сіа* (вместо *сія*), формы типа *гради* (вместо *грады*), *живая* (вместо *живыя*) и много других.

Ясно, что примеры типа *аки* или *шеломы* для выбора между XVI и XVIII веком не дают ровно ничего, тогда как примеры типа *плѣкъ* или *сіа* исключают XVIII век, допуская лишь XVI век (или какие-то другие века, которые дали бы тот же эффект).

Таким образом, указанная простейшая идея объяснить появление в СПИ всех этих поздних форм никоим образом не может. В рамках версии поддельности оказывается необходимым признать за Анонимом несравненно более сложные действия, чем простое использование привычных для себя форм. Чтобы получить ту картину, которую мы реально видим в СПИ, Аноним, очевидно, должен был детально изучить совокупность

тех орфографических и языковых признаков, которые отличают русские рукописи XV–XVI вв. от рукописей XI–XII вв. И в этом, казалось бы, третьестепенном в масштабах его замысла деле он проявил поистине изумительную дотошность, воспроизведя привычные манеры переписчиков XV–XVI в. и их типовые ошибки во множестве мелких деталей, которые Аноним явно предназначал только для будущих высококвалифицированных филологов (поскольку обычному читателю они ничего не говорят). В данном случае он уже не мог действовать «крупными мазками», как, например, когда он оснащал весь текст формами двойственного числа, или нечленными прилагательными во всех падежах, или многочисленными имперфектами. Здесь он уже должен был знать и уметь применять десятки маленьких частных правил.

Добавим еще, что в версии поддельности, вопреки первому впечатлению, довольно сложно объяснить обилие перфектов в СПИ: фальсификатору, который прекрасно умел строить и архаичные прошедшие времена, насыщать текст перфектами (т. е. современными формами) было чрезвычайно невыгодно: тем самым он очевидным образом укреплял у читателей подозрение, что текст не древний. А поверить в то, что он действовал бездумно и перфекты у него выскакивали просто оттого, что он сам так говорил, на фоне всего того, что он умел, и того, как тонко он работал в других случаях, практически невозможно.

Сухой характер перечня, данного в начале этого параграфа, не должен вводить в заблуждение: в действительности за каждой его строчкой стоит сложная задача, которую должен был решить фальсификатор. Так, в частности, в важной работе О. Страховой (2003) убедительно показано, что для одной лишь имитации

орфографических эффектов второго южнославянского влияния фальсификатор должен был вначале открыть тот факт, что в истории русской письменности имелся период, который характеризовался именно такими эффектами (и этим отличался как от древнейших веков, так и от нового времени), — т. е. сделать то же, что веком позже сделал А. И. Соболевский. Этот период был сравнительно коротким — с конца XIV по начало XVI века; тем самым в данном пункте фальсификатор не мог опираться ни на рукописи и книги XVII–XVIII веков, ни на рукописи древнерусской эпохи. Отсюда видно, что уже одной лишь орфографической проблематики в принципе достаточно, чтобы версия о поздней подделке оказалась предельно маловероятной.

Не забудем еще, что само изучение орфографических и языковых особенностей рукописей XV–XVI веков Аноним мог начать лишь после того, как он каким-то способом выявил в море рукописей те, которые относятся именно к этим векам, — точно так же, как для изучения раннедревнерусских особенностей необходимо было сперва выявить древнейшие рукописи. Между тем дату в тексте имеет лишь ничтожная часть древнерусских рукописей, а определение возраста недатированных рукописей и теперь составляет непростую задачу. Что же говорить об эпохе, когда еще не было ни каталогов рукописей, ни палеографических руководств, ни исторических грамматик! Невозможно представить себе никакого другого пути решения этой задачи, кроме того, который реально прошли филологи XIX–XX веков: вначале кропотливое собирание датированных рукописей, затем выявление по этим рукописям характерных палеографических и языковых признаков каждой эпохи. Мы в очередной раз убеждаемся, что Аноним должен был в одиночку проделать тот же труд, что вся армия филологов двух последующих веков.

§ 18. СПИ разделяет с подлинными рукописями XV–XVI веков также следующую характерную черту: указанные выше орфографические и морфологические особенности реализованы не совсем последовательно — встречаются и некоторые отклонения от них.

Конечно, сам по себе этот факт еще не доказывает подлинности СПИ: эти отклонения могут принадлежать и Анониму, причем он в принципе мог допустить их как случайно, так и намеренно — для правдоподобия. Но здесь существенно следующее: отклонения этого рода в СПИ таковы, что для них практически всегда находятся аналоги в подлинных рукописях XV–XVI вв.

Выше, в § 8 и 17, уже приводились примеры имеющихся в СПИ ошибок, связанных с двойственным числом и с перфектом, которые вполне сходны с ошибками в рукописях.

Вот некоторые другие примеры.

Слабые редуцированные в принципе в СПИ уже на письме отсутствуют, но есть и редкие исключения, например, *къмети*, *тъщими*. Систематическим отклонением от этого принципа является сохранение ъ в приставке *въз-*, *въс-*, например, *възбиваєть*, *въстала*, *въскръмлени*; но в свою очередь и от этого частного правила иногда бывают отклонения, например, *взмути*. Всё это вполне соответствует тому, что можно наблюдать в рукописях XV–XVI вв.

Сочетания типа **TъrT* обычно записываются в СПИ по южнославянскому образцу (*бръзый*, *плъкъ* и т. п.). Но при использовании такой записи допущены две ошибки: с *rъ*, *лъ* записаны также *подпръся* 154 и *плъночи* 155, хотя в этих словах не было сочетания типа **TъrT* (вместо правильных *подперся* и *полночи*). И вот оказывается, что точно такие же ошибки встречаются и в подлинных рукописях XV–XVI вв.

Во фразе *И отъ всѣхъ странъ Рускыя плькы отступиша* ‘и со всех сторон [половцы] русские полки обступили’⁵¹ в последнем слове *от* — ошибка вместо *о* (*оступиша* ‘обступили’). Но в рукописи здесь явно стояло не *от*, а *ѡ* (см. выше, § 6), т. е. ошибка состояла в написании *ѡ* вместо *ω* (*ѡстоупиша* вместо *ωстоупиша*). А это как раз одна из тех ошибок, которые много-кратно встречаются в подлинных рукописях.

Слово ‘через’ пишется в СПИ то *чресъ* (древняя форма), то *чрезъ* (новая форма); и это ровно то, что бывает в рукописях.

Словоформа ‘себе’ (Д. падеж) предстает в СПИ в виде то *себѣ*, то *себе*, то *собѣ*; и это снова точно отражает узус.

Окончание И. В. мн. жен. и В. мн. муж. членных прилагательных (твёрдого склонения) имеет в СПИ вид *-ыя* или *-ыи*, например, *красныя дѣвки Половецкыя, храбрыя плькы, горы Угорскыи, подъ тыи мечи харлужныи*. Но один раз представлено неправильное окончание *-ая*: *на живая струны*. Однако это отнюдь не случайная замена буквы, а гиперкоррекция, встречающаяся и в рукописях. Окончание *-ая* есть книжный (= церковнославянский) вариант к *-иѣ*, *-ия* после шипящих (например, в И. В. мн. *прочая нивы* и т. п.); а в *живая струны* оно применено за рамками своей законной сферы.¹⁸ Вот примеры совершенно аналогичной ошибки в рукописи Строев.: В. мн. *и прошел горы непроходимаа* (л. 7); Р. ед. *оу псковскаа рати* (л. 142 об.) — вместо нормальных для этого памятника *непроходимыа, псковскыа*.¹⁹

¹⁸ Таким образом, неправ был Б. А. Ларин (1975: 160), счи-тавший, что такая ошибка могла возникнуть только на этапе подготовки рукописи к изданию.

¹⁹ Изложенное здесь объяснение формы *живая* полно-стью совпало с предложенным в работе Стенсланд 2002, с

В Т. ед. твердого *o*-склонения последовательно выступает древнее окончание *-ы*: *пълкы*, *шеломы*, *щиты*, *копыты*, *веслы* и т. д. Но один раз встретилось неправильное окончание *-и*: *молотять чепи* ('цепами') *харлужными* 157 (*чеп-* здесь вместо *чѣп-* — в силу смешения *ч* с *ч* и *ѣ* с *e*)²⁰. Эта аномалия, однако, встречается и в рукописях: ср. *исьшекли топори в частье 'иссекли топорами на части'* (Строев., л. 181–181 об.), *всеми пятми сбори 'всеми пятью соборами'* (там же, л. 121), *с своиими дроузи 'со своими друзьями'* (там же, л. 106 об.–107), *съ влъсви 'с волхвами'* (евангелие учительное 30-х – 40-х гг. XVI в., псковское, рук. РГБ, фонд 98, № 80, л. 480 об.). Механизм здесь ясен: Т. мн. на *-ы* одинаков с В. мн., а в эпоху, когда И. мн. и В. мн. активно смешиваются, в роли Т. мн. уже может быть использована и форма И. мн.; ср., например, *со всеми киꙗнє 'со всеми киевлянами'* (Ипат. [1113], л. 102 об.).

Особую группу отклоняющихся от нормы написаний составляют в средневековых рукописях диалектизмы. Они тоже есть в СПИ; см. о них ниже § 21–22.

Поскольку случайное совпадение ошибок в этих и других подобных случаях находится за пределами вероятного²¹, приходится признать, что Аноним вставлял

которой я, к сожалению, познакомился лишь с опозданием. Л. Стенсланд приводит целых пять примеров с аналогическим окончанием *-ая* из рукописей XV–XVII вв.

²⁰ К сожалению, это место нередко комментируется неверно. Так, СССПИ (6: 148) дает здесь в качестве исходной формы *чепь*; С. П. Обнорский (1960: 55) пишет: «неясна форма тв. мн. *чепи* вместо *чепыми*».

²¹ Понятно, впрочем, и из общих соображений, что у средневекового переписчика и у позднего фальсификатора случайные отклонения имеют мало шансов оказаться одинако-

в текст все эти ошибки отнюдь не наобум, а очень обдуманно, и делал это на основе предварительного тщательного изучения реальных ошибок средневековых писцов. Поистине, он не жалел труда для достижения полного сходства своего фальсификата с реальными рукописями — даже в деталях, о которых никто из его современников и не подозревал.

§ 19. Не разбирая подробно все факты этого рода, остановимся на одном важном для характеристики рукописи аспекте данной проблемы: посмотрим, как распределяются отклонения переписчика от оригинала на протяжении текста памятника.

Начнем с вопроса о распределении в СПИ написаний с *кы*, *гы*, *хы* и с *ки*, *ги*, *хи*. Здесь прежде всего важно учитывать, что четыре источника, по которым мы знаем СПИ (П., Е., М. и К.), расходятся в этом отношении между собой, т. е. при копировании переписчики (по крайней мере некоторые) иногда записывали *ки* вместо стоявшего в рукописи *кы* или наоборот (первое, конечно, вероятнее).

Разделим все точки, где встречается *кы*, *гы*, *хы* или *ки*, *ги*, *хи*, на три группы: 1) во всех сохранившихся списках стоит запись с *ы* (т. е. *кы*, *гы* или *хы*); 2) списки расходятся — хотя бы в одном списке запись с *ы* и хотя бы в одном запись с *и*; 3) во всех списках стоит запись с *и* (т. е. *ки*, *ги* или *хи*). Естественно предполагать, что в группах 1 и 3 мы всегда или почти всегда имеем дело с верной передачей того, что стояло в рукописи. Для группы 2 можно строить лишь предположе-

выми: слишком сильно различаются их базовые знания и автоматизмы, и совершенно различна сама природа операций, которые они совершают.

ния относительно того, какой вариант стоял в оригинале; но мы не будем этим заниматься, а просто приведем данные по всем трем группам.

Оказывается, что текст СПИ распадается с данной точки зрения на две части, а именно: а) звенья 1–56; б) 57–218. Распределение написаний таково:

Звенья	Группа 1: <i>кы, гы, хы</i>	Группа 2: списки расходятся	Группа 3: <i>ки, ги, хи</i>
1–56	24	3	0
57–218	36	21	19

Случайностью столь резкое отличие первой части от второй быть не может.

В рамках версии подлинности СПИ эта картина допускает простое объяснение. В оригинал XII в., как и должно быть в эту эпоху, везде было *кы, гы, хы*. Переписчик XV–XVI в. в начале работы копировал оригинал очень точно; но потом его внимание постепенно слабело и он уже, в частности, довольно часто писал *ки, ги, хи* (нормальные для языка его времени) вместо стоящих в оригинале *кы, гы, хы*. Это явление — уменьшение тщательности копирования к концу рукописи — хорошо известно; оно наблюдается во многих рукописях. Например, во многих акцентуированных рукописях знаки ударения к концу редеют или даже исчезают.

Конечно, картина дополнительно исказилась при копировании в конце XVIII в. (причем у кого-то из копировщиков эффект здесь мог быть того же типа, что у переписчика XV–XVI в.). Очевидно, однако, что выявленное здесь различие двух частей текста имелось уже в Мусин-Пушкинской рукописи.

§ 20. Обратимся теперь к совсем другому — к выбору в СПИ правильной или неправильной (с исторической точки зрения) формы И. мн. и В. мн. твердого *o*-склонения мужского рода²². В XV–XVI вв. в живой речи древнее противопоставление этих двух форм было уже в основном утрачено, поэтому писец вполне мог при некотором ослаблении внимания переписать, например, фразу *уныша цвѣти* как *уныша цвѣты*; с другой стороны, в силу гиперкоррекции могло появиться, например, *притопта хльми* вместо правильно-го *притопта хльмы*.

Вот полный список таких ошибок в порядке их появления в СПИ: И. мн. *възлелѣяны* 23 (по П.; в Е. -ни), *шеломы ... поскепаны* 55, В. мн. *хльми* 89, И. мн. *ранены* 128, В. мн. *салтани* 131, *гради* 137, И. мн. *шеломы* 141, *щиты* 141, В. мн. *стязи* 149, *вережени* 149, И. мн. *Рюриковы* 166, *Давидовы* 166 (по П.; в Е. -ови), *хоботы* 166, В. мн. *лучи 'луки'* 183, *тули* 183, И. мн. *цвѣты* 199. Перечислять все примеры с правильными окончаниями нет необходимости (их 68)²³.

Нетрудно заметить, что указанные ошибки учащаются к концу памятника. Для более точной оценки этого явления разделим текст на три части: а) 1–54; б) 55–127; в) 128–218. Процент ошибок данного типа оказывается в этих частях таков:

²² Речь не идет о новых формах В. мн., равных Р. мн. Такая форма в СПИ всего одна: *князей* 164. За этим одним исключением, в В. мн. здесь выступают только формы с *-ы*, *-и*: *сваты, вои, князи, соколы* и т. д.

²³ Здесь и далее мы считаем излишним вдаваться в обсуждение альтернативных интерпретаций некоторых мест, равно как вопроса о том, какая из копий достовернее. Это могло бы чуть изменить наши цифры, но на общую картину не повлияло бы.

Звенья	Процент ошибок
1–54	3% (1 из 33)
55–127	18% (3 из 17)
128–218	37% (13 из 35)

Источник подобного распределения явно такой же, как и у рассмотренного выше распределения написаний с *кы*, *гы*, *хы* и с *ки*, *ги*, *хи*. Писец вначале копировал оригинал достаточно точно, но по мере ослабления внимания все чаще отклонялся от буквы оригинала, записывая нечто более близкое к своей живой речи или, напротив, гиперкорректное.

Еще одно явление того же ряда — выбор старого или нового окончания в некоторых формах адъективного склонения: М. ед. муж./сред., Д. М. ед. жен., Р. ед. жен., И. мн. муж.

Материал по старым окончаниям (сохраненным в точности или с небольшими модификациями) в СПИ таков: М. ед. муж./сред. — *синѣмъ* 76, *златовръсѣмъ* 97, *жестоцемъ* 113 (по П.; в Е. *-цѣмъ*), *златокованнѣмъ* 130, *жестоцѣмъ* 171; Д. М. ед. жен. — *святѣй* 63, *сребреней* 114; Р. ед. жен. — *красныя* 56, *святыя* 160, *которыи* 4, *Половецкыи* 67, *Рускыи* 85, *Половецкыи* 152; И. мн. муж. — *храбріи* 52, 73, *поганіи* 78, 87, *тии* 115, *друзіи* 166.

Материал по новым окончаниям: М. ед. муж./сред. — *седьмомъ* 152, *Половецкомъ* 208; Д. М. ед. жен. — *Руской* 65, 67, 81, 85, 105, 164, 193, 210, 211, *святой* 213 (по Е.; в П. *-тѣи*), *Пирогощей* 213; Р. ед. жен. — *быстрой* 71, *дѣдней* 150, *Половецкой* 184²⁴; И. мн. муж. —

²⁴ Но Р. ед. *сицей* 66 — это, по-видимому, форма местоименного склонения.

стрыи 25, *желѣзныи* 135 (по П.; в Е. -зніи), *храбрыи* 139, также *оварьскыя* 55.

Разделим текст так: а) 1–134; б) 135–183; в) 184–218. Процент новых окончаний таков:

Звенья	Процент новых окончаний
1–134	35% (8 из 23)
135–183	56% (5 из 9)
184–218	100% (7 из 7)

Заметим, что в части 1–134 из восьми примеров с новыми окончаниями пять — это одно и то же словосочетание *по Руской земли*, так что без учета повторений процент здесь был бы еще намного меньше.

Очевидно, и в этом пункте переписчик время от времени непроизвольно заменял старые формы оригинала свойственными его живому языку более новыми формами. Как и в прочих подобных случаях, эти замены по ходу работы учащались.

Как можно видеть, разделение текста СПИ на части в трех рассмотренных выше случаях не совпадает. Одинаков лишь общий характер изменения. Отсюда понятно, что никаких резких границ между частями и не было. Просто переписчик по мере накопления усталости и постепенного ослабления внимания допускал все больше отклонений всякого рода от оригинала — как правило в сторону своего живого языка.

Тот же самый тип кривой обнаруживается в СПИ и в ряде других отклонений от древних написаний. Но материала здесь уже довольно мало, поэтому мы просто отметим некоторые из этих фактов, не входя в подробности.

Так, в частности, древние написания типа *пълк-* ограничены в СПИ всего несколькими примерами в

самом начале текста: *пълку* 1, *вълкомъ* 3, *първыхъ* 4, *пълкы* 5. В дальнейшем уже господствуют написания с *ль*, *ръ*, отражающие орфографические привычки XV–XVI веков.

Цокающих написаний (т. е. с *ц* вместо *ч* или наоборот), не считая неясных случаев, в первой половине текста СПИ около 2%, во второй — около 4%.

Имеющиеся в СПИ примеры словоформ с ярко выраженнымми диалектными окончаниями (которые в гла-зах самого переписчика несомненно были ошибками) в основном сосредоточены в последней трети текста: Р. ед. *славѣ* 150, Р. ед. *ладѣ* 183, Д. ед. *головы* 210, Д. ед. *по Сули* 137, И. мн. *внуце* 149, И. мн. *брезѣ* 158; к середине текста относятся И. мн. *озеры* 89, *връжеса* 108. И лишь один такой пример отмечен в начальной части: Р. ед. *славѣ* 25.

Итак, все указанные здесь особенности легко объяснимы в рамках версии о раннем создании СПИ и переписке его в XV–XVI в. А как можно все это объяснить в рамках версии о позднем создании СПИ?

Если текст СПИ создан Анонимом, значит, он зачем-то счел нужным сверх всех остальных сложных задач, которые он решал, еще и устроить в своем произведении всю эту обнаруженную нами изысканную градацию частоты ошибок по целой серии параметров. Нечего и думать, что это просто он сам списывал со своего черновика, да и подвергся эффекту усталости. При ювелирной точности, которую он проявляет в других отношениях, подобная расслабленность при создании «фальсификата века» решительно невообразима. Если бы Аноним допускал непроизвольные вкрапления своей речи XVIII века в создаваемый фальсификат, то в нем нашелся бы уже десяток лингвистических анахронизмов; а их, однако, мы не видим.

Единственное мыслимое объяснение состоит в том, что Аноним: 1) в процессе изучения подлинных древних рукописей не только установил все реально встречающиеся типы ошибок, но и открыл закон нарастания процента ошибок по ходу списывания; 2) успешно сымитировал как сами ошибки, так и этот закон. Зачем он проделал этот гигантский труд, плоды которого, как он и сам должен был понимать, в течение целых столетий не заметит и не оценит никто? Загадка непростая. Видимо, он все-таки верил, что когда-нибудь лингвисты будущего повторят его собственные открытия, заметят в СПИ подстроенные им глубоко запрятанные эффекты и решат: значит, действительно над текстом поработал переписчик XV–XVI века. А Анониму только этого и нужно.

Диалектные особенности в СПИ

§ 21. Текст СПИ обнаруживает многочисленные диалектные особенности. Такие особенности в принципе могут принадлежать как оригиналу, так и переписчикам.

Как показывает опыт, диалектизмы, относящиеся к неглубоким языковым уровням — фонетике и выбору окончаний склонения и спряжения, — в безусловном большинстве случаев принадлежат последнему переписчику. Это дает возможность, хотя бы в части случаев, установить его диалектную принадлежность. Именно такие диалектизмы мы рассматриваем ниже.

Диалектизмы, относящиеся к более глубоким уровням (например, к особенностям значения тех или иных грамматических или лексических единиц), в процессе переписки в нормальном случае не возникают. Соответственно, они дают возможность строить предполо-

жения о диалектной принадлежности оригинала. Диалектизмы этого рода встречаются редко. К числу таких особенностей в СПИ может быть отнесено присутствие в его тексте имперфектов совершенного вида (§ 14б). Столь сложная грамматическая особенность никак не могла появиться в тексте под пером переписчиков, она безусловно должна была присутствовать уже в оригинале. Как показано в § 14б, эта черта сближает СПИ с южными памятниками древней Руси и отличает его от северных. Понятно, что в рамках версии подлинности СПИ данная черта должна расцениваться как важный аргумент в пользу создания первоначального текста СПИ в южной Руси.

Что касается промежуточных переписчиков, то есть стоявших между оригиналом и писцом изучаемого списка (если таковые вообще были), то возможность установить «сквозь» позднейшие напластования также и их диалектную принадлежность всегда весьма проблематична. К счастью, для наших целей необходимости решать этот вопрос нет.

Замечание. Строго говоря, для СПИ в роли последнего переписчика можно было бы рассматривать его издателей. Но здесь все же естественно исходить из того предположения, что они могли вольно или невольно устраниТЬ некоторые диалектизмы, но не вносили новых от себя. Поэтому в вопросах диалектологии мы позволяем себе от издателей отвлечься и принимаем во внимание только средневековых писцов.

Н. Каринский (1916) определял последнего переписчика СПИ как псковича, и эта его точка зрения является наиболее распространенной. Некоторые другие исследователи (в частности, С. П. Обнорский) считали, что это был новгородец²⁵ (см. также ЭСПИ, статьи

²⁵ С. П. Обнорский предполагает, что между оригиналом и переписчиком XV–XVI в. стоял еще список XIII–XIV в., и

«Диалектизмы в "Слове"» и «Псковские элементы в языке "Слова"»).

Рассмотрим этот вопрос более подробно. Ниже перечислены наиболее существенные диалектные черты, представленные в известном нам тексте СПИ (ради краткости пояснения несколько огрублены). Располагаем диалектизмы СПИ не по темам, а в порядке поиска диалектной зоны, к которой должен был принадлежать переписчик.

Как и в прочих случаях, наш разбор не предполагает готового решения вопроса о подлинности или поддельности СПИ. Хотя для простоты изложения мы говорим, например, о переписчике как о реальном человеке, априори не исключается, что никакого переписчика не было, а была лишь искусственная работа Анонима, который сумел развернуть перед нами именно такую диалектологическую картину. Единственное, что исключается, — это что Аноним мог достичь такого результата, вставляя в текст произвольные отклонения от норм наугад. Попасть из пистолета через плечо в червонного туга вслепую — сущий пустяк по сравнению с такой удачей.

Группа черт указывает на западную половину восточнославянской территории. Сюда относятся:

пытается сразу же делить наблюдаемые диалектизмы на принадлежащие соответственно автору, раннему переписчику и позднему переписчику. Но такой подход, при кажущейся большей точности, к сожалению, сразу же резко проигрывает в объективности. Разбор диалектизмов становится частью игры гипотез: ведь предположительно даже само число этапов, не говоря уже о распределении диалектизмов между ними. Избегая подобных гипотетических построений, мы ограничиваемся ниже составлением самого списка диалектизмов.

1. Смешение твердого и мягкого *p* (*хорюговъ*, *крычать*, *рыскаше* – *дорискаше* и др.).
2. Слабые следы смешения *v* и *u* (*ущекоталь*, если исходным здесь было *всщекоталь*).
3. Формы адъективного склонения *у* местоимения 'тот' (И. ед. муж. *тьй*, И. мн. муж. *тии*, В. мн. муж. *тыя*).

Далее, группа черт указывает на северную часть этой западной половины.

4. Сюда относится прежде всего самая надежная из всех диалектных черт СПИ —

смешение *ц* и *ч*, т. е. отражение цоканья. Наиболее достоверные примеры: *Словутию*, *луче* 'лучше', *лучи* 'луки', *сыновчя*, *Галичкы*; колебание в *Русичи* и *Русици*. Эта черта сразу же ограничивает поиск новгородско-псковской и севернобелорусской зонами (последнюю можно обозначить также как полоцкую).

5. Слово *шизыи* 'сизый' (истолкование *васъ* 133 как *ваши* малоправдоподобно). Смешение *ш* и *с* (шоканье) — черта преимущественно псковская; но изредка встречается также в новгородской и в севернобелорусской зоне. Следует учитывать также, что вариант *шизыи* мог быть лексикализован (и тогда он выступает уже в качестве особой лексической единицы). О слове *шизыи* в новгородской берестяной грамоте XII века см. § 26.

6. Слово *чръленыи* (*чръленни*). Классические примеры перехода [вл'] > [л'] типа *Ярославъ* характерны только для новгородско-псковской зоны. Но как раз вариант *черленыи* (у слова *червленыи*) явно был лексикализован; он встречается в различных северновеликорусских памятниках, в частности, в Лавр. и завещании Ивана Калиты. Отметим *цереленал* в берестяной грамоте № 439 (XII/XIII в.), *церленого* в № 288 (XIV в.).

7. Смешение *ѣ* и *e* (не очень частое, но вполне достоверное) при отсутствии фонетического смешения *ѣ* и *i*.

Примеры: *поскепаны, по резанѣ, летая, дремлетъ, Днепре, давечя, с другой стороны, зелѣну, помѣркоста, лебедѣй; колебание в на вѣтрехъ и на ветрѣхъ, стрѣляй и стреляеши, Половецкыя и Половѣцкими, Всеводлоде и Всеводолѣдь, земле* (зват.) *и землѣ; нередкие -ѣ вместо -е в конечной позиции — кроме уже отмеченных, Осмомыслѣ, вѣтрѣ, ратаевѣ, высѣдѣ, утрыпѣ.*

Что касается соотношения *ѣ* и *и*, то здесь прежде всего необходимо указать, что *и* на месте этимологического *ѣ* в окончаниях (например, в Р. ед. *земли* вместо *zemлѣ*, В. мн. *вои* вместо *воѣ*) никоим образом не свидетельствует о смешении *ѣ* и *и*: это явление морфологическое. А единственный в СПИ пример с *и* из *ѣ* в корне — *дивицею* 206 — непоказателен, поскольку *и* стоит здесь перед слогом с *и*, т. е. вероятна либо фонетическая ассимиляция, либо стандартная описка. Особый характер носит колебание гласной в паре *кощіево* — *кощеи*: в этом слове, заимствованном из тюркского *košči*, вторая гласная, по-видимому, вообще была неустойчива (ср. в Ипат. *кощѣи*, в НПЛ *кощеи*, в берестяных грамотах *Кощѣи, Кошъкѣи*).

В западной части восточнославянской территории данный тип поведения *ѣ* характерен для псковской и полоцкой зон; может встретиться и в новгородских памятниках, но для них он не столь характерен (поскольку в большинстве из них имеется смешение *ѣ* и *и*).

8. Отвердение [с'] в прилагольном *ся* (в примере *връжеса*) — северновеликорусская и среднерусская особенность (см. ДАРЯ, II, карта 106); ср. *молитеса* в новгородской надписи XIII в. (см. Зализняк 2004: 277).

9. Отвердение *ц* — черта, исключающая украинскую зону; ср. *сулицы, иноходьцы* (что касается отвердения *щ*, отраженного в примере *полunoщы*, то это явление нам мало что дает, поскольку оно распространено почти повсеместно, кроме великорусского центра).

10. Р. ед. жен. (твердого склонения) на *-ѣ* (в примерах из *дѣдней славѣ* и *ищучи себе чти, а князю славѣ*; несколько менее надежен пример *на ладѣ вои*) — древняя новгородско-псковская особенность; небольшое число примеров есть и в памятниках белорусского происхождения и в севернобелорусских говорах (см. Карский 1956: 161).

Далее, несколько черт свойственны именно новгородско-псковской зоне (иногда с предпочтением псковской).

11. Д. ед. жен. (твердого склонения) на *-ы* (в примере *тяжко ти головы кромѣ плечю*)²⁶ — относительно поздняя (с XV в.) новгородско-псковская особенность (в большей степени характерная для псковской зоны). В современных говорах образует плотный массив, охватывающий весь великорусский северо-запад, представлена также на юго-западе (см. ДАРЯ, II, карта 2).

12. Д. ед. жен. (твердого склонения) на *-и* при отсутствии фонетического смешения *ѣ* и *и* (в примере *по Сули*). В чистом виде эта редкая особенность проявляется в псковских источниках; в новгородских источниках окончание *-и* здесь тоже возможно, но обычно это просто часть общего смешения *ѣ* и *и*.

13. И. мн. муж. на *-ѣ* (в примерах *брезѣ* и *внуце* [= *внуцѣ*]) — черта новгородско-псковской зоны (большинство известных примеров содержится в новгородских источниках). Что касается юго-западнобелорусских форм И. мн. типа *сталѣ*, *дубѣ* (ДАБМ, карта 95), то, как показывает твердость согласной, они, судя по всему, развились независимо от новгородско-псковских.

²⁶ Отнесение словоформы *головы* в этой фразе к родительному падежу (как, в частности, в СССПИ, 1: 164) несомненно следует отвергнуть.

14. И. В. дв. сред. на *-a* (последовательно) — инновация, развившаяся ранее всего в новгородско-псковской зоне (см. об этом выше, § 8).

15. Императив 1 мн. на *-me* (в примере *мужсаимъся* [= *-меся*]) — древняя новгородско-псковская особенность (формы на *-me* имеются также в закарпатских украинских говорах). О том, что в предлагаемом некоторыми комментаторами исправлении *мужсаимъся* на *мужсаи(в)ъся* нет необходимости, см. § 8. Иногда также правят *мужсаимъся* на *мужсаимъся*; но эта правка допустима лишь как элемент реконструкции первоначального текста (до всех переписок) — предполагать, что *-мъся*, а не *-мъся* стояло в Мусин-Пушкинской рукописи (т. е. что *ѣ* здесь внесли издатели), нет никаких оснований.

Наконец, имеются черты, в силу которых оказывается маловероятной новгородская зона.

16. Самая простая из черт данной группы — смешение *o* и *a*, т. е. отражение аканья. Но ее присутствие в СПИ лишь предположительно: все имеющиеся примеры допускают и другие объяснения. Так, в *горнастаемъ, тымутораканьский* (при *Тымутороканя, -канѣ*) *a* стоит перед слогом с *a*, в *самаю* — после слога с *a*; вариант *носады* (с *o* вместо исконного *a*) был лексикализован (он возможен и в текстах, не имеющих никаких признаков аканья).

17. И. В. мн. сред. на *-ы* (*озеры*; пример *забралы* неоднозначен, поскольку здесь существовал и вариант женского рода, ср. в Ипат. [1185] *возлѣзье на заборѣ* [В. мн.]). Ныне это черта севернобелорусской и южновеликорусской зон и среднерусских говоров, т. е. ее распространение почти такое же, как у аканья (см. ДАРЯ, II, карта 33; ДАБМ, карта 97). В нашем случае

она указывает на псковскую и севернобелорусскую зоны. Отметим В. мн. *памны* в Ипат. ([1170], л. 193 об.), *чады своя* в списке У Задонщины.

18. Совпадение Р. ед. жен. и Д. М. ед. жен. (мягкого склонения) в форме на *-и* при отсутствии фонетического смешения *ѣ* и *и* (последовательное земли в Р. ед. и в Д. ед., также Д. ед. *Софіи*, *Богородици*, Р. ед. *Софiei*, при единичном Р. ед. *дѣвице*). В чистом виде эта особенность проявляется в псковских и белорусских источниках; в новгородских источниках, разумеется, окончание *-и* здесь вполне возможно, но обычно это просто часть общего смешения *ѣ* и *и*.

19. Р. ед. жен. адъективного склонения на *-ыи* (в примерах *которыи*, *Половецкыи*, *Рускыи*). Такое *-ыи* может передавать либо [-ыji] (где *i* есть замена для *ѣ*), либо [-ыj] (с утратой конечной гласной). Аналогичные примеры из рукописей XV в.: Р. ед. *ѡ Роускыи землѣ* (Ипат. [1148], л. 134 об.), *силы Половѣцькии* ([1185], л. 223 об.), *антонійскыи слабости ráди* (Флав., 450г), *ѡ Єг8пта до Адорьскыи землѣ* (Акир, 197). Что касается односложного окончания, то на современной диалектологической карте в пределах северо-запада можно указать формы на *-ый* в северо-восточных белорусских говорах (у *маладый дзёукі*, у *нóвый хáты* — ДАБМ, карты 119, 120; Карский 1956: 234), а также в некоторых псковских, смоленских и брянских на границе с Белоруссией (с *молодый*, *без глухий* и т. п. — ДАРЯ, II, карта 42).

20. Т. ед. жен. адъективного склонения на *-ую*, *-юю*; такое окончание представлено в словоформе *заднюю* (во фразе *преднюю славу сами похитимъ, а заднюю ся сами подѣлимъ*), если это действительно Т. ед.²⁷ Окон-

²⁷ Многие комментаторы правят эту фразу на *а заднюю с*и*и сами подѣлимъ*, и тогда *заднюю* — это не Т. ед, а В. ед.

чание *-ую*, *-юю* в этой форме отмечается в южнопсковских, смоленских, ржевских, а также в некоторых тверских и московских говорах (*с новую*, *с глубокую*, *с синюю* или *с новой*, *с глубокой*, *с синой* — ДАРЯ, II, карта 3). В Ипат. примеры этого рода имеются как в адъективном, так и в субстантивном склонении: *истѣнь-ноую нелицемѣрноую* ‘нелицемерной истиной’ ([1180], л. 217), *с дружиную* ([1172], л. 198), *млѣтвую* (л. 199).

Почти наверное оригиналу, а не переписчику принадлежат в СПИ имперфекты с *-ть*. Эту особенность часто рассматривают как южнорусскую; но реально она в той или иной мере представлена и во многих памятниках других диалектных зон. В СПИ, как уже отмечено, распределение имперфектов с *-ть* и без *-ть* сходно с Лаврентьевской летописью за XII век. Но диалектологического значения этот факт может и не иметь.

Написания *кроваты* (вместо *-ти*), *Ярославнынъ* (вместо *-нинъ*) допускают слишком много разных диалектологических интерпретаций, поэтому разумнее на них не опираться.

В отношении спорных словоформ *понизить*, *вонзить* мы считаем наиболее правдоподобным решение С. П. Обнорского (1960: 46): это императивы, где издали неправильно раскрыли запись *понизи^т*, *вонзи^т*. Все прочие версии (императивы украинского типа; императивы, записанные с *ь* вместо *е*; инфинитивы) сопряжены с гораздо большими трудностями.

Но такое решение нельзя признать удачным, поскольку оно предполагает, во-первых, буквенную ошибку (*ся* вместо *си*), во-вторых, что намного серьезнее, слово *си* в значении ‘себе’, которое в собственно русских текстах практически отсутствовало.

Заметим еще, что в работах о языке СПИ иногда отмечается также отсутствие в СПИ тех или иных диалектных черт (скажем, отсутствие написаний типа *Ярославь*), которое якобы должно указывать на зону, где этих черт не было. Против этого мы должны решительно возразить: СПИ сравнительно невелико по объему, и его переписчики в целом довольно редко допускали диалектизмы; в такой ситуации отсутствие некоторого диалектизма не доказывает ровно ничего.

§ 22. Понятно, что в приведенном выше списке черт не все звенья одинаково надежны; некоторые из единичных примеров могут быть и случайными. Тем не менее совокупность этих звеньев позволяет сделать вполне надежный основной вывод: последний переписчик принадлежал к северо-западной части восточнославянской территории.

В качестве более узкой локализации наиболее вероятной оказывается, как и предполагал Н. Каринский, псковская зона. Но нужно учитывать, что признаки, заставляющие предпочесть псковскую зону перед полоцкой, не слишком жестки и держатся на единичных примерах. Также и признаки, заставляющие предпочесть псковскую зону перед новгородской, хотя они несколько более весомы, не носят абсолютного характера²⁸. Поэтому более осторожно было бы определять диа-

²⁸ Вывод Обнорского о новгородском происхождении обоих предполагаемых им переписчиков (раннего и позднего) определяется тем, что он трактует как новгородские ряд признаков, имеющих в действительности более широкое распространение (а именно, номера 6, 8, 10, 11, 13, 15 нашего списка [странным образом также 17] и отвердение *иц*), а признак 5 пытается отрицать, предположив (крайне неубедительно), что *иши* и *иши* исконно, а *ици* и *ици* вторично.

лектную принадлежность переписчика как северо-западную (в широком смысле, не исключающем также и полоцкую зону), с предпочтением к псковской.

Попытками определить диалектную принадлежность предшествующих переписчиков, если таковые были, мы заниматься не будем. Что же касается оригинала, то здесь можно лишь отметить южную черту, указанную в § 14б, чего, конечно, недостаточно для каких-либо решительных заключений.

Если пытаться подобрать памятник XV–XVI вв., который обладал бы одновременно как можно большим числом диалектизмов, встретившихся в СПИ, то из опубликованных и достаточно известных памятников лучшим кандидатом, по-видимому, оказался бы Строевский список Псковской 3-й летописи (2-й пол. XVI в.).

Неплохим кандидатом здесь оказывается также не что иное, как Ипатьевская летопись. По общему признанию, этот памятник южнорусского происхождения был переписан в XV в. где-то на северо-западе (по поводу более точной локализации переписчиков единого мнения нет; Шахматов допускал псковскую зону).

На с. 150–153 приведена таблица диалектных черт, представленных в СПИ, в сопоставлении с соответствующими чертами Строев. и Ипат.

Во всех случаях, кроме специально оговоренных (пометы *регулярно*, *часто* и др.), примеры отражают лишь сравнительно редкие отклонения от обычных для памятника написаний. Примеры служат просто иллюстрациями, их списки не претендуют на полноту; могут быть даны также общие указания без примеров. При некоторых важных примерах из Ипат. даны адреса. Более полные сведения о примерах из СПИ (и части примеров из Ипат.) см. выше, в § 21.

Диалектные черты СПИ

	Явление	СПИ
1	смешение <i>p</i> и <i>p'</i>	<i>рыскаше</i> // <i>дорискаше</i> , <i>хорюговъ, кричатъ</i>
2	смешение <i>v</i> и <i>y</i>	<i>ущекоталь</i> (если здесь <i>у-</i> из <i>въс-</i>)
3	адъект. склонение у 'тот'	И. ед. муж. <i>тъй</i> , И. мн. муж. <i>тиi</i> , В. мн. муж. <i>тыя</i>
4	смешение <i>ц</i> и <i>ч</i>	<i>Русичи</i> // <i>Русици</i> , <i>Словутицю, сыновчя</i>
5	смешение <i>ш</i> и <i>с</i>	<i>шизыи</i>
6	<i>черленныи</i>	<i>чръленъ, чръленыя</i>
7	смешение <i>ѣ</i> и <i>e</i>	<i>поскепаны, по резанѣ,</i> <i>на вѣтрехъ // на ветрѣхъ,</i> <i>Всеволоде // Всеволодѣ</i>
8	отвердение <i>c'</i> в <i>ся</i>	<i>връжеса</i>
9	отвердение <i>ц</i>	<i>сулицы, иноходьцы</i>
10	Р. ед. жен. (тверд.) на <i>-ѣ</i>	<i>славѣ</i>
11	Д. М. ед. жен. на <i>-ы</i>	Д. ед. <i>головы</i>
12	Д. М. ед. жен. (тверд.) на <i>-и</i>	Д. ед. <i>по Сули</i>
13	И. мн. муж. на <i>-ѣ</i>	<i>брезѣ, внуце</i>
14	И. В. дв. сред. на <i>-а</i>	<i>два солнца, сердца</i>

в сравнении с Строев. и Ипат.

Строев.	Ипат.	
изредка: <i>Рыга, с берога</i>	очень редко: <i>ѡра-диста</i> 'отрядили' (л. 152 об.)	1
часто: <i>оусташа</i> 'встали', <i>удовыа</i> , <i>узведенъ</i> , <i>узметныа</i>	очень часто	2
регулярно: И. ед. муж. <i>тои</i> , И. мн. муж. <i>тии</i> , В. мн. муж. <i>тыа</i>	И. В. ед. <i>тыи</i> (неско- лько раз), И. мн. муж. <i>тии</i> (2 раза)	3
часто	часто	4
часто: <i>о шю стороноу, из Роуше</i> 'из Русы', <i>sla</i> 'шла', <i>жсяти</i> 'зята', <i>здати</i> 'ждать'	примеры ненадежны (<i>кназащоу</i> л. 229, 286)	5
слова нет (но есть другие л из вл)	слова нет (но есть другие л из вл)	6
<i>недели, лезоша, явитѣ</i> 'явите'	очень редко, в окончаниях	7
—	<i>оурадивса</i> (л. 199 об.)	8
<i>Троицы, гридницы, немцы</i>	—	9
часто: <i>от рѣкѣ, до Роусѣ,</i> <i>дроужинѣ, вотчинѣ,</i> <i>оуправѣ, с стѣне, из Рыге</i>	изредка: <i>рѣкѣ, дроу- жинѣ, сторонѣ, винѣ</i>	10
Д. ед. к <i>Москвы, не по псковской старинѣ,</i> М. ед. на <i>Москвы</i>	Д. ед. к <i>Донцю рѣкы</i> (л. 223)	11
Д. ед. к <i>Москви, к Опочки;</i> М. ед. на <i>Москви, в тюрми;</i> ср. также <i>на озери</i>	М. ед. <i>въ ... стороны;</i> ср. <i>на лоузи, в Поло- тьски, Смоленьски</i>	12
<i>сребролюбче; ср. также В. мн. запасѣ</i>	<i>ворозѣ, мнозѣ, клобоуцѣ, городѣ, избавленѣ; ср. также просилѣ</i>	13
<i>за 2 поприща, по два лѣта</i>	—	14

15	1 мн. на <i>-ме</i>	<i>мужсаимъся</i>
16	аканье	примеры ненадежны (см. § 21, п. 16)
17	И. В. мн. сред. на <i>-ы</i>	<i>озеры</i>
18	Р. ед. и Д. М. ед. жен. (мягк.) на <i>-и</i>	регулярно: Р. ед. земли, <i>Софеи</i> (но <i>дѣвице</i>); Д. ед. земли, <i>Софію</i> , <i>Богородици</i> ; М. ед. земли, <i>Святъслави</i> , <i>по уноши</i> (но <i>гридницѣ</i>)
19	Р. ед. жен. (адъект.) на <i>-ыи</i>	<i>которыи</i> , <i>Половецкыи</i> , <i>Рускыи</i>
20	Т. ед. жен. (адъект.) на <i>-ую</i> , <i>-юю</i>	<i>заднюю</i> (если это Т. ед.)

Как видно из приводимой таблицы, в Строев. и в Ипат. обнаруживаются почти все диалектные черты, представленные в СПИ.

Отметим, что в Строев. и в Ипат. имеются и многие другие черты, сходные с СПИ, — менее определенные в диалектологическом отношении, но все же представленные далеко не во всех рукописях XV–XVI вв. Ср., в частности, ситуацию в следующих пунктах.

Д. ед. муж.: наряду с *-у*, *-ю* встречается (в основном у одушевленных существительных) и *-ови*, *-еви* (в СПИ *Игореви*, *Романови*, *Хръсови*, *королеви*, *по Дунаеви*) — в Строев. *боеви*; в Ипат. у одушевленных *-ови*, *-еви* встречается очень часто (напр., *Игореви*, *королеви*, *попови* и т. д.), но также и *боеви*, *к Донови*, *по лугови* и др.

И. мн. и В. мн. муж.: наряду с *-и*, *-ы* встречается и *-ове*, *-eve* (*ве* может заменяться на *вѣ*) (в СПИ *дятлове*,

<i>есме, есмѣ</i> (наряду с <i>есмы</i>)	<i>есме</i> (наряду с <i>есмы</i>)	15
<i>жонакъ, немакъ, Ворона-чамъ</i> (Т. ед.), <i>на дорогя</i> (М. ед.)	<i>въсхапивса</i> (л. 54 об.), <i>скарою 'шкурами'</i> (63 об.), <i>оувадоша 'ввели'</i> (146 об.)	16
—	<i>патны</i>	17
регулярно: Р. ед. <i>земли, недели, Троици, Марыи, с божници</i> (но также <i>Троицѣ</i>); Д. ед. <i>земли, Троици, Захарыи, оулицы</i> (но <i>госпоже</i>); М. ед. <i>земли, недели, Троици, лавицы, на Званици</i> (но также <i>на Званице</i>)	<i>во всех трех формах как -ѣ, так и -и, напр., землѣ // земли, кнагинѣ // кнагини; из гробницѣ, на оусть Медеѣдици; к Салнициѣ, к божници; во Троицѣ, в Переопиници</i>	18
—	<i>ѡ Рускии землѣ, силы Половѣцькии</i>	19
<i>за Лютою рѣкою</i>	<i>истѣньноую нелицемѣрноую; также с дружиную, мѣтвую</i>	20

ратаевѣ) — в Строев. *послове, проусовѣ, бродовѣ*; в Ипат. *попове, оуеве, сторожеве, псараве, приятелеве, монастыреве, дворовѣ, лаховѣ* и др.

И. мн. на *-яни* (от имен жителей; в СПИ *куряни*) — в Строев., напр., *полочани, изборяни, опочани, вороначани*; в Ипат., напр., *смольнани, москвляни, киїни, полочани, галичани, хрѣтыни* (наряду с *-ане, -ане*).

М. ед. муж. и сред. мягкого склонения: окончания *-и* и *-ѣ* (которое может заменяться на *-е*) (в СПИ, напр., *на Дунаи, по князи, на седьмомъ вѣцѣ Трояни и въ Путинвлѣ, въ градѣ Тымутороканѣ, въ полѣ, на синѣмъ more*) — в Строев., напр., *при князи, на кони, на Городчи, на поли, на вечи, въ солнци, на Городищи и о князе, о Даниловиче, на полѣ, на вече*; в Ипат., напр., *по кнази, въ Переѧславли, на поли, на торговищи и ѿ кназѣ, въ Переѧславлѣ, на Городицѣ, на полѣ, въ морѣ*.

И. В. мн. жен. мягкого склонения: окончание *-и* (изредка возможно ц.-сл. *-я, -а*) (в СПИ, напр., *лисици, галици, зори, млыни*, при единственном *усобицѣ*; также ц.-сл. *тучя*) — в Строев., напр., *черници, рядници, перстаници, земли* (также ц.-сл. *вдовица*). В Ипат. преимущественно *-ѣ* (*черницѣ, ѿвьцѣ, носилицѣ, всѣ землѣ* и т. д.), но встречается и *-и* (*лодъи*).

И. В. ед. муж. адъективного склонения на *-ы* (в СПИ *Галички*, при обычном *-ый* [в мягком варианте встретилось и *вѣщей*, с *-ей*]) — в Строев. *князь велики, неделны, наречены, рызски 'рижский'* (при обычных *-ыми* и *-ои*); в Ипат. *патрѣарьшески, соуждалъски, тоуровъски, недѣльны* (при обычном *-ыми* и реже *-ои*).

Р. ед. жен. адъективного склонения: основные окончания *-ои* и *-ыя (-ыа)* (в СПИ, напр., *быстрой, Поло-вецкой и красныя, милыя*, не считая словоформ с *-ыми*, о которых см. в таблице) — в Строев., напр., *немецкои, пишеничинои, до Великои реки и святыи, Острыа лавици* (но также *немецкое, с Великие рѣкы*); в Ипат., напр., *из Рускои земли, таковои, златоверхои и таковыи, из-радныи, стыи, Рускии* (но также *Рускоѣ, второѣ, по-розноѣ* и т. п.).

И. В. мн. сред. адъективного склонения: наряду с исконным *-ая* иногда встречается *-ыя, -ыа* (в СПИ *копіа харалужныя*) — в Строев. *врата каменныя, дѣла соудебныа и земскиа*; в Ипат. не отмечено.

Наряду с Строев., для сравнения с СПИ вполне можно было бы использовать также Псковскую судную грамоту (2-й пол. XVI в.). Не разбирая ее столь же подробно, укажем просто характерные примеры диалектных особенностей по пунктам нашего списка: 1 (*в лари и в лары*), 2 (*оу грабежу 'в грабеже'*), 3 (И. ед. муж. *тои*, И. мн. муж. *тии и тыи*), 7 (*детина*), 9 (*-цы* часто), 10 (Р. ед. *грамотѣ, старинѣ*), 12 (Д. ед. *жонки*, также М. ед. *в сели, в серебри, на свекри*), 13 (И. мн. *приста-*

ве), 16 (за зомкомъ, каторой), 18 (Р. ед. торговли, продажи, Д. М. ед. торговли, земли).

Как же удалось Анониму, если всё это его работа, создать столь правильную, с точки зрения знаний начала XXI века, картину погрешностей северо-западного переписчика? Ведь остальные историки языка смогли выявить эту совокупность диалектных черт и определить ее именно как северо-западную лишь в XIX–XX вв.

Может быть, Аноним просто сам был пскович и все описанные выше отклонения от литературной нормы не-произвольно вырвались из-под его пера? Действительно, на протяжении XVI–XVIII вв. особенности псковского говора были практически одинаковы. Но вот представить себе эрудита, изучившего древние рукописи и постигшего тонкости грамматики XII века, этаким не слишком грамотным провинциальным писцом, так и не сумевшим избавиться от двух десятков своих диалектных особенностей, решительно невозможно. (Не говорю уже о том, что при такой гипотезе всем без исключения фракциям сторонников поддельности СПИ пришлось бы отказаться от своих кандидатов на роль автора СПИ.)

Если же он вставлял псковские диалектизмы в текст сознательно, разыгрывая перед филологами будущего спектакль «Переписано во Пскове», то, даже будучи природным псковичом, он непременно должен был быть еще и превосходным лингвистом, чтобы суметь выявить столь многочисленные и столь тонкие отличия своей диалектной речи от литературной и суметь их так безошибочно и в столь выверенной дозировке применить к сочиненному им тексту.

Если же Аноним все-таки не был псковичом, то мы тем более должны поздравить его с изумительным владением восточнославянской диалектологией (и наиболь-

шие поздравления тут, пожалуй, нужно было бы принести Йосефу Добровскому, кандидатуру которого выдвигает новый сторонник поддельности СПИ Э. Кинан).

Итоги сравнения СПИ с другими памятниками

§ 23. Выше мы сравнивали СПИ по разным признакам с древнерусскими памятниками трех категорий:

1. Рукописи XI–XIV вв. Примеры: из домонгольского периода (XI – 1-я треть XIII в.) — берестяные грамоты этого времени, Успенский сборник; из более поздних — Синодальный список НПЛ, Лаврентьевская летопись, Новгородская кормчая 1280-х гг.

2. Рукописи XV–XVI вв., содержащие сочинения, созданные или переведенные в XI–XIV вв. Примеры: Киевская летопись по Ипат. (т. е. летописные записи XII в. в списке первой четверти XV в.), «История Иудейской войны» Иосифа Флавия (переведенная в XI–XII вв., в списке последней трети XV в.), «Повесть об Акире Премудром» (переведенная в XI–XII вв., в списке XV в.).

3. Рукописи XV–XVI вв. (а также более поздние), содержащие сочинения, созданные или переведенные не ранее XV в. (или во всяком случае не ранее конца XIV в). Примеры: все списки таких сочинений, как Задонщина, «Сказание о Мамаевом побоище», «Повесть о взятии Царьграда турками», «Хожение за три моря» Афанасия Никитина, любые летописные записи за сами эти века (в частности, многократно использованный нами Строевский список Псковской 3-й летописи), Псковская судная грамота и т. д.

Подчеркнем, что речь идет просто об установлении большей или меньшей близости СПИ по языковым

признакам к той или иной из этих категорий. Это сравнение не предрешает вопроса о том, является ли СПИ подлинным или поддельным: близость может быть как естественная, так и достигнутая искусственным имитатором.

Основные итоги этого сравнения таковы.

В СПИ представлен ряд характерных черт ранне-древнерусской эпохи: правильное двойственное число, имперфект с *-ть* (в правильном распределении с имперфектом без *-ть*), энклитики, подчиняющиеся закону Вакернагеля, древние правила препозиции *ся*, релятивизатор *то*, частица *ти* и др. Они отличают СПИ от рукописей категории 3, где такие черты уже утрачены или перестроены. В то же время указанные черты реализованы в СПИ не идеально: имеется и некоторое число отклонений от древнего узуса в сторону узуса XV–XVI веков. Это отличает СПИ от рукописей категории 1, где эти черты представлены в чистом виде. Такую же ситуацию, как в СПИ, мы находим только в категории 2.

С другой стороны, в СПИ представлен ряд черт, характерных для рукописей XV–XVI вв.: поздний тип отражения редуцированных, орфография южнославянского типа, поздние окончания склонений, двойное *ся* и др. Они объединяют СПИ с категориями 2 и 3 и отделяют его от категории 1.

С диалектологической точки зрения СПИ оказалось наиболее сходно с такими памятниками категории 3, как рукописи псковского происхождения Строев. и Псковская судная грамота, и с таким памятником категории 2, как Ипат.

Таким образом, в СПИ представлен набор черт, характерный для рукописей категории 2, т. е. списков XV–XVI вв. с оригинала более раннего времени, и в то же время набор черт, характерный для рукописей северо-западного происхождения.

Отсюда следует одно из двух: либо СПИ и является именно таким списком, причем северо-западного происхождения, либо это подделка, автор которой сумел успешно сымитировать все изученные нами языковые (и в частности, диалектные) особенности.

Итак, если СПИ создано Анонимом, то он должен был при составлении своего фальсификата, помимо решения всех стоявших перед ним литературных задач, следить за соблюдением лингвистического правдоподобия одновременно на трех «фронтах»: древнерусский язык XII в., языковой мир переписчика XV–XVI в., северо-западная диалектная окраска. На каждом из этих «фронтов» он должен был вначале каким-то образом выявить соответствующий комплекс параметров (а их могут быть десятки) и затем следить за их правильной реализацией.

Для решения этих задач Аноним несомненно должен был опираться на какие-то древние памятники. Из нашего разбора ясно, что самым подходящим источником в этих вопросах для него оказывается Ипатьевская летопись: она в целом ряде отношений обладает такими же характеристиками, как СПИ. Так, может быть, Аноним именно так и поступал — имитировал языковые особенности Ипатьевской летописи?

В принципе это возможно. Но нужно только ясно представлять себе масштаб этой задачи. Самое простое — заимствовать из памятника какое-нибудь слово; чтобы почерпнуть из Ипатьевской летописи, скажем, слово *чага* или *кощѣи*, Анониму достаточно было случайно наткнуться на эти слова при пролистывании рукописи. Неизмеримо сложнее сымитировать эффект какого-нибудь орфографического или морфологического правила, действующего в памятнике. Например, чтобы установить, что В. мн. одушевленных существительных здесь

не совпадает с Р. мн., а строится по модели *сваты*, нужно прочесть специально с этой целью если не всю рукопись, то по крайней мере значительную ее часть. Удовлетвориться одним-двумя случайно попавшимися примерами нельзя, поскольку они могут оказаться как раз отклонениями от основного правила, действующего в памятнике. Эта работа усложняется на порядок, когда нужно установить относительную частоту двух или нескольких допустимых вариантов (например, двух возможных окончаний одной и той же грамматической формы) или когда предстоит выявить как само правило, так и типовые ошибки против него. В этом случае придется проштудировать всю рукопись еще раз. Особо трудоемка работа по выявлению синтаксических правил: быстрое чтение тут бесполезно — необходим углубленный анализ структуры фраз.

Таким образом, затраты времени на чтение и перечитывание длинного текста непременно будут очень велики. Однако трудности здесь никоим образом не сводятся к одним лишь затратам времени. Можно потратить бездну времени и тем не менее не разгадать истинного механизма, управляющего некоторым явлением. Истинное правило может быть сложным, оно может включать целую серию факторов — ср. хотя бы рассмотренную выше систему правил, управляющих позицией энклитики *ся*. Чтобы вскрыть их, необходимо специальное лингвистическое исследование. О том, чтобы правила столь сложной структуры сами открылись человеку просто по ходу чтения, не может быть и речи.

Но и это еще не все: чтобы начать решать проблему, нужно прежде всего осознать, что проблема существует, и понять, в чем она состоит. А для этого необходима научная проницательность. Например, невнимательный читатель может вообще не заметить, что *ся* занимает в разных случаях разную позицию и, следо-

вательно, здесь есть какая-то проблема (и потому неизменно ошибается, если возьмется сочинять).

И всё это мы говорим об отдельной частной проблеме. А ведь сочинитель текста имеет перед собой одновременно десятки, если не сотни таких проблем! «А как же тогда мы все-таки что-то свободно сочиняем?!» — воскликнет читатель. Но в том-то и дело, что мы делаем это на родном языке, где решение всех этих проблем уже в раннем детстве стало автоматическим. Эта легкая и естественная операция не имеет почти ничего общего с интересующей нас задачей имитации текста на недостаточно знакомом языке, при которой автоматизмы отсутствуют, а вместо них должны использоваться наблюдения над имитируемым текстом.

Таковы контуры задачи, которую должен был решить Аноним, чтобы достигнуть сходства своего фальсификата с Ипатьевской летописью не менее чем по двум десяткам параметров.

И при этом бессмысленность цели здесь поражает не меньше, чем грандиозность самого труда. Аноним исследовал выбранный памятник (занимающий в современном издании около 500 страниц) по десяткам параметров, с тем чтобы установить, какие отклонения от обычных древнерусских правил по каждому из этих параметров там допущены. После этого он вставил именно такие отклонения в свой фальсификат (и даже приблизительно в тех же пропорциях). Кто мог оценить безупречность его работы, кроме специалистов по исторической диалектологии, которым предстояло появиться через две тысячи лет?

Но, может быть, Аноним был гений имитации и умел каким-то образом успешно имитировать прочитенный памятник без лингвистического анализа и как бы даже не осознавая, что именно он делает?

Однако даже и столь вольная гипотеза здесь не помогает. Дело в том, что при всем сходстве СПИ с Ипатьевской летописью одного лишь этого источника для объяснения всех особенностей СПИ все же недостаточно. В частности, в Ипат. нет орфографии южнославянского типа, нет написаний *цы* вместо *ци*, нет двойственного числа среднего рода на *-а* (типа *сердца*), для Ипат. нехарактерно бессоюзие (см. об этом § 30).

И точно так же недостаточно было бы для СПИ простого подражания, например, рукописи Строев.: здесь уже разрушена система двойственного числа, смешались аорист и имперфект, *ся* уже почти неотделимо от глагола и т. д.

Иначе говоря, имитатор должен был бы, не зная никакой лингвистики, суметь сымитировать в одних точках грамматики один оригинал, а в других другой. Напомним, что, помимо всего этого грамматического подражания, он должен был еще подражать по содержанию совсем другому памятнику — Задонщине. Нигде и никогда подобных виртуозов «распределенного многоканального подражания» не наблюдалось.

Таким образом, версию о непричастном к лингвистической науке имитаторе, пусть даже гениальном, всерьез рассматривать более не приходится. Речь может идти только о человеке, овладевшем точными лингвистическими знаниями, в том числе такими, которых остальные исследователи достигли лишь на один-два века позднее. И этот человек должен был поставить себе целью обмануть всех лингвистов будущего, сколь бы скрупулезно они потом ни сравнивали его фальсификат с реальными рукописями.

Вопрос о возможностях простого подражания изложен здесь конспективно. Поскольку, однако, идея создания СПИ методом подражания продолжает привле-

вать часть читателей, мы, кроме того, разбираем данный вопрос более подробно в отдельной статье «Об имитации...».

Связь СПИ с древнерусскими памятниками

§ 24. Не вызывает сомнений, что Аноним, если он существовал, был знаком со значительным числом древних памятников. Разумеется, для проблемы подлинности СПИ весьма существенными могут быть сведения о том, какова была в конце XVIII в. степень доступности той или иной конкретной рукописи (в частности, где она хранилась, была ли издана и когда). И очень нелегко ответить на вопрос о том, каким образом Аноним мог получить доступ к многочисленным древним рукописям и как он сумел преодолеть все трудности, связанные с их чтением (проблемы древней графики, грамматики и т. д.). Но это уже особая линия исследования, которая не входит в рамки настоящей работы. Предположим, отвлекаясь от реальности, что Аноним мог каким-то путем познакомиться с любой из существовавших в его время рукописей.

Ясно, что Аноним был знаком с Задонщиной (и даже не с одним, а с несколькими ее списками, см. об этом § 28). С той же обязательностью должно быть признано его знакомство с Ипатьевской летописью, которая содержит наиболее полный летописный рассказ о походе Игоря и с которой у СПИ имеется большое число точек соприкосновения, а также с псковским Апостолом 1307 г., где имеется целая фраза, совпадающая с текстом СПИ.

Но из накопившихся к настоящему времени наблюдений многих исследователей над текстом СПИ с неизбежностью следует, что он был знаком также с многими другими древними памятниками. Вот несколько

иллюстраций из числа хорошо известных примеров; вначале приводим цитату из СПИ, а затем параллель из другого памятника (даем, где возможно, по СССПИ, куда и отсылаем за всеми деталями).

Летая умомъ подъ облакы 14 — ср. умом лѣтая аки пчела («Моление Даниила Заточника», XIII в.; см. СССПИ, 3: 56).

А Половци неготовами дорогами побѣгоша къ Дону Великому 30 — ср. Побѣжимъ неготовыми дорогами (Воскресенская летопись, [1380]; также «Слово похвальное Фомы», XV в.; см. СССПИ, 3: 155).

Стукну земля, въшумѣ трава 187 — ср. В се же врема земля стукну, юко мнози слышаша (ПВЛ [1091]), *И вшиумѣ земля* (Библия Геннадиевская) (см. СССПИ, 1: 149; 5: 244).

Земля тутнеть ('гудит, гремит') 49 — ср. *И земля тутняше* (Новгородская IV летопись, [1380]), *Земля тутнаше* (Октоих XIII в.) (см. СССПИ, 6: 79).

На ниче ся годины обратиша ('времена перевернулись') 120 — ср. *вънезапоу тоуча и вѣтръ великъ приде и обрати корабль на нице, и идохъ на дъно моря* («Чудеса Николы» XI–XII в., л. 68г).

Тогда великій Свѧтъславъ изрони злато слово 111 — ср. изронить слово, а послѣ каетъся («Повесть об Акире Премудром», перевод XI–XII в.; см. СССПИ, 2: 158).

О Днепре Словутию! 178 — ср. Да едет Сухан ко быстру Непру Слаутичу на берег («Повесть о Сухане»; см. СССПИ, 2: 31).

Словосочетания *лѣтая умомъ, неготовами дорогами побѣгоша*, *земля стукну, земля тутнеть, обратити на нице, изронити слово, Днѣпръ Словутичъ* слишком своеобразны для того, чтобы можно было предполагать здесь случайное совпадение. В других

памятниках, в частности, в Задонщине и в Ипатьевской летописи, эти словосочетания не обнаружены (иногда есть близкие к ним, но уже не столь сходные с СПИ). Следовательно, в круг чтения Анонима должны были входить также и эти дополнительные памятники. Между тем приведенные иллюстрации составляют лишь небольшую часть ныне известных параллелей такого рода. Так, например, Д. С. Лихачев (1982: 164) указывает следующие памятники, которые бесспорно пришлось бы включить в число источников, откуда черпал Аноним: Задонщина, Ипатьевская, Кенигсбергская и Никоновская летописи, Библия, «Слово о законе и благодати» Илариона, сочинения Кирилла Туровского, «Девгениево деяние», «Сказание о Мамаевом побоище», «Повесть об Акире Премудром», «История Иудейской войны» Иосифа Флавия, «Моление Даниила Заточника», «Двенадцать снов Шахаиши», «Слово о воскресении Лазаря», «Хроника» Георгия Амартола, «Хроника» Манассии, «Слово о погибели русской земли», «Хождение» игумена Даниила. Этот список, конечно, неполон: ср. хотя бы приведенные выше примеры, где фигурируют и другие памятники.

Справедливости ради здесь следует, правда, напомнить, что заимствование слов и цитат — не самое трудное в работе фальсификатора. Разумеется, отыскать совершенно определенные цитаты в море памятников — дело титаническое. Но Аноним мог действовать вовсе не так: он мог бегло просматривать рукописи и кое-что выписывать из того, что ему случайно встретится. Если он потом использовал какие-то из выписок в своем фальсификате, то получалась картина того же типа, что в СПИ. Таким образом, Аноним несомненно должен был быть знаком с перечисленными источниками, но это знакомство могло быть и неглубоким.

Связь СПИ с современными говорами и народной поэзией

§ 25. Не хуже, чем древние памятники, Аноним должен был знать также русские, украинские и белорусские местные говоры и народную поэзию. Ныне в СПИ усилиями многочисленных исследователей уже выявлено большое число слов, выражений и даже целых фраз, которые находят параллели только в этих источниках. При этом существенно, что говоры, где обнаруживается параллель к тому или иному слову или выражению из СПИ, отнюдь не сосредоточены в какой-то одной диалектной зоне, а рассеяны почти по всей восточнославянской территории (а иногда и за ее пределами). Это значит, что Аноним не мог собрать весь этот материал в какой-то одной области (или даже двухтрех): он должен был проделать примерно такую же собирательскую работу, которую на полвека позже совершил великий Даль, занимавшийся ею всю жизнь (с той, однако же, разницей, что Даль обогатил своим трудом всю русскую культуру и обессмертил свое имя, а наш Аноним не оставил нам ни строчки из собранного).

Приводить списки подобных параллелей здесь незачем. Дадим лишь несколько иллюстраций (записываем их по тому же образцу, что выше).

Что ми шумить, что ми звенить? 68 —ср. *Ой чо жь ты шумишь, ой чо жь ты звениши* (Галицкие народные песни; см. СССПИ, 6: 185).

Смагу мычючи въ пламянѣ розѣ 81 —ср. *Смágу мы́къл гърямы́къй, дённъй пíщи ни имéл* ('терпел лишения, испытывал невзгоды'; брянск., Козырев 1975; см. СССПИ, 6: 238).

Сорокы не троскоташа 201 —ср. *Сарóки траскóчутъ* (брянск., Козырев 1976), *троскотать* (псков.,

тверск.) ‘трещать, часто говорить’ (Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря». СПб., 1858) (см. СССПИ, 6: 56).

Зегзицею незнаемъ рано кычетъ 168 — ср. зегз́ица ‘иволга’ Курск. (СРНГ, 11: 244; но чаще производные от зегз-, зогз- обозначают кукушку) и *кы́кать, кы́чет* (и *кýкать, кýчет*) ‘кричать [о птицах]’ Перм., Арх., Волог., Сибирь (СРНГ, 16: 200; 13: 204).

Они же сами княземъ славу рокотаху (о гуслях) 5 — ср. *то не гусли ли рокочут* (Крестьянские песни Уфимской губернии; см. Якобсон 1948: 206).

Tiu бо бес щитовъ съ засапожники кликомъ плъкы побѣждаютъ 115 — ср. засапóжник ‘короткий нож, который кладется за голенище сапога’ Сибирь, Новг., Арх., Олон. (СРНГ, 11: 19).

Си ночь съ вечера одѣвах^утъ мя, рече, чръною наполомою на кроваты тисовѣ 94 — ср. *Пожалуй со мною опочинуться / На ту на кроватку на тисовую* (Онежские былины; см. СССПИ, 6: 31).

Въ(з)връжеся на бръзъ комонъ и скочи съ него босымъ влькомъ 189 — ср. *Достань [в] бóсава волка столицу с-под божницы* ‘достань у резвого волка подставной столик из-под киота’ (из сказки) (Пск. обл. слов., 2: 131); см. об этом сочетании также § 35, конец).

СПИ и берестяные грамоты

§ 26. Берестяные грамоты с их ежегодным пополнением — это для историков русского языка совершенно уникальный экспериментальный «полигон», где все время появляются новые данные, позволяющие поставить плюс или минус той или иной гипотезе, выдвинутой ранее. Неудобство только в том, что нельзя заканчивать проверку конкретной гипотезы — нужно ждать,

что само случайно выпадет, какая именно гипотеза подвергнется испытанию.

Подвергся проверке на этом полигоне и ряд утверждений, используемых в дискуссии о СПИ.

Самый важный результат состоит здесь в том, что полностью провалились многочисленные аргументы, построенные по модели: «Такое-то слово в СПИ не подлинное (а взятое из современного языка или из говоров, взятое из других языков, просто выдуманное и т. д.), потому что ни в одном древнерусском памятнике его нет». Между тем это самый частый тип аргумента в рассуждениях о неподлинности СПИ.

Ведь если бы эта презумпция была верна, то десятки берестяных грамот пришлось бы признать подделками, поскольку в них постоянно обнаруживаются древнерусские слова, которые не встречались ранее никогда, а также слова, которые были известны только из памятников на 300–400 лет более поздних, чем берестяные грамоты²⁹. Так, список уникальных или очень редких слов и выражений, представленных в берестяных грамотах, приведенный в ДНД₂ (§ 5.14), насчитывает более 280 единиц. (Большая выборка из этого списка дана ниже, в § 6 статьи «О Добровском...».)

Тем самым берестяные грамоты яснее любых других свидетельств показали, что наши сведения о лексическом составе древнерусского языка (извлеченные из традиционных памятников) никоим образом не могут претендовать на полноту. Берестяные грамоты отличаются по жанру и по содержанию от классических памятников — и мы тут же сталкиваемся с неизвестной ранее лексикой. Точно так же СПИ, которое резко от-

²⁹ Мы развиваем здесь идею, сформулированную в работе В. М. Живова (2004), посвященной критике книги Э. Кинана.

личается по жанру и стилю почти от всех известных древнерусских памятников, не может не содержать новых лексических единиц.

Другое подобное свидетельство, полученное благодаря берестяным грамотам, состоит в том, что слово, обнаруживаемое ныне только за пределами восточнославянской зоны, вовсе не обязательно взято именно из того языка, где оно представлено. Например, для слова *хѣрь* ‘серое (небеленое) сукно’, ‘сермяга’ (из берестяной грамоты № 130) прямым соответствием оказалось только древнечешское *šeř* (с теми же значениями; см. Вермеер 2003); многократно встречающемуся в берестяных грамотах *сторовъ* ‘жив и здоров’, ‘благополучен’ соответствует старопольское *strowy*; и т. д. Тем самым все те случаи, когда то или иное слово из СПИ находит соответствие только в польском, или чешском, или сербском и т. д., нет уже никаких оснований рассматривать как полонизмы, богемизмы или сербизмы, попавшие в текст СПИ по недосмотру фальсификатора, знавшего слишком много славянских языков.

Данный принцип верен также и для языков и диалектов восточнославянской зоны. Например, слово *чemu* ‘почему’ в ряде работ рассматривается как южнорусский элемент в составе СПИ:ср. укр. *чому́* (при отсутствии данного слова в русском). Но берестяные грамоты ясно показали, что в древности это слово употреблялось в живой речи и на севере: оно встретилось в целых пяти грамотах. Так же трактовался и сложный союз *чи ли* (*Чи ли въспѣти было ... 17*); но он встретился в берестяной грамоте № 344. Тем самым часто встречающиеся указания на то, что некоторое слово из СПИ ныне известно только в русском или только в украинском, в действительности мало что значат.

Из более частных положений укажем следующее. В СПИ все словоформы И. дв. средн. имеют окончание

-*a* (а не требуемые древнерусской нормой -*ѣ/-и*): *два солнца, ваю храбрая сердца* и др. Найдены берестяных грамот показали, что это окончание представляет собой очень раннюю инновацию, возникшую на северо-западе не позднее XII в. (см. об этом § 8); в дальнейшем она распространилась и на другие зоны. Тем самым словоформы с -*a*, представленные в СПИ, не могут более рассматриваться как анахронические для XII в.

В тексте СПИ имеются случаи, когда формы двойственного числа без ясной причины перемежаются с формами множественного. Берестяные грамоты домонгольского периода, где двойственное число еще полностью живо, показали, что это не ошибки, а нормальное следствие того, что автор может легко переходить от обращения строго к двоим к таким фразам, где он уже мыслит своих адресатов вместе со всеми, кого они возглавляют (дружиной, домочадцами и т. п.); см. об этом подробнее § 8.

В ряде случаев в берестяных грамотах непосредственно обнаружаются редкие слова или выражения, представленные в СПИ.

Си ночь ‘этой (прошлой) ночью’ 94. В этом сочетании неясно *си* вместо ожидаемого *сию* (поскольку *ночь* здесь, конечно, стоит в В., а не в И. падеже). Можно было думать, например, что это просто ошибка Анонима, или что он взял здесь сербское *сїноћ* ‘вчера вечером’ (которое, вероятно, восходит к *си ноћи*, ср. словен. *sinóči*), или скомбинировал современные диалектные *сіночи* и *сéночъ* (см. СРНГ, 37: 174, 175). Но в 1997 г. в Новгороде была найдена берестяная грамота XII века № 794, где встретилось сочетание *зimu си* ‘этой зимой’. Трудный вопрос о том, как объяснить *си* вместо *сию*, этим, конечно, еще не решается, но подлинность сочетания *си ночь* подтверждается полностью. Более того,

сама иррациональность этого *си* становится после этой находки лучшей гарантией его подлинности.

Шизымъ орломъ подъ облакы 3. Для слова *шизый* СССПИ (6: 182) указывает всего один пример с *и* — из белорусской народной песни; все прочие собранные примеры — с *с* (*сизый*); Даль варианта с *и* не знает. Скептики могли подозревать фальсификатора в том, что он просто выдумал вариант с *и* или взял его из фольклора. Но в 1991 г. была найдена берестяная грамота XII века № 735, в тексте которой встретились слова *конь ... шизыи*.

Идуть сморци мъглами 184. В слове *сморци* (= *сморчи*) ‘смерчи’ необычна огласовка *о* (ср. *е* в *смерч*); в литературном языке эта огласовка представлена только в родственном слове *сморчок*. Зимин (1963: 307, ср. 2006: 267) утверждал, что форма *сморци* взята из современного южноукраинского говора, где смерчи называют «сморчами». Но в 1985 г. была найдена берестяная грамота XII века № 663, где фигурирует отчество *Сморочьва* (= *Смъръчева*), произведенное от прозвища *Смъръчъ*. Это прозвище тождественно слову из СПИ (с точностью до деталей орфографии и характерной для Новгорода вставки *ъ* после *ър*).

Древний песнотворец носит в СПИ имя *Боянъ*, которое в традиционных памятниках XI–XIV вв. не встречается (если не считать таких косвенных следов, как *Бояня улка* в Новгороде). Ниже, в § 28, показано, в сколь непростом положении находился Аноним, если он должен был извлекать это имя из различных списков Задонщины. И вот в 1973–1975 гг. берестяные грамоты приносят нам бесспорные свидетельства бытования этого имени: *оу Боана* в № 509 (XII в.), *ж Боана* в № 516 (XII в.), *на Боанѣ* в № 526 (XI в.).

В СПИ встречается *женчюгъ* 96 и *жемчюжну* 147. Первое (с *-нч-*) и раньше признавалось древним, но

второе (с *-мч-*) расценивалось как поздний элемент в тексте СПИ. Но в 1998 г. была найдена берестяная грамота № 809 (XII в.), где содержится слово *жемеюженъ* (= *жемельюжынъ*).

Представляют интерес также некоторые другие случаи лексических схождений между СПИ и берестяными грамотами, в частности: *Братie и дружино!* 10 —ср. *покланание къ братыи и дръжине* (грамота № 724, 1160-е гг.); *Бориса же Вячеславлича слава на судъ* ('на смерть') *приведе* 62 —ср. *ида на соудъ* 'умирая' (грамота из Звенигорода Галицкого № 2, 1-я пол. XII в.); *выторже 'вырвал'* 89 —ср. ... *са вытьрьго 'вырвавшись'* (№ 752, рубеж XI–XII вв.). Выражение *братья и дружина* встречается также в ПВЛ, Ипат., Сказании о Борисе и Глебе, выражение *на судъ 'на смерть'* — в Житии Мефодия, слово *вытьргнути* — в ПВЛ и Флав. Разумеется, Аноним мог читать все эти произведения; но следует все же признать, что у него было высокое умение выбрать в этих произведениях то, что найдет через двести лет такое несомненное подтверждение в текстах подлинных грамот XII века.

Общий вывод состоит в том, что всё то новое знание, которое приносят берестяные грамоты, когда оно хоть как-то касается проблемы СПИ, ложится на ту чашу весов, где находятся аргументы в пользу его подлинности. Никаких фактов, которые говорили бы об обратном, здесь обнаружить не удалось.

Некоторые параллели «Задонщина – СПИ»

§ 27. Вопрос о соотношении списков Задонщины между собой очень сложен и является предметом ожесточенных споров. Из четырех основных списков Задонщины (не фрагментарных) один (КБ) краткий, а три дру-

гих (С, У, И-1) вдвое длиннее. Основная контроверза состоит в том, что первоначально: краткий вариант или пространный. Версия Мазона и Зимина состоит в том, что первоначальна краткая редакция, а пространная возникла в результате расширения исходного текста. Версия их противников (в первую очередь Якобсона) состоит в том, что деление на редакции («изводы») должно быть иное: КБ + С и У + И-1, причем в первом изводе список КБ есть результат сокращения, а список С (или его предшественник) подвергся сверке с каким-то списком второго извода.

Бесспорный факт состоит в том, что многочисленные параллели связывают СПИ порознь как с КБ, так и с пространными списками (помимо тех, которые связывают его сразу со всеми списками). Схема аргументации Мазона и Зимина здесь такова: если принять версию первичности СПИ, то придется допустить, что параллели между СПИ и пространными списками возникли за счет повторного обращения редакторов Задонщины к СПИ в процессе расширения первоначального текста, что маловероятно; отсюда делается вывод, что СПИ вторично. В версии их противников (предполагающей сокращение текста в КБ, а не расширение его в прочих списках) в таком допущении необходимости, естественно, нет.

Хотя, с нашей точки зрения, аргументация в пользу версии Якобсона сильнее, мы все же не будем здесь углубляться в эту текстологическую проблему (см. об этом ЭСПИ, 2: 206–208). Для наших целей достаточно констатировать следующее: 1) обе версии истории списков Задонщины суть не более чем гипотезы; 2) даже версия Мазона и Зимина не ведет с обязательностью к признанию вторичности СПИ (поскольку даже если повторное обращение к СПИ маловероятно, это не значит, что оно невозможно).

Существенно, однако, что помимо общей проблемы истории списков имеется также целый ряд частных проблем, связанных с параллельными пассажами из СПИ и Задонщины. При изучении таких пассажей исследователи, естественно, задаются вопросом, нельзя ли по каким-либо признакам установить, в каком направлении происходило заимствование. Во многих случаях ответ оказывается неопределенным. Но есть и немало пар, где одно из двух направлений намного правдоподобнее, чем противоположное. И это всегда направление от СПИ к Задонщине. Ниже приведен ряд примеров этого рода. (Большинство из них уже в той или иной мере обсуждалось участниками дискуссии; в некоторых из них мы позволили себе выйти за рамки собственно лингвистической проблематики.)

Почти во всех этих примерах в рамках версии «от СПИ к Задонщине» объяснить наблюдаемые различия между членами пары очень легко — настолько, что мы в большинстве случаев эти объяснения просто опускаем: читатель без труда их восстановит. Скажем, в первом примере замена энклитического *ны* (из СПИ) на полноударное *нам* (в Задонщине) попросту отражает тот факт, что энклитические местоимения в эпоху Задонщины уже не употреблялись, будучи вытеснены полноударными вариантами.

Гораздо сложнее объяснить эти различия в рамках версии «от Задонщины к СПИ». Ниже мы пытаемся установить, как выглядело бы решение именно этой, более сложной задачи. Для этого мы условно принимаем версию «от Задонщины к СПИ» (и, в частности, именно так располагаем члены пары) и выявляем те операции, которые должен был совершить Аноним, чтобы из фразы Задонщины получить соответствующую фразу СПИ (но чтобы не повторять много раз «Аноним должен был сделать...», мы говорим просто «Аноним сделал...»).

Для удобства читателя в цитатах из Задонщины допущены небольшие элементы нормализации (не имеющие отношения к рассматриваемым вопросам). Соответствующие друг другу элементы членов пары, которые нас непосредственно интересуют, подчеркнуты.

Начнем с примеров, где различие между двумя текстами представляет интерес с грамматической точки зрения.

Задонщина

*Лу~~t~~чи бо нам, брат~~i~~е,
... (У).*

СПИ

*Не лѣпо ли ны бяшеть,
братіе, ... 1.*

Аноним заменил полноударный вариант *нам(ъ)* на энклитическое *ны*, проявив в этом знание синтаксических правил XI–XII веков, которые в данной позиции действительно требуют *ны*, а не *намъ* (тогда как в XV в. эти правила уже не действовали и во всех позициях выступало одно и то же *намъ*).

*Добро бы, брате, в то
время стару помолодится
(И-1).*

*А чи диво ся, братіе,
стару помолодити?
117.*

Аноним переставил *ся* в глаголе *помолодит(ъ)ся* с его современного места на то, которого требовал закон Вакернагеля. Он сумел при этом правильно определить, что слова *а чи диво* составляли в древнерусском языке единую тактовую группу и, следовательно, *ся* нужно поставить после *диво*.

*Тако бо Пересвѣт поска-
кивает на борзе кони, а
злаченым доспѣхомъ
посвѣчиваше (И-1).*
... гораздо скакаше по рати
поганым, златым шеломом
посвѣчиваše (И-1).

*Камо туръ поскочише,
своимъ златымъ ше-
ломомъ посвѣчивая ...
54.*

Если первичен текст СПИ, то имперфект совершенного вида *поскочяше* (от *поскочити* ‘броситься на коне [куда-либо]’) заменен в Задонщине в одном месте на имперфект простого глагола *скакаше*, в другом — на презенс несовершенного вида *поскакивает* (который здесь, по-видимому, правильнее понимать не в нынешнем значении ‘скачет понемногу или время от времени’, а как несовершенный вид от *поскочити* — подобно тому, как, например, *подскакивает* соотносится с *подскочити*). Как видно из § 14б, в поздних списках заменами такого рода как раз и устранились древние имперфекты совершенного вида.

Если же первичен текст Задонщины, то сочинитель СПИ проявил поистине изумительное знание древнего языка, а именно, он знал, что значение повторяемости действия (содержащееся в *поскакивает*) и значение имперфекта (содержащееся в *скакаше*), язык XII века соединял в особой единой форме — имперфекте совершенного вида. В данном случае результат этого соединения внешне должен был выглядеть как *поскочяше*. Но в готовом виде этой словоформы нет ни в одном памятнике, т. е. Анониму предстояло построить ее самостоятельно. И вот мы видим, что он справился с этой задачей безупречно (например, не ошибся в том, что в корне здесь, в отличие от *поскакивает* и *скакаше*, нужно поставить *o*, а не *a*).

грремят мечи булатныа о
шеломы хыновские (И-1).

гриимлють сабли о
шеломы 66.
грремлеши о шеломы
мечи хааралужными 53.

Если первичен текст СПИ, то автор Задонщины просто заменил здесь устаревшие презенсы *гриимлють* и *грремлеши* на обычное для его времени *грремят*.

Если же первичен текст Задонщины, то создатель СПИ произвел неизмеримо более сложную операцию. *Гримлють* — правильный презенс древнего типа (по модели *щипати* — *щиплеть*) от глагола *гримати* (который был итеративом к *гръмѣти*, т. е. означал приблизительно ‘часто греметь’). *Гремлеши* — вариант того же презенса с другой огласовкой корня (по модели *вънимати* — *вънемлеть*). Но ни в каких древнерусских памятниках словоформ *гримлють* и *гремлеши* реально нет. Аноним должен был их построить самостоятельно. А для этого нужно было знать древнерусскую морфологию с такой полнотой и точностью, которой не всегда достигают и современные филологи (например, в СССПИ *гримлють* и *гремлеши* ошибочно квалифицированы как формы глагола *грэмѣти*).

*и поостри серце свое
мужеством (С).*
*и поостриша сердца своя
мужеством (И-1).*

*и поостри сердца
своего мужествомъ 6.*

Обычное для нового времени управление глагола *поострить* Аноним заменил древним: он знал, что в древности этот глагол мог принимать дополнение не в винительном, а в родительном падеже.

*Сѣдлаи, брате Ондрѣй,
свои борзи комони, а мои
готови напреди твоих
осѣдлани (КБ).*

*Сѣдлай, брате, свои
брѣзыи комони, а мои
ти готови осѣдлани у
Курьска на переди
21–22.*

Аноним вставил после *а мои* частицу *ти*, которой в самостоятельном виде в его время уже нет ни в русском, ни в церковнославянском, сумев точно уловить ее древнюю весьма тонкую семантическую функцию (условно обозначаемую как «усиление констатации»,

см. Зализняк 1993, § 76) и найти для нее единственно возможное по древним правилам место во фразе. Он правильно оценил, что это придаст фразе в глазах знатока окраску глубокой древности, поскольку в свободном употреблении (как в данной фразе из СПИ) эта частица в текстах, сочиненных позднее XIII века, уже почти не встречается.

Далее, можно указать ряд случаев, где показательным с интересующей нас точки зрения оказывается соотношение между соответствующими друг другу словами двух текстов.

Если первичен текст СПИ, то автор Задонщины заменил *яругы* ('овраги') на созвучное слово *лугы*. Если первичен текст Задонщины, то замена была противоположной. Но здесь возникает вопрос, с которым мы столкнемся несколько раз и далее. Автор XV века, подражавший некоторому престижному древнему сочинению, не видел ничего плохого в том, чтобы его текст почти буквально следовал за образцом. Переделки были минимальными; так, замена слова «в рифму» (скажем, *яругы* на *лугы*) вполне соответствовала его стремлению не отклоняться сильно от образца.

Совершенно иным было положение фальсификатора XVIII века. Если он решил заменить в своем образце какое-то слово, то у него не было никаких оснований искать для этогоозвучное слово: он мог поставить на это место любое слово, подходящее по смыслу.

Таким образом, даже в таком, казалось бы, неопределенном случае, как соотношение слов *лугы* и *яругы*, более правдоподобным оказывается предположение о первичности слова, стоящего в СПИ.

*Пересвѣта чернеца
брянскаго боярина на
судное мѣсто привели
(‘на смертное место, место
смертного боя’) (У).*

*Бориса же Вячеслав-
лича слава на судъ
приведе (‘на смерть
привела’) 62.*

Фраза из Задонщины звучит нелепо — как если бы Пересвет шел недобровольно или по крайней мере не-самостоятельно. Аноним превратил ее в совершенно безупречную, но не путем полной замены (хотя ничто не мешало ему поступить именно так), а лишь небольшими изменениями имеющегося текста. Между прочим, он сумел при этом вставить в нее древний оборот *на судъ* ‘на смерть’, встречающийся, например, в Житии Мефодия.

*Доне, Доне, быстрая река!
Прорыла еси ты каменные
горы и течеши в землю
Половецкую (У).*

*О Днепре Словутицу!
Ты пробиль еси камен-
ные горы сквозь землю
Половецкую 178.*

Заменив Дон на Днепр, Аноним необыкновенно удачно исправил нелепость Задонщины, где про тихий Дон, текущий по равнине, почему-то сказано, что он пробил каменные горы. А Днепр действительно с гулом и грохотом пробивает себе дорогу через каменные пороги — тут Аноним попал в точку.

*Кликнуло диво в Рускои
земли, велит послушати
(р)озънымъ землям ... (И-1).
Уже веръжено диво на
землю (И-1).*

*Дивъ кличетъ връху дре-
ва: велитъ послушати
земли незнаемъ ... 29.
Уже връжеса Дивъ на
землю 108.*

Если первично СПИ, то замену слова *Дивъ* на *диво* объяснить нетрудно: в XV–XVI вв., когда языческое божество *Дивъ* было прочно забыто, непонятное слово *Дивъ* могло быть принято за привычное слово *диво*. Ес-

ли же первична Задонщина, то это значит, что Аноним сумел произвести неизмеримо более изощренную замену: вместо простого слова *диво* он поставил выдуманную им мифическую фигуру по имени *Дивъ*. При этом, хотя ничто не мешало ему поставить на место слова *диво* любое понравившееся ему слово, он по какой-то таинственной причине счел нужным как можно полнее сохранить фонетический облик заменяемого слова. А выдумать Дива он смог так удачно, что много позже, когда возникло индоевропейское сравнительное языкознание, обнаружилось, что *Дивъ* — это идеальное фонетическое соответствие авестийскому *daēvō* и древне-персидскому *daiva* ‘демон’ (а также словам со значением ‘бог’ в ряде других индоевропейских языков).

Сторонники поддельности СПИ считают, что Аноним вставлял в свой текст имена языческих богов, которые он вычитал в тех или иных источниках. Но в данном случае ему, по-видимому, безмерно повезло: ему не пришлось ничего вставлять от себя — оказалось достаточно изменить окончание в слове, уже стоящем в Задонщине.

*Русская земля, топервое еси
как за царем за Соломоном
побывала (У).*

*О Руская земле! уже
за шеломянемъ еси!
32, 47.*

Диалектное *шеломя* — ‘холм, пригород’. Ясно, что отрезки *за шеломянемъ* и *за Соломоном* связаны между собой только внешним сходством, т. е. какой-то один из них — либо сознательная замена, либо искажение другого. (Внешнее сходство здесь, возможно, было еще большим, если в силу псковского диалектного смешения *ш* и *с* в рукописи стояло *соломянемъ* или *селомянемъ*; ударение [которое в рассматриваемую эпоху могло и обозначаться на письме] было одинаковым: *шеломянемъ* и *Соломономъ*.) Фраза про Соломона не имеет

никакой видимой связи с контекстом. Сторонники первичности Задонщины ссылаются здесь на легенду о Соломоне как идеальном древнем царе; но вопроса о том, какая из двух фраз первична, это не решает: осмысление всей фразы в духе этой легенды вполне могло быть и вторичным.

Как объяснить это место в версии о первичности Задонщины? Очевидно, Аноним решил избавиться от неуместного в его сочинении упоминания Соломона и заменил его на фразу ‘О русская земля! Ты уже за горой!’, которую он очень удачно вставил в то место, где Игорь со своим войском переходит границу Руси и вступает в чужую землю. Но вот что непостижимо: зачем, решив заменить имя Соломона на слово, обозначающее гору или холм, Аноним снова, как и в случае с *диво* или с *лугы*, счел нужным, чтобы заменяющее слово было как можно больше похоже на заменяемое? Ради этого сходства он взял редкостнейшее слово *шелома* вместо *гора* или *хълмъ*. Какие судьи должны были оценить виртуозность этого его филологического маневра? Ведь никто из читателей его фальсификата даже и не слышал о Задонщине³⁰.

Но и это лишь половина проблемы. Слово *шелома* (*шолома*) встречается в Ипат. в описании походов 1151 и 1184 г. Из контекста ясно, что *шолома* — холм (или холмы) на высоком берегу реки (тогда как низкий берег назывался *лугъ*). Например, рассказывается (л. 222 об.), что воины князя Владимира Глебовича, высланные

³⁰ Сколь трудно здесь приходится сторонникам первичности Задонщины, видно, например, из того, что Кинан (2003: 242) не нашел лучшего выхода, чем предположить, что фальсификатор здесь не узнал (!) слово *Солomonом* и потому поставил слово *шеломянемъ* (которое он удачным образом как раз знал).

вперед, чтобы разведать диспозицию Кончака, *перешедше Хоролъ, взидоша на шолома, гладающе, кдѣ оузрать Ѣ; Коньчакъ же стояль оу лоузъ, его же Ѣдоюще по шоломени ѿминоуша*. Войско Игоря двигалось в мае 1185 г. по левому берегу Северского Донца (по «лугу»), тогда как на правом берегу Донца возвышалось *шолома* (когда Игорь тем же путем бежал из плена назад, он, как сказано в СПИ, *потече къ лугу Донца*).

Согласно версии о вторичности СПИ, Аноним кое-что брал из Задонщины, кое-что — из Ипатьевской летописи. Но в данном случае он проявил верх виртуозности: одно и то же слово он получил одновременно путем заимствования из Ипат. и путем небольшой буквенной переделки слова из Задонщины. В самом деле, в *за шеломянемъ* представлен термин, обозначающий в Ипат. именно тот тип местности, который в этот момент проходило войско Игоря, и в то же время *за шеломянемъ* явно получено из стоящего в Задонщине *за Соломоном* незначительными заменами букв. Таким успехом в игре интертекстов мог бы гордиться и завзятый постмодернист.

Разумеется, вместо этого ошеломляющего спортивного достижения можно представить себе другую, совсем скромную историю: *шолома* в СПИ взято из Ипат. (или просто они оба отражают раннедревнерусский узус), а *за Соломоном* в Задонщине — замена малоизвестного слова на знакомое любому средневековому книжнику имя Соломона. Но только придется для этого вернуться к версии о вторичности Задонщины.

Этот список примеров (далеко не полный) дает некоторое представление о характере конкретных задач, которые решал Аноним (если, конечно, он существовал) в процессе переработки текста Задонщины в текст СПИ, и о тех знаниях, которые он при этом активно использовал.

Приведенные выше соответственные пассажи СПИ и Задонщины столь единообразно свидетельствуют в пользу первичности текста СПИ, что весь этот ряд примеров легко принять за подборку аргументов в пользу лишь одной из версий, увы, столь часто встречающейся в работах о СПИ. Но это не так: в процессе работы я рассмотрел все соответственные пассажи двух текстов и не нашел ни одного, где грамматические или семантические особенности давали бы веские основания счесть первичным текст Задонщины.

К этому разбору можно было бы добавить ряд примеров, где с точки зрения интересующей нас основной проблемы показательным оказывается общий смысл сходных пассажей СПИ и Задонщины. Поскольку, однако, эти вопросы уже выходят за рамки лингвистики, ограничимся здесь лишь краткими замечаниями о некоторых из таких случаев.

В отличие от СПИ, которое описывает поражение русских, Задонщина описывает их победу. В связи с этим в ряде случаев одно и то же действие в одном сочинении производят положительные герои, а в другом — отрицательные. Понятно, что в рассказах о противоборствах автор описывает успехи тех, кому он сочувствует, в радостном ключе, а неудачи — в мрачном, горестном; а для успехов и неудач противников тональности обратные. И вот обнаруживается, что по этому признаку только в СПИ автор во всех случаяхсолидарен в своих чувствах с русскими, тогда как в Задонщине в некоторых пассажах он как бы эмоционально оказывается на стороне их противников. Приводим примеры.

После поражения русских (СПИ): *Жены Рускія въсплакашас(я), а ркучи:* «Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслю смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати». *А въстона бо, братie, Киевъ тугою, а Черниговъ напастыми* (82–84). Унылы голоси, пониче веселиe (148).

После поражения татар (Задонщина): *Туто ся погании разлучшишас(я) боръзо (...), а ркучи:* «Уж(e) намъ, брате, в зе-

мли своеи не бывати (И-1), бедных жон и детей не видати (С), а в Русь рат(ъ)ю не ходити, а выхода нам у рускихъ князеи не прашивати» (И-1). Уже бо востона земля Татарская, бѣдами и тугою покрыша бо с(е)рдца их, хотение кн(я)зем и похвала Рускои земли ходити. Уже бо веселье наше пониче (У).

Тональность в СПИ очевидным образом горестная и сочувственная, события описываются как трагические, что и понятно, поскольку это горе для Руси. Но совершенно та же самая тональность и в Задонщине, хотя здесь для Руси это уже не горе, а победа!

Простейшее объяснение состоит здесь, конечно, в том, что текст Задонщины создан на основе текста СПИ и сочинитель механически заимствовал способы выражения, а тем самым и тональность. О том же говорит и путаница с местоимениями в тексте Задонщины: *сердца их* — это взгляд со стороны русских, а *веселье наше* — взгляд со стороны татар. Напротив, предположение о противоположном заимствовании (из Задонщины в СПИ) представляется здесь практически невероятным.

По существу такое же соотношение в сцене перед битвой. В СПИ изображено предвестие беды, нависающей над Игорем: *Игорь къ Дону вои ведеть! Уже бо бѣды его пасеть птицъ подобию; вльци грозу въсрожсать по яругамъ; орли клектомъ на кости звѣри зовутъ; лисици брешутъ на чръленыя щиты* (30–31).

В Задонщине на месте Игоря мы видим Мамая: ... *поганыи Момай пришел на Рускую землю и воеводы своя привел. А уже бѣды их пасоша птицы крылати, под облак лѣтят, вороны часто грают, а галицы своею речью говорят, орли хлѣкчют, а волцы грозно воют, а лисицы на костѣх бряшут* (У).

Тревожные действия птиц и зверей — это грозные предзнаменования, предвещающие трагедию. В Ипатьевской летописи, где в рассказе об одной из битв описываются такие же предзнаменования (*сице прише^дшимъ ѿрломъ и многимъ ворономъ яко ѿболовоу великоу, и грающимъ же птичамъ*,

орлом же клекъющимъ — Ипат. [1249], л. 269 об.), прямо говорится: *и се знамение не на добро бы^c*. По законам литературного произведения атмосфера ожидания трагедии означает ожидание ее для того героя, которому читатель сочувствует. Таким образом, эта картина естественна только в СПИ, а в Задонщине скорее всего объясняется просто как результат механического копирования.

Конечно, сами по себе подобные примеры не могут служить решающими свидетельствами первичности СПИ, но они хорошо согласуются с большим числом рассмотренных ранее фактов.

§ 28. Чрезвычайно интересна также следующая особенность работы Анонима над текстом Задонщины: если у него были именно те ее списки, которые мы знаем, то он пользовался не одним из них, а сразу пятью (напомним, что ныне известно шесть, но шестой — это маленький фрагмент). Покажем это на простых примерах (приводим лишь по одному примеру на список; в действительности таких случаев существенно больше).

Без списка КБ Аноним не мог бы узнать имени древнего песнотворца: *Боянъ*. Дело в том, что во всех прочих списках это имя безнадежно искажено: *вещи буйныи* в списке С, *похвалим вѣща боинаго и тот боюн* (или *тот бо юн*) в И-1, *похвалим вещанного боярина и тот боярин* в У. Заметим, что даже из списка КБ он узнал это имя не без труда, поскольку наряду с *той бо вѣщи* *боянъ* здесь стоит и *восхвалимь вѣщаго гобояна*, так что нужно было еще угадать, в какой из этих двух фраз ошибка, т. е. сделать выбор между Бояном и Гобояном.

Без списка И-1 Анониму неоткуда было бы взять фразу *Стрѣляй, господине, Кончака, поганого кощея, за землю Рускую, за раны Игоревы буего Святславлича* 132 — потому что только в этом списке есть фраза *Стрѣляй, кн(я)зъ великыи, с своею храброю дружиною*

поганого Мамая хиновина за землю Рускую, за вѣру хр(и)стъяньскую!

Без списка У не было бы слова *потяту* во фразе *Луце жь бы потяту быти, неже полонену быти* 10 — поскольку только в этом списке мы находим *Лутчи бы нам потятым быть, нежесли полоненым от поганых татарь*; в С стоит *посеченым*, а в прочих списках фраза вообще выглядит совсем иначе.

Без списка С не было бы слова *занесе* во фразе *Не буря соколы занесе чресъ поля широкая* 16 — потому что только в этом списке в соответствующей фразе стоит глагол *зонесет* (*о* — ошибка из-за аканья [гиперкоррекция]); в других списках *снесет*.

Без списка И-2 не было бы слов *подъ ранами* во фразе *Се у Римъ кричать подъ саблями Половецкыми, а Володимиръ подъ ранами* 121 — потому что только в этом списке читается: *А уже диво кличет под саблями татарскими, а тем рускымъ богатырем под ранами*; в списке С нет слов *подъ ранами*, а в остальных списках нет и всей фразы или всей ее второй половины.

Получается так, что, заимствуя фразу из Задонщины, Аноним раскладывал перед собой пять ее списков, находил во всех нужный пассаж и строил мозаику из лучших вариантов каждого места. Посмотрим, например, для каких элементов фразы *Не было нъ обидѣ порождено ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чрѣній воронъ, поганый Половчине!* 41 имеются соответствия в списках Задонщины (+: есть во всех списках; -: нет ни в одном списке; ≈: есть слово, сходное по смыслу или по звучанию):

<i>не было</i>	<i>нъ</i>	<i>обидѣ</i>	<i>порождено</i>	<i>ни соколу</i>	<i>ни кречету</i>
≈+	—	У, И-1	≈У	КБ, С	+

<i>ни тебѣ</i>	<i>чрѣній</i>	<i>воронъ</i>	<i>поганый</i>	<i>Половчине</i>
—	У, И-1	У, И-1	+	≈+

Допустим, Аноним взял здесь за основу текст из Задонщины в списке И-1: *ни в обиди есмя были ни кречету, ни черному ворону, ни поганому Мамаю* (в нем меньше всего лишних по сравнению с СПИ слов). Далее он из списка У он добавил *по рожению* (заменив это на *порождено*), а из КБ или из С — *ни соколу*. Оставшиеся небольшие детали принадлежат уже ему лично.

А вот аналогичная схема для фразы ... *свѣдоми къмети, подъ трубами повити, подъ шеломы възлелѣяны, конецъ копія въскръмлени* 23:

<i>свѣдоми</i>	<i>къмети</i>	<i>подъ трубами</i>	<i>повити</i>
У, И-1	≈У, ≈И-1	+	≈КБ, ≈С

<i>подъ шеломы</i>	<i>възлелѣяны</i>	<i>конецъ копія</i>	<i>въскръмлени</i>
КБ, У, И-1	КБ, И-1	КБ	КБ, С

Здесь Аноним явно должен был взять за основу список КБ: ... *под трубами поють, под шеломы възлелѣяны, конецъ копия вскормлены*. Но спереди он добавил *свѣдоми къмети*, полученное путем переделки выражения *ведомы полѣводцы* из У и *ведомы полковидцы* из И-1. После этого Аноним задумался над тем, почему в С вместо *под трубами поють* стоит *под трубами нечистых кочаны*. Он догадался, что *кочаны* — это записанное с ошибкой *качаны*, т. е. 'укачаны (в колыбели)'. Так всё же поют или укачаны? И его осенило: писец КБ просто переиначил слово *повити* 'повиты', относящееся к тому же кругу образов, что и 'укачаны'. И Аноним записал: *подъ трубами повити*.

Понятно, что в версии «от СПИ к Задонщине» никакой нужды во всех этих хитроумных предположениях нет. После многократных переписываний сискажениями и разнообразными редакционными изменениями ожидается именно такая картина: в любом списке мо-

жет случайно сохраниться такой осколок первоначального текста, который в других списках пропал.

Гипотеза о списывании сразу с пяти списков настолько неправдоподобна, что сторонники версии «от Задончины к СПИ» вынуждены пытаться от нее избавиться. Возможно ли это? Да, возможно — для этого нужно допустить, что Аноним пользовался некоторым неизвестным нам списком, который, во-первых, во всех точках расхождения сохранял наилучшее и самое полное чтение, во-вторых, впоследствии погиб или до сих пор не разыскан. И действительно, как Мазон, так и Зимин оказались в конечном счете вынуждены допустить именно это³¹ (стараясь, правда, по понятным причинам не акцентировать на этом внимания).

Легко понять, сколь резко падает правдоподобие всей версии, если она требует подобных допущений.

Два компонента в текстах СПИ и Задончины

§ 29. Еще один существенный аспект нашего исследования связан с изучением общих элементов СПИ и Задончины.

Для такого исследования нам потребуется «расслить» как Задонщину, так и СПИ на два компонента: а) «параллельная часть» — пассажи, представленные (хотя бы с теми или иными вариациями) в обоих этих памятниках; б) «независимая часть» — пассажи, пред-

³¹ Вот одно из предположений этого рода: «В распоряжении автора Слова о полку Игореве, по нашему мнению, был список Синодального извода, правленный по изводу Ундорского» (Зимин 2006: 159). Не будем здесь углубляться в вопрос о том, как много нерешенных текстологических проблем остается даже и в случае принятия этого предположения.

ставленные только в данном памятнике (т. е. не имеющие соответствий во втором).

Общий замысел нашего исследования прост. Мы не знаем заранее, какое из двух сравниваемых произведений первично, а какое создано на его основе. И исходим из того наиболее естественного предположения, что создатель вторичного произведения выбирал в своем оригинале пассажи для копирования по содержанию, а не по каким бы то ни было языковым характеристикам.

Допустим, нас интересует при изучении этих произведений некоторый лингвистический параметр, скажем, наличие церковнославянизмов или частота употребления союзов. Понятно, что в указанных условиях в первичном произведении параллельная часть в принципе ничем не должна отличаться по этому параметру от независимой.

Во вторичном произведении результат будет зависеть от того, в какой степени его создатель вторгался в стиль заимствованных пассажей. Если он перередактировал их в собственном стиле, разницы между частями не будет и здесь. Если же эти пассажи в какой-то степени сохранили язык и стиль оригинала, то по изучаемому параметру может обнаружиться различие, поскольку собственный язык и стиль создателя вторичного произведения чем-то отличается от оригинала.

Таким образом, проведя соответствующие проверки, можно получить важнейший материал для решения вопроса о том, какое из двух произведений первично.

Заметим, что для Задонщины описываемое «расслечение» фактически уже давно применяется исследователями (хотя бы в неявной форме и хотя бы по отдельным поводам), а именно, при описании тех или иных явлений в Задонщине мы во многих работах находим констатации типа «такая-то особенность встречается в основном во фразах, заимствованных из СПИ».

При рассмотрении целого ряда языковых и иных параметров между независимой и параллельной частями Задончины обнаруживается следующее типовое соотношение: по взятому параметру независимая часть Задончины сильно отличается от СПИ, а параллельная — существенно слабее.

Так, в СПИ нечленные формы составляют больше четверти всех адъективных словоформ (кроме притяжательных и местоименных), а в Задончине их уже совсем мало. При этом, однако, в параллельной части Задончины (по списку У) они встречаются все же в четыре раза чаще, чем в независимой.

В СПИ двойственное число употребляется практически регулярно (см. выше). В Задончине для двух лиц или объектов употребляется уже множественное число; имеется лишь одно-единственное исключение — стоящее в двойственном числе словосочетание *сама есма* (в списке КБ). И этот единственный пример входит в параллельную часть Задончины.

В СПИ позиция *ся* подчиняется сложным древним правилам (см. выше). В Задончине *ся* уже просто следует за глаголом — как в современном языке. Только один раз встретилось *ся*, стоящее левее глагола (*Туто ся поганий разлучишася боръзо* в списке И-1). И этот пример входит в параллельную часть Задончины.

Примечание. Различие между независимой и параллельной частями Задончины констатируют не только лингвисты, но и текстологи и литературоведы. Например, О. В. Творогов (1966) убедительно показывает, что компонент Задончины, параллельный СПИ, — это собрание самых темных, изобилующих искажениями и вырванных из логического контекста пассажей, тогда как в составе СПИ соответствующие пассажи ясны, художественно оправданы и логично вписаны в цепь событий. Но это уже выходит за рамки нашего разбора.

Самое существенное, для чего нам нужно разделение текстов на два компонента, подробно описывается в следующем разделе.

Бессоюзие в СПИ и в Задонщине

§ 30. Одна из особенностей СПИ, которая нередко создает у нынешнего читателя ощущение, что перед нами скорее современный текст, чем древний, — необычайное обилие предложений, вводимых бессоюзно. В этом отношении СПИ прямо противоположно таким текстам, как, например, берестяные грамоты (где как раз сильна тенденция к тому, чтобы каждое предложение вводилось с помощью какого-нибудь союза), и сильно отличается также и от большинства древних книжных текстов. Вот, например, один из пассажей СПИ, дающих хорошее представление об этой особенности:

Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ. Чръныя тучя съ моря идутъ, хотятъ прикрыти 4 солнца, а въ нихъ трепещутъ синіи млыніи. Быти грому великому, итти дождю стрѣлами съ Дону Великаго! Ту ся копіемъ приламати, ту ся саблямъ потручиши о шеломы Половецкыя, на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону Великаго. О Руская землѣ! ужє <за> шеломянемъ еси! Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрыя пльки Игоревы. Земля тутнетъ, рѣкы мутно текуть, пороси поля прикрывають (43–49).

Для сравнения приведем пример текста, построенного в этом отношении совершенно иначе, — отрывок из описания похода Игоря в Ипатьевской летописи (графику слегка упрощаем):

И та рекше, вси сосѣдоша с конѣи, и поидоша бьючесѧ. И тако Б(ож)иимъ попущениемъ оузвиша Игора в роукоу и оумртвиша шиоцию его. И быс(ты) печаль велика в полкоу его. И воеводоу имахоуть, то тъ на переди назвенъ быс(ты). И тако бишас(а) крѣпко дниоу до вечера. И мнозии ранени и мертви быша в полкохъ роуских(ъ).

Дальнейший анализ требует некоторых дополнительных пояснений.

Прежде всего, необходимо учитывать, что сходство синтаксиса СПИ с современным в некоторых случаях оказывается иллюзорным, а именно, возникает лишь в силу «модернизированного» прочтения текста.

Так, в очень многих изданиях СПИ сохранено ошибочное чтение первых издателей *аркучи* (якобы с протетическим *a* перед *rk-*) — вместо правильного *a rкучи*. И запись типа *жены Рускія въсплакашас^я*, *аркучи* ... по этой причине выглядит как предложение совершенно современной структуры (как в нынешнем *жены русские заплакали, говоря ...*). Но это не так: здесь такой же союз *a* перед деепричастием, как, например, во фразах: *a хотать ны ати въ Θомоу съ Вацьшкою, а мъльва: заплатите четыри съта гривнь или a зовите Θомоу сѣмо* ‘а хотят нас с Вячешкой арестовать за вину Фомы, говоря ...’ (берестяная грамота № 952, XII в.); *а како досп^ѣв^ъ буду, а борьцъ оставив^ъ* ‘я, как только управлюсь, приеду, оставив [вместо себя] сборщика’ (берестяная грамота № 68, XIII в.); *их же дѣлать послалъ блаше ..., а река ...* ‘которые послал делать, скав...’ (Ипат. [1175], л. 209 об.) и т. п. В последнем примере *a река* ясно показывает, что *a* — не протетическая гласная, поскольку после нее нет скопления согласных. Таким образом, во фразе из СПИ в действительности представлен древний синтаксис, который в современном языке невозможен; ср. другую фразу с союзом *a*, где это уже непосредственно очевидно: *Ту Игорь князь высѣдѣ изъ сѣдла зата, а въ сѣдло кощіево 91.*

Еще пример: *Тѣй клюками подпръся окони и скочи къ граду Кыеву 154.* Полная интерпретация этой фразы связана с большими трудностями (см. об этом «К чтениям...», § 5). Но здесь нам существенно только следую-

щее: комментаторы обычно интерпретируют *подпръся* (гиперкорректная запись вместо *подперся*) как перфект, утративший *л*; соответственно, *подпръся ... и скочи* понимаются как однородные сказуемые: ‘подперся и скакнул’. Но в действительности и по форме, и по синтаксису это обычное причастие: ср. *подперъ* 130, выступающее в составе фразы в едином ряду с *заступивъ*, *затворивъ*, *меча*, *рядя*. Просто синтаксис союзов здесь древний, а не современный: *и* стоит после причастного (деепричастного) оборота; ср. нормальные для древнерусского языка *въставъ и рече* ‘встав, сказал’, *приишъдъ и ста* ‘придя, встал’ и т. п.

Более сложный случай представляет фраза *Сѣдлай, брате, свои бръзыи комони, а мои ты готови осѣдлани у Курьска на переди* 21–22. Практически все комментаторы ставят здесь вслед за издателями запятую после *готови*, т. е. расценивают *готови* и *осѣдлани* как два самостоятельных сказуемых (‘а мои готовы, оседланы у Курска еще раньше’). Но это не что иное, как прочтение через призму современного языка. Дело в том, что нам ныне уже чужды обороты типа *он готов идет* (‘он с готовностью идет’) или *он готов согласен* (‘он тут же согласился’). А между тем древнейшее употребление слова *готовъ* было именно таким: по форме аппозитивным, а по значению адвербальным (‘с готовностью’, ‘тут же’, ‘уже’); *готовъ* было вполне аналогично в этом отношении слову *радъ* (ср., например, *радъ иду* ‘с радостью иду’). Примеры: *ѡже ны будеть лзѣ на Бѣльгородъ въѣхати, то Гюрги готовъ перед нами бѣгаеть* (‘то Юрий тут же от нас побежит’) (Ипат. [1150], л. 150); *ѡже имеши кнажити во Krakовѣ, тотъ мы готовѣ твої* (‘то мы с готовностью будем твои’) ([1287], л. 301); *Аище убо сидиши внутръ града, готовъ плененъ еси ратными* (‘то считай, что ты уже пленен воинами’) (Никоновская летопись [1159] — Срезн., I: 573).

Разумеется, в древнерусском языке было возможно и такое употребление слова *готовъ*, которое победило в современном языке. Но для фразы из СПИ явно предпочтительна интерпретация по древней модели. Об этом свидетельствует параллельная фраза Задонщины (список У): *Сѣдлаи, брате Андреи, свои доброи конь, а мои готов оседлан* ('а мой вот уже оседлан'). Здесь запятая после *готов* была бы совершенно неуместна (издатели ее и не ставят). Таким образом, синтаксическая структура рассматриваемой фразы СПИ, вопреки внешнему впечатлению, не совпадает с современной.

Далее. «Расслоение» наших памятников на независимый и параллельный компоненты — операция не вполне строгая, поскольку их параллельность часто предполагает не дословное совпадение, а замену одних слов другими, при сохранении сходства общего смысла; возможны также перестановки слов или фраз.

Существенно также, что «расслоение» необходимо производить по-разному в зависимости от того, какой именно аспект текста мы изучаем. Скажем, при изучении лексики в параллельную часть войдут только отрезки, содержащие одинаковые слова; а при изучении структуры предложений в нее войдут более длинные отрезки, включающие целые предложения, хотя бы и содержащие сколько-то не совпадающих слов.

Поскольку списки Задонщины сильно расходятся между собой, «расслоение» здесь необходимо производить для каждого списка по отдельности. В СПИ считаются входящими в параллельную часть все отрезки, для которых имеется параллель хотя бы в одном списке Задонщины.

При изучении союзов за основную единицу членения текста целесообразно принять отрезок, включаю-

щий одно сказуемое³² (т. е. равный целому предложению с одним сказуемым или группе одного из однородных сказуемых). При этом если такой отрезок вводится союзом, то союз считается его составной частью.

Ниже рабочим обозначением такой единицы будет «предикативная группа»³³.

В рамках нашей задачи при выявлении параллельности предикативных групп из разных текстов главным критерием служит совпадение или близкое сходство (формальное и/или семантическое) сказуемых. Функции прочих членов предложения могут при этом выполнятся неодинаковыми словами; допускаются и некоторые расширения предикативных групп за счет дополнительных слов. Заметим, что в нашем конкретном случае, когда нас интересуют только начинающие предикативную группу союзы, можно не заботиться о таких деталях, как большая или меньшая длина группы, наличие лишних слов и т. п.

Поскольку в этой ситуации сформулировать строгие правила выделения параллельных предикативных групп крайне трудно, для достижения формальной строгости пришлось бы, изучая конкретный вопрос, полностью привести соответствующее именно этому вопросу разделение текстов СПИ и Задонщины на компоненты. Это недопустимо громоздко, и мы вынуждены ограничиться лишь некоторыми иллюстрациями, которые, как можно надеяться, достаточно ясно покажут, как в данном случае выглядит разделение. (В вопросе о разделении текста СПИ полезную информацию дает также приложение.)

³² Как сказуемые при этой операции рассматриваются также деепричастия.

³³ Практически то же в английской грамматике называется *clause* и в некоторых работах переводится как *клауза*.

Замечание. В некоторых случаях вопрос о том, можно ли считать две предикативные группы из разных текстов параллельными, решается неоднозначно. К счастью, таких случаев немного, и тем самым здесь выбор того или другого из возможных решений лишь очень незначительно влияет на итоговые цифры. Поэтому мы сочли излишним заниматься здесь разбором этих спорных случаев.

Примеры выделения параллельных предикативных групп (такие группы даны курсивом).

Задонщина	СПИ
Се бо князь великий Дмитрий Иванович и брат его князь Владимир Андреевич помолися Богу и пречистей его матери, <i>истезавши ум свои крѣпкою крѣпостью, и поостриша сердца свои мужеством, и наполнися ратного духа, уставшиа собѣ храбрыя воеводы в Рускои землѣ, и помянуша прадѣда своего великого князя Владимира Киевскаго</i> (У).	Почнемъ же, братіе, повѣсть сю отъ стараго Владимира до нынѣшняго Игоря, иже истягну умъ крѣпостію своею, и поостри сердца своего мужествомъ; напльнився ратнаго духа, наведе своя храбрыя плѣкы на землю Половѣцкую за землю Русскую (6–7).
<i>На Москвѣ кони ржут, звѣнит слава по всеи земли Рускои, в трубы трубят на Коломнѣ, в бубны бьют в Серпугове, стоят стязи у Дунаю Великого на брезѣ</i> (У).	Комони ржуть за Сулою, звенить слава въ Кыевѣ; трубы трубять въ Новѣградѣ, стоять стязи въ Путивлѣ (18).
<i>Сѣдлаи, брате Ондрѣй, свои борзи комони, а мои готови напреди твоих осѣдлани</i> (КБ).	<i>Сѣдлай, брате, свои брѣзыи комони, а мои ты готови осѣдлани у Курьска на переди</i> (21–22).

<i>Орли восклегчуть, волци грозно воютъ, лисици часто брешуть, чаютъ победу на поганыхъ (КБ).</i>	<i>Вльци грозу въсрожать по яругам; орли клектомъ на кости зѣѣри зовутъ; лисици брешутъ на чръле- ныя щиты (31).</i>
<i>Черна земля под копыты, костыми татарскими поля насѣѧша, кровью земля пролита (И-1). Тогда поля костыми насѣѧны, кровьми полиано (КБ).</i>	<i>Чръна земля подъ копы- ты(,) костыми была посѣѧ- на, а кровію польяна: тugoю взыдоша по Руской земли (67).</i>
<i>Что шумит, что громит рано пред зарями? Князь Владимеръ нолкы устанавливаетъ, и пре- бирает, и ведет к Дону Вели- кому (И-1).</i>	<i>Что ми шумить, что ми звенить давечя рано предъ зорями? Игорь плѣкы заво- рочаетъ, жаль бо ему мила брата Всеволода (68–69).</i>
<i>Уже <i>по</i> Рускои земли простреся веселье, и възнесеся слава Руская на поганых хулу. Уже веръжено диво на землю (И-1).</i>	<i>На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣть покрыла — <i>по</i> Рус- кой земли простирашася Половци аки пардуже гнѣздо. Уже снесеся хула на хвалу. Уже тресну нуж- да на волю. Уже връжеса Дивъ на землю (104–108).</i>

§ 31. Вопрос о бессоюзии в СПИ привлекал внимание многих исследователей (см. в особенности Петерсон 1937)³⁴. Продолжая эту линию исследования, мы предлагаем ниже следующую технику для количественной оценки бессоюзия.

³⁴ Особо отметим, что бессоюзию в СПИ и Задонщине посвящен также основной раздел работы Трост 1974. К сожалению, в этой работе приводятся ошибочные статистические данные по Задонщине, которые обесценивают выводы автора; см. об этом статью «О противниках...», § 2.

Нас будет интересовать оппозиция: «предикативная группа, вводимая союзом или стоящей на второй позиции частицей *же*³⁵, *ли*, *бо*, *ти*, *нъ*, — предикативная группа, вводимая без союза или частицы».

В составе текста имеются, однако, такие предикативные группы, где выбор «союз или бессоюзие» не свободен, а именно, наличие или отсутствие союза полностью или почти полностью предопределено синтаксическим контекстом. Например, тот факт, что в предикативной группе *о! далече зайде соколь* (с междометием) нет союза или что в предикативной группе *аже бы ты былъ* (придаточное условное) есть союз, никак не отличает один древнерусский литературный текст от другого: это просто норма.

Поэтому если мы желаем с помощью статистики союзов делать какие-то заключения о стилистических различиях между произведениями или между разными редакциями одного произведения, необходимо по возможности исключить из рассмотрения подобные неинформационные случаи, с тем чтобы подсчеты касались только тех позиций, где у писавшего была свобода выбора. В противном случае наша статистика рискует оказаться бессмысленной: скажем, ответ на вопрос о том, имел ли автор предпочтение к бессоюзовным конструкциям, может оказаться затемнен, а то и полностью искажен посторонними обстоятельствами, например, обилием придаточных предложений и т. п.

В качестве первого шага в этом направлении мы исключаем из рассмотрения подчинительные союзы, поскольку их употребление регулируется совсем иными закономерностями, чем для сочинительных: они гораздо

³⁵ Имеется в виду *же* 'но', 'ведь'; *же* в составе относительных слов (*иже*, *якоже* и т. д.) и *же* отождествительное (*тотъ же* и т. д.) сюда не относятся.

более императивно диктуются смыслом и лишь в малой степени отражают стилистические предпочтения автора. Таким образом, далее речь идет только о сочинительных союзах (и это уже более не оговаривается).

В ряде случаев сочинительный союз или частица употребляется гораздо реже обычного или даже просто отсутствует. Сюда мы относим:

а) деепричастные обороты;

б) в сложноподчиненных предложениях — любые придаточные³⁶, а также главные предложения при придаточных условных, вводимые союзом *то*, и при придаточных относительных, вводимые соотносительными указательными местоимениями или наречиями ('тот', 'там', 'тогда', 'так');

в) первая предикативная группа прямой речи, а также предикативные группы, начинающиеся с обращения или с междометия *о*; кроме того, слово *rече* (или его синоним), вставленное внутрь прямой речи.

Ниже эти случаи обозначаются как «несвободные» и из подсчетов исключаются.

Возьмем теперь все предикативные группы текста, кроме несвободных случаев, и подсчитаем процент вводимых сочинительным союзом (или частицей) и процент вводимых без союза (и без частицы). Первое обозначим как «коэффициент союзности», второе — как «коэффициент бессоюзия».

В СПИ коэффициент бессоюзия — 66,4%. Для древнего текста это исключительно высокий показатель³⁷. Для сравнения приводим подсчеты еще по некоторым текстам:

³⁶ Включаем сюда также предложения, вводимые словом *да* 'пусть'.

³⁷ В работе Петерсон 1937, где подсчет производился по несколько иной технике, этот показатель получился весьма похожим: 63,5%.

«Слово о полку Игореве»	66,4% (249 из 375)
Владимир Мономах. Описание походов (до <i>По чередам избъено не с 200 в то время лѣпших</i>)	20% (29 из 148)
Ипатьевская летопись. Поход Игоря	13% (37 из 275)
«Сказание о Мамаевом побоище» (начало)	14% (19 из 133)
«Хожение за три моря» Афанасия Никитина (начало)	14,5% (54 из 373)

Замечание. Нет ли все же в древнерусских сочинениях хотя бы каких-нибудь фрагментов, сходных с СПИ по коэффициенту бессоюзия? Мне удалось найти лишь следующий маленький фрагмент, — впрочем, весьма знаменитый, — который почти удовлетворяет этому условию: *А се в Черниговѣ дѣялъ юсмъ: конь дикихъ своимъ руками связалъ юсмъ, въ пур[и]ха 10 и 20 живыхъ конь, а кромѣ того иже прови тѣзда ималъ юсмъ своимъ руками тѣ же кони дикихъ. Тура ма 2 метала на розѣ и с конемъ, сленъ ма ѿдинъ боль, а 2 лоси ѿдинъ ногами топталъ, а другыи рогома боль, вепрь ми на бедрѣ мечь ѿталъ, медвѣдь ми у колѣна подъклада оукусиль, лютыи звѣрь скочилъ ко мнѣ на бедры и конь со мною поверже; и Б(ог)ъ неврежена ма съблюде. И с кона много пада^х, голову си розби^х дважды, и руцѣ и нозѣ свои вереди^х, въ оуности свои вереди^х, не блюда живота своего, ни щада головы своей* (Мономах — Лавр., л. 82 об. — 83). В этом пассаже коэффициент бессоюзия равен 50%.

Данный коэффициент легко можно вычислить и для современных текстов. Такой эксперимент дает очень интересный результат: оказывается, что в этом отношении СПИ стоит довольно близко к Пушкину и Лермонтову! Так, например, для «Метели» Пушкина (первые 9 абзацев) коэффициент бессоюзия равен 75%; для «Максим Максимыча» Лермонтова (первые 5 абзацев) — 78%.

В этом сходстве кроется одна из причин, по которым «Слово о полку Игореве» производит на нас впечатление текста, столь близкого к современному (едва ли не самая существенная).

А что представляет собой с этой точки зрения Задонщина? Оказывается, что здесь коэффициент бессоюзия совершенно не такой, как, например, в «Сказании о Мамаевом побоище» (созданном примерно в то же время). В разных списках Задонщины он весьма различен, но везде чрезвычайно велик для своего времени, а именно: КБ — 73%; С — 60%; И-1 — 57%; У — 36%.

§ 32. Но для нас представляют наибольший интерес не эти суммарные подсчеты, а раздельные подсчеты по двум компонентам каждого из этих списков — независимому и параллельному.

Коэффициент бессоюзия в названных двух частях взятых нами списков Задонщины таков:

	Список КБ	Список С	Список И-1	Список У
Независимая часть	62%	54%	50%	35%
Параллельная часть	93%	71%	68%	39%

В качестве иллюстраций можно использовать примеры из таблицы в § 30: по ним видно, что в параллельном компоненте Задонщины выбор между союзом и бессоюзием большей частью такой же, как в СПИ. Добавим для пополнения картины два примера из Задонщины, которые целиком относятся к независимой ее части; легко заметить, сколь насыщены они союзами.

А не быти тебѣ в Батыя ү(а)ря: ү(а)рь Батыи былъ 400000 вою, воевалъ всю Русскую землю, и плѣnil от всто-

ка и до запада. А казнилъ Б(ог)ъ Рускую землю за съгрешение. И ты пришелъ, князъ Мамай, на Рускую землю съ многими силами, съ девятъю ордами, съ 70 кн(я)зыми. А н(ы)не бежиши самъ-девять в лукоморье (И-1).

И поидем, брате князь Владимир Андрѣевичъ, во свою Залесскую землю къ славному граду Москве и сядем, брате, на своем княжение, а чести есми, брате, добыли и славного имени (У).

Разумеется, в отдельных пассажах картина может быть и не столь прозрачной, как в наших иллюстративных примерах. Но цифры приведенной выше таблички ясно показывают общую ситуацию.

А теперь проведем такой же раздельный подсчет по двум компонентам СПИ. Коэффициент бессоюзия здесь таков:

Независимая часть	67% (188 случаев из 281)
Параллельная часть	65% (61 случай из 94)

Как мы видим, коэффициент бессоюзия в обеих частях СПИ практически одинаков. Имеющееся небольшое различие — конечно, незначимое (напомним, что исходные данные у нас не стопроцентно строги, ср. замечание на с. 195; поэтому вообще нельзя приписывать этим цифрам некий абсолютный смысл).

§ 33. Итак, по рассматриваемому признаку СПИ оказалось монолитным, тогда как в Задонщине в трех списках из четырех у независимой и параллельной части эти показатели резко различаются. Тем самым решение вопроса о первичности и вторичности здесь в сущности очевидно.

Но полезно все же проявить пунктуальность и рассмотреть выводы из проведенных измерений более подробно.

В рамках версии подлинности СПИ картина выглядит так.

Наиболее показательны списки С и И-1. Здесь пассажи, заимствованные из СПИ (непосредственно или с заменами каких-то звеньев), имеют примерно тот же уровень бессоюзия, что оригинал. (В большинстве случаев здесь просто представлен тот же союз или такое же бессоюзие, что в соответствующей фразе СПИ.) При этом, однако, даже и в независимой части коэффициент бессоюзия значительно выше, чем в таких рядовых произведениях XV века, как, скажем, «Сказание о Мамаевом побоище». Очевидно, здесь проявилось уже косвенное влияние СПИ, а именно, сочинитель продолжал писать в том же стиле, в котором написаны заимствованные из СПИ пассажи. Эта «инерция стиля» наложилась здесь на обычную манеру сочинительства той эпохи, в результате чего коэффициент бессоюзия оказался промежуточным (но все же намного ближе к СПИ, чем к стандарту эпохи). Следует предполагать, что в отношении союзов списки С и И-1 стоят ближе всех прочих к первоначальному тексту Задонщины.

Список У подвергся (на каком-то из этапов копирования) гораздо более основательному стилистическому редактированию во вкусе своей эпохи. В результате во всем тексте союзов стало гораздо больше, и в этом отношении разница между независимой и параллельной частями почти стерлась. (Так что если бы сохранился только список У, то его сравнение с СПИ по поведению союзов не дало бы надежного ответа на вопрос о первичности и вторичности.) Но даже и в этом списке обычного для эпохи уровня насыщенности союзами текст все же не достиг.

Особо стоит список КБ: здесь представлена в принципе такая же картина, как в С и И-1, но, так сказать, в утрированном виде. Редактор и здесь вмешался в расстановку союзов, но не в духе эпохи, а наоборот.

Трудно сказать, как возникло такое стилистическое устремление, идущее наперекор вкусам эпохи. Не исключено, в частности, что редактор был вдохновлен стилем СПИ и утрировал свойственное этому стилю бессоюзие. Но для нас этот документ очень важен как неопровергимое свидетельство того, что такой параметр, как насыщенность союзами, не может сам по себе доказывать принадлежность памятника к тому или иному веку. Этот прецедент позволяет нам спокойно относиться к тому, что точно таким же отклонением от норм своего века мог быть в свое время и стиль самого СПИ.

Итак, для установления первичности СПИ достаточно было бы, например, пары «СПИ — Задонщина в списке И-1». Наличие любого количества списков типа У при этом уже ничего бы не изменило.

Перейдем к версии поддельности СПИ.

Огромный коэффициент бессоюзия в СПИ, приближающийся к Пушкину и Лермонтову, сторонники этой версии, конечно, объяснят литературным вкусом мистификатора, соответствующим XVIII, а не XII веку. Вот что пишет Зимин по поводу не в точности этого, но одного из подобных стилистических сходств между СПИ и Пушкиным: «Но если простота синтаксических конструкций в Слове местами почти пушкинская, а автор причастен к существовавшей в его время литературной традиции, то вряд ли можно эту традицию относить далеко за пределы времени, когда жил А. С. Пушкин» (1963: 319; 2006: 287).

На первый взгляд, это весьма правдоподобно: тем самым оказывается разоблаченным стилистический монстр, вопиющим образом выламывающийся из древних норм и сходный с литературой нового времени.

Но уже на второй взгляд становится ясно, что на этом пути мало чего удалось достичь: ведь таким же

монстром остается — на этот раз уже неустранимо — Задонщина! И нам никуда не уйти от признания того, что по крайней мере в XV веке кто-то уже владел «пушкинской» манерой писать с малым количеством союзов, т. е. резко отлично от стандартов эпохи. А XV век — это все-таки весьма далеко от «времени, когда жил А. С. Пушкин». Так что придется признать, как и выше, что сходства синтаксических показателей самого по себе еще совершенно недостаточно для того, чтобы отнести литературное произведение к определенной эпохе. Выходит, что автор СПИ был действительно кое в чем стилистически близок к Пушкину, однако же не потому, что жил с ним в одно время.

Замечание. Как маленькое свидетельство того, что в древнерусскую эпоху могли все же существовать и отдельные отклонения от господствующего стиля, можно, по-видимому, рассматривать приведенный выше фрагмент из сочинения Владимира Мономаха.

Но всё же самый трудный вопрос состоит в том, как объяснить в рамках версии поддельности СПИ выявленное нами резкое различие коэффициента бессоюзия в независимой и параллельной частях Задонщины.

Скажем прямо: правдоподобных ответов на этот вопрос просто нет.

Попытаться спасти положение можно только при условии перехода на уровень абстрактных рассуждений, не считающихся ни с каким неправдоподобием. На этом уровне мыслимы такие объяснения:

а) Указанное различие — простая случайность. Оставим без комментариев.

б) Аноним, вопреки принятому нами вначале тезису, выбирал в Задонщине пассажи для копирования всё-таки не по содержанию, а именно по тому признаку, чтобы в них было мало союзов. А потом, когда ему при-

шлось досочинять те части СПИ, которых нет в Задонщине, он тщательно проследил за тем, чтобы и в этих частях был в точности такой же уровень употребительности союзов. Зачем он избрал себе столь безумную стратегию, многократно увеличивающую, причем без малейшей пользы, трудность его и без того нелегкой задачи, остается совершенно непостижимым.

Заметим, впрочем, что даже и при таком экстравагантном объяснении останется непонятным, каким образом в Задонщине пригодные для Анонима пассажи вообще нашлись: ведь в ту эпоху с таким высоким коэффициентом бессоюзия, как в параллельной части Задонщины, никто другой не писал.

И такие же объяснения, требующие откровенного стояния на голове, придется изобретать и для всех других признаков, по которым выявляется различие между двумя компонентами Задонщины. И пригодными для Анонима придется признать только те пассажи из Задонщины, которые обладают сразу всем набором требуемых формальных свойств.

Но если все-таки вернуться на уровень обыкновенного здравого смысла, то надо попросту признать, что версия первичности Задонщины в этом месте провалилась.

О лингвистических аргументах против подлинности СПИ

§ 34. Как уже указано, разбирать литературоведческие и исторические аргументы мы в настоящей работе не будем. Но в разное время выдвигались также и лингвистические аргументы против подлинности СПИ.

Здесь необходимо прежде всего напомнить, что для самых известных защитников версии о позднем происхождении СПИ — А. Мазона и А. А. Зимина — лингвистика не является прямой специальностью и представляет лишь весьма второстепенный интерес; они не за-

ходят в лингвистических вопросах дальше довольно поверхностных, а нередко и прямо ошибочных суждений. Капитальной роли лингвистических аргументов в обсуждаемой проблеме они не видят и не признают. О Мазоне здесь в сущности можно уже и не говорить после исчерпывающей критики Якобсона; но Зимин, хотя он и знаком с работой Якобсона, повторяет те же ошибки.

Постоянная лингвистическая ошибка этих авторов (но также и ряда других, например, М. Хендлера) состоит в презумпции — не формулируемой явно, но образующей фундамент безусловного большинства их аргументов, — что если слово не встретилось в дошедших до нас древнерусских памятниках, то его не было в древнерусском языке и что если оно не встретилось, например, ранее XVI века, то оно и появилось в языке лишь в этом веке или чуть раньше.

В настоящее время уже совершенно ясно, что это глубокое заблуждение. Как уже говорилось в § 26, наибольший вклад в развеивание этого заблуждения внесли берестяные грамоты, которые почти каждый год открывают нам ранее неизвестные древнерусские слова, а также удревняют дату многих известных слов на несколько веков. Несмотря на значительный общий объем, дошедший до нас фонд древнерусских памятников не имеет никаких шансов охватить всю лексику древнерусского языка — прежде всего ввиду ограниченности своей тематики. Вообще, следует осознать, что только совершенно стандартные по содержанию (и притом относительно короткие) древнерусские тексты стопроцентно укладываются в лексику остальных памятников. Даже и не такие оригинальные тексты, как СПИ, как правило содержат сколько-то слов, которые в других древнерусских памятниках не встретились. И было бы как раз в высшей степени поразительно, если

бы в таком уникальном памятнике, как СПИ, стоящем в древнерусской литературе почти изолированно, таких слов не оказалось³⁸.

Между тем только указанная ошибочная презумпция позволяет Зимину (и не только ему) «ловить» сочинителя СПИ на выдумывании несуществующих древнерусских слов. Вот пример: «В Слове о полку Игореве есть очень редкий термин — "стружие" (древко копья). Он встречается только в рукописях конца XV и более позднего времени, в XII в. древко копья называлось не стружием, а "оскепищем". Нет в памятниках и термина "засапожники" Слова» (Зимин 1963: 309–310; почти буквально то же в 2006: 280).

В силу этой презумпции Зимин считает, что слова, известные в фольклоре, но отсутствующие в дошедших до нас древнерусских памятниках, возникли относительно поздно. По его мнению, в тексте СПИ такие слова могли появиться только потому, что фальсификатор взял их именно из фольклора, и само их наличие в этом тексте уже является свидетельством его позднего происхождения. Для лингвиста несостоятельность подобного вывода очевидна: сохранившееся в фольклоре слово в действительности может быть сколь угодно древним — совершенно независимо от того, отмечено оно в извест-

³⁸ Чтобы осознать это, достаточно полистать СДРЯ или Срезн. и увидеть, как много слов имеет помету (1*), т. е. «встретилось один раз», в первом или просто дано с единственным примером во втором. Конечно, и там и там что-то часто остается за рамками словаря, но статей с единственным примером так много, что и малой их части достаточно, чтобы понять всю наивность аргумента «такое-то слово из СПИ подозрительно, потому что его нет в других памятниках». Большие списки примеров на эту тему читатель найдет ниже, в статье «О Добровском...», § 6.

ных нам письменных памятниках или нет. Но для любителей наглядного все же приведу один пример.

Многие участники дискуссии обращаются к встретившемуся в СПИ слову *сморци* (= *сморчи*) 'смерчи' и обсуждают необычную огласовку *о*. «Но форма *сморци*, — пишет Зимин (1963: 307; 2006: 267), — не архаична, а представляет собой новообразование. Н. В. Шарлемань обратил внимание, что и в настоящее время на побережья Черного и Азовского морей смерчи называют "сморчами"». Не будем останавливаться на загадочности того, каким образом из наличия слова в приморском говоре выводится, что это новообразование. Укажем лишь, что ныне из берестяной грамоты XII века № 663 уже известно древнерусское прозвище *Смъръчъ* (см. § 26).

Для Зимины наличие некоторого слова из СПИ в украинском и белорусском выглядит уже как улика против фальсификатора, а наличие в польском просто выдает его с головой. Вот пример: «В Слове о полку Игореве термин "степь" отсутствует, а вместо него везде употребляется "поле" ("загородите полю ворота"). Это вполне соответствует украинским думам XVI–XVII вв. и польскому языку XVIII в., где степь называется *pole*» (1963: 310). И это при том, что слово *поле* является нормальным названием для степи во всех древнерусских летописях (а как раз слова *степь* ни в одной из них нет)³⁹.

³⁹ В 2006: 268 этот пассаж частично исправлен, а именно, сказано: «Это вполне соответствует не только летописному "полю" — степи (ср. в Ипатьевской летописи под 1224 г. "поле половецкое"), но и украинским думам XVI–XVII вв. ...» (и т. д.). Но несмотря на это, он все-таки продолжает фигурировать среди аргументов в пользу сходства Слова с поздними, а не ранними памятниками — автор каким-то образом не заметил, что внесенное исправление уничтожает его аргумент.

Список несообразностей и прямых ошибок в лингвистической части работы Зимина был бы слишком велик. Ограничимся указанием совсем немногих.

Зимин пишет о СПИ: «Отсутствие явных следов лексики XVIII в. не случайно: ведь автор сознательноставил перед собой цель написать песнь "старыми словесы"» (1963: 312; 2006: 281). Перед нами поразительно наивное представление, что для того, чтобы не вставить в текст ненарочком слова позднего происхождения, автору достаточно поставить перед собой цель их избегать. Зимин не осознает, что для различия слов, возникших, скажем, сто лет назад и возникших тысячу лет назад, нужна целая этимологическая наука, опирающаяся на огромный арсенал исследованных памятников и родственных языков, а просто «образованный человек» в ответе на этот вопрос то и дело ошибался бы.

Зимину очень важно отстоять следующий тезис: «Если же исключить из лексики памятника слова, встречающиеся в Ипатьевской летописи и Задонщине, то в оставшемся лексическом пласте не обнаружится ни одного архаизма, за исключением нескольких чисто церковных слов и оборотов» (1963: 311). Но как же тогда быть с десятками слов СПИ, которых нет ни в Ипатьевской летописи и Задонщине, ни в современном литературном языке? Нужно как-то от них избавиться. Для слов, имеющихся в говорах, решение у Зимина, как мы уже видели, найдено: ни одно из этих слов не древнее, все они взяты сочинителем именно из этого говора. Но и после этого остается еще немало. Для некоторых слов удается найти какой-нибудь старый памятник, где это слово все же встретилось. Тогда такое слово можно объявить частью церковной традиции, которая дошла до нашего сочинителя (так, например, Зимин поступает с выражением *лукъ съпряжень*, которое нашлось в переводе книги Флавия).

Но значительный остаток сохраняется и после этого. И тут уж ничего не остается, как объявить, что неизвестные слова попросту выдуманы сочинителем. Вот, например, что пишет Зимин по поводу знаменного списка тюркских богатырей на службе у князя Ярослава (... *брата моего Ярослава съ черниговьскими былями, съ могуты, и съ матраны, и съ шельбиры, и съ топчакы, и съ ревугы, и съ ольбера*): «На наш взгляд, все эти "могуты", "ольбера" и прочие "были" появились под пером автора Слова в результате его чисто этимологическо-литературной работы: он включил в свой перечень ряд наименований, имеющих тюркские корни, разного происхождения, добавив ряд прозвищ, созданных им самим» (1963: 303; 2006: 263). Мы узнаем, например, что *ольбера* автор произвел от личного имени *Олбърь*, *были* «перекликаются» с польским *bywalec* 'бывалый человек', и т. д. Не будем комментировать эту размашистую лингвистику, перечеркивающую все работы профессионалов-туркологов. Заметим только, что одна лишь разница окончаний Т. мн. в этом ряду: *-ями* в *былями* при *-ы* в прочих названиях — уже ясно показывает, что список составлен не как попало, а в него входят слова двух разных склонений (*а-* и *о-склонения*). А слово *быля* 'боярин, господин', именно с исходом на *-я*, известно по Супрасльскому кодексу и хронике Георгия Амартола; добавим сюда древнеболгарскую надгробную надпись X века *сьде лежитъ Москтичъ чръгубыла...* (где выступает составной титул «чергубыля», со словом *была* во второй части). А слово *могутъ* 'богатырь, титан', 'могущественный правитель', именно с исходом на *-ъ*, известно, например, из Чудовского Нового Завета XIV в. (И. ед. *могоúть*, л. 66 б)⁴⁰. Выходит, что Аноним все-таки решал свои

⁴⁰ См. также другие примеры в СССПИ, 3: 100 (к сожалению, приведенный важный пример из Чудовского Нового

проблемы с этими словами не сплеча, а с большим вниманием к древним источникам. А уж как он сумел добраться до Супрасльского кодекса или до эпитафии Мостича, это мы не беремся даже угадывать.

В целом следует констатировать, что лингвистическая часть построений А. А. Зимина непрофессиональна и никак не может служить обоснованием его гипотезы. По-видимому, Зимин, выдвигая лингвистические аргументы, искренне не понимал, что вторгается в область, где его подготовки абсолютно недостаточно.

Замечание. Было бы несправедливо, однако, ограничиться здесь лишь этой сухой констатацией. К сожалению или к счастью, наука устроена так, что по прошествии времени от научного наследия ученого остается только «сухой остаток», без всяких скидок на условия времени, в которое он жил. Но сейчас еще вполне живо воспоминание о недавно ушедшей эпохе идеологического диктата. И независимо от согласия или несогласия в собственно научном отношении, нужно отдать дань уважения смелой и искренней попытке А. А. Зимина вступить в борьбу с казенным единомыслием и со статусом священной коровы, который был придан в СССР «Слову о полку Игореве».

§ 35. Имеются, однако, и некоторые лингвистические аргументы против подлинности СПИ, которые носят более серьезный характер.

Здесь нужно, правда, заметить следующее. Большинство аргументов, выдвигавшихся скептиками, сводится к тому, что некое отразившееся в СПИ языковое явление отсутствовало в XII в. Однако почти все такие явления уже вполне обычны в XV–XVI вв. и, следовательно, в принципе могут принадлежать не автору, а позднейшему переписчику. Тем самым они уже не могут служить доказательством поддельности текста.

Завета в этот справочник, как и ни в один из словарей древнерусского языка, не попал).

Соответственно, мы можем аргументы этой категории просто не рассматривать. Остаются только те, где роль переписчика XV–XVI вв. почему-либо необходимо исключить (или признать маловероятной) — например, потому, что, по мнению критика, обсуждаемое явление возникло лишь в еще более позднее время или даже вовсе никогда не существовало.

А таких аргументов совсем мало.

Так, часто фигурирует в дискуссии указанный Б. Унбегоуном (1938) факт, что слово *русичи* не встречается нигде, кроме СПИ, а в известных нам древних текстах представлено лишь собирательное *русь*. Возражения оппонентов (см. в особенности Якобсон 1948: 214–216, Булаховский 1950: 457, Соловьев 1962) против истолкования этого факта как свидетельства о фальсификации сводятся прежде всего к тому, что слово *русичи* вполне соответствует древнерусской системе наименований племен и народов.

В самом деле, это была разветвленная и нюансированная система. В ней различались прежде всего наименования отдельного лица и наименования совокупности лиц. Для нас здесь представляют интерес именно последние. Среди них можно выделить несколько основных моделей: 1) собственно собирательные (например, *русь*, *литва*, *югра*, *мърдва*, *пърмь*); 2) обычное множ. число на *-ан-e*, *-ан-e* (а также на *-e* без суффикса *-ан-*, *-ан-*), на *-ьц-i* и сравнительно редкие формы без суффикса с окончанием *-и* или *-ове* (например, *полане*, *египътане*, *българе*, *нѣмьци*, *угри*); 3) множ. число на *-ич-i* (например, *кривичи*, *радимичи*, *ватичи*, *нѣмьчичи*, *вогуличи*, *москъвичи*), которое нередко окрашивалось свойственной данному суффиксу коннотацией «потомки общего прародителя», ср. легенду о Радиме и Вятке; 4) перифрастические наименования с некоторой торжественной или поэтической окраской типа *русьсции сынове*.

В единственном числе наименованиям групп 1 и 2 как правило соответствуют сингулятивы (т. е. слова со значением выделения единицы из массы) с суффиксом *-инъ*, например, *русинъ*, *литвинъ*, *египтанинъ*, *българинъ*, *нѣмьчинъ*. Но в древних текстах они встречаются сравнительно редко.⁴¹

Слово *русици* — наименование типа 3, а представленное на его месте в Задонщине (а один раз и в самом СПИ) *русции сынове* как бы эксплицирует тот смысл, который вкладывался в это слово. Таким образом, *русици* — это не полный синоним к нейтральному *русь*, и автор сознательно выбрал здесь слово с нужной ему коннотацией.

Следует признать, что перечисление народов в «Повести временных лет», постоянно используемое при изучении данного вопроса, легко может создать впечатление, что одни народы или племена имели наименование, построенное по модели 1 (скажем, *чюдь*, *мърдва*, *сѣверъ*), другие — по модели 2 (*полане*, *древлане*, *тиверьци*), третьи — по модели 3 (*к rivичи*, *дреговичи*, *береновичи*). Понятно, что если бы это было так, то наличие в памятниках широко употребительного слова *русь* означало бы, что слова *русици* не было. Однако в действительности ситуация не такова: хотя вполне вероятно, что зафиксированные в «Повести временных

⁴¹ Формам на *-ичи*, когда они обозначают не потомков, а племя или жителей города, как показал Унбегаун, в древних текстах в единственном числе соответствуют не формы на *-ичъ*, а сингулятивы на *-итинъ* (типа *пльсковитинъ*). Но это правило не было абсолютным: слово *нѣмьчицъ* многократно встретилось в единственном числе. Добавим к этому, что в настенной надписи XII в. № 149 в киевской Софии (в уточненном чтении) автор называет себя *Дѣдильце касожичъ тъм[о]уторо[ка](нъцъ)* (Зализняк 2004: 256); это дает еще один древний пример с *-ичъ*: *касожичъ* ‘черкес’.

«лет» названия действительно были самыми привычными, названные модели все же вполне могли сосуществовать и при одной и той же основе.

Так, все три модели встречаются в наименовании шведов. В Псковской 3-й летописи (Строевский список) находим: *Приидоша свѣя в Невоу* ([1240], л. 2); *Ходиша на свѣю; того же лѣта взяша свѣици Иваньгород* ([1546], л. 202 об.). Здесь *свѣя* 'шведы' (модель 1) и *свѣици* (= *свѣчи*; модель 3) встретились просто в одной и той же фразе. В старшем изводе НПЛ представлена модель 2: И. мн. *свѣи* и Д. мн. *свѣемъ*. В ряде актов XVI в. (см. Унбегаун 1935: 284, 285) встречаются формы *свѣици* (модель 3) и *свѣяне* (вариант модели 2).

Примеры сосуществования моделей 1 и 3.

В НПЛ: *и высылаху къ нимъ югра льстъбою* (старший извод, [1193]); ... *поидоша ратью заволочкою въ трех тысячахъ на югру; и поимавше югорьскихъ людей много, и жонъ ихъ и дѣти, и расположившиася; онѣ же югрици* (...) *скопившиеся и ударившиеся на острогъ на Васильевъ, и много добрыхъ людей, дѣти боярьскихъ и удалыхъ людей избила 80* (младший извод, [1445]). Здесь представлены одновременно наименования *югра* (как название народа, и страны), *югричи* и *югорьские люди*.

Широко представлено во многих источниках наименование *мърдва* (*мордва*). А в Псковской 1-й летописи находим: *да и мордвици резаньские земли, и вся земля московская государева область ходиша в землю литовскую* ([1535], л. 671 об.).

Хорошо известно по памятникам также наименование народа *пърмь* (*пермь*). А в актах XVI в. Унбегаун (1935: 282) отмечает слово *пермичи*. Правда, он указывает, что оно обозначает в этих актах просто жителей города Перми и всей его области, тогда как автохтонный народ именуется в них *пермяки*. Но слово *пермякъ*

не может быть древним (в этом случае оно имело бы вид *permakъ* или *permлякъ*) — скорее всего оно возникло в связи с тем, что прежнее название *permichi* стали прилагать к себе новые жители области; ср., например, названия *вогуличи*, *югричи*, *тоимичи*, которыми русские называли другие автохтонные северные народы.

Общераспространенным было название народа *литва*. Но в документе 1538 г. Булаховский обнаружил также наименование *литовъчичи*.

Примеры сосуществования моделей 2 и 3.

В Лавр. отмечены: *нѣмьци* (под 987 г.) и *ѡ нѣмичь* (под 1149 г.).

В Ипат. ([1155], л. 172 об.) буквально рядом стоят варианты *берендѣи* и *берендици*: *половци же приѣхавши к нему почаша просити бра^{тъ} своеѧ, ихъже бажутъ изоимали берендѣи; берендици же не даша ихъ.*

В Космографии Мартина Бельского (ркп. РГБ, ф. 152, № 2, XVI в., л. 71 об.) наряду с *персідані^н* и с *тѣми персіды* 'с теми персами' находим также с *тѣ^м персидычѣ^м*; ср. также *персида* 'Персия' (например, у Аввакума).

Вполне совместимы также модели 1 и 2, например, *сѣверъ* (*сѣвера*) и *сѣверане*, *водъ* и *вожсане*, *ижера* и *ижеране*.

Таким образом, можно говорить лишь об отраженных памятниками предпочтениях к той или другой модели в обозначении народа, но не о том, что одна модель была, а другой не было. И у индивидуального автора вполне может оказаться предпочтение не к общераспространенному, а к более редкому варианту.

Вот яркий пример. Совершенно обычным для древнерусских памятников является слово *нѣмчинъ*. На этом фоне две смоленские грамоты XIII века — так называемая грамота неизвестного князя и договор с Ригой и Готландом 1229 г. — оказываются «белыми

воронами»: здесь вместо *нѣмъчинъ* в подавляющем большинстве случаев употребляется слово *нѣмъчичъ*, которое за рамками этих двух грамот почти неизвестно (отмечено только в приведенном выше примере из Лавр.).

Если наличие в СПИ слова *русичи*, которого нет в других памятниках, признать свидетельством поддельности этого текста, то почти под таким же подозрением в поддельности должны оказаться и две указанные смоленские грамоты. И уж заведомо под ту же секибу попадет Псковская 1-я летопись: ведь слова *мордвичи* нет больше решительно нигде.

Против приведенных выше примеров слов на *-ичи* можно, правда, возразить, что они засвидетельствованы не в XII веке, а лишь в XV–XVI веках. Но в условиях, когда в памятниках ранее XV века вообще крайне мало упоминаний о соответствующих народах, из этого обстоятельства никоим образом нельзя заключить, что в XII–XIV веках таких слов не было. В самом деле, производные на *-ичи* несомненно существовали с древнейших времен — суффикс **-itjo-* в обозначениях потомков является праславянским; и даже в специализированном значении членов одного племени (народа) он четко засвидетельствован целым рядом примеров в «Повести временных лет» и фиксацией слова *кравичи* (в греческой передаче) в X веке у Константина Багрянородного. С другой стороны, в качестве модели для имен жителей производные на *-ичи* актуальны и поныне. Поэтому совершенно невероятно, чтобы в XII–XIV веках был какой-то провал в истории этого суффикса, в течение которого он не был активен, а затем «ожил» в XV веке. Что же касается эволюции значения этого суффикса, то здесь тоже не было никакого резкого перелома. Нынешнее значение жителя города (*пскович*, *москвич*, *тверич*, *костромич*) плавно развивается из значе-

ния члена некоторой этнической или локальной группы. Для человека древней Руси название типа *Псковъ* было обозначением не только города, но и соответствующей совокупности людей, поэтому семантическое отношение между *псковичъ* и *Псковъ* было в общем сходным, например, с отношением между *мордвичъ* и *мурда* или *русиčь* и *русь*.

В целом ясно, что гипотеза об отсутствии слова *русиčь* в древнерусском языке с лингвистической точки зрения слабая: она состоит в том, что этого слова не было по какой-то неизвестной индивидуальной причине, вопреки требованиям системы. Но для оценки ее как аргумента в дискуссии даже не столь существенно, что она слабая; важно то, что это всего лишь гипотеза.

Другой аргумент того же рода: наименование по отцу типа *Ярославна* в древнерусских памятниках в нормальном случае применяется к незамужним женщинам, а не к женам. Это тоже существенный аргумент. Но здесь необходимо принять во внимание следующее. Во-первых, для древней эпохи нам известно вообще очень немного женщин, названных с отчеством. Во-вторых, несмотря на это, в памятниках все же можно найти некоторые отклонения от указанного правила. Так, в Ипат. ([1188], л. 229 об.) в описании восстания галичан против собственного князя Владимира, сын которого был женат на дочери князя Романа Феодоре, сказано: *Галичане же Романовноу Федероу Ѹнаша оу Володимѣра, послашасѧ по Романа*; замужняя женщина названа здесь по отцу, а не по мужу. В Ипат. находим также: *Том же лѣт оумре Андрѣевна за Шломъ за Сѣславичем* ([1168], л. 188 об.); ср. еще: *Том же лѣт престависѧ Софья Ярославна Ростиславлаꙗ Глѣбовича* ([1158], л. 176) — полное наименование и по отцу (Ярославу), и по мужу (Ростиславу Глебовичу). В-трет-

тих, в более позднее время наряду с наименованием замужних женщин по мужу (*Иваниха* и т. п.) несомненно использовались и наименования по отцу (*Ивановна* и т. п.).

Представляет интерес с этой точки зрения также берестяная грамота XII века № 818: это черновик завещания, где в числе лиц, которые должны автору, названа некая Песковна, т. е. дочь человека по прозвищу Песок (*оу Пъсоковънъ 5 коунъ и гривъна*). Поскольку она участвует в финансовых отношениях, едва ли это живущая в доме отца незамужняя дочь. Скорее всего это замужняя женщина или вдова (поскольку самосто- ятельно живущая незамужняя женщина, по-видимому, представляла собой крайне редкое явление). В пользу этой версии свидетельствуют также некоторые пергаменные грамоты. В купчей грамоте ГВНП, № 174 (XV в.) сказано: *се купи ... у Лукеръи у Мѣхѣеви дочери и у ее мужа у Петра ...* (т. е. замужняя женщина, участвующая в сделке, названа по отцу). Ср. также в грамоте ГВНП, № 291 (XV в.): *се купи ... у Ховрѣ у Васильевѣ дочерѣ у Кокуевѣ а у Давыдовѣ женѣ у Тоивутовѣ отцину еи и дѣдину* (а дальше уже говорится просто *Ховрѣ Васильевѣ дочерѣ*).

Таким образом, указанное правило, в позднее время заведомо не действовавшее, даже и в XII в. не имело абсолютного характера. Тем самым и весь аргумент оказывается не более чем одним из относящихся к делу полезных соображений, которое должно послужить небольшой гирькой на общих весах, но, конечно, само по себе не сможет ничего решить, если на противоположной чаше окажутся более весомые аргументы.

Примечательно, что в истории данной дискуссии уже неоднократно случалось, что аргумент против подлинности СПИ, который сам по себе иногда даже выглядел довольно веско, по прошествии некоторого вре-

мени рушился, потому что открывались новые факты. Вот некоторые примеры.

А. Мазон объявил анахронизмом (а именно, поздним заимствованием из западноевропейских языков) слово *аварьскыя* 'аварские' — на том основании, что в ПВЛ авары называются иначе: *объре*. И этот аргумент выглядел достаточно серьезно — до тех пор, пока слово *аварьскыи* не было обнаружено в памятнике XIII–XIV в., а также в некоторых памятниках XIV и XV вв. (см. СССПИ, 4: 19).

Тот же Мазон писал (1940: 50): «слово *сизый* не за- свидетельствовано в древнем языке»; подразумевалось тем самым, что в эпоху Игоря этого слова, вероятно, еще просто не было. В данном случае с лингвистической точки зрения аргумент крайне неправдоподобен, и Якобсон (1948: 205) совершенно справедливо его отверг. А в 1991 г., как уже рассказано в § 26, берестяная грамота XII века принесла не только само слово 'сизый', но даже в точности в том же фонетическом облике, что в СПИ: *шизыи*.

О такой же истории со словом *сморци*, которое Зимин объявил новообразованием и которое, однако же, нашлось в берестяной грамоте, см. выше.

Сочетание *босыи волкъ* не отмечено в памятниках, поэтому возникало подозрение, что оно взято из современных говоров (ср. выше, § 25). Выясняется, однако, что в XIV в. существовал боярин *Босоволковъ*: он упомянут в Никоновской летописи под 1347 г. (см. Тупиков, с. 542); это несомненное свидетельство того, что данное сочетание существовало и в древности.

Мы изложили здесь наиболее общие соображения по поводу лингвистических аргументов против подлинности СПИ. Намного подробнее этот вопрос рассматривается нами ниже в статьях «О противниках...», «О Добровском...» и «Об имитации...»

О последней книге Зимина

§ 35а. Уже после выхода в свет первого издания настоящей книги был опубликован — увы, лишь через 26 лет после смерти автора — полный текст работы А. А. Зимина (Зимин 2006), превышающий книгу 1963 года по объему вдвое. В связи с этим естественно вновь обратиться к концепции этого автора и учесть те дополнения и изменения, которые отличают окончательный текст от его раннего варианта.

В настоящее время книгу Зимин 2006 — плод многолетнего настойчивого труда — следует признать самым полным сводом аргументации в пользу позднего происхождения СПИ, равно как самым подробным изложением истории изучения этого памятника.

Практически все разделы работы Зимин 1963 в книге 2006 года расширены и разработаны более подробно; учтены также относящиеся к данной проблематике публикации 60-х и 70-х годов. Особенно подробно разработана текстологическая часть исследования. Важным результатом является также новая реконструкция текста СПИ и основных редакций Задонщины (реконструированные тексты даны в книге в качестве приложений).

При всех этих расширениях концепция автора осталась прежней. Показательно, что практически все пассажи из работы 1963 года, которые мы цитировали в первом издании настоящей книги, сохранены автором и в работе 2006 года (изредка с небольшими редакционными изменениями). Поскольку в этих цитатах отражено все наиболее существенное для нашего прежнего разбора концепции Зимина, в настоящем издании этот разбор полностью сохранен, только при цитатах добавлена вторая отсылка — к книге Зимин 2006. Но ниже

дается несколько более подробный обзор концепции Зимина в том виде, как она предстает в его последней книге.

Основное содержание этой книги составляет текстологический анализ СПИ и различных списков Задонщины, а также анализ исторической и литературной обстановки в России конца XVIII века в связи с поисками предполагаемого автора СПИ. Лингвистическая проблематика занимает существенно меньшее место (ей посвящена глава V).

В соответствии с общей установкой нашей книги, мы не будем обсуждать конкретных текстологических, литературоведческих и исторических проблем. Ограничимся рассмотрением основной логической схемы концепции Зимина.

Читая книгу, мы видим, что все текстологические выводы Зимина носят характер упорной многоступенчатой борьбы с текстологическими заключениями Р. Якобсона, А. В. Соловьева, Р. П. Дмитриевой, О. В. Творогова и других — с оспариванием множества конкретных деталей, в том числе совсем мелких. В некоторых деталях позиция Зимина в подобных спорах по конкретному частному поводу представляется читателю более убедительной, чем у его оппонентов, в других (увы, довольно многочисленных) — наоборот, в третьих ситуация остается неопределенной. Существенно, однако, что предлагаемые Зиминым решения частных текстологических проблем, даже наиболее правдоподобные, с логической точки зрения оставляют все же возможность (хотя бы небольшую) того, что дело все-таки было не так.

Здесь можно возразить, что от текстологии и нельзя требовать большего. Это в принципе верно, и одно это уже не дает возможности рассматривать текстологические выводы как абсолютные. Но, разумеется, сущест-

вует и некоторая шкала степеней строгости, позволяющая отличить высоковероятные текстологические заключения от всего лишь возможных и от просто гадательных. К сожалению, на наш взгляд, многие частные текстологические заключения Зимина стоят на этой шкале довольно низко, про них в лучшем случае можно сказать: «да, могло быть и так». Между тем сам автор как будто не замечает их сугубо предположительного характера и готов строить на их основании следующие этажи утверждений.

Надо признать, что структура изложения в книге Зимина — сплошной текст без подразделений и выделений — чрезвычайно затрудняет для читателя задачу уследить за логикой умозаключений автора. Эта задача затруднена еще и тем, что изложение большинства частных вопросов — текстологических и иных — фактически строится уже исходя из принятого автором взгляда на соотношение СПИ и Задонщины: объясняются лишь детали того, как именно поступил в том или ином случае поздний сочинитель СПИ, — хотя вывод о вторичности СПИ дается в тексте в явной форме лишь позднее.

Приложив специальные усилия, мы все же попытались выявить в вязкой массе частностей узловые звенья рассуждения. Эти звенья таковы.

1. Из конкурирующих взглядов на соотношение Краткой Задонщины (представленной списком КБ) и Пространной Задонщины (представленной остальными списками) Зимин принимает тот, согласно которому Краткая Задонщина первична, а Пространная создана на ее основе. Напомним, что по этому пункту между текстологами происходит острая борьба (см. § 27). Аргументация Зимина никак не может быть признана закрывающей эту контроверзу; тем самым в данном вопросе его решение является не более чем одним из возможных.

2. Как известно, в СПИ имеются специфические (т. е. отсутствующие в других списках Задонщины) текстуальные схождения как со списком КБ (т. е. с Краткой Задонщиной), так и с каждым из списков Пространной. Если Пространная Задонщина создана на основе Краткой, то специфические схождения ее списков с СПИ объясняются либо а) тем, что исходная (Краткая) Задонщина создана на основе СПИ, а редактор Пространной Задонщины еще раз обращался к СПИ, либо б) тем, что СПИ — это позднее сочинение, которое само создано на основе Задонщины⁴².

3. Зимин отвергает версию «а», формулируя это так (2006: 102; здесь и далее подчеркивания в цитатах мои. — А. З.): «Трудно себе представить, чтобы автор Пространной редакции Задонщины внимательно сравнивал Краткую Задонщину, где Слово уже было использовано, с Игоревой песнью, выискивал в последней отрывки сходных фраз (что чрезвычайно трудно даже для современного исследователя), вносил в свой текст исправления отдельных оборотов, заменял одни слова другими и проделывал аналогичную работу редакционного характера. Громоздкость и искусственность такого построения самоочевидны».

Формула «трудно себе представить, чтобы было *P*» по точному смыслу слов означает «*P* маловероятно (хотя и не исключено полностью)». Правда, в бытовом словоупотреблении эта формула может просто служить синонимом для «*P* невозможно». Но в каком бы смысле Зимин ни употребил здесь эту формулу, суть дела

⁴² По схеме Зимина (2006: 170), оно должно было быть создано на основе некоего не дошедшего до нас списка, соединившего черты всех известных списков Пространной редакции (каковая уже содержала в себе все схождения между СПИ и Краткой редакцией).

явно в том, что полностью исключить версию «а» предъявленные Зиминым факты не могут; в лучшем случае эта версия может быть признана маловероятной⁴³.

4. Отказ от версии «а», естественно, означает принятие версии «б»: «Но если Слово о полку Игореве основано на тексте Задонщины Пространной редакции, то оно не могло появиться в дошедшем до нас виде ранее 20–30-х гг. XVI в.» (2006: 103).

Это главный тезис всей книги Зимина. Как можно видеть, с логической точки зрения он полностью зави-

⁴³ Заметим (хотя для нашего разбора это уже непринципиально), что в действительности неверно даже то, что эта версия так уж маловероятна. Приведенная цитата представляет собой явное риторическое преувеличение, призванное изобразить задачу редактора намного более сложной, чем на самом деле. Для того, чтобы получился наблюдаемый ныне результат, у редактора не было никакой необходимости производить ту детальную сверку двух текстов, которую изображает Зимин. Ему было вполне достаточно просто прочесть СПИ и взять из него несколько слов и выражений, которые почему-либо привлекли его внимание и показались ему подходящими для украшения нового текста.

Между прочим, сам Зимин фактически тут же отступает от своего заявления о немыслимой трудности предполагаемой работы, а именно, пишет (там же): «Такую работу еще можно было бы проделать с произведениями на сходную тему (ее элементы обнаруживаются в переработке автором Пространной Задонщины своего краткого прототипа под влиянием Сказания о Мамаевом побоище)». Но в данном случае, по словам Зимина, это было бы все-таки невозможно. Почему? Ответ Зимина наивен до неправдоподобия: потому что нужно было исправлять текст «по памятнику, написанному на другой сюжет». (Иначе говоря, редактор не мог, например, заимствовать то или иное выражение, потому что оно относилось не к той битве, о которой идет речь.)

сит от решений, принятых автором по пунктам 1 и 3, т. е. степень его надежности никак не больше, чем у каждого из этих решений.

5. Далее же мы оказываемся свидетелями поразительного логического скачка: эта безусловно неполная степень надежности каким-то образом трансформируется у Зимина в стопроцентную уверенность. Например, ссылка в более поздней главе на рассмотренные нами рассуждения выглядит уже так (2006: 302): «В ходе предшествующего исследования было установлено, что это произведение [т. е. СПИ] не могло быть написано ранее XVI в.».

И все дальнейшие рассуждения уже строятся так, как если бы это действительно было установлено. В частности, поздний автор СПИ ищется уже исходя из презумпции, что такой человек несомненно был, т. е. осталось лишь его опознать. Поэтому, например, хотя Иоиль Быковский в ряде отношений выглядит как довольно странный кандидат на авторство СПИ, его все-таки, по мнению Зимина, приходится признать, поскольку другие лица, причастные к СПИ, с его точки зрения, для этой роли не подходят.

Таким образом, несмотря на категоричность многих формулировок, по своей логической структуре вся конструкция Зимина есть не более чем гипотеза (причем гипотетический характер носят сразу несколько ее звеньев). И можно лишь сожалеть о том, сколь распространен у гуманистов соблазн все-таки сказать в таких случаях «установлено» (и самому в это поверить).

Обратимся к лингвистической части книги Зимина. Эта часть заметно пополнилась по сравнению с книгой 1963 года, отношение к лингвистической стороне проблемы стало серьезнее. Автор уже не так решительно настаивает на том, что язык выдает позднее происхож-

дение СПИ, он готов довольствоваться демонстрацией того, что язык СПИ не доказывает его древности. Устраниены некоторые ошибки; автор несколько отошел от первоначальной позиции, когда речь шла фактически об одной лишь лексике, — теперь обсуждаются и некоторые вопросы грамматики.

К сожалению, этих улучшений недостаточно для того, чтобы дать лингвистической части книги Зимина общую положительную оценку.

В книге все еще немало фактических лингвистических ошибок⁴⁴. Но это все же не самое важное, и на этом можно здесь не останавливаться.

Основная, гораздо более серьезная ошибка Зимина — увы, чрезвычайно характерная для большинства нелингвистов — состоит в том, что в лингвистических явлениях он видит только поверхностное, легко наблюдаемое. Того, что в языке действуют и более глубокие механизмы, Зимин не осознает и тем самым совершенно не представляет себе, насколько сложно подделать эффекты этих глубинных закономерностей. Например, он бегло упоминает препозитивное *ся* — в одной строке! Ему кажется, что если в древних рукописях есть препозитивные *ся* и в СПИ они тоже есть, то этого уже достаточно для успешной имитации древнего языка. (Для сравнения напомним, что выше [§ 11–13] для анализа этой проблемы нам потребовалось 20 страниц.)

⁴⁴ Например, неверно, что *иши* в *шеломянемъ* есть результат мены *с* и *иши* (2006: 305); что И. ед. *пустыни* — это описка вместо *пустыня* (283); что *птичъ* (*птицъ*) — это форма В. мн. (285); что *дотечаше* имеет какое бы то ни было отношение к польскому *dociąć* ‘дорезать, дорубить’ (268); что слово *бѣла* появляется в памятниках только с конца XIV в. (281) (оно есть в берестянной грамоте № 223 начала XIII в.) и др.

А вот как он справляется с проблемой двойственного числа: «Двойственное число отлично известно "Грамматике" Мелетия Смотрицкого. (...) К тому же двойственное число часто встречается в Ипатьевской летописи. (...) Так что автор этого произведения имел перед собою в этом отношении образец, которому он следовал, причем часто с ошибками» (2006: 282). (О действительном масштабе этой проблемы см. § 8 и «Об имитации...», § 4.)

Столь же поверхностно Зимин относится к проблеме тех отклонений от норм (орфографических, фонетических, морфологических), которые представлены в СПИ, а именно, он считает их просто ошибками сочинителя (и даже заключает из этого, что сочинитель был не слишком силен в грамматике). Он не осознает того, что люди разных эпох и разных регионов (а также прошедшие разные типы обучения) делают разные ошибки. И что в СПИ представлены не просто какие-то ошибки, а ошибки вполне определенного типа — того, который указывает, во-первых, на орфографические привычки писцов XV–XVI вв., во-вторых, на диалектные особенности северо-западного региона (см. выше, § 18–23). Тем самым, в частности, мимо его внимания проходит практически вся проблема диалектизмов.

Нет необходимости разбирать все относящиеся к языку вопросы, которые затрагивает Зимин. Это фактически уже сделано нами в основной части настоящей статьи. Остановимся здесь лишь на вопросе о характеристике грамматического строя СПИ в целом.

Хотя в начале своей лингвистической главы (2006: 256) Зимин говорит, что задача исследования языковой системы Слова «должна быть решена специалистами», в дальнейшем он все же фактически берется за эту задачу сам и в результате делает следующее чрезвычайно сильное утверждение: в грамматическом строе СПИ

нет ничего такого, чего не мог бы знать в XVIII в. хороший знаток церковнославянского языка (но все же отнюдь не ученый лингвист), начитанный в древнерусских памятниках и знакомый с украинским, белорусским и польским языками.

Так, оспаривая тезис о совпадении грамматических норм СПИ с нормами древнерусского языка раннего времени, Зимин пишет (2006: 286): «На самом же деле эти нормы совпадают с нормами позднего церковнославянского языка, да и то с массой отклонений. Игорева песнь вполне укладывается в состав тех книг, написанных на позднем церковнославянском языке, в которых, по словам Ф. П. Филина, было "много ошибок, отступлений от древних норм"». В разных вариациях это основное положение неоднократно повторяется, в частности: «Однако грамматический строй Слова взят не из Задонщины, а основан на нормах позднего церковнославянского языка, известных "Грамматике" Мелетия Смотрицкого» (2006: 288); «Все грамматические нормы Слова отлично могли быть известны книжнику XVII–XVIII вв., в языке которого сказывались бы следы украинских диалектных явлений» (2006: 289).

К сожалению, изложенный здесь тезис — не что иное, как голословная декларация, проваливающаяся при первой же сколько-нибудь серьезной лингвистической проверке.

Так, утверждение о том, что грамматический строй СПИ соответствует нормам «Грамматики» Смотрицкого, не выдерживает никакой критики. Нет нужды разбирать это крайне поверхностное утверждение подробно. Назовем лишь некоторые из тех пунктов, где СПИ расходится с предписаниями Смотрицкого, отражая подлинное древнерусское, а не позднее церковнославянское языковое состояние (обозначаем грамматиче-

ские явления их современными названиями, у Смотрицкого терминология другая):

в 1-м лице двойств. числа СПИ имеет правильное древнее окончание *-вѣ*, тогда как Смотрицкий предписывает здесь для муж. рода в виленском издании 1618 г. окончание *-ва* (*чтёва, ёсва* и т. д.), в московском издании 1648 г. — окончание *-ма* (*чтёма, ёсма* и т. д.);

во 2-м лице единств. числа аориста СПИ правильным образом имеет форму, совпадающую с 3-м лицом (*развѣя, простре, съпряже, затче*, см. § 14в), тогда как Смотрицкий предписывает для 2-го лица формы с *-лъ* (т. е. взятые из прежнего перфекта);

в 3-м лице множ. числа имперфекта Смотрицкий дает как варианты окончания *-ху* (исконное) и *-ша* (взятое из аориста), а в СПИ представлены *-ху* и неизвестное Смотрицкому (но известное древним памятникам) *-хуть*;

Смотрицкий дает имперфект только для глаголов несовершенного вида, а в СПИ имеются также имперфекты от глаголов совершенного вида (*дотечаше, поскочяше, възграяху*), что соответствует ситуации в древнейших памятниках (см. § 14б);

Смотрицкий дает перфект 3-го лица всегда со связкой *естъ*, например, *чель ёстъ*, и именно таков узус церковнославянских текстов; между тем в СПИ связи в этой форме нет ни разу, что соответствует ситуации в древнерусских летописях и берестяных грамотах.

Не соответствует ни правилам Смотрицкого, ни узусу церковнославянских текстов XVII–XVIII вв. представленная в СПИ орфография южнославянского типа, характерная для писцов конца XIV – начала XVI в.

В СПИ отразился также ряд древних грамматических явлений, о которых Смотрицкий вообще не дает никаких сведений, в частности:

расположение энклитик в соответствии с законом Вакернагеля (см. § 9–10), а также специфическое расположение *ся*, подчиняющееся, кроме того, некоторым более частным правилам (см. § 11–13);

распределение по особым правилам окончаний *-ху* и *-хуть* в 3 мн. имперфекта (см. § 15);

наличие релятивизатора *то* (см. § 14).

С другой стороны, грамматика Смотрицкого содержит множество форм, изобретенных средневековыми грамматистами ради полноты сконструированной ими теоретической схемы, которые в живом языке никогда не существовали и ни в каких древних памятниках не представлены, например: *білю* (якобы ‘многократно бью’), *чтетъ* (якобы 2 и 3 лицо двойств. числа жен. рода), *читаалъ* (якобы другое время, чем *читалъ*) и т. п. Если бы автор СПИ в самом деле руководствовался грамматикой Смотрицкого, он неизбежно должен был бы вставить в свое сочинение среди прочих также какие-то из этих фантастических форм. Между тем в действительности в СПИ ни одной из них нет.

Приведенный перечень — не исчерпывающий; но его вполне достаточно, чтобы убедиться в легковесности утверждений Зимина на эту тему. Перед нами пример того недостаточно серьезного отношения к лингвистической проблематике, которое обнаруживается у многих историков, их веры в то, что для получения выводов лингвистического характера — даже таких исключительно сильных, как в данном случае, — достаточно общих впечатлений от отдельных особенностей языка памятника и нескольких ссылок на авторов, которые говорят нечто в том же духе (или которые даже говорят совсем другое, но чьи сообщения, могут, по мнению автора, быть реинтерпретированы в том же смысле).

Ограничимся этим примером — он достаточно характерен.

Итак, последняя книга Зимина серьезнее прежней, но тем не менее свой главный лингвистический тезис — что данные языка не противоречат версии о позднем происхождении СПИ — ему доказать не удалось.

Что же касается литературно-текстологической концепции Зимина, то, как мы видели, она представляет собой не более чем гипотезу. И эта гипотеза, по-видимому, далека от того, чтобы получить заметную поддержку со стороны литературоведов и текстологов. Показательно, в частности, резюме О. В. Творогова (2006: 7): «Должен признать, что, прочитав книгу А. А. Зимина, я не изменил своего взгляда и по-прежнему считаю "Слово" памятником древнерусской литературы».

Таким образом, последняя книга Зимина практически не меняет той ситуации, в которой находилась дискуссия о СПИ в момент ее публикации.

Баланс лингвистических аргументов

§ 36. В дискуссии о подлинности СПИ за двести лет было предъявлено великое множество аргументов — как в ту, так и в другую сторону. Не к чести участников этой дискуссии необходимо признать, что качество большинства из них очень невысоко. Значительная их часть — это утверждения типа «СПИ поддельно (или, напротив, подлинно), потому что P », где просто неверно P . Доказательная сила таких аргументов, разумеется, равна нулю, и мы здесь уже вообще не будем их более упоминать.

Но и аргументы, где P верно, чаще всего обладают лишь очень скромной доказательной силой. Искомый вывод («СПИ поддельно» или «СПИ подлинно») из них с необходимостью не вытекает. Это всего лишь соображения, несколько повышающие вероятность одного или другого решения вопроса.

К сожалению, даже и самые сильные из предъявляемых аргументов всё же не обладают математической непреложностью.

Таким образом, не приходится надеяться, что после некоего воображаемого идеально объективного разбора удастся установить, что все аргументы одной стороны верны, а все аргументы противоположной стороны ошибочны. Хотя субъективно спорящие обычно стремятся именно к этой идеальной цели, нужно признать, что в данном случае это детская мечта. Несомненно, и с той и с другой стороны имеются аргументы, где P (т. е. исходное утверждение) верно. Просто некоторые P «срабатывают», а некоторые нет.

Отсюда следует, что для любого аргумента необходимо оценивать его «вес». Этот «вес» тем больше, чем меньше вероятность того, что, несмотря на свое правдоподобие, аргумент все-таки «не сработает», т. е. не обеспечит общего решения вопроса. Практически это значит, что для каждого аргумента необходимо указать ту ситуацию (то стечание обстоятельств), при которой он оказался бы недействительным, и оценить вероятность осуществления такой ситуации. В приводимой ниже сводной таблице этот тип сведений условно обозначен ярлыком «Возможные возражения».

На «весы суда» должны быть положены все гири той и другой стороны. И нельзя делать общий вывод, смотря только на одну чашу этих весов: необходимо, чтобы эта чаша перетянула.

При этом, однако, всё же незачем загромождать наши весы гирями с нулевым весом — аргументы, которые выше просто отвергнуты, мы здесь уже более не упоминаем.

В соответствии с общей установкой нашей работы в приводимую ниже таблицу включены только аргумен-

ты лингвистического характера (с добавлением небольшого числа текстологических).

Приводимый список не претендует на полноту; но самое существенное, по нашей оценке, туда включено. Формулировки (как аргументов, так и возможных выражений) по необходимости предельно упрощены; это лишь своего рода ярлыки к тому изложению вопроса, которое читатель найдет по отсылкам.

В раздел против подлинности СПИ не включались (кроме некоторых особых случаев) аргументы, состоящие в том, что то или иное отразившееся в СПИ явление возникло не ранее XV–XVI вв., — поскольку соответствующие эффекты могут принадлежать не автору, а переписчику; см. их разбор в тексте статьи⁴⁵.

И напомним тот важнейший факт, что в СПИ вообще нет специфических черт XVIII века, т. е. таких черт языка XVIII века, которые не были бы в то же время характерны для XV–XVI веков.

Понятно, что формулу «Случайность» в принципе можно было бы добавить в качестве дополнительной версии везде; мы это делаем лишь в тех немногих случаях, где не более вероятны и конкурирующие версии.

Список аргументов в пользу подлинности СПИ оказался намного длиннее, чем противоположный. Разница настолько велика, что нам пришлось принять для двух основных разделов нашей таблицы разную степень детальности. Так, в списке аргументов против подлинности каждому слову посвящена отдельная графа. Между тем в списке аргументов в пользу подлинности с

⁴⁵ В список не попали также аргументы против подлинности СПИ, выдвинутые в работе Кинан 2003, поскольку наша статья «О Добровском...» включена в состав книги позднее. Общего баланса аргументов они не меняют; см. об этом § 10 указанной статьи.

такой детальностью указана только очень небольшая часть аргументов. В большинстве случаев здесь произведено укрупнение: одна графа соответствует целой серии сходных по структуре аргументов, относящихся к разным словам или к разным грамматическим явлениям. Без такого укрупнения список стал бы почти необозримым. Например, графа «Правильная картина погрешностей северо-западного переписчика XV–XVI в.» равносильна 20 отдельным графикам — соответственно 20 фонетическим и морфологическим признакам, про каждый из которых противники подлинности СПИ должны были бы объяснить, каким образом Аноним сумел его сымитировать.

Замечание. Список аргументов в пользу подлинности СПИ здесь фактически сильно сокращен еще в одном отношении: стремясь к максимальной надежности, мы сильно ограничили обращение к лингвистическим аргументам, основанным на гипотезе (например, опирающимся на новую этимологию того или иного слова). Большинство аргументов этого рода, предлагавшихся разными авторами, в настоящей работе вообще не рассматривалось. Это касается даже случаев, когда гипотеза представляется высоковероятной (таковы, в частности, этимологии ряда ориентализмов СПИ). Между тем достаточно, например, признать предложенную в 1965 г. О. Прицаком этимологию слова *деремела* (весьма правдоподобную), при которой оно оказывается восточным названием летописных бродников, сохранившимся лишь в монгольском памятнике XIII века, и версия позднего происхождения СПИ уже по одной этой причине станет практически безнадежной (см. об этом Якобсон 1966: 698–699). Значительное число аргументов данной категории читатель может найти в работах Якобсон 1948, 1952, 1966.

Разделы перечня следуют в порядке увеличения «веса» аргументов.

Формулы «Выявил», «Нашел» и т. п. в правом столбце подразумевают подлежащее «Аноним».

В пользу подлинности СПИ

Аргумент	Возможные возражения
Особенности отдельных слов	
<i>Святыславъ</i> , с <i>-тъ-</i> , а не <i>-то-</i> (§ 15).	Выявил этот вариант из редких рукописей.
<i>Быля</i> 'боярин, господин' (§ 34).	Нашел в Супрасльском кодексе.
<i>Могутъ</i> 'богатырь' (§ 34).	Нашел в Чудовском Новом Завете.
<i>Дивъ</i> , в отличие от <i>диво</i> в Задоншине (§ 27).	a) Случайность. б) Нашел в рукописях какие-то близкие наименования мифологических фигур.
<i>Шизыи</i> 'сизый', ср. <i>шизыи</i> на бересте (§ 26).	a) Взял из говоров. б) Случайность.
<i>Сморци</i> 'смерчи', с <i>о</i> , ср. <i>смъръч-</i> на бересте (§ 26).	a) Взял из говоров. б) Случайность.
<i>Си ночь</i> 'этой ночью', ср. зиму <i>си</i> на бересте (§ 26).	a) Взял из говоров <i>сеночь</i> и <i>синочи</i> , случайно соединил их так, что совпало с древностью. б) Взял из неизвестного нам источника.
<i>Приламати</i> , с <i>-лам-</i> , а не <i>-лом-</i> (§ 15 и «О противниках...», § 9–10).	a) Выявил древние правила чередований, правильно построил итератив от <i>ломити</i> . б) Угадал, что исходить нужно из укр. <i>ламати</i> .
В <i>дружина рыкаютъ</i> сказуемое во множ. числе, а не в ед. (§ 15).	Установил соответствующее синтаксическое правило из рукописей.
Дополнение при <i>забыти</i> — в Р., а не В. падеже (§ 15).	Установил древнее управление этого глагола из рукописей.

<i>Окони</i> 'как будто' («К чтению...», § 3–5).	а) Взял из неизвестного нам источника. б) Темное место текста. Аргумент основан на одной из конкурирующих интерпретаций.
Частица <i>ти</i> в свободном употреблении (§ 15).	Установил способ ее употребления из древнейших рукописей.
Релятивизатор <i>то</i> (в <i>которую то</i>) (§ 14).	а) Установил из древнейших рукописей. б) Заимствовал из польск. <i>który to</i> . в) Темное место текста. Аргумент основан на одной из конкурирующих интерпретаций.
Частица <i>нъ</i> (в <i>не было нъ</i>) («К чтению...», § 2).	а) Установил из древнейших рукописей. б) Темное место текста. Аргумент основан на одной из конкурирующих интерпретаций.
Слова в древнем значении, позднее утраченном, напр., <i>полкъ</i> 'поход' (§ 15).	Установил из рукописей.
Особенности целых классов слов или словоформ	
Варьирование типа <i>храбрыи</i> и <i>хоробре</i> , <i>врани</i> и <i>воронъ</i> ; но для слов, известных только русскому языку, — только <i>дорогами</i> , <i>узорочьи</i> , <i>шеломянемъ</i> (§ 15).	Установил наличие именно такого распределения в рукописях.
Последовательный эффект 2-й палатализации, но сохранение <i>ск</i> в <i>Полотскѣ</i> и <i>поскепаны</i> (§ 15).	Знал из ц.-сл., а случаи сохранения <i>ск</i> наблюдал, напр., в Ипат.
В. падеж <i>князя</i> и т. п., но <i>сваты</i> и т. п. (§ 15).	Установил из рукописей.

Правильное двойств. число (§ 8).	Изучил по ц.-сл., по рукописям и руководствам.
Правильное <i>есвѣ</i> , а не требуемое руководствами <i>есма</i> или <i>есва</i> (§ 8).	Изучил по древнейшим рукописям, установил, что руководства ошибаются.
Диалектное двойств. число <i>сердца</i> (вместо <i>сердци</i>), которого нет в Лавр., Ипат. и т. п. (§ 8, 21).	Решил отступить от основных рукописей, заметив, что в поздних рукописях сев.-зап. происхождения иначе.
Имперфект с <i>-ть</i> и без <i>-ть</i> , соблюдено сложное распределение этих двух вариантов (§ 15).	Наличие двух вариантов установил из рукописей. Распределение вариантов решил взять такое, как в Лавр.
Соблюден закон Вакернагеля для энклитик (§ 8–11).	a) Установил этот закон из рукописей. б) Знал славянский язык, сохранивший этот закон, и сумел сделать необходимые поправки.
Соблюдены древнейшие правила расположения <i>ся</i> (§ 11–12).	Установил из анализа прямой речи в Ипат.
Правильная фонетика XV–XVI вв. (§ 17).	Изучил по рукописям, правильно выделив среди них те, которые относятся к этим векам.
Правильная графика и орфография XV–XVI вв., в частности, эффекты 2-го южнослав. влияния (§ 17).	Изучил по рукописям, правильно выделив среди них те, которые относятся к этим векам. Самостоятельно открыл эффекты 2-го южнослав. влияния.
Правильная морфология XV–XVI вв. (§ 17, 20).	Изучил по рукописям, правильно выделив среди них те, которые относятся к этим векам.
Правильная картина погрешностей сев.-зап. переписчика XV–XVI в. (§ 21–22).	Изучил какие-то северо-западные рукописи, выделив их среди рукописей других регионов.

Особенности соотношений с другими текстами	
Совпадения слов и выражений со значительным числом древних памятников (§ 24).	Познакомился со всеми этими памятниками в рукописях, разыскивав их в различных хранилищах.
Совпадения слов и выражений с русскими, украинскими и белорусскими говорами и народной поэзией (§ 25).	Глубоко изучил говоры и народную поэзию.
Труднообъяснимые эффекты при переработке текста Задонщины в текст СПИ (§ 27).	a) Использовал знания, накопленные при изучении рукописей. б) Случайности.
Наиболее общие закономерности организации текста	
Учащение ошибок по ходу текста (§ 19).	Открыл этот закон при длительной работе с рукописями. Избрал стратегию обмана позднейших лингвистов.
Резкое различие коэффициента бессоюзия в независимой и параллельной частях Задонщины (§ 30–33).	Избрал предельно сложную стратегию обмана позднейших лингвистов.

Против подлинности СПИ

Аргумент	Возможные возражения
Особенности отдельных слов	
<i>Мръкнеть</i> получило несов. вид позднее XII века («О противниках...», § 7).	Аргумент основан лишь на предположении.

<i>Мръкнеть</i> имеет в СПИ неправильное для русского языка значение 'светает' («О противниках...», § 9).	Темное место текста. Аргумент основан на одной из конкурирующих интерпретаций.
<i>Въсрожатъ</i> — полонизм («О противниках...», § 4).	a) Темное место текста. Аргумент основан на одной из конкурирующих интерпретаций. б) Полонизм мог проникнуть в укр.-белор. зону достаточно рано.
<i>Стонущи</i> , с <i>-ну-</i> , тогда как в др.-рус. было <i>-ню-</i> («О противниках...», § 8).	a) Вариант с <i>-ну-</i> может быть старым. б) Вариант с <i>-ну-</i> может принадлежать переписчику.
Слова <i>русичи</i> нет в других текстах (§ 35).	Но само образование не противоречит древнерусским правилам.
<i>Ярославна, Глѣбовна</i> — неправильные наименования для замужних женщин (§ 35).	Примеры таких наименований для замужних женщин в древних текстах хотя и редко, но встречаются.
<i>Хинова</i> : образование на <i>-ова</i> — позднее («О противниках...», § 8).	Переписчик заменил <i>Хинове</i> на <i>Хинова</i> .
<i>В Игоревѣ Игоря Свѧтъславича</i> слово <i>Игоря</i> по др.-р. правилам лишнее (§ 16).	a) Переписчик вставил слово <i>Игоря</i> . б) Возможно, это род эпического повтора.

Как можно видеть, в этой сводной таблице часть аргументов основана не на бесспорном факте, а на гипотезе. Таковы, в частности, все аргументы, построенные на той или иной трактовке так называемых «темных мест». Понятно, что всё это аргументы второго ранга. Они есть и в той и в другой группе и примерно друг друга уравновешивают.

И в той и в другой группе имеется категория аргументов, связанных с отдельными словами. На стороне поддельности это случаи, когда некоторое слово может объясняться как промах фальсификатора; но оно вполне может также объясняться и иначе. На стороне подлинности это случаи, когда некоторое слово почти наверное не могло быть известно фальсификатору; но все же нельзя исключить и того, что он где-то его вычитал (а может быть, иногда и случайно угадал). На стороне подлинности таких случаев явно больше; но мы можем для простоты позволить себе считать, что и в этой категории противоположные аргументы друг друга примерно уравновешивают.

Но только на стороне подлинности имеются системные аргументы. Это мощный блок эффектов всех языковых уровней: графики, орфографии, фонетики, морфологии, синтаксиса, семантики, — искусственно создать которые без знаний, достигнутых в XIX–XX вв., было практически невозможно.

К ним добавляются такие особенности распределения ошибок в тексте СПИ и такое соотношение между СПИ и Задончиной в вопросе частоты употребления союзов, искусственное создание которых было бы одновременно чудовищно трудным и совершенно беспечальным.

В итоге картина противостояния лингвистических аргументов той и другой стороны выглядит совершенно ясно. Неверно было бы утверждать, что лингвистические аргументы противников подлинности СПИ все подряд недействительны и не весят ничего. Они кое-что весят. Но несопоставимо меньше, чем то, что лежит на противоположной чаше весов.

О возможных вставках в СПИ

§ 37. Наш разбор показал, насколько неправдоподобно создание известного нам текста СПИ в XVIII в. Но рассмотренные нами лингвистические аргументы позволяют делать определенные утверждения лишь о тексте в целом. Они не гарантируют древности каждой отдельной фразы и каждого отдельного слова. Более того, можно с уверенностью утверждать, что дошедший до нас текст СПИ в каких-то точках отличается от первоначального. Это следует прежде всего из наличия явно испорченных мест, где даже сторонники максимально почтительного отношения к каждой букве текста вынуждены все же прибегать к конъектурам, например, *одѣвахъте* (вместо *одѣвахутъ*) 94 или *подобию* (вместо *по дубию?*, вместо *подоболочию?*, вместо *под облакы?*) 31.

Таким образом, наличие какой-то локальной редакционной правки и каких-то вставок в первоначальный текст в принципе вполне возможно.

Здесь следует, конечно, различать вставки разных эпох. Не приходится сомневаться, что могли быть какие-то вставки или замены при списывании текста в XV–XVI в., а также при более ранних списываниях, если таковые были. Например, на этом этапе вполне могло появиться *Хинова* вместо более древнего *Хинове*, или *ти бо два храбрая Святъславича* вместо *та бо храбрая Святъславича*, или *емляху дань по бѣлѣ отъ двора* вместо *емляху дань по бѣлѣ отъ дыма*; подобного позднейшего происхождения может быть слово *Игоря* в словосочетании *о пѣлку Игоревѣ Игоря Святъславича* и т. п.

Но в дискуссии о СПИ обсуждались в основном не эти давние вставки и замены, а предполагаемые вставки конца XVIII в., например, фраза *и тебѣ, Тымутора-*

каньский бльванъ 29, подозреваемая в том, что ее вставил А. И. Мусин-Пушкин в соответствии с интересами екатерининской имперской политики и в связи с находкой Тымутараканского камня (который сторонники поддельности СПИ обычно тоже считают поддельным).

По поводу этих предполагаемых вставок следует сказать, что если они небольшого размера, то лингвистическими методами их, на наш взгляд, обычно нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть: несколько слов или не очень длинную фразу, конечно, можно построить так, чтобы они ничем существенным не отличались от основного массива.

Тут можно возразить, например, что как раз фраза *и тебѣ, Тымутораканьский бльванъ* все же выделяется на фоне основного текста СПИ тем, что в ней употреблен И. ед. *блъванъ* вместо звательной формы *блъване*. Не является ли эта ошибка признаком вставки? Действительно, на первый взгляд эта ошибка с данной точки зрения весьма подозрительна. Но быстро обнаруживается, что в СПИ имеется и другое точно такое же отклонение в пассаже, который уже никак не может быть посторонней поздней вставкой, поскольку соответствующий пассаж есть и в Задонщине: *воронъ* (вместо *вороне*) во фразе *ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чръный воронъ, поганый Половчине!* 41. Таким образом, чисто лингвистически и в этом случае ничего доказать нельзя.

Позволим себе, однако, в качестве исключения выйти в этом пункте за рамки лингвистики (и тем самым за те рамки строгости, которых мы здесь в остальном придерживаемся) и высказать некоторые соображения общего характера, в силу которых гипотеза о поздних вставках представляется гораздо менее правдоподобной, чем на первый взгляд.

Дело в том, что очень трудно объяснить, как физически могли быть реализованы эти вставки. Поскольку

они уже присутствуют в Екатерининской копии 1795–1796 г., они не могли быть внесены в текст только при типографском наборе. Куда они были вписаны? Если просто на поля рукописи (или между строк), то необходимо признать соучастниками обмана всех видевших рукопись. Разумеется, сторонники поддельности готовы подозревать кого угодно и сколь угодно многих, но мы, не желая ввязываться в психологические дебаты, заметим лишь, что такое допущение составляет чрезвычайно слабое звено всей гипотезы.

Остается допустить, что ради вставок был переписан заново либо просто весь текст СПИ, либо по крайней мере листы, где были вставки, а затем старые листы были из сборника, куда входило СПИ, удалены и на их место вмонтированы новые. В том, что касается почерка, размещения на листах, замены листов и т. п., это требовало почти такого же объема работы, как и подделка полного текста сочинения. Поскольку фальсификатор не имел никакой гарантии того, что сборник через двадцать лет сгорит, он должен был все это проделать так безупречно, чтобы ни современники, ни будущие исследователи ничего не заметили.

Важно то, что при такой операции фальсификатор должен был уничтожить (полностью или частично) подлинную рукопись XV–XVI в. и заменить ее фальсификатом, рискуя разоблачением со всеми вытекающими отсюда последствиями для себя и для памятника, — и всё только для того, чтобы в тексте прибавилось несколько фраз. Иначе говоря, выдающийся филолог и непревзойденный знаток рукописей должен был совершить акт вандализма. И трудно понять, какие единичные фразы СПИ могли иметь в глазах фальсификатора столь великую конъюнктурную ценность, чтобы пойти на такой варварский шаг. Что касается, например, часто обсуждаемых в этой связи четырех упоминаний в

СПИ Тьмутаракани, которая была предметом специального интереса А. И. Мусина-Пушкина, то, как уже давно отметил Якобсон, в три раза больше упоминаний Тьмутаракани содержится в принадлежавшей тому же Мусину-Пушкину Лаврентьевской летописи, и тогда уж именно ее, а не СПИ, следовало бы в первую очередь подозревать в поддельности; но она, к неудобству для разоблачителей, совершенно случайно не сгорела (ее взял почитать Карамзин).

Если же фальсификатор никакой подлинной старой рукописи не губил, потому что ее просто не было, а он сам выдумал весь текст, то мы просто возвращаемся к началу нашего разбора.

Таким образом, наличие в тексте СПИ вставок и изменений XIII–XVI вв. высоковероятно; наличие поздних вставок (внесенных с целью фальсификации) в принципе возможно, но по содержательным соображениям маловероятно.

Заключение

§ 38. Итак, наш разбор привел нас практически к тому же итогу, что и наших предшественников-лингвистов. Особенно близким этот итог оказался к тому, что содержится в лингвистических разделах работ Р. Якобсона о «Слове о полку Игореве» и в статье А. В. Исащенко. Какие-то звенья наших рассуждений в сущности просто повторяют аргументацию этих авторов. Такое повторение не имело бы смысла и оправдания, если бы не продолжающиеся выступления сторонников поддельности СПИ, которые считают возможным не замечать логики этих работ. Мы полагаем, что такой недоценке среди прочего способствует то, что лингвистические доводы часто подаются в одном ряду с лите-

ратуроведческими и историческими, которые гораздо легче оспорить, поскольку они менее строги. Из-за этого непреложность собственно лингвистических выводов становится как бы менее заметной.

Замечание. Это совпадение с коллегами-лингвистами не было, однако, для автора априорной очевидностью до начала изучения СПИ и посвященных ему исследований. Более того, давление пропаганды советского времени предрасполагало его, как и многих других, к сопротивлению насилиственному единомыслию в вопросе о происхождении СПИ и, следовательно, к некоторому недоверию.

На наш взгляд, одной лишь лингвистической стороны проблемы достаточно для получения решающих выводов. Любой новый сторонник поддельности СПИ, какие бы литературоведческие или исторические соображения он ни выдвигал, должен прежде всего объяснить, каким способом он может отвергнуть главный вывод лингвистов.

Итог нашего разбора таков.

Если «Слово о полку Игореве» создано неким мистификатором XVIII века, то мы имеем дело с автором гениальным. Это ни в коем случае не развлечение шутника и не произведенное между прочим стилистическое упражнение литератора. Мы имеем здесь в виду не писательскую гениальность, хотя именно на нее нередко ссылаются защитники подлинности СПИ. Оценка этого рода гениальности слишком субъективна, и мы к ней не апеллируем. Речь идет о научной гениальности.

Аноним должен был вложить в создание СПИ громадный филологический труд, сконцентрировавший в себе обширнейшие знания. Они охватывают историческую фонетику, морфологию, синтаксис и лексикологию русского языка, историческую диалектологию,

особенности орфографии русских рукописей разных веков, непосредственное знание многочисленных памятников древнерусской литературы, а также современных русских, украинских и белорусских говоров разных зон. Аноним каким-то образом накопил (но никому после себя не оставил) все эти разнообразнейшие знания, гигантски опередив весь остальной ученый мир, который потратил на собирание их заново еще два века. Иначе говоря, он сделал столько же, сколько в сумме сотни филологов этих веков, многие из которых обладали первоклассным научным талантом и большинство занималось этой работой всю жизнь. Это один из аспектов его гениальности: во столько раз он преувеличил даже сильнейших из этих людей своей интеллектуальной мощью и быстродействием.

Но его величие не только в этом. Мы невольно сравниваем Анонима с нынешними лингвистами; но нынешний лингвист решает свои задачи в рамках уже существующей науки, сами задачи чаще всего уже известны. Аноним же действовал в эпоху, когда научное языкознание еще не родилось, когда огромным достижением была уже сама догадка о том, что собственно языковая сторона литературной подделки требует особого непростого труда. И он проявил поистине гениальную прозорливость: он провидел рождение целых новых дисциплин и сумел поставить перед собой такие задачи, саму возможность которых остальные лингвисты осознают лишь на век-два позже. Например, изучением орфографических черт рукописей XV–XVI вв. лингвисты занялись лишь в конце XIX в. — а Аноним их уже изучил. Проблему славянских энклитик начали изучать только в XX в. — а Аноним ее уже знал. Тимберлейк изучил распределение форм типа *бяше* и типа *бяшетъ* в 1999 г. — Аноним опередил и его. Выше мы обсуждали, среди прочего, малоизученную проблему нараста-

ния ошибок при переписывании — Аноним и это продумал. И так далее. Сама постановка всех этих задач — даже больший научный подвиг, чем их решение.

Такова оценка достижений сочинителя XVIII века; если же это был человек XVII или XVI века, то степень его гениальности должна быть оценена еще выше.

Замечание. Аргумент в пользу подлинности СПИ, состоящий в том, что успешно подделать большой текст на древнем языке может только гениальный лингвист, уже приводился нашими предшественниками (в частности, А. В. Исаченко, Р. Якобсоном, А. С. Орловым). Но А. А. Зимин пытается дискредитировать такой способ аргументации с помощью следующей аналогии: «Кстати, подобные соображения по другому поводу в 1862 г. высказывал академик А. А. Куник. Он писал "Я решительно утверждаю, что *никто* из чешских литератороведов не сумел бы сочинить на *правильном* древнечешском языке стихотворения такого объема и содержания, как Суд Любушки [т. е. Зеленогорская рукопись, см. § 3] и Краледворская рукопись". Позднее происхождение обоих творений Ганки, как известно, уже после этого было доказано» (Зимин 2006: 301).

Нельзя не признать, что эта аналогия в первую секунду кажется убийственной. И однако же ситуация в сущности проста. Дело в том, что заявление Куника исходило из презумпции, что эти рукописи действительно написаны на *правильном* древнечешском языке. Но, увы, эта презумпция (которую Куник разделял со многими другими) была основана не на полном и глубоком лингвистическом анализе, а всего лишь на общем впечатлении. Когда позднее такой анализ был Яном Гебаузром произведен, то стало ясно, что до подлинной древнечешской правильности этим сочинениям все же далеко. Иначе говоря, само утверждение Куника и после этого ничто не мешает считать правильным — неверной оказалась только его презумпция. Случай с СПИ отличается от случая с подделками Ганки тем, что здесь достаточно глубокий анализ текста показал, что в нем действительно хорошо

соблюдены древние языковые закономерности (причем такие, которые предельно трудно подделать).

Аноним, конечно, должен был понимать, что никто из его современников не в состоянии даже отдаленно оценить всю ювелирную точность его работы: они вообще не придавали большого значения языковой стороне вопроса и совершенно не обладали соответствующими знаниями. Сторонникам поддельности СПИ ничего не остается, как допустить, что он решил вложить свою гениальность не в легкое дело обмана современников, а в сверхамбициозную задачу ввести в заблуждение профессионалов далекого будущего.

Ко всему этому неизбежно придется добавить безумную гипотезу о том, что Аноним с какой-то непостижимой целью (совершенно бесполезной для его замысла) выбирал в Задонщине отрезки для копирования не по содержанию, а по комплексу языковых параметров.

Такова совокупность допущений, которые необходимо принять, чтобы продолжать отстаивать версию о позднем создании СПИ.

Желающие верить в то, что где-то в глубочайшей тайне существуют научные гении, в немыслимое число раз превосходящие известных нам людей, опередившие в своих научных открытиях все остальное человечество на век или два и при этом пожелавшие вечной абсолютной безвестности для себя и для всех своих открытий, могут продолжать верить в свою романтическую идею. Опровергнуть эту идею с математической непреложностью невозможно: вероятность того, что она верна, не равна строгому нулю, она всего лишь исчезающе мала. Но несомненно следует расстаться с версией о том, что «Слово о полку Игореве» могло быть подделано в XVIII веке кем-то из обыкновенных людей, не обладавших этими сверхчеловеческими свойствами.

К ЧТЕНИЮ НЕСКОЛЬКИХ МЕСТ ИЗ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

§ 1. Попытка прояснить так называемые «темные места» в «Слове о полку Игореве» — занятие, имеющее уже двухвековую традицию. Есть две стратегии такого прояснения: 1) исходить из того, что в рассматриваемом месте текст искажен при переписке, и строить гипотезы о том, как он выглядел первоначально; 2) не меняя буквенного состава имеющегося текста, предложить новое словоделение или новое истолкование уже выделенных слов и тем самым переинтерпретировать весь отрезок. Ныне имеются уже примеры общепризнанного успеха как на первом, так и на втором пути.

Ниже предлагается несколько попыток в русле данной традиции; при этом мы идем по второму из указанных путей. Заметим, что из рассматриваемых ниже мест СПИ только последнее традиционно относится к категории по-настоящему «темных»; остальные обычно не считаются особенно трудными.

При написании настоящей статьи устрашающего объема труд по проверке обсуждаемых мест по сотням различных переводов СПИ нами не проделывался; мы полагаемся в этом отношении на существующие обзоры (хотя и сознаем, что гарантии полноты это не дает).

Лучи съпряже

Начнем с разбора одного места из СПИ, где конкурирует несколько интерпретаций. Речь идет о словах *лучи съпряже* во фразе: *Свѣтлое и тресвѣтлое слѣнце! Всѣмъ тепло и красно еси: чѣму, господине, простре горячюю свою лучю на ладѣ вои, въ полѣ безводнѣ жаждею имъ лучи съпряже, тугою имъ тули затче?* 182–183 (лучи вместо луки в силу смешения В. мн. с И. мн. и цоканья).

Н. А. Мещерский (1958) указал для данного словосочетания следующую параллель из Иосифа Флавия: *мы немощни и слаби есмы противитися римляномъ, якоже и лукъ спраженъ.*

Не претендуя на полноту обзора всех существующих переводов, укажем следующие три основные линии в понимании слов *лучи съпряже*.

1) Наибольшее распространение имеют переводы, где прямо или косвенно отражено понимание *съпрачи* как ‘согнуть, стянуть’ — в соответствии с переводом этого глагола в данном пассаже в Срезн. (III: 809). Таков, например, перевод Р. Якобсона (1948: 187): «... в поле безводном скрючил им жаждою луки, кручиной со-мкнул им колчаны» — или перевод Д. С. Лихачева (Изборник 1986: 92): «... в поле безводном жаждою им луки скрутило, горем им колчаны заткнуло».

2) *Съпраже* интерпретируется как производное не от корня *пряг-* ‘напрягать’, а от *пряг-* ‘жарить’. Так понимали это место издатели СПИ. Вот один из переводов этой группы: «В степи безводной жаждою тетивы иссушило» (Югов 1970). Эту версию первоначально принимал и Р. Якобсон (который в связи с этим даже считал нужным исправить *съпраже* на *съпражи*), но он изменил точку зрения после того, как Н. А. Мещерский нашел параллель у Флавия.

3) *Лучи съпряже* переводится как ‘луки расслабило’. Ср. СПИ, Библиотека поэта 1967: 64 (перевод Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева и О. В. Творогова) и ПЛДР XII [1980]: 385 (перевод О. В. Творогова): «В поле безводном жаждою им луки расслабило, горем им колчаны заткнуло». Такой же перевод (*‘to loosen, unstring’*) дан в Кинан 2003: 369.

Сравним эти версии.

Переводы ‘скрючить’ и ‘скрутить’, используемые для глагола *съпрачи* при первой версии, — конечно, не прямые: таких значений корень *пряг-* сам по себе не предполагает. Перед нами попытка модифицировать более прямое значение ‘согнуть, стянуть’ так, чтобы оно удовлетворительно сочеталось с контекстом. Попытка не очень убедительная, поскольку скрючивание (и тем более скручивание) лука представить себе довольно трудно и ниоткуда не известно, что с луками случается такая порча.

Что может значить ‘согнуть, стянуть’ применительно к лукам? Лук безусловно может быть согнут и может быть стянут тетивой. Дело лишь в том, что в этом состоянии он решительно не соответствует описываемой в обоих литературных произведениях ситуации: согнутое состояние лука (с концами, туго стянутыми тетивой) — как раз боевое, а не бессильное. И оно часто изображается в литературе, только обозначается при этом глаголом *напрячи*, а не *съпрачи*.

Что касается второй версии (*‘иссушило’*), то солнце с его горячим лучом придает ей даже некоторое внешнее правдоподобие. Но такой «реализм» дается дорогой ценой — ценой разрушения образного строя оригинала. Воины изнемогли от жажды — и это как если бы стали бессильны их луки; они подавлены скорбью — и это как если бы им заткнули колчаны. А в переводах

этой версии все плоско: жаркое солнце пересушило их луки, и стало невозможно стрелять. И в этой версии остается необъяснимым совпадение *лучи съпряже* в СПИ с *лукъ спряженъ* у Флавия: каким образом там в качестве символа воинского бессилия оказался «иссущенный» лук? И как воевали бы знаменитые лучники Египта, Ассирии и прочих знойных стран, если бы их луки не выдерживали солнечного жара?

Верна, с нашей точки зрения, лишь третья версия: ‘расслабило’. Правда, в указанных выше изданиях, содержащих этот перевод, не поясняется, каким образом глагол *съпрячи* мог выступить в столь неожиданном, на первый взгляд, значении. Поэтому необходимо рассмотреть это подробнее.

Ответ на данный вопрос извлекается из сравнения двух мест в самом СПИ. Трагическая картина *жаждею имь лучи съпряже, туюю имъ тули затче* с полной очевидностью противопоставлена содержащемуся в начальной части памятника изображению воинов, готовых к бою: *луци у нихъ напряжени, тули отворени*. Отсюда ясно, что *съпряженъ* (о луке) — это антоним для *напряженъ*. Это лук, у которого тетива ослаблена, «отпущена»; в таком виде лук должен храниться на оружейном складе, стрелять из него нельзя — точно так же, как не готов к бою заткнутый колчан.

Перед нами частный случай противопоставления приставок *на-* и *съ-*, хорошо известный как для древнего, так и для современного языка. Ниже мы пользуемся для ясности современными примерами; но везде, где глаголы засвидетельствованы достаточным количеством примеров и в древних памятниках, рассматриваемое смысловое соотношение соблюдается и там.

Интересующий нас вариант противопоставления приставок *на-* и *съ-* нередко сопровождается также выбором разных корней, например, *надеть* — *снять*, но

есть и много примеров с единым корнем. Простейший (вероятно, исходный) вариант здесь составляет пространственное противопоставление: *надеть — снять*, *натянуть — стянуть* (свитер), *навинтить — свинтить* и т. п. Далее идут примеры со значением увеличения/уменьшения и наполнения/опустошения: *набавить — сбавить*, *накинуть — скинуть* (в физическом смысле и о цене), *насыпать — ссыпать* (сверху), *налить — слить*, *нагрузить — сгрузить*, *накачать — спустить* (шину), *надуть — спустить* (детский шарик). Дети (которые вообще чувствуют значение приставок более отчетливо, чем взрослые, поскольку еще не усвоили всех идиоматизмов) легко могут сказать, например, *шарик сдулся*. Впрочем, глаголы *сдуть* и *сдуться* встречаются в таком значении и в разговорной речи взрослых; вот, например, газетный заголовок: «Российский фондовый пузырь сдулся» («Известия», 30 апреля 2004 г.). И наконец, вариант, где приставка *с-* выступает уже в обобщенном значении снижения или уничтожения какого-то ранее достигнутого эффекта: *натянуть — спустить* (струну). Сюда относится и пара *напрячи — съ прячи* в СПИ.

Заметим, что можно было бы и не рассматривать заново всю эту проблему, коль скоро защищаемый нами перевод уже имеется, в частности, в таком авторитетном издании, как Библиотека поэта. Однако этот явно наилучший перевод, как это ни парадоксально, остался в тени. Необъяснимым образом он не только не принят, но даже не упомянут в словаре-справочнике СССПИ (5 [1978]: 204), который, казалось бы, для того и предназначен, чтобы информировать читателя о конкурирующих текстологических и филологических решениях; и точно так же поступает Слов. XI–XVII (26 [2002]: 175).

Полозію ползоша

§ 1а. Одно из недостаточно ясных мест в тексте СПИ составляет словосочетание *полозію ползоша* (или *по лозію ползоша*). В первом издании соответствующий пассаж выглядит так: *На слѣду Игоревѣ тѣдитъ Гзакъ съ Кончакомъ. Тогда врани не граахуть, галици помлькоша, сорокы не трискоташа, полозію ползоша только, дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажутъ, соловіи веселыми пѣсими свѣтъ повѣдаютъ* (200–202). В Екатерининском списке вместо *полозію* стоит *по лозію*.

Имеется две основных интерпретации рассматриваемого места:

- 1) *по лозію ползоша* — ‘ползли по сучьям, по ветвям’; так, уже в первом издании, несмотря на принятное в нем для древнерусского текста слитное написание *полозію*, дан перевод «но двигались только по сучьям»;
- 2) вместо *полозію* принимается конъектура *полозіе*, и все словосочетание интерпретируется как ‘полозы (змеи) ползли’.⁴⁶

Переводчики несколько варьируют формулировки, но по существу не выходят за рамки этих двух вариантов.

Недостатком первого варианта является то, что кажется странным глагол *ползти* в применении к птицам. Имеется, однако, косвенное свидетельство того, что такое употребление слова *ползти* было все же возможно, — это название *поползень* (птица из семейства воробьиных). В говорах эта же птица может называться *ползун*, *ползунок*, *ползунчик* (СРНГ, 29: 67), *ползик* (СССПИ, 4: 144). Словом *ползунчик* может называться

⁴⁶ Но иногда здесь принимают *полозіе* за незасвидетельствованное название каких-то птиц. Такое решение по общему смыслу довольно близко к первому варианту.

также птица пищуха (СРНГ, там же). По-польски она же называется *pełzacz*, из чего видно, что у славян подобный способ наименования некоторых птиц является достаточно старым. При этом существенно, что птица поползень вовсе не ползет по дереву в том смысле, как ползет змея, или подкрадывающийся хищник, или насекомое, — она быстро передвигается по стволам деревьев или по камням короткими прыжками. Вообще, глаголом *polzти*, в отличие от современного языка, в древности могло обозначаться не только медленное пресмыкание, но и скольжение (в том числе быстрое) и иные виды легкого передвижения без большого отрыва от поверхности.

Таким образом, в версии, где *ползоша* понимается как действие сорок, именно механический современный перевод «ползли» создает странность смысла, которой в подлиннике не было. По-видимому, правильнее был бы перевод типа «легонько поскакивали» (как поползни).

Очевидный недостаток второго варианта — необходимость принятия буквенной конъектуры. Кроме того, собирательная форма *полозіе* (*полозье*) от *полозъ* 'змея' ни в памятниках, ни в говорах не зафиксирована; и странно то, что все живые существа названы в данном пассаже просто во множественном числе и только в одной этой точке использована собирательная форма.

Необходимо учитывать также структуру и общую тональность всей сцены побега Игоря. Автор ярко показывает слушателю, что силы природы и живые существа на стороне Игоря, — все они, как только могут, способствуют его побегу. Игорю помогают: Донец, зеленая трава, теплые туманы, зеленое дерево, гоголи, чайки, черняди, вороны, галки, сороки, дятлы, соловьи. В частности, вороны и сороки помогают ему тем, что

молчат: ведь их крики могли бы выдать Игоря преследователям.

Полозы (если они действительно присутствуют в тексте) явно выпадают из этой картины: как может помочь Игорю то, что они просто ползут, совершенно непонятно.⁴⁷

Напротив, если *ползоша* относится к сорокам, то это придает всей картине особую выразительность. Ведь хорошо известно, что именно сороки особенно опасны для беглецов и разведчиков: заметив движущегося человека или зверя, они с неумолкающим тревожным криком кружатся над тем местом, где он укрывается. И вот мы видим, что эти самые опасные для Игоря птицы не просто молчат, но даже не взлетают, а передвигаются скромным «приземленным» способом.

Таким образом, в целом предпочтителен тот вариант интерпретации, при котором глагол *ползоша* связывается с сороками, а не со змеями.

Представляется, однако, что в рамках данного варианта можно предложить решение, более выразительное и более полно соответствующее описанной общей картине, чем «ползли по сучьям». Это решение подсказываетя совершенно явным повторением звукового отрезка *пол(o)з-* и состоит в том, что *полозію ползоша* — это *figura ethymologica*, а именно то, что соответствова-

⁴⁷ Н. В. Шарлемань пытался преодолеть эту трудность, предположив, что автор хотел показать бесшумность движения полозов, «чтобы подчеркнуть тишину в степи во время бегства Игоря: все животные молчали и, не нарушая тишины, "полозие ползоша только"» (см. СССПИ, 4: 145). Но это неверно: в степи вовсе не было тишины — замолчали только те, чьи голоса вредоносны для Игоря; ср.: *дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажутъ, соловіи веселыми пѣсьми свѣтъ повѣдаютъ*.

ло бы по форме (хотя в данном случае все же не по смыслу) современному *ползком* *ползли*.

Сам прием соединения однокоренных слов для достижения большей выразительности автору СПИ хорошо знаком и использован им неоднократно: *одинъ братъ*, *одинъ свѣтъ свѣтлый — ты*, *Игорю 20*; *начаия мосты мостити 38*; *уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслю смыслити, ни думою сдумати 83*. Оборот *мыслю смыслити* сходен с *полозію ползоша* даже и в морфологическом отношении: в обоих случаях использована словоформа творительного падежа на *-ю*.

Если предложенная интерпретация верна, то значение «передвигались как можно более незаметно и бесшумно» выражено здесь максимально ярко.

Проблема состоит только в том, можно ли допустить для древнерусского языка наречие *полозію* ‘ползком’.

Рассмотрим соответствующую группу наречий в современном языке.

Лишь небольшая часть таких наречий вошла в литературный язык, например, *бегом*, *ползком*, *стоймя*, *ливмя*. В говорах их в несколько раз больше.

С морфологической точки зрения эта группа наречий строится как творительный падеж (современный или древний) отглагольного существительного *o-* или *i-* склонения с основой, равной глагольному корню. Соответственно, окончания здесь — *-ом* (*-ем*), *-ью*, *-ми*, *-ма*, *-мя*. Один из вариантов содержит, кроме того, суффикс *-к-*: *-к-ом* (например, *ползком*). Существительное, послужившее для формирования наречия данного типа, само по себе обычно неупотребительно (исключений совсем немного, например, *бег*, *дрожь*).

Чаще всего такие наречия используются в сочетании с самим производящим глаголом, образуя уже опи-

санную выше конструкцию: *стоять стоймя, лить ливмя, криком кричать, дрожью дрожать* и т. п. Ср., например, в «Идиоте» Достоевского: «*Да неужто же правду про тебя Рогожин сказал, что ты за три целковых на Васильевский остров ползком доползешь?*».

Укажем важнейшие наречия данной группы, содержащиеся в СРНГ и/или в словаре Даля, а также те, которые вошли в литературный язык (последние помечены знаком ⁺). Там, где засвидетельствована конструкция с производящим глаголом (*ползком ползти* и т. п.), приводится все словосочетание. Ограничимся вначале бесприставочными наречиями.

С -ом (-ем): *бегóм⁺ бежать, валóм⁺ валить, вárом варить* ‘кишеть’, *вóлоком⁺ волочь, дёром драть, крýком⁺* (*кричем*) *кричать, лётом лететь; также кráдом, лёжем, мólком, ны́рóm, скáком*.

С -ком: *леткóм лететь, ливкóм лить, ползкóм⁺ ползти, сидкóм сидеть, стойкóм стоять; также бежскóм, крадкóм, лежскóм, молчкóм⁺, тайкóм⁺*.

С -ми, -ма, -мя: *вáльми* (*вáльмá, вáльмá*) *валить, вárма* (*вáрмá*) *варить* ‘кишеть’, *гормí* (*górmá, górmá*) *гореть, дёрма* (*дермá*) *драть, дрожмá* (*дрожмá*) *дрожать, кíши ми* (*кíши мá, киши мá⁺*) *кишеть, крýчма* (*кричмá*) *кричать, лёжма* (*лежмá, лёжми, лёжмá, лéжмá*) *лежать, лётма* (*летмá, лётмá*) *лететь, ливмá⁺ лить, сидмí* (*сидма, сидмá*) *сидеть, стоймá⁺ стоять; также бéгма, волочмí* (*волочмá*), *кráдьма* (*кráдьмá*).

С -ью: *бéжью бежать, дрóжью⁺ дрожать; также вéртью, лéжью* (*лáжью, лёжью*), *ны́рью, скáчью*.

Многочисленны также наречия этого типа, содержащие приставки, например, *навáлом⁺, проéздом⁺, прóпадом*. Особо отметим наречия с -ью: *бíщупью⁺, нáсыпью⁺, взры́дью, óглядью, óсердью, óтмашью* и т. п.

Ввиду народного характера этих наречий в древних памятниках они почти не представлены. Из числа обра-

зованных по модели *i*-склонения можно указать *нудьми* и *нудьма* (от *нудити* ‘принуждать, заставлять’), *станьма* ‘стоймя’ (от *стати, станет*), *игрию* ‘шутя’ (*игрию ударивъ*) — см. словарь Срезневского. Значение рассматриваемого типа, возможно, допускал также творительный падеж от некоторых других существительных на *-ь*, в частности, *скърбь* (от *скърбѣти*), *дръжь* (от *дръжати*), *мъвь* (от *мыти, мытиса*); но реально он не засвидетельствован. В целом нет оснований сомневаться в том, что в древнерусском языке уже существовали корневые отглагольные существительные на *-ь* со значением действия или состояния и что их творительный падеж в принципе мог употребляться в значении наречного типа.

Остается еще вопрос о втором полногласии в *полозію*, вместо стандартного *ползыю*. (Заметим, что в СПИ вместо *ползыю* или *ползію* в принципе могла стоять и запись южнославянского типа с *плъз-*; но соседнее слово *ползоша* записано с обычным *ол*, а не *ль*, поэтому и для *ползію* не приходится ожидать написания *плъзію*.)

Как уже показано в статье «Аргументы...» (§ 21–22), совокупность фонетических и морфологических диалектных черт, проявившихся в СПИ, указывает на великорусский северо-запад. Второе полногласие характерно в наибольшей степени именно для этой зоны (хотя известно и в других зонах). Перед двумя согласными, разделенными в древности слабым редуцированным, оно развивается почти регулярно, ср., например, диалектные *мόлонъ́я*, *вólóжка* ‘рукав или проток на Волге’, *вóлонка* (уменьшит. к *вóлна* ‘шерсть’), *доложнó* ‘должно’ и т. п.; менее регулярно — перед конечной согласной (или группой согласных), например, *полость* ‘полость’, также литературные *полон*, *долог* (ср. *полный*, *долгий*).

Таким образом, древнее *пълзыю* на северо-западе должно было дать *полозью*. Соответственно, форма *полозю* вполне могла появиться под пером северо-западного переписчика — подобно тому, как появились, например, *русици* вместо *русичи* или *връжеса* вместо *връжеся*.

Предложенное здесь решение не относится к числу бесспорных, но представляется более вероятным, чем альтернативное чтение *по лозю ползоша*.

Частица *нъ*

§ 2. Рассмотрим в СПИ фразу: *Дремлетъ въ полѣ Ольгово хоробroe гнѣздо; далече залетѣло; не было нъ обидѣ порождено ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чрѣный воронъ, поганый Половчине* 40–41.

Слова *не было нъ* записаны именно так в Екатерининской копии; в первом издании дано без разделения: *небылонъ*. Комментаторы, однако, почти единодушно правят это место на *не было (о)нъ*, предполагая в оно пропуск первого *о* и замену второго на *ъ*. Даже в «базовом» тексте памятника, помещенном в 1-м томе ЭСПИ, где по замыслу разрешалось исправлять в тексте первого издания лишь опечатки и явные недосмотры издателей, в данном случае исправление все же сделано: *не было онъ*⁴⁸.

Но интерпретация с *(о)нъ* вызывает серьезные сомнения сразу в трех отношениях.

⁴⁸ Ныне следует добавить, что в Зимин 2006: 118 принято другое исправление, а именно, *нъ* на *нѣ*. Удачным его признать никоим образом нельзя: в постулируемой фразе **не было нѣ обидѣ порождено ни соколу, ни кречету ять в нѣ* — незаконный и второе отрицание после *не было* по древним нормам излишне.

Во-первых, пропуск *о* — явная погрешность; в тексте СПИ подобных погрешностей очень мало, а других пропусков начальной гласной просто нет.

Во-вторых, в СПИ буквы *ъ* и *о* на конце слова ни в каком другом случае не смешиваются. Что касается совершенно последовательного написания союза ‘но’ как *нъ* (8 раз), то это, конечно, не смешение букв, а устойчивая орфограмма южнославянского типа; к словоформе *оно* это не относится. И вообще свободного смешения букв *ъ* и *о* в СПИ нет; есть только специфические написания *ръ*, *лъ* южнославянского типа (вместо *ор*, *ер*, *ол*) и один раз *тъй* вместо *той*, где мы имеем дело со смешением словоформ (Д. ед. жен. и И. ед. муж.), но не букв⁴⁹. Тем самым *онъ* вместо *оно* оказывается явным отклонением от орфографических норм памятника.

В-третьих, — и это самое важное — употребление анафорического местоимения *оно* в данной точке текста вполне нормально для современного языка, но решительно не соответствует древнерусским правилам употребления словоформ И. падежа *онъ*, *она*, *оно*, *они* (и т. д.). В древнерусском тексте эти словоформы встречаются несравненно реже, чем в современном: в подавляющем большинстве случаев нынешнему *он* здесь соответствует нуль. Само отсутствие внешне выраженного подлежащего при глагольной словоформе 3-го лица

⁴⁹ Механизм здесь, по-видимому, таков. В орфографической системе переписчика для передачи И. ед. муж. [тоj] служила устойчивая орфограмма *тъи* (точнее *тъи*, как она иногда передана в М.). Д. ед. жен. мог быть [тōj] (с закрытым [ō]) или уже [тоj]; но в любом случае переписчик не различал [ō] и [о] на письме. Запись Д. ед. жен. как *тъи* — это привычная условная орфограмма для [тоj], примененная по ошибке за рамками своей нормальной сферы; ср. точно такую же ошибку — Д. ед. жен. *тъи* в Строев. [1471], л. 135 об.

понимается здесь как наличие подразумеваемого подлежащего 'он' (или 'она', 'оно', 'они' — в соответствии с контекстом). Например, в берестяных грамотах XI–XII вв. словоформы *онъ*, *она*, *оно*, *они* не встретились вообще ни разу (при том, что словоформ *его*, *еѣ*, *ихъ* и т. д. здесь более 50). Неслучайно исконные формы И. падежа от *его*, *еѣ*, *ихъ* и т. д. (т. е. *и*, *иа*, *е* и др.) уже в древности вообще исчезли. Заменившие их со временем словоформы *онъ*, *она*, *оно*, *они* первоначально принадлежали другому слову (нынешнее *оный*) — местоположению, указывающему на дальний предмет, и отнюдь не сразу приобрели свою нынешнюю чисто анафорическую функцию, долгое время сохраняя следы исходного значения.

В древнерусском языке XI–XII веков (в несколько менее жесткой форме также и позднее) ситуация такова. Словоформы И. падежа *онъ*, *она*, *оно*, *они* (и т. д.) могут употребляться как в субстантивной, так и в адъективной функции (ср., например, частое *онъ полъ* 'та [= чужая] половина города' в НПЛ). В субстантивной функции словоформы *онъ*, *она*, *оно*, *они* употребляются только:

а) при противопоставлении (или иных формах подчеркивания), например, *а лоуцане оустерего~~и~~асѧ и бступиша, они въ городъ, а ини Пльсковоу* 'а лучане убереглись и отступили — одни (букв.: те) в город, а другие во Псков' (НПЛ [1167], л. 34 об.).

б) там, где без этих словоформ возникла бы двусмысленность или трудность в размещении клитик, связанных по смыслу именно с этими словоформами; практически это означает, что субстантивное *онъ* (как и прочие из этого ряда) почти всегда выступает в составе групп *онъ же*, *а онъ*, *и онъ*.

В СПИ положение со словоформами *онъ*, *она*, *оно*, *они* (если не считать обсуждаемой нами фразы) полно-

стью соответствует раннедревнерусской норме. Этих словоформ всего две (т. е., как и следует ожидать, их очень мало), и они подчиняются указанным правилам: ... *своя вѣщіа прысты на живая струны въскладаше; они же сами княземъ славу рокотаху* 5; *Тому въ Поло-тскѣ позвониша заутренюю рано у Святыя Софии въ колоколы, а онъ въ Кыевѣ звонъ слыша* 160. В обоих примерах употребление *они, онъ* связано с переменой подлежащего и эти словоформы служат опорой для клитик (*же, а*), которые без этих словоформ дали бы ложный смысл (**сами же* или **княземъ же, а въ Кыевѣ*). Во всех других фразах СПИ, где в современном переводе возможно или даже предпочтительно дать слово *он*, этого слова в подлиннике нет, например: *Помняшеть бо ... 'ибо он помнил ...'* (о Бояне); *Тогда пущашеть 10 соколовъ на стадо лебедѣй 'тогда он напускал десять соколов на стадо лебедей'* 4 (о нем же) и множество других.

Обратимся теперь к реконструируемой комментаторами фразе: *Дремлетъ въ полѣ Ольгово хоробре гнѣздо; далече залетѣло; не было <оно> обидѣ порождено ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чрѣный воронъ, поганый Половчине*. Для употребления слова *оно* здесь нет ни одного из указанных выше оснований. По древнерусской норме это слово здесь точно так же излишне, как в предложении *далече залетѣло*.

Общий вывод: если при интерпретации отрезка длиной всего в две буквы пришлось допустить сразу три нарушения обычных для данного текста норм, то можно быть практически уверенным, что интерпретация в чем-то неверна.

Но если в *не было нъ* нет **оно*, то как же это читать?

Полагаю, что читать надо ровно так, как написано. Доставившее столько хлопот *нъ* — это-таки именно *нъ*

(причем записанное именно так, как переписчик СПИ всегда передает ‘но’). Дело в том, что *нъ*, известное прежде всего как союз, в действительности встречается также, хотя и намного реже, в роли частицы. В нормальном случае эта частица функционирует как энклитика (а именно, как энклитика, подчиняющаяся закону Вакернагеля, т. е. располагающаяся в конце первой тактовой группы фразы), в некоторых редких случаях — как проклитика.

По значению союз *нъ* и частица *нъ* хотя и не в точности одинаковы, но достаточно близки: в обоих имеется отчетливый элемент противительности. Это значит, что при нашем решении фраза *не было порождено обидѣ* получает дополнительный элемент со значением противительности, которого при чтении с *〈оно〉* в ней нет. И при таком понимании текст очевидным образом выигрывает в логичности. В самом деле, для фраз *далече залетѣло и не было порождено обидѣ* гораздо уместнее именно противительная связь, а не простое присоединение: Ольгово гнездо залетело далеко — в чужие, опасные места, но оно не было порождено для того, чтобы стать жертвой вражеских сил.

В позднедревнерусский период частица *нъ* обычно получает, как и союз, вид *но*. В составе единой ритмической группы с предшествующим словом возможна и потеря гласной; ср. варианты *ано* и *анъ* (современное *ан*), *ино* и *инъ* (современное *ин*)⁵⁰ и т. п.

Рассмотрим частицу *нъ* подробнее. Необходимо различать: 1) два основных значения частицы *нъ* — проти-

⁵⁰ В праславянском существовало не только **нъ*, но и **по* (по-видимому, с тем же значением), ср. польск. и чешск. *apo* и т. п. На вост.-слав. почве в ряде случаев невозможно отличить *но* из *нъ* от исконного *но*; но для наших целей это несущественно.

вительное и релятивизирующее; 2) свободные (т. е. в сочетании с произвольным словом) и несвободные (лексикализованные) употребления частицы.

Частица *нъ* в противительном значении. В большинстве известных примеров она уже выступает в несвободном употреблении — в качестве конечного элемента сложных союзов (слитное или раздельное написание здесь условно): *анъ* (и *ано*), *инъ* (и *ино*), *небонъ* (и *небоно*), *али нъ* (и *али но*), *оли нъ*, *ольно*, *нольно*⁵¹, *ажъно*, *атъно*, *абъно* и др. (см., в частности, Зализняк 1986, § 70 об *ат(ъ)но*, Янин, Зализняк 1999: 25 об *абъно*). Как обычно и бывает при несвободном употреблении, первоначальное собственное значение частицы в этих случаях уже в значительной степени затемнено.

Существенно реже встречаются примеры свободного (или хотя бы полусвободного) употребления *нъ*. Но нас в особенности интересуют именно такие примеры. Приведем некоторые из них.

Мало же сицѣхъ гѣ обрѣтается, обаче нъ соуть 'Мало ведь таких слов существует, но все же есть' (Иоанн Дамаскин, XII в. — Срезн. II: 499).

Нъ обаче нъ аще и вельми разгнѣвалъ сѧ бѣ на блаженааго, нъ не дѣрьзноу ни единого же зѣла и скѣрбъна сѣтворити томъ (Житие Феодосия — Усп. сб., 58г/59а).

*Ту но аще ся прилучится ему и князя видѣти 'Но если тут ему доведется и князя увидеть' (Шестоднев Иоанна экзарха по списку XV в.; в списке 1263 г. *ту нъ* вместо *ту но* — Срезн. III: 1037).*

Хлѣба не ядяше, ни сочива, разѣѣ от овоща яблоко и зелие ..., и то же но в суботу ти в недѣлю ('но и то

⁵¹ Примечательно, что в состав *нольно* элемент *но* входит даже дважды (один раз как проклитика, второй как энклитика): *но + ли + но*.

лишь в субботу и в воскресенье') (Житие Федора Сикевата — Слов. XI–XVII, 11: 392); вариант развития противительного значения здесь такой же, как, например, в англ. *but* (совмещающем значения 'но' и 'лишь').

Не вѣроуїж бо мрѣтвыихъ ни простыиа дѣла изводѧшть, а не нъ пророчьскы ('даже и простые души ..., а не то что пророческие') (Изборник 1073 г., л. 118 — Срезн., III, Доп., 5'). Отметим, что такой же пример есть и в старославянском: *А аште и ѡдинъ би былъ чоудими, довѣлѣаше нашеи силѣ одолѣти, а не нъ толико множество* (Супрасл., л. 82).

Аще не поидете к намъ, то налѣземъ кн(а)за собѣ. — И ре(че) к нимъ Сѣславъ: Абы но шель кто к в(a)мъ. И ѿпрѣса ('Но пусть идет кто угодно к вам' [с подразумеваемым 'Я не иду']) (Лавр. [970] — СДРЯ, V: 448).

Аще ли нὸ съгрѣшать, то ѹ оужасаютса и ѿчаяютъ ('но если согрешат') (Флав., 421г).

С(y)ноу, аще на пѣть ид(e)ши, не надѣис(а) чюжемъ браинѣ, но свое да имѣши; аще ли но не имѣши ('если же не имеешь') *своего и ходити начнеши, и въ оукоризнѣ бѣдеши* (Акир, 91).

Аже холостымъ, то не даите отиноудь, иже блоудъ творять; или нъ при смерти, тъ же даите ('но если при смерти, то дайте') (Поучение Ильи, епископа новгородского, XII в. — Срезн., II: 659). Здесь *или* 'если, когда' и *нъ* еще достаточно отчетливо сохраняют свои исходные значения; ср. слитное *ольно*, развившее уже ряд собственных значений ('когда', 'до тех пор пока', 'вплоть до того что', 'даже').

Заложи стѣноу каменоу подъ црквию стѣго Михаила оу Днѣпра иже на Выдобычи, ω н(e)и же мнозѣ не деръзъноуша помыслити <ѡ> древнихъ, али нъ дѣлоу ѩтиса ('о которой многие из древних не дерзнули даже помыслить, не то что взяться за дело') (Ипат. [1199], л. 243; в Хлебниковском списке *али но* вместо *али нъ*).

Примеры этой группы малочисленны и, как можно видеть, ограничены памятниками древнейшего периода. В литературных сочинениях, возникших позднее XII века, они уже не встречаются.

Правда, в народной речи такое *нъ/но* по крайней мере в некоторых зонах продолжало существовать и даже дожило до нашего времени. По-видимому, именно к такому *нъ/но* восходит *но* в примерах типа *Право-но. Какой-но угар? Сырые-но дрова-те.* Перм., Коми АССР (СРНГ, 21: 252). Ср. еще: *Сходи но ты, помоложса!* Перм. (в сказке, записанной Зелениным) (там же).

Частица *нъ* как релятивизатор. В этой роли она выступает при вопросительных или относительных местоимениях и наречиях и несет, в отличие от простых релятивизаторов *то* и *же*, еще и обобщающее значение, т. е. создает единицы со значением типа 'где бы ни', 'где ни'. Вот примеры.

По погостомъ и по свободамъ, гдѣ нъ соуть хр(и)с-тияне (Устав Владимира о десятинах, судах и людях церковных).

Или въ градѣхъ или въ селѣхъ, гдѣ но боудеть кр(ы)-щаюмыи (Новгородская кормчая 1280-х гг.).

А причащенье давайте въ ту 8 дни, коли нъ служа-че (Поучение Ильи, епископа новгородского, XII в. — Слов. XI–XVII, 11: 392).

А что сѧ останет золото или серебро или иное что но есть, то все моей княгинѣ (духовная [вторая] Дмитрия Донского, 1389 г. — ДДГ, № 12).

Заметим, что в примерах этой группы неочевидно, к чему теснее примыкает *нъ/но*, — к стоящему перед ним местоимению (местоименному наречию) или к стоящему после него глаголу. Но есть и такие примеры, где *нъ/но* отделено от *гдѣ*, *какой* и т. п. другим словом и тем самым явно примыкает к глаголу (т. е. выступает в роли проклитики):

Новагорода не березъта, ать сѣдѣть сами о своеи силѣ, кде кнѧзл но налѣзоутъ ('пусть сами сидят, опираясь на свою вооруженную силу, где бы они ни нашли себе князя') (Ипат. [1140], л. 114).

Аще ли саномъ гордящиися негодовати начнутъ нашего повелѣнья..., въ какомъ сану но буди въ васъ, или воевода — воеводства чюжь, или воинъ — воинства чюжь (Правила соборные, XIV в. — Слов. XI–XVII, 11: 392).

В рассматриваемой фразе из СПИ *нъ* очевидным образом относится к первой группе примеров: *не было нъ* означает 'но не было', 'не было, однако же'. Частица *нъ* представлена в свободном употреблении: как *не было*, так и *нъ* выступают здесь в своих обычных значениях.

С просодической точки зрения *не было нъ* вполне сходно, например, с *ако но*: *было* (равно как и *не было*) — энклиномен, как и *ако*. С точки зрения грамматических характеристик компонентов *не было нъ* можно сравнить, например, с *абы но* (= *а бы но*).

Таким образом, к числу архаичных элементов текста СПИ добавляется еще один: частица *нъ* в свободном употреблении. Как мы видели, в древнерусских памятниках аналогичные примеры малочисленны и ограничены текстами, созданными не позднее XII века.

Оконо 'как бы', 'как будто'

§ 3. Интересный и не сразу распознанный частный случай использования частицы *нъ* (*но*) составляет древнерусское слово *оконо*.

Это слово, представленное в традиционном корпусе текстов только в «Вопрошании Кирикове», долгое время было загадкой для лексикографов. Словарь И. И. Срезневского (II: 646) приводит два примера из «Вопроша-

ния Кирикова» и добросовестно ставит вместо значения вопросительный знак. Словарь XI–XVII (12 [1987]: 336) дает те же два примера и переводит *оконо* как ‘наконец; окончательно (?)’; вопросительный знак присутствует и здесь, показывая, что перевод лишь предположителен. Предложенный перевод явно построен на гипотезе о том, что *оконо* содержит корень *кон-*; но морфологическая структура слова в целом оказывается в этом случае практически необъяснимой.

Значение загадочного *оконо* прояснилось лишь после того, как в 1998 г. в Новгороде была найдена берестяная грамота № 809, где имеется фраза *пъвели нѣкъмоу ḫ оу[цинать] ... жемеџюженѣ окънъ быше стрѣлъки* ... В работе Янин, Зализняк 1999, где эта грамота была опубликована, написание *окънъ* в этой фразе было интерпретировано как запись по бытовой графической системе слова *оконо*, которое было отождествлено со словом, представленным в «Вопрошании Кирикове». Вся фраза получила перевод: ‘Прикажи кому-нибудь, чтобы (*᳚ = отъ*) сделали ... (какие-то украшения) жемчужные, как бы стрелки (т. е. наподобие стрелок)’.

Слово *оконо* получило истолкование ‘как бы’, ‘как будто’ и было отмечено, что такое значение приемлемо и для *оконо* в «Вопрошании Кирикове». Структура слова была интерпретирована как соединение *око* ‘как’, ‘что’ и частицы *но*.

Око — собственно древнерусский вариант к *ако* ‘как’, ‘что’ и т. д., известный из Синодального списка НПЛ и берестяных грамот № 581 и № 38 (см. ДНД₂: 410–411 и НГБ X: 84–85).

В точном соответствии с эквивалентностью *око* и *ако* прямым эквивалентом слова *оконо* оказывается отмеченное в церковнославянском тексте *аконо* ‘как будто’, ‘quasi’: *аконо пыша ꙗвлянаſѧ ḫ тƿðда* (Житие Феодора Студита, XII в. — Срезн., I: 12, СДРЯ, I: 78).

Еще один пример этого слова оставался незамеченным из-за неправильного членения текста: *аконо видѣніе* 'как бы видение (привидение)' в Ипатьевской летописи ([1195], л. 235). В подлиннике это переправлено (неким древним редактором, который уже не опознал здесь слова *аконо*) в *ако ино видѣніе*; в Хлебниковском списке другая переделка: *ако сновидение*. Но это место не понял и современный издатель, который воспроизвел текст как *ако новидѣніе*.

Око и *ако* семантически весьма близки к *яко*, а также к *како*; поэтому переписчики могут заменять *око* на *яко* или *како*. Так, из трех примеров союза *око*, содержащихся в старшем изводе НПЛ, в младшем изводе два заменены на *яко*, а третий — на *како*. Иногда переписчики заменяют также и *окно* на *яко* (см. о таких случаях ниже). Тем самым подтверждается, что *окно* — это действительно слово *око* 'как' с модифицирующей его смысл дополнительной морфемой *-но* (а не *о-кон-о*, как его пытались истолковать).

Добавим к этому, что в июне 2003 г. в Новгороде была найдена берестяная грамота № 934, где имеется фраза *иди ѿко стоя во гъродъ* 'иди немедленно в город'. Здесь идиома *ѿко стоя* 'немедленно' (букв.: 'как стоишь', т. е. не совершая никаких промежуточных действий) есть не что иное, как вариант идиомы *како стоя* (с тем же значением), уже известной по берестяной грамоте № 272. Тем самым появилось еще одно наглядное свидетельство эквивалентности *око* и *како*.

Структура слова *окно* (равно как *аконо*) — совершенно такая же, как в *гдѣ но, что но, коли нъ* в приведенных выше примерах с релятивизирующим *нъ/но*. Правда, значение 'как бы' несколько отличается от ожидаемого по аналогии с *гдѣ но* и т. п. значения *'как бы ни'. Но это отличие довольно легко объясняется спецификой значения слова *како* (и его синонимов

яко, ако, око). Добавление релятивизатора (любого) к *что, где* отсекает у них вопросительное значение и сохраняет только относительное ('то, что', 'там, где'); точно так же у *како* (сравнительного) оно сохраняет только значение 'подобно тому, что'. А 'подобно тому, что *P*' — это почти то же самое, что 'как если бы *P*', 'как будто *P*'.

В грамоте № 809 модальное значение слова *«оконо»* 'как будто' усилено словом *бышиъ* (из *быша*) — совершенно так же, как в современном *как будто бы*: *«оконо» бышиъ стрѣльки* — 'как будто бы стрелки', 'наподобие стрелок'.

В дальнейшем такое истолкование *оконо* (как в грамоте № 809, так и в примерах из «Вопрошания Кирикова») было принято и в словаре СДРЯ (VI [2000]: 111). Тем самым ныне эту лексикографическую задачу можно считать в основном решенной.

Но как это часто бывает со словами, которые долго оставались неразгаданными, после того, как проблема решена, находятся и другие примеры того же слова, по тем или иным причинам ранее не замеченные.

Так, в Ипатьевской летописи в описании убийства Андрея Боголюбского (Ипат. [1175], л. 207 об.) имеется следующий эпизод. Убийцы, полагая, что Андрей уже мертв, бросили его. Но он был еще жив. Дальнейшее летопись описывает так: *Анъ же в оторопѣ выско- чивъ по нихъ и начать ригати и глѣти, и въ болѣзни срѣца иде подъ сѣни. Анни же слышавше гла^с возворо- тишасѧ опять на нь. И стоящимъ имъ, и речъ одинъ стоѧ: «Видихъ яконо knаза идуща съ сѣни доловъ».*

Нас интересует здесь отрезок между *видихъ* и *кназа*. В Ипатьевском списке стоит *яконо* [в публикации — *яко (но)*]; но имеется две правки: во-первых, в *но* буква *о* переправлена в *ъ*, во-вторых, все *но* (или *нъ*) за-

черкнуто. В Хлебниковском списке в этом месте стоит **окнѡ^м**, в Погодинском — **окъно^м**.

Эти разнотечения ясно указывают на то, что первоначальный текст содержал здесь что-то иное. В частности, чтение Хлебниковского и Погодинского списков — очевидная порча: дело происходило ночью и ничего увидеть «окном», т. е. через окно, говорящий не мог.

Сопоставление всех разнотечений позволяет практически надежно восстановить первоначальное чтение: это было *оконо*. Переписчики уже не понимали этого слова и переделывали его по своему разумению. Менее других пострадал Ипатьевский список: здесь в конечном счете вместо *оконо* появилось *яко*, т. е. произошла замена, обсуждавшаяся выше. Возможно, впрочем, что буквы *но* (или *нъ*) зачеркнул не переписчик, а позднейший редактор; если это так, то переписчик всего лишь заменил *оконо* на *яконо*.

Гораздо менее вероятно, что уже в первоначальном тексте стояло *яконо*: замену *око* на *яко* объяснить легко, а превращение *яконо* в *оконо* — несравненно труднее.

Остается не совсем ясным смысл правки *яконо* на *яконъ* в Ипатьевском списке. Возможно, в частности, что в силу вариантности *но/нъ* наряду с *оконо* существовал также вариант *оконъ*. Заметим, что написание *окънъ* в берестяной грамоте № 809 вполне могло бы отражать и такой вариант.

Итак, первоначальный вид обсуждаемой фразы почти наверное был таков: *Видѣхъ оконо къназа идуща съ сѣни долово* ‘Я как будто видел князя, спускающегося с крыльца’. По смыслу эта фраза идеально подходит к ситуационному контексту.

С синтаксической точки зрения здесь, вообще говоря, можно связывать *оконо* как с *видѣхъ* (‘я как будто видел’), так и с *къназа* (‘как будто князя’). Но по смы-

слу предпочтительно первое; и мы увидим ниже также и другие примеры, где *оконо* относится к глаголу.

Обратимся теперь к уже давно известным фразам со словом *оконо* из «Вопрошания Кирикова». Эти фразы таковы (по новгородской кормчей 1280-х гг., см. Павлов 1908, текст 2; коррективы, внесенные из других списков, показаны в квадратных скобках; пунктуация дана в соответствии с предлагаемым нами пониманием):

1) «*Причащатисѧ попадыи оу своего попа достоить [ли]? Ёсть ли, рече, то [г]рѣхъ?*» — «*Ёсть ти оконо*, [и] *помолча* (ст. К 20). Перевод: ‘«Допустимо ли попадье причащаться у своего мужа-попа? Есть ли, мол, это грех?» — «Как бы есть», и он помолчал’. Как мы знаем, иерархи, которым задавал вопросы Кирик, также и в некоторых других случаях, когда практическая жизнь во второстепенных деталях не соответствовала канону, отвечали уклончиво; в частности, они могли «помолчать».

Союз *и* перед *помолча* имеется лишь в части списков «Вопрошания», и при цитировании в словарях его часто опускают. Но он явно принадлежит первоначальному тексту, и тем самым ясно, что *оконо* относится к *ёсть*, а не к *помолча* (что, конечно, гораздо лучше по смыслу).

2) *Самъ напсахъ, и оконо тако молваше:* «*Ц^сригородѣ, рече, толко въ лентыи станеть, коли мажеть и мюромъ, а масломъ, рече, не мазати*» (ст. К 10). Перевод: ‘[Это] я сам написал, а он как будто так говорил: «В Царьграде, мол, [новокрещеный] только полотенцем обернется, когда его мажут миром, а маслом, мол, не мазать»’.

3) *Се рѣхъ:* «*Како то о[ко]но бесъ крове ѹимати?*» — «*И наквани, рече, ложскою исъ потиря, когда ѹимана*» (ст. К 15; *оконо* — из параллельных списков; в основ-

ном списке ошибочно *одино*). Перевод: 'Я сказал: «Как же это как бы без крови [себе] набирать?» — «А накапай, говорит, ложкой из чаши, когда набираешь»' (речь идет о приготовлении к евхаристии).

В Балашовской кормчей XVI в. в этом примере вместо *окно* выступает вариант *оконе*: (*Како то оконе бесь крове отимаеть?*», см. Слов. XI–XVII, 12: 335). О вариантах на *-не* у слов с частицей *-нъ/-но* см. подробнее ниже.

В особой редакции «Вопрошания» в этом же примере вместо *окно* выступает *яко* (*Како то яко бес крови ѿнимати?*», см. Смирнов 1912: 20, ст. 26).

Параллелизм частиц *нъ* и *ни*

§ 4. Для дальнейшего разбора нам потребуется рассмотреть ту особенность частицы *нъ/но*, что в качестве ее эквивалента в ряде случаев может выступать другая частица — *ни*.

Во-первых, у союзов *ольно* 'когда', 'до тех пор пока', 'вплоть до того что', 'даже' и *нольно* (те же значения) имеются варианты *ольни* и *нольни*. Правда, в данном случае вариантность не ограничивается только элементами *-но* и *-ни*: имеются также варианты с *-на* (*ольна*, *нольна*) и *-ны* (*ольны*, *нольны*). Изредка встречаются также *ольне*, *нольне* и *нольня*; по-видимому, это не что иное, как *ольно*, *нольно* и *нольна* с мягкостью *н*, перенесенной из *нольни*. Варианты с *-ны* скорее всего тоже не первичны, а возникли в силу такой же контаминации *-но* и *-ни*, только с обобщением твердой, а не мягкой согласной. Таким образом, безусловно самостоятельными здесь являются только варианты с *-но*, *-ни* и *-на*.

Во-вторых, *ни* может выступать в той же роли, что *нъ/но*, в сочетаниях с обобщающим значением.

Так, во фразе *гдѣ но боудет կр(ъ)иџајемыи* (из Новгородской кормчей) в других списках стоит *ни* вместо *но*.

В соответствии с фразой *кде кнѧзѧ но налѣзоуть* (из Ипат.) в Лавр. (л. 102 об.) стоит *кдѣ си кназа ни налѣзуть*.

Особенно интересны примеры с *ни* из Строевского списка Псковской 3-й летописи (XVI в.), где *ни* явно примыкает к предшествующему *гдѣ*, *кто* и т. п. (т. е. выступает как энклитика), будучи отделено от глагола другим словом:

Понеже николи не бывало от князей великих ни от королевъ, колко ни их бывало в Литовской земли, кото-рѣи ни есть великое княжение дръжяли ([1471], л. 139 об.; во 2-м Архивском списке *колке их ни бывало*).

Только ко мнѣ своего боярина с листомъ о коемъ ни князи прислете ([1472], л. 150 об.; во 2-м Архивском списке *о коемъ князи ни прислете*).

Подворье имъ ослобонили ..., гдѣ ни каторому боудет пригоже ([1473], л. 160).

А кого ни к вам о своих дѣлех прислю, и вы бы есте мене слоушали ([1476], л. 171; во 2-м Архивском списке *ни* просто опущено).

Как можно видеть, в Строевском списке отражен более древний вариант — с энклитическим *ни* (в современном языке полностью отсутствующий), тогда как 2-й Архивский список (XVII в.) обычно дает уже такое же проклитическое *ни* (примыкающее к последующему глаголу), которое свойственно современному языку.

Параллелизм частиц *но* и *ни*, выявленный в древних памятниках, в некоторых говорах (в основном северно-великорусских) прослеживается и поныне. Так, в СРНГ (21: 215) находим: -*ни* частица, вторая часть неопределенных местоимений и наречий ('-нибудь'): *куды-ни, сколько-ни, где-ни, кто-ни, как-ни* Олон.; *Погляди, говорят, может, зацепило где-ни* Арх. Ср. еще *гдѣ-ни* 'где-то, где-нибудь' (Арханг. обл. слов., 9: 59); *какой-ни*

‘какой-нибудь, любой’ Олон., КАССР, Новг., Ленингр. (СРНГ, 12: 331); *куды́-ни* ‘куда-нибудь’ Заонеж., Олон., Север., Ленингр. (СРНГ, 16: 17). Также в относительном значении: *Как ни можно потолице напряди* Том. (СРНГ, 21: 212).

С другой стороны: *какой-но* ‘какой’ Арх. (*Какой-но народ, откуль?*; СРНГ, 12: 331); также с дополнительной частицей *и* перед *но* — *где́-ино* (*где́-йно, где́-нно*) ‘где’, ‘где-то’ (Арханг. обл. слов., 9: 56, 60); *кто́-ино* (*кто́-йно*) ‘кто, кто это’ Вят., Коми АССР, Печор. (СРНГ, 15: 374); *куды́-ино, кудá-йно* Перм., Печор. (СРНГ, 15: 396; 16: 17). Ср. также выше о северновеликорусских примерах типа *Право-но, Сырые-но дрова-те*.

И устойчиво сохраняется древний параллелизм в *а́льнó – а́льní и а́жнó – а́жníк* (с добавлением частицы *-к* из *-ко*), см. СРНГ, 1: 210, 213, 245, 246. Как и в древности, твердость–мягкость *н* (а иногда и *л*) в этих комплексах неустойчива, т. е. имеются также вторичные варианты *альнё, алны́, а́жны́* и др.

Замечание. Поскольку нас интересует в данной работе прежде всего параллелизм частиц *но* и *ни*, мы рассматривали выше только их. Но, по-видимому, и третий член ряда *но – ни – на*, наглядно представленного в *ольно – ольни – ольна* и *нольно – нольни – нольна*, тоже мог выступать в тех же функциях (praslav. **na* и **no* соотносились так же, как *-ка* и *-ко, да* и *до, даже* и *доже, ати* и *оти, аче* и *оче* и т. п.). Правда, примеров такого *на* в свободном употреблении мы указать не можем; но в застывших комбинациях с другими частицами оно встречается. Одна из таких комбинаций сохранилась даже в литературном языке: это *что ни на есть*, *какой ни на есть* и т. д.⁵² Здесь *ни на* первоначально было

⁵² Идея возведения современного *что ни на* к *чъто* в соединении сразу с двумя частицами рассматриваемой группы принадлежит И. Б. Иткину и А. А. Гиппиусу; она родилась у них во время обсуждения моего доклада о поправках к чте-

таким же соединением близких по значению частиц, как, например, *же ведь* во фразах типа *Я же ведь этого не знал*. В говорах круг такого рода реликтов шире: ср. *-набудь* частица ‘-нибудь’ Олон. (СРНГ, 19: 137), *-нинабудь* частица ‘-нибудь’ Вят., Арх., Перм., Том. (СРНГ, 21: 236), *где-набудь* и *где-нинабудь* ‘где-то, где-нибудь’, *где-нато* (в роли подтверждающей частицы; Арханг. обл. слов., 9: 59), также *ажнак* ‘так что, даже’ (с дополнительным *-к* из *-ко*) (там же, 1: 64). Существенно, что это примеры из окающих говоров, так что различие между *но* и *на* здесь не теряется.

Итак, местоимения и наречия из ряда *къто*, *чъто*, *какыи*, *къде*, *куды*, *къгда*, *како* (равно как *оли*, *ноли* и некоторые другие) активно сочетались с частицами *-но* и *-ни*, причем эти частицы в таких сочетаниях практически синонимичны.

Слово *око* — синоним слова *како* и должно было входить в тот же ряд. И действительно, сочетание с *но* для него непосредственно засвидетельствовано: *оконо* ‘как бы’. Исходя из вариантности *-но* и *-ни* в сочетаниях этого ряда, мы имеем все основания предполагать, что существовал также и вариант *окони*.

Такое предположение существенно подкрепляется также тем, что у *оконо* засвидетельствован вариант *оконе*, явно однотипный с вариантами *ольне* и *нольне*. Подобно *ольне* и *нольне*, этот вариант вероятнее всего объясняется как результат контаминации *оконо* и незасвидетельствованного **окони*⁵³.

ниям СПИ в московском Институте славяноведения 20 января 2004 г. Но их предположение о том, что *что ни на* — это просто акающая запись для *что ни но*, пришлось отвергнуть после проверки материала окающих говоров.

⁵³ Заметим, что ввиду наличия формы *оконе*, где *не* стоит после гласной, необходимо отвергнуть предположение о том, что *не* в *ольне* и *нольне* — это результат прогрессивной ассимиляции под влиянием *ль*.

Вариант окони

§ 5. После того как предшествующий разбор показал возможность и даже значительную вероятность существования варианта *окони* у слова *оконо*, мы можем рискнуть предложить новое истолкование для одного из мест в тексте СПИ, которое до сих пор остается откровенно загадочным.

Речь идет об отрезке *о кони* (или *окони*) во фразе о Всеславе полоцком (обсуждаемый отрезок записываем так, как это сделано в СССПИ): *Тъй клюками подпръся о кони (окони?) и скочи къ граду Кыеву, и дотчеся стружсіемъ злата стола киевскаго* 154.

Все предлагавшиеся переводы этого непонятного места в той или иной мере гадательны и сопряжены с различными смысловыми и/или грамматическими настяжками. Как сказано в резюме ЭСПИ (3: 45), оно «остается неясным как по своей грамматической структуре, так и по смыслу». В некоторых переводах в соответствии с *о кони* честно ставится многоточие; ср. перевод О. В. Творогова (ПЛДР XII: 383): «Тот хитростью поднялся... достиг града Киева и коснулся копьем своим золотого престола киевского».

Не разбирая все эти варианты подробно (см. СССПИ, 2: 189–190; 4: 27), отметим лишь, что *клюка* переводится в разных версиях как ‘хитрость’, как ‘палка, клюка’ или как ‘бедро, ляжка’, *о кони* — как ‘о коня’ или ‘о коней’ или, в чтении *окони*, как аорист от незасвидетельствованного глагола **оконити* ‘сделать конным’ (или даже от **оконитися* ‘сделаться конным’, ‘сесть на коня’, с потерей *ся* или с одним *ся* на два глагола — *подпръся и ся окони*). (Об еще одной версии перевода для *окони* см. ниже сноска 54.)

Из переводов, не предполагающих буквенных исправлений в тексте СПИ, наиболее распространены та-

кие, где фигурирует конь или кони; таков, в частности, перевод Д. С. Лихачева (Изборник 1986: 90): ‘Он хитростями оперся на коней и скакнул к граду Киеву’.

Немедленно возникает немалая трудность, состоящая в том, что *конь* всегда называется в СПИ *комонь* (6 раз) и только в этом месте — почему-то *конь*.

Другая, не меньшая трудность состоит в том, что глагол *подпереться* и по значению и по управлению отличается от глагола *опереться*. Подпереться можно чем-то — скажем, клюками или хитростями; но нельзя подпереться обо что-то (и тем более о чем-то). Обо что-то или о кого-то (скажем, о коня) можно только опереться. Между тем во всех переводах буквальное ‘подпершись’ подменяется насильственным ‘опершись’. Тут можно, конечно, возразить, что в древнерусском и значение и управление этих глаголов могли быть не совсем такими, как теперь. Однако решительно никаких свидетельств этого нет: это типичная гипотеза *ad hoc* для спасения сомнительного перевода.

И при этом смысл, полученный с помощью описанной натяжки: ‘он хитростями оперся о коней’ — сам по себе настолько темен, что непонятно, ради чего стоило идти на натяжки. Приходится над этим гипотетическим переводом надстраивать второй этаж гипотез относительно того, что бы это могло реальнозначить.

Другой путь состоит в том, чтобы в этом темном месте какие-то буквы исправить. Так, Р. Якобсон (1948: 182–183) меняет *о кони* и на *о ко(n)ии* и переводит: «Уловкой опершись о копье, он прыгнул к Киеву-граду и задел было древком Киевский златой престол». Но в этой версии мы снова находим ‘опершись’ вместо ‘подпершись’ и, что еще неприятнее, с управлением *о чём* (так как *о копии* — это локатив). И почему такой простой жест, как опереться о копье, пришлось делать с помощью уловки, остается, как и прежде, неясно.

Столь вольный ход, как замена буквы, может быть оправдан лишь там, где он дает безупречную по смыслу и по грамматике фразу; но в данном случае такого результата явно не достигается.

Наше предположение состоит в том, что *окони* — это и есть тот не засвидетельствованный другими памятниками вариант слова *оконо* ‘как бы’, ‘как будто’, о котором речь шла выше⁵⁴.

При такой интерпретации фраза СПИ буквально означает: ‘Хитростями (т. е. волшебными чарами) (или: клюками, палками, шестами) как бы подпервшись, он скакнул к граду Киеву и коснулся древком копья золотого престола киевского’.

Можно быть уверенным, однако, что автор прекрасно чувствует двузначность слова *клюками* (‘хитростями’ и ‘клюками’) и играет ею. Отсюда возникает более сложный смысл — приблизительно: ‘волшебными чарами будто клюками подпервшись, он скакнул...’. Вырастает образ гигантского скачка — от Полоцка до Киева, — похожего на прыжок с шестом, где шестом служит волшебная сила Всеслава.

Синтаксис тоже прост: у *подпръся*, как этому глаголу и положено, всего одна валентность на дополнение — ‘чем’. Позиция слова *окони* по отношению к глаголу *подпръся* — точно такая же, как позиция *оконо* по отношению к *њсть* в первом примере из «Вопрошания

⁵⁴ Мысль о возможной связи данного места СПИ со словом *оконо* высказана уже в работе Виноградова 1985. Но В. Л. Виноградова исходила из бытовавшего в лексикографии ошибочного представления о значении и морфологической структуре слова *оконо* (см. об этом выше, § 3), поэтому предложенные ею новые переводы (‘подперся сначала’ или ‘подперся только’) оказались не более удачными, чем прежние.

Кирикова» и по отношению к *видѣхъ* в примере из Ипатьевской летописи. Союз *и* перед *скочи* после причастной конструкции⁵⁵ точно соответствует нормам древнего синтаксиса.

Как уже указано в статье «Аргументы...» (§ 4), в дискуссии о подлинности или поддельности СПИ реинтерпретация темных мест должна расцениваться лишь как второстепенный, относительно слабый аргумент. Но после того, как мы уже видели, что в балансе наиболее весомых свидетельств бесспорно перевешивает чаша подлинности, могут приобрести дополнительный смысл и те или иные интерпретации неясных мест. В данном случае выводы о последних двух из обсужденных выше мест явно ложатся на чашу подлинности. В самом деле, если верен наш анализ, то в тексте СПИ обнаружено еще два элемента (частица *нъ* в свободном употреблении и наречие *окони*), которые были актуальны лишь для памятников раннедревнерусского периода, употреблялись крайне редко и были неизвестны филологам не только XVIII, но и XIX–XX веков. Чтобы суметь вычленить эти слова из древних памятников и правильно включить их в свой текст, фальсификатор, если он существовал, должен был, в дополнение к остальным своим лингвистическим открытиям, осуществить еще два частных лингвистических достижения, опережающих его время на два века.

⁵⁵ О том, что *подпрѣся* — это причастие, а не утративший *л* перфект, см. «Аргументы...», § 30.

О НЕСКОЛЬКИХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ РАБОТАХ ПРОТИВНИКОВ ПОДЛИННОСТИ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

§ 1. Ниже рассмотрен цикл работ нескольких немецких и австрийских исследователей, выступивших в 1970-х – 1990-х годах в пользу версии поддельности СПИ, — К. Троста, М. Хендлера и Р. Айтцетмюллера. Нельзя сказать, чтобы эти работы получили сколько-нибудь широкое признание у славистов⁵⁶. И как мы увидим ниже, для этого есть серьезные основания. Но для нас эти работы представляют интерес прежде всего потому, что, в отличие от почти всех прочих сторонников поддельности СПИ, их авторы — лингвисты⁵⁷.

Исследователи этой группы претендуют на то, что их работы переламывают ход давней дискуссии о происхождении СПИ, а именно, окончательно опровергают версию его подлинности. Р. Айтцетмюллер, самый решительный из всех членов этой группы, провозглашает (1977: 27): «Изучение "Слова о полку Игореве" ныне вступает в новую стадию. Теперь, когда уже представляется гарантированным (*gesichert erscheint*), что

⁵⁶ В частности, Э. Кинан (2003) в своем обзоре работ, развивающих тезис о поддельности СПИ, их вообще не упоминает — потому ли, что о них не знает, или потому, что считает их работы недостойными упоминания.

⁵⁷ При этом, правда, работы К. Троста лишь отчасти относятся к лингвистике; значительная часть его аргументации носит литературоведческий характер.

это не оригинальное произведение XII века, вопрос о его происхождении должен быть поставлен заново». А рассуждения своего единомышленника К. Троста, с помощью которых тот обосновывает тезис о Карамзине как авторе СПИ, Р. Айтцетмюллер (1992: 110) характеризует так: «неопровергимо» (*unwiderlegbar*).

К сожалению, авторы этих работ как бы исходят из того, что их аргументы настолько неоспоримы и окончательны, что аргументы в пользу противоположной версии обесцениваются сами собой. Из обширнейшей предшествующей традиции изучения СПИ они не упоминают почти никого. Не делается никаких попыток оспорить давно выдвинутые в ходе этой дискуссии, например, Р. Якобсоном, А. В. Исаченко или Л. А. Булаховским, лингвистические аргументы в пользу подлинности СПИ; такие аргументы просто не упоминаются.

Ниже взяты не все статьи авторов этой группы, посвященные СПИ, а только самые главные; их вполне достаточно для уяснения основных характеристик этого цикла работ.

Важным для нас тезисом этих авторов, с которым мы вполне солидаризируемся, является признание приоритета лингвистических аргументов в вопросе о происхождении СПИ. Так, в Айтцетмюллер 1992 (с. 109) сказано: «Вопрос о том, подлинное или поддельное, XII век или XVIII, может быть решен только на основании языка этого текста». Но, разумеется, здесь существенно прежде всего качество предъявляемых лингвистических аргументов. Ниже мы рассматриваем именно эту сторону проблемы.

Мы можем только приветствовать также тезис М. Хендлера о том, что рассуждение должно опираться на ясные, а не на темные места СПИ (но и здесь существенно то, соблюдается ли этот принцип самим автором).

О статье К. Троста (1974) «Карамзин и "Слово о полку Игореве"»

§ 2. Главный тезис статьи: СПИ сочинил Н. М. Карамзин. О том, каким образом 29-летний Карамзин, только что обративший свои интересы от литературного творчества в сторону истории, мог в 1795 г., за двадцать лет до выхода первого тома его «Истории Государства Российского», приобрести такие фундаментальные познания в древнерусском языке, К. Трост не говорит ничего. Похоже, что ему, подобно Зимину, задача сочинения древнерусского текста, поставленная перед собой автором XVIII века, представляется как чисто стилистическая.

Отвлечемся, однако, от этого и обратимся к филологической стороне его гипотезы. Аргумент Троста ровно один: СПИ написано тем же стилем, что сочинения Карамзина и «карамзинистов»; это карамзинский «новый слог».

В отличие от традиционного литературоведения, Трост берет на себя задачу показать это языком цифр. Важнейшие утверждения, содержащиеся в его статье, таковы.

«Остров Борнгольм» Карамзина (1793 г.) имеет 63,9% предложений, вводимых бессоюзно, — почти столько же, сколько в СПИ.

Общее количественное соотношение союзов *и*, *а*, *но* в тексте СПИ (*и* 83 раза, *а* 55 раз, *но* 6 раз) — точно соответствует их соотношению у Карамзина.

Помимо этих лингвостатистических сведений, даются и собственно литературоведческие характеристики: согласно Тросту, стиль СПИ и стиль Карамзина объединяют анафоры, антитезы, инверсии и аллитерации. Вот пример неслучайного, по убеждению Троста,

сходства между схемами построения абзаца в СПИ и у Карамзина (в «Бедной Лизе»):

Уже снесеся хула на хвалу;
уже тресну нужда на волю;
уже връжеся Дивъ на землю.

*Никогда жаворонки так хорошо не певали;
никогда солнце так светло не сияло;
никогда цветы так приятно не пахли!*

Еще один пример Троста (из Карамзина взяты строчки из «Сиерры Морены»):

*Что ми шумить,
что ми звенить*

*Что есть жизнь человеческая?
что бытие наше?*

Приводимые Тростом данные производят некоторое впечатление. На Р. Айтцетмюллера — даже такое сильное, что, как уже отмечено выше, он оценил все это построение как «неопровергимое».

Однако при более близком знакомстве это впечатление оказывается гораздо менее благоприятным.

Итак, по Тросту, СПИ по количественным характеристикам стиля совпадает с Карамзиным, из чего следует, что оно просто им и сочинено.

Пусть так. Тогда все схождения СПИ с Задонщиной, естественно, придется объяснять как заимствования из Задонщины в СПИ, произведенные фальсификатором. Разумеется, в отличие от поддельного СПИ, Задонщина, как подлинное произведение XIV–XV вв., не имела никаких шансов быть написанной карамзинским «новым слогом». Иначе говоря, у нее количественные характеристики стиля должны быть совсем иными.

Понятно, что это обстоятельство могло бы сыграть важнейшую роль в системе доказательств Троста. Но оно почему-то упомянуто в его работе чрезвычайно скромно — всего один раз мельком. Приводим это место полностью: «В Задонщине 77% предложений вводится с помощью союзов и относительных местоимений, тогда как бессоюзному паратаксису принадлежат только 23%. Это в точности те количественные соотношения, которые ожидаются для Задонщины как произведения XV века» (с. 136).

Это самый поразительный пассаж во всей работе Троста. Мы не беремся судить, является ли цифра 23% опечаткой, арифметической ошибкой, результатом применения каких-то недопустимых статистических приемов или просто каким-то недоразумением, но утверждаем лишь одно: это грубая ошибка.

Между тем после исправления этой цифры теряет опору основная часть всех дальнейших построений автора.

Начнем с того, что говорить в данном контексте о Задонщине вообще, не уточняя списка (как это делает Трост), — бессмыслица, поскольку ее списки различаются между собой по насыщенности союзами чрезвычайно сильно.

Возьмем самый ранний список Задонщины (КБ, 1470-е гг.) — единственный относящийся к XV в. Вот данные о союзах в этом списке. Если учитывать только целые предложения, то из них: а) 82 вводятся бессоюзно и не имеют частиц *бо*, *же*, *ли*; б) 12 вводятся бессоюзно, но имеют частицу *бо*, *же* или *ли* в составе первой тактовой группы фразы; в) 18 вводятся сочинительным союзом; г) предложений, начинающихся с подчинительного союза или с относительного местоимения (или наречия), нет. Если же учитывать также и

группы однородных сказуемых и группы деепричастий, то цифры таковы: а) 111; б) 12; в) 28; г) 5.

Совершенно очевидно, что каким бы хитроумным способом ни производились подсчеты, ничего даже отдаленно похожего на цифру 23% для случаев бессоюзия при этих данных получить невозможно. Коэффициент бессоюзия, вычисленный по методике из § 30 нашей статьи «Аргументы...», в этом списке равен 73%.

Другие списки, более поздние, имеют не столь высокий коэффициент бессоюзия: С — 60%, И-1 — 57%, У — 36%. Но даже и последний из них имеет все-таки не 23%, а в полтора раза больше.

Вот несколько иллюстраций, которые позволяют непосредственно ощутить, сколь активно применяется в Задонщине бессоюзие:

*На Москвѣ кони ржут, звѣнит слава по всем земли
Рускои, в трубы трубят на Коломнѣ, в бубны бьют в
Серпугове, стоят стяги у Дунаю Великого на брезѣ,
звонять в колоколы вѣчные в Великом Новегородѣ.
Стоят мужи новгородцы у Софѣи премудрые (У).*

*Птицы небесныя пасущеся то под синие оболока,
ворони граютъ, галици свои рѣчи говорять, орли вос-
клечютъ, волци грозно воютъ, лисицы часто брешиютъ,
чаютъ победу на поганыхъ (КБ).*

*Черна земля под копыты, костыми татарскими
поля настѣяша, кровью земля пролита. Силнии полки
съступалисъ вмѣсто, протопташа холми и лугы,
возмутисъ реки и езера. Кликнуло диво в Рускои
земли, велит послушати розънымъ землям. Шибла
слава к Желѣзнымъ вратом, к Риму и к Кафы по морю,
и к Торнаву, и оттоле к Царюграду, на похвалу: Русь
великая одолѣша Мамая на полѣ Куликовѣ (И-1).*

Таким образом, заявление Троста о том, что Задонщина в отношении бессоюзия является обычной для XV века картиной, не имеет ничего общего с действительностью. Например, «Сказание о Мамаевом побоище» имеет коэффициент бессоюзия 14%, «Хожение за три моря» Афанасия Никитина — 14,5%.

Вопрос о бессоюзии в Задонщине подробно рассмотрен нами выше в статье «Аргументы...», причем показано, что по-настоящему информативным здесь является не суммарный подсчет, а раздельный — по пассажам, параллельным СПИ, и по остальным. Отсылаем к § 30–33 этой статьи.

Теперь о количественном соотношении союзов *и*, *а*, *но* в СПИ, которое, по утверждению Троста, «точно соответствует» их соотношению у Карамзина.

В действительности у В. В. Виноградова (1941: 288), на которого ссылается Трост, сказано: «чаще всего с *и*, реже с *а* и еще реже с *но*». Так что соответствие, о котором говорит Трост, отнюдь не «точное»; оно касается всего лишь того порядка, в котором эти союзы стоят по частоте.

Но тогда уж посмотрим, что покажет в этом отношении Задонщина. Вот результат:

Список КБ	<i>и</i> 28	<i>а</i> 12	<i>но</i> 0
Список У	<i>и</i> 180	<i>а</i> 75	<i>но</i> 5
Список И-1	<i>и</i> 93	<i>а</i> 50	<i>но</i> 5
Для сравнения: СПИ	<i>и</i> 83	<i>а</i> 55	<i>но</i> 6

Снова выходит, что сходство с карамзинским «новым слогом» обнаруживает не только СПИ, но и Задонщина: по параметру, который выбрал здесь Трост для подкрепления своего тезиса, Задонщина решительно ничем существенным не отличается от СПИ.

Замечание. Любой здравый лингвист здесь, конечно, спросит: а разве в таком порядке по частоте (*и — а — но*) есть хоть что-нибудь оригинальное, отличающееся от стандарта? И легко получит ответ: абсолютно ничего оригинального. Вот данные из Частотн. слов. 1977: *и* — 36266, *а* — 10719, *но* — 5176. Сходство между СПИ и Карамзиным, которое нам здесь предъявил Трост, полезно для доказательства авторства Карамзина ровно в такой же степени, как их сходство, скажем, в том, что они оба употребляют кириллицу. Так что наши подсчеты по Задонщине, вообще говоря, можно было бы и не проводить — это не более чем ответ Тросту на его собственном языке.

Коснемся также сходства между схемами построения абзаца в СПИ и у Карамзина. Некоторое сходство в самом деле есть. Но вот только автор совершенно упустил из виду, что с точки зрения его цели предельно неудачно — можно сказать, самоубийственно — предлагать читателю такие фразы из СПИ, которые имеют прямые аналоги во фразах Задонщины, а то и просто совпадают с ними. Ср.:

Уже жены Рускыя въсплескаша татарьским златомъ. Уже <по> Рускои земли простреся веселье, и възнесеся слава Руская на поганых хулу. Уже веръжено диво на землю. Уже грозы великого князя по всеи земли текуть (Задонщина, И-1).

Что шумит, что громит (Задонщина, И-1; можно и продолжить: рано пред зарями — такое же продолжение есть и в СПИ: давечя рано пред зорями).

Что же следует из всех этих фактов для теории Троста? Очевидно, одно из двух: либо Задонщина точно так же сочинена Карамзиным, как и СПИ, либо приводимые Тростом количественные оценки стиля СПИ, совпадающие с «новым слогом» Карамзина, не имеют

никакой доказательной силы на суде над Карамзиным как подозреваемым фальсификатором.

Очередной раз «импрессионистический» подход («ведь похоже же! похоже!»), увы, часто практикуемый в стилистике, хоть он и прикрыт здесь статистическим флером, оказался лишенным доказательной силы. Заметим, что это весьма нелестно также и для общей доказательности стилистических и литературоведческих построений. Ведь вот теперь выяснилось, что у Задонщины и у карамзинского «нового стиля» предложенные Тростом количественные показатели, которым он приписывает решающее значение в определении авторства, вполне сходны. А поскольку всё же едва ли кто поверит, что Задонщину написал Карамзин, то выходит, что в сфере подобных занятий пока еще мало что известно о том, что́ служит, а что́ не служит доказательством авторства.

Замечание. Это не единственный случай, когда сторонники поддельности СПИ в своих рассуждениях просто забывают о существовании Задонщины. Так, в пользу старой идеи о зависимости СПИ от песен Оссиана приводились, например, такие параллели: у Оссиана (в переводе Е. И. Кострова, опубликованном в 1792 г.; цитируем по работе Монсенкис 2006: 190–192) *синяя молня* — в СПИ *а въ нихъ трепещутъ синіи млынії*; у Оссиана *воздвигну я копіє с такої крѣпостью и мужествомъ* — в СПИ *иже истягну умъ крѣпостю своею, и поостри сердца своего мужествомъ*; у Оссиана *мутныя рѣчныя воды катятся въ узкой долинѣ* — в СПИ *рѣкы мутно текуть* (также *взмути рѣки и озера*). Эти аналогии действительно впечатляют — но только до того момента, пока мы не сличим эти фразы СПИ с Задонщиной, так как мы находим те же самые выражения и здесь: *а из нихъ пають синие молны* (КБ); *стяжав умъ свои крѣпостию, и поостриша с(е)рдца своя мужеством* (И-1); *возмутис(я) реки и езера* (И-1). Из этого неожиданного сходства между Оссианом в переводе Кострова и Задонщиной можно

заключить, что, вопреки первому впечатлению, подобные совпадения словосочетаний далеко не обязательно свидетельствуют о прямой связи двух памятников (поскольку гипотеза о заимствованиях в Задонщину из перевода Кострова или наоборот, мягко говоря, неправдоподобна). Ясно, что совершенно независимо от того, как решается вопрос о происхождении этого сходства, гипотеза о заимствовании этих выражений фальсификатором XVIII века (который не мог не использовать Задонщину) у Оссиана становится бессмысленной.

Если же выбросить из работы Троста все то, что основано на статистических подсчетах, то остаются только традиционные литературоведческие аргументы — сходства литературных приемов и построений (нередко весьма приблизительные), про которые невозможно сказать с полной определенностью, могут или не могут они возникать под пером независимых друг от друга авторов. Мы снова перед лицом той вольной игры мнений, когда один читатель скажет: «Да, много впечатляющих сходств! Пожалуй, и правда, один и тот же автор!», а другой: «Да, много сходств! Но ведь эти приемы встречаются в самых разных произведениях. Почему непременно один и тот же автор?».

Для нас существенно одно: претензия Троста на то, что он на основе лингвистического анализа (а именно, лингвостатистики) показал авторство Карамзина, полностью провалилась.

О статье К. Троста (1982) «Германизмы в "Слове о полку Игореве"»

§ 3. В статье утверждается, что в СПИ выражения *другого дни, третьяго дни, на слѣду* (во фразе *На слѣду Игоревѣ ъздитъ Гзакъ съ Кончакомъ*), *крычать* (в *крычать тѣлѣгы*) — это кальки с немецкого, возникшие под пером знающего немецкий язык фальсификатора конца XVIII века.

Перескажем схему рассуждения Троста, цитируя ряд звеньев дословно, поскольку их произвольность и неправдоподобие таковы, что иначе читатель может заподозрить нас в клевете (подчеркивание в цитатах мое. — A. 3.). По Тросту, словосочетание *третьяго дне* возникло путем устранения (*Eliminierung*) предлога *пръвѣ* в выражении *пръвѣ третьяго дне*, которое является калькой с греч. πρὸ τῆς τρίτης ἡμέρας. «Подобным же образом, по-видимому, возникло и русское *сегодня*» (с. 27); а именно, в древнерусском не было сочетания *сего дьне*, а имелось только выражение *до сего дьне* (тоже, впрочем, не свое, а скользкированное с греч. ἕως τῆς σήμερον 'до сегодняшнего дня'). В дальнейшем в нем был устранен предлог *до* и получилось нынешнее *сегодня*. Таким образом, по Тросту, *сего дьне* «никоим образом не удостоверяет славянского генитива времени». Но в греческом не было сочетаний, соответствующих *другого дни, третьяго дни*. «Поэтому беспредложные синтагмы *другого дни, третьяго дни* в СПИ не могут быть объяснены ни как славянские генитивы времени, которых как таковых не существовало, ни как кальки с греческого. Они однозначно (*eindeutig*) указывают на конец XVIII в. Ибо в XVIII и начале XIX в. в русском языке развился генитив времени, который выражал не только длительность во времени, но также и временную точку. Этим русский язык освободился от

греческого образца, который вплоть до XVII в. включительно был определяющим. Возможно, однако, стало активным немецкое влияние. Именно его следует предполагать в обоих примерах из СПИ» (с. 27). А несколькими строчками ниже эти скромные «возможно» и «следует предполагать» уже позволяют автору заявлять с полной решительностью: *третьяго дни* в СПИ может быть «только отчуждающим (verfremdende) образованием по образцу немецкого генитива времени».

Ну и, конечно, в заключении статьи мы читаем, что нововыявленные германизмы, наравне с другими подобными фактами, «документируют» принадлежность СПИ к карамзинскому «новому слогу» (иначе говоря, подтверждают его поддельность).

Трудно представить себе более эффективный способ скомпрометировать работу лингвистов. Тут безосновательно почти всё.

Для достижения своей цели автору совершенно необходимо, чтобы в древнерусском не было словосочетаний *сего дъне* или *третьяго дъне* (во временнóм значении). Для этого он даже почти готов утверждать (а может быть, и просто утверждает — его формулировки тут не совсем ясны) тот очевидный абсурд, что в древнерусском якобы вообще не было генитива времени — и это при бесчисленных *того же лѣта, сего же мѣсяца, тою зимы, върбиноѣ недѣлѣ* и т. п. во всех древних летописях.

Совершенно произвольна трактовка выражений *до сего дъне* и *сего дъне* как синонимичных. Ни сейчас, ни в древности их значение не было одинаковым. Многократно встречающиеся в летописях фразы типа *и есть могила его въ пустыни и до сего дъне* означают, конечно, не 'могила есть сегодня', а 'могила существовала все предшествующее время и сохраняется до сих пор'. В подобных контекстах значения 'до сегодня' и 'сего-

дня' действительно сближаются, но это никоим образом не означает, что они сливаются в языке вообще.

Не менее произвольна версия об утрате предлога в сочетаниях с предлогом: ничего подобного история русского языка не знает. Известны только случаи обратного рода — типа замены *Новѣгородѣ* на *въ Новѣгородѣ*; вообще в русском языке с ходом времени количество предлогов в тексте увеличивается, а не уменьшается. И уже откровенно фантастической является версия о том, что *третьего дня* — это результат «устранения» слова *первѣ* в выражении *первѣ третьего дня*.

А теперь приведем некоторые примеры генитива времени из памятников: *сего же днѣ разделишасѧ воды* (Лавр. [988], л. 28 об.); *того же днї въ недѣлю радость быс велика* (Ипат. [1177], л. 212); *того же днї бишишасѧ всъ днъ, алиѣ до нощи* (Ипат. [1213], л. 250); *и се быс адинъ бои первого днї на болонъи* ([1174], л. 204); *адиного днѣ быста подъ градомъ* ([1245], л. 268); *а адному пособнику адного дни за 2 арудиа не таагатса* (Псковская судная грамота, ст. 71); *а сеѣ ночи како ны Бѣ дастъ поѣдемъ* (Ипат. [1150], л. 150 об.); *и второѣ нед(ѣ)ли вступиша всъ градъ Киевъ* ([1171], л. 194); *и по томъ по малѣ времени бысть знамение в лоунѣ месяца сентября* (Строев. [1272], л. 9); *третикуго лѣ(ma)* 'в позапрошлом году' (берестяная грамота № 249 конца XIV в.).

Небезынтересно, кстати, что самые близкие к СПИ примеры (*первого днї*, *второѣ недѣли*) нашлись в Ипат., т. е. в памятнике, с которым СПИ, как хорошо известно, тесно связано.

После предъявления этих примеров никаких специальных объяснений для сочетаний *другаго дни* 43 и *третьяго дни* 70 в СПИ уже не требуется: вопреки исходному утверждению Троста, они попросту вполне соответствуют древнерусским нормам. И сочетание

сего (же) *дъне* тоже благополучно присутствует в летописи. Шестиэтажная пирамида объяснений нагорожена автором на пустом месте.

Генитив времени с участием числительного может отражать счет времени как вперед, так и назад. Так, *первого дн̄и* в Ипат. отражает счет по ходу времени: 'в первый день (сражений)'; ср. *и приступаху по всѧ дн̄и* в продолжении того же рассказа. Напротив, *третиєго лѣ(та)* в грамоте № 249 отражает ретроспективный счет. Современный язык сохранил за выражением *третиєго дня* только ретроспективное значение, закрепив противоположное значение за другим выражением — *на третий день*. Но потенциальная амбивалентность подобных обозначений времени прослеживается в некоторых других выражениях, например, *на днях* (*на днях встретил старого приятеля и на днях мы переезжаем*). Показательно, что и в этом пункте примеры из СПИ оказываются сходными с примером из Ипат.

Наш автор, однако же, предпочитает объяснять *третиєго дни* в СПИ не на основе примеров из Ипат., а на основе немецкого *des dritten Tages* 'на третий день'. Впрочем, если он и без того уже знает, что автор текста СПИ — Карамзин, то это даже почти естественно.

Сама проблема выражений *другаго дни* и *третиєго дни* этим исчерпывается. Но мы хотели бы все же еще раз обратить внимание читателя на логическую структуру построения К. Троста.

От словосочетаний *другаго дни* и *третиєго дни* в СПИ до конечного результата (подтверждения поддельности СПИ) ведет цепочка, содержащая полдюжины звеньев. Неверно уже первое звено (утверждение, что эти словосочетания не существовали в древнерусском) — чего совершенно достаточно, чтобы всё оставшееся уже не имело ровно никакого смысла. Заметим все же, что и все прочие «этажи» конструкции — как

бы выразиться помягче? — гипотетичны; логические связи между ними весьма далеки от того, чтобы из одного с необходимостью вытекало другое.

И что же? А то, что автор не как-нибудь, а на неумолимом языке логики сообщает нам, что его данные однозначно (!) указывают на конец XVIII века; что *третьяго дни* может объясняться только (!) как калька с немецкого.

Прочие «германизмы» можно было бы после этого уже и не разбирать: сам автор говорит о них скороговоркой. Они стоят ровно того же. Заметим, что эти же самые отрезки Мазон объявлял галлицизмами.

Так, *на слѣду* во фразе *На слѣду Игоревѣ ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ* 200 оказалось германизмом, потому что, по мнению Троста, русский человек, если уж он употребил здесь предлог *на*, то должен был бы сказать *на слѣдъ*; фальсификатор же якобы попал под влияние немецкого синтаксиса (*auf der Fährte*) и поставил *на слѣду* (с. 26). В действительности *ездит на след* (в значении ‘ездит по следам’) по-русски решительно невозможно, тогда как фраза *ездит на следу* может быть осмысленной, если *на следу* выступает в значении ‘в состоянии погони’, ср. *на следу* ‘в состоянии погони за зверем’ (Орфоэп. слов. 1989: 525). Важный пример: *А были на следу* (такие-то) в акте 1682 г. (Слов. XI–XVII, 25: 76) — здесь, по-видимому, в переносном значении ‘в состоянии поиска (расследования)’.

Заметим, что фраза из СПИ точно соответствует русскому узусу также в выборе между *ѣздить* и *ѣдетъ*: Гзак и Кончак не знают, в каком направлении бежал Игорь, они бросаются то в одну сторону, то в другую. И со словами *на слѣду* хорошо сочетается именно *ѣздить* (тогда как *ѣдетъ на слѣду* неестественно), ср. в современном языке безусловно возможное *ездит на плацу* и крайне неестественное *едет на плацу*.

Венчает дело пример *крычать тѣлѣгы*. В полном согласии с Мазоном Трост заявляет, что это вопиюще неправильная фраза, на которой сочинитель СПИ попался. Только он не готов просто уступить этот ценнейший пример Мазону, который объявил его галлицизмом: Мазон, оказывается, все-таки не смог предъявить аналогичного французского примера из XVIII в. И вот уже пример перехвачен из французских рук в немецкие: *крычать тѣлѣгы* — это, по Тросту, из *es kreischen die Wagen* (*kreischen* — ‘визжать, издавать пронзительный звук’).

Ну что тут сказать? Разоблачители попросту недочитали фразу из СПИ до конца: *крычать тѣлѣгы полуночи, рѣи лебеди роспущени* ‘кричат телеги в полуночи, словно разогнанные лебеди’³⁰. А по отношению к лебедям глагол *кричать* прекрасно известен: ср. *И слышатся лебеди когда кричать* (из Спафария, XVII в., см. СССПИ, 3: 25; отметим, кстати, такое же *кры-*, как в СПИ⁵⁸). Уважаемые ученые мужи, оспаривающие друг у друга честь разоблачения незадачливого автора СПИ, оказались в положении человека, который, например, о фразе *В этом доме двери мяукали, как кошки* говорит: «Фраза неправильная: двери не мяукают».

В целом статью можно оценить лишь как поразительный пример безответственного (но вполне целенаправленного) фантазерства. Однако польза от нее все же есть: из нее видно, что на такую важную для разоблачителей СПИ тему, как германизмы в СПИ, ничего весомее не нашлось.

⁵⁸ Возможно даже, что вариант с *кры-* был в данном значении лексикализован; ср. в СРНГ (15: 262) *крычать* ‘издавать громкий звук (о животных и птицах)’ Новг., Кубан., Урал., Том., Арх. и др., например, *гуси кричат*.

О статье Р. Айтцетмюллера (1977) «Полонизмы в "Слове о полку Игореве"»

§ 4. Р. Айтцетмюллер предъявляет три примера из СПИ, которые, по его утверждению, представляют собой несомненные полонизмы.

Первый — слово *въсражать* во фразе *Вльци грозу въсражать по яругамъ* 31; ср. польск. *srożyć się* 'свирепствовать, неистовствовать'.

Из признания *въсражать* полонизмом Айтцетмюллер делает вывод, что СПИ написано не ранее XVII века. Он не знает о том, что на четверть века раньше о возможных польских истоках слова *въсражать* писал Л. А. Булаховский (1950: 466) (который, однако же, никаким образом не выводил отсюда позднего характера СПИ). И украинский пример XVII века, упоминаемый Айтцетмюллером (*сражается и звѣрове...*), нашел он же.

Конечный вывод Айтцетмюллера, однако, по нескольким причинам никак нельзя признать обязательным.

Во-первых, перед нами так называемое «темное место»: конкурируют несколько различных его интерпретаций. В частности, предлагались конъектуры *въсрощать* 'орошат, разозляют' и *ворожать*. Следует, впрочем, признать, что и с нашей точки зрения решение Булаховского (заново найденное Айтцетмюллером), при котором *въсражать* (из *въс-сражать*) интерпретируется как невозвратное соответствие (осложенное приставкой) к польскому *srożyć się*, имеет больше шансов оказаться верным, чем эти конъектуры.

Во-вторых, *въсражать* вместо ожидаемого *въсоро-жать* на восточнославянской почве далеко не так невозможно, как полагает Айтцетмюллер. Метод, которым Айтцетмюллер отверг рефлекс *-ро-* вместо *-оро-*: не нашел ни одного такого примера в Усп. сб., — мягко говоря, ненадежен. Такие примеры (*срочъкъ* 'сорочок',

погродье ‘погородье’ и т. п.) есть в берестяных грамотах и в целом ряде древних рукописей, см. ДНД₂, § 2.6.

В-третьих, даже если это действительно заимствование из польского, ни из чего не вытекает, что такое заимствование могло произойти только начиная с XVII в. Контакты восточного славянства с Польшей бывали иногда более, иногда менее тесными, но не прерывались ни в какой момент. Русские летописи (ПВЛ, Киевская, Галицко-Волынская) постоянно отмечают случаи участия (преимущественно военного) поляков в русских делах и наоборот. Таким образом, заимствование в принципе может относиться не только к XV–XVI вв. (в этом случае оно могло появиться в тексте при переписке;ср. *грозно воют* и *грозно воюют* в Задонщине в соответствии с *грозу въсрожать* в СПИ, что может указывать на замену чего-то отличного от всех этих вариантов), но даже и к XI–XIII вв. (в этом случае *въсрожжать* могло стоять уже в первоначальном тексте).

Все это означает, что возможность, которую Айтцетмюллер выдает за единственную, — не более чем одна из многих.

Второй и третий примеры — «полонизмы» *спала* (во фразе *Спала князю умь похоти и жалость ему знаменіе заступи* 12) и *запала* (во фразе *Дльго ночь мръкнеть заря свѣтъ запала* 33–34) (знаки препинания сознательно снимаем).

Оба примера выступают в составе мест, интерпретация которых составляет предмет острой дискуссии; в частности, конкурируют версии, исходящие из *пал-* ‘палить, пылать’ и исходящие из *пад-* ‘падать’. Но Айтцетмюллера это не интересует. У него нет никаких сомнений в том, что уж смысл-то этих фраз он отлично понимает, и он с полной решительностью заявляет:

спала и запала — это однозначно (*eindeutig*) несовершенный вид к *съпалити и запалити* (с. 30).

В этом случае, однако, возникают сразу три трудности: 1) ожидалось бы не *спала и запала*, а *спаля и запаля* (от *спаляти и запаляти*); 2) в данном контексте гораздо естественнее совершенный вид, чем несовершенный; 3) если все же вид несовершенный, то ожидался бы не аорист, а имперфект.

Казалось бы, этого уже достаточно, чтобы усомниться в своей исходной посылке. Но подобная самокритичность не в духе данной работы. И Айтцетмюллер находит гораздо более выигрышное решение — все три трудности он относит не на свой счет, а на счет автора СПИ: *спала и запала* вместо *спаля и запаля* объясняются как заимствования из польского, а пункты 2 и 3 — как свидетельство того, что нетвердый в древнерусском языке сочинитель СПИ не совладал с видами и временами. И то, и другое как нельзя лучше подтверждает основной тезис автора: СПИ — поздняя подделка.

Рассмотрим версию о «полонизмах».

Истолкованию словоформ *спала* и *запала* как полонизмов очевидным образом мешают: 1) укр. *палáти* ‘пылать’ и производные — *спалáти, запалáти, роспалáтися, опалáти, попалáти, перепалáти, пропалáти* (Гринченко); то же и в белор.: *палáць, запалáць, адпалáць, распалáцца* (ТСМБ); 2) др.-р. *палати* ‘пылать’, *распалати* (Срезн.). От них Айтцетмюллеру необходимо как-то избавиться.

Это делается с завидной прямолинейностью. Из украинских слов Айтцетмюллер упоминает только *спалати* и *запалати* и говорит о них ровно одну фразу: «Не может быть никакого сомнения (*es kann kein Zweifel bestehen*), что мы имеем здесь дело с полонизмами,ср. польск. *spalać* и *zapalać* (*zapałać*)» (с. 30).

Помимо способа аргументации, эта фраза замечательна своей, мягко говоря, неаккуратностью. *Spalać* и *zapalać*, с их мягким *l*, никак не могли бы дать украинских *спалати* и *запалати*. И польские *zapalać* и *zapałać* — не только не варианты, но даже не синонимы: *zapałać* — ‘зажигать’ (несов. вида), а *zapalać* — ‘запылать’ (сов. вида).

И Айтцетмюллер не замечает простейшего противоречия в своем объяснении *спала* и *запала* в СПИ из польского: если *запала* — несовершенный вид (а это, как мы уже знаем от него, «однозначно»), то ему в польском соответствует *zapalać* (с мягким *l*), а не *zapałać*. И тогда польское влияние, если оно было, никак не может быть ответственным за твердое *l* в *запала*; оно могло бы только поддержать то самое *запаля*, которое ожидается исходя из *запалати*. В своей небрежности Айтцетмюллер попросту не дал себе труда разобраться с польскими видами.

Почему украинское *палати* заимствовано из польского *pałać*, а не просто родственно ему, может ответить только интуиция Айтцетмюллера. Никаких внешних признаков заимствования нет. Никаких данных о том, что значение ‘пылать’ до заимствования передавалось здесь как-то иначе, нет. Мощное гнездо производных в украинском говорит о глубокой укорененности слова в языке; то же и в белорусском. Видимо, именно в таких случаях бесценен аргумент «*es kann kein Zweifel bestehen*».

Слово **palati* ‘пылать’, прозрачным образом соотнесенное с **polēti* ‘гореть’, представлено почти во всех западно- и восточнославянских языках, кроме русского, где оно было со временем вытесненоозвучным глаголом *пылать*, производным от **rylъ* ‘пыл, жар’, ‘пыль, pena’. При этом нынешнее значение русского глагола *пылать* столь точно совпадает с исконным

значением глагола **palati*, что представляется очевидным семантическое влияние последнего (а возможно, даже и морфологическое — исход *-a-ti*, а не *-i-ti* [ср. в этом отношении другое производное от **rylъ*, которое уже не связано с горением в физическом смысле, — *вспылить*]). Никакой славянский язык, кроме русского, глагола *пылати* не знает; особо существенно, что он не вошел ни в украинский, ни в белорусский. Нет его и в Срезн. (в памятниках он отмечен лишь начиная с XVII в.).

Таким образом, тот факт, что в СПИ значение 'запылать' передано словом *запалати* (а не поздним русизмом *запылати*), идеально соответствует древнему состоянию⁵⁹.

Вопрос о «полонизмах» *спала* и *запала* этим исчерпывается. Методом Айтцетмюллера можно объявить полонизмом каждое второе русское слово.

На этом разбор данной статьи можно было бы закончить, поскольку основной вопрос нашего обсуждения ясен. Но уместно все же кое-что сказать и о самих рассматриваемых фразах.

То, что Айтцетмюллер подает как *eindeutig*, не только не *eindeutig*, а скорее всего просто неверно. Обе

⁵⁹ Добавим, что, не ограничиваясь украинскими словами, Айтцетмюллер пытается объявить полонизмами — правда, уже в менее решительных выражениях — также *палати* и *распалати* в тех двух или трех древнерусских примерах, которые ему известны из Срезн. Аргументом служит то, что в некоторых из приводимых фраз эти слова соседствуют с такими, которые, по мнению Айтцетмюллера, являются уж точно полонизмами. Вместо комментария отметим лишь, что ныне в Слов. XI–XVII (14: 131; 22: 18–19) для древнерусских слов *палати*, *распалати*, *распалатися* приведено уже 29 примеров.

фразы с полным успехом допускают интерпретации, при которых нет ни одной из трех названных трудностей. И эти интерпретации совершенно ясно изложены Якобсоном (1948: 196), чьи работы Айтцетмюллер не считает для себя нужным знать. Они состоят в том, что *спала* и *запала* произведены от древнерусского *палати* ‘пылать’; это непереходные глаголы совершенного вида со значением ‘воспылать’ (или: ‘сгореть’) и ‘запылать’.

Для *свѣтъ запала* это дает смысл ‘рассвет запылал’ (слово *заря* выступает при этом в одних переводах как часть сочетания *заря-свѣтъ* ‘заря-рассвет’, в других [в частности, у Якобсона] относится в конец предыдущего предложения). Для *спала князю умъ* это дает смысл ‘воспылал у князя ум’. (При этом *спала* здесь может восходить не к *съпала*, а к *въспала*, с таким же упрощением начала, как *спросить* из *въпросити*.)

Разумеется, остается трудность с отрезком *похоти*, но эта трудность присутствует во всех вариантах решения, а не только в данном. Комментаторы, предлагающие перевод ‘спалило князю ум желание’, правят *похоти* на *похоть*. При интерпретации ‘воспылал у князя ум’ можно вообще не менять отрезок *похоти*, понимая его как беспределочный локатив ‘в желании’ (так у Якобсона), или менять *похоти* и на *похотию* ‘желанием’ (с учетом того, что буквы *и* и *ю* во многих почерках были очень похожи) (так у Булаховского).

При таком решении общий выигрыш в грамматической и семантической правильности очевиден. Но нам здесь даже нет нужды настаивать на том, что это решение — единственно правильное. Достаточно в очередной раз обратить внимание на то, что аргументы, построенные лишь на одном из конкурирующих решений, суть не более чем условные конструкции, но не доказательства.

О статье М. Хендлера (1977) «Употребление глаголов в "Слове о полку Игореве"»

§ 5. Если понимать буквально его заявления, М. Хендлер претендует на немногое. Так, последняя фраза его заключения необычайно скромна (с. 159): «Как итог исследования можно констатировать, что... датировка текста концом XII века ставится под вопрос». С формальной точки зрения, это, по-видимому, должно значить, что датировка СПИ, например, XIII веком уже допустима. Однако по ходу статьи мы постоянно читаем, что то или иное место СПИ обнаруживает черты современного русского языка; а это, конечно, означает, что под подозрением находится отнюдь не XIII век, а существенно более позднее время. И единомышленники Хендлера, в частности, Айтцетмюллер, свободно эксплицируют эти подозрения, говоря о работе Хендлера как основополагающей в доказательстве того, что СПИ — это подделка XVIII века. В работе Айтцетмюller 1977 результаты Хендлера названы «ошеломляющими».

Статья Хендлера, увы, отличается прежде всего большим количеством фактических ошибок.

Бросаются в глаза прежде всего ошибки в понимании древнерусского текста. Правда, некоторые из них всего лишь несколько портят общее впечатление, но особенно не влияют на ход рассуждений, скажем, когда он приводит в числе примеров *Dativus cum infinitivo* (с. 128) фразу *Игорева храбраго пльку не крѣсити* 80 или переводит фразу *a хлѣбъ ти пустити* 'а хлеб ты должен разрешить вывозить' как *und dein Brot verlÄuft (verschwindet)* 'а твой хлеб кончается, пропадает' (с. 134). Но в ряде случаев не на чем ином, как на элементарной ошибке, зиждется целая логическая конструкция, которая в конечном счете всегда приводит к

одному и тому же: «неправдоподобно, чтобы текст СПИ был создан в XII веке».

Приведем пример. Хендлер (с. 118) разбирает фразу: *Си ночь съ вечера одѣвахутъ мя, рече, чръною папо-ломою, на кроваты тисовѣ, чръпахутъ ми синее вино съ трудомъ смѣшено; сыпахутъ ми тѣщими тулы поганыхъ тльковинъ великий женчугъ на лоно, и нѣгуютъ мя* (94–97).

Великий женчугъ ‘крупный жемчуг’ Хендлер переводит здесь как *eine groÙe Perle* (т. е. ‘большая жемчужина’). А ведь достаточно было заглянуть в любой словарь — хоть древнерусского, хоть современного языка, — чтобы убедиться, что слово *жемчуг* принадлежит к классу собирательных имен; да и любой русско-немецкий словарь дает: *жемчуг* — *Perlen*.

Такой ляпсус — сам по себе не украшение работы. Но, оказывается, он-то и нужен автору для его цели: всё строится именно на нем! Раз жемчужина всего одна — значит, *сыпахутъ* означает не длительное действие, а мгновенное («*Es kann unmöglich als eine durative Handlung aufgefasst werden, eine Perle aus einem ansonsten leeren Köcher fallen zu lassen*»). Вот вам и несомненный пример имперфекта в аористическом значении (недоумение, которое вызывает само употребление глагола *сыпать* в применении к одной жемчужине, оставляем на совести автора). «Однозначно вытекающее из контекста аористическое содержание имперфекта *сыпахуть*», как выражается автор, позволяет ему заключить, что имперфект может употребляться в СПИ вместо аориста, без собственного грамматического смысла. А дальше по ходу статьи строительство этой пирамиды успешно продолжается: неправильное употребление имперфекта значит, что составитель текста уже не владел древними грамматическими правилами. А это могло быть только в относительно позднюю эпоху.

И вот уже достигнута вершина пирамиды: значит, СПИ не могло быть составлено в древнюю эпоху.

Особо отметим цену слова «однозначно» (*eindeutig*). Его (и его эквиваленты вроде *außer Zweifel*) мы находим в статье то и дело — почти везде по такой же цене.

К сожалению, этот пример не единичен. Скажем, во фразе из НПЛ *яко же не мочи ни коневи ступити труниемъ* ‘так что невозможно даже коню ступить из-за [множества] трупов’, по Хендлеру, *коневи* — это ‘*die Pferde*’, и он глубокомысленно обсуждает вопрос о том, почему здесь глагол выступает не в итеративной форме, несмотря на множественное число в ‘*die Pferde*’ (с. 133).

Полных две страницы посвящены рассуждениям о том, как автор СПИ попался на выражении *крильца припѣшали* во фразе *Уже соколома крильца припѣшали поганыхъ саблями* 102. Схема этих рассуждений такова. Хендлер исходит из того, что, во-первых, *припѣшати* — это переходный глагол несовершенного вида, соотнесенный с совершенным видом *припѣшити*, означающим ‘сделать пешим (того, кто передвигался иначе)’, во-вторых, *крильца* — это прямое дополнение к *припѣшали*. Оба эти положения представляются ему настолько очевидными, что ему даже не приходит в голову их обосновывать. После этого Хендлер объявляет фразу из СПИ дефектной сразу в двух отношениях: 1) у глагола *припѣшали* ошибочно выбрано дополнение (‘крылья’), тогда как нужно было отнести этот глагол к соколам (поскольку сделать пешими можно соколов, но не их крылья); 2) ошибочно употреблен несовершенный вид (*припѣшали*), тогда как по смыслу здесь требуется совершенный. Как первый, так и второй из этих дефектов, согласно Хендлеру, разоблачают сочинителя СПИ как не справившегося с древнерусской фразой (с. 144).

Увы, в действительности оба исходных положения Хендлера неверны, и потому оба дефекта обязаны своим происхождением самому Хендлеру — в тексте СПИ ни одного из них нет. Во-первых, *припѣшати* — это не переходный глагол ('делать пешим' и т. д.), а непереходный ('сделаться пешим' и т. д.)⁶⁰ и не несовершенного вида, а совершенного (и тем самым это не видовая пара к *припѣшити*). Во-вторых, *крыльца* — это не прямое дополнение к *припѣшили*, а подлежащее.

Представленный в СПИ глагол прекрасно отражен у Даля (III: 438): *припѣшать* 'стать пешим, утратив коня', 'стать в пень, в тупик', 'устать, притомиться, выбиться из сил'. Ср. также (Даль, II: 689) *опѣшать* 'стать пешим', 'устать от бегу, ходу', 'стать в тупик, недоумевать (и т. д.)', 'испугаться, оробеть и потеряться'⁶¹; древний пример: *с(ы)нδ, кона не имѣа, на ч<ю>-жем<ь> не ъзди, аще бо опѣшаєши, и посмѣють ти сѧ* (Акир, 45). Словообразовательная модель, давшая *припѣшать* и *опѣшать* от *пѣший*, — та же, что, скажем, в *обнищать* от *нищий* или *оплошать* от *плохой*; как известно, она дает непереходные глаголы.

Таким образом, фраза СПИ означает: 'уже у соколов крыльшки обессилели из-за половецких сабель'. Ни

⁶⁰ Единственным частично извиняющим Хендлера обстоятельством здесь является то, что глагол *припѣшати* трактуют как переходный также и некоторые другие комментаторы. Но от этого данная трактовка не перестает быть ошибочной.

⁶¹ В литературном языке *опѣшать* уступило место варианту *опѣшить*. Это частное проявление более общей тенденции глаголов данного словообразовательного типа с безударным *-еть* (после шипящей *-ать*) к переходу в тип на *-ить* (на базе фонетического совпадения в инфинитиве и в прош. времени): ср. *вы́здоровлю*, *-вит* при исконном *вы́здоровею*, *-веет*; *прояснить* (о погоде) как вариант к *прояснеть*.

ошибочного выбора дополнения, ни ошибочного глагольного вида в ней нет. И выходит, что с проблемой вида здесь автор СПИ справился все-таки лучше, чем Хендлер.

Это, однако, далеко не единственный пример, когда Хендлер ловит автора СПИ на ошибках в виде. Деликатной проблеме правильного и неправильного употребления видов посвящена значительная часть его работы.

Разумеется, мы ни в коей мере не считаем, что тонкости вида недоступны тому, для кого славянский язык не родной. Но все же ясно, что для тех, кто занимается видом, уровень требований в этой сфере очень высок — особенно если речь идет о том, чтобы ловить русских авторов на ошибках в виде. Увы, наш автор много раз проявляет недостаточно точное владение именно теми нюансами видов, которые являются непосредственным предметом его обсуждения.

Пример. Автор утверждает, что во фразе *съдлай, брате, свои бръзыи комони* 21 императив несовершенного вида *съдлай* употреблен неправильно, «потому что это противоречит всем правилам образования императива, чтобы в неотрицательном императиве использовался несовершенный вид, когда имеется и перфективный член видовой пары» (с. 139). Иначе говоря, нужно было сказать *осъдлай*, а в таком виде фраза из СПИ просто выдает фальсификатора.

Носитель русского языка на такое может только развести руками. Ему трудно поверить, что, например, фразы *Ступай за мной; седлай коня!* («Руслан и Людмила», песнь V) или *Пора, дитя мое, вставай* («Евгений Онегин», глава III) выдают своего автора как не владеющего русским языком. Сказать *седлай коней* не только можно, но в данной ситуации гораздо уместнее

и выразительнее, чем *оседлай коней*. Но автор статьи не чувствует той разницы, что немаркированное *оседлай коней* выражает лишь желание говорящего, чтобы кони были оседланы, а *седлай коней* — это приглашение начать собираться в поход.

Что же касается приведенного Хендлером общего правила, то оно свидетельствует лишь о том, сколь приблизительными и неполными сведениями о видах он руководствуется в своих претензиях на то, что он знает, какие глаголы в СПИ поставлены в правильном и какие в неправильном виде.

Еще пример. Во фразе *ту пиръ докончаша храбріи Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую* 73, по утверждению Хендлера (с. 137), *попоиша* содержит чистовидовой префикс, который не добавляет к простому *поити* никакого оттенка значения. А чистовидовые префиксы — позднее явление. А следовательно, и сам текст СПИ — поздний.

В действительности же префикс *по-* в *попоити* никаким образом не является чистовидовым даже и в современном языке, не говоря уже о древнем. *Поити / попоити* — это вообще не видовая пара. Префикс *по-* имеет здесь отчетливое собственное значение; а именно, возможны варианты: 1) 'в ограниченной степени или ограниченное время' (по Далю [3: 297], 'поить несколько') (*немного попоил коня и унес ведро*); модификацией того же является ласкательное значение [1а] (*попоил гостя чайком*); 2) 'всех или многих' (по Далю, 'напоить допьяна многих') (*всех попоил — как всех поубивал, всё побросал*). Для значения 2 ср. в Ипат. ([1195], л. 235 об.) близкий глагол *попитисѧ* ('понапиваться'): *потомъ же позва Дѣдъ Чернии Клобоуци вси, и тоу попишиасѧ оу него вси Чернии Кло(боу)ци*. Во фразе из СПИ замечательным образом, возможным только в художественном тексте, одновременно актуальны все

три эти значения: ярче всего значение 2, но присутствует также значение 1а, поскольку фраза реализует метафору пира, а потенциальным образом даже значение 1 (как литота).

Тут можно, правда, возразить, что мы описываем современное восприятие, а древнее могло быть иным. Действительно, детали могли быть иными. Но, как правильно отмечает сам Хендлер, в русском языке развитие здесь шло в сторону чистовидовых префиксов, а не наоборот. Поэтому, если и сейчас префикс не «пустой», то он заведомо не был таковым и в древности.

Отметим, кстати, что Хендлер неоднократно пользуется следующим ловким приемом: он утверждает, что некоторая фраза *F* неправильна, а на возражение «но ведь по-русски именно так и говорят» отвечает, что в данном пункте древнерусский отличался от современного. Он даже дает понять русским, что они в этом вопросе находятся в очень невыгодном положении, потому что на них давит их родной язык. При этом, однако, декларации Хендлера о положении дел в древнерусском или просто голословны, или подкрепляются одним-двумя примерами, проанализированными с той же степенью достоверности, которую мы уже видели.

Например, мы узнаём, что фраза *ступаетъ въ златъ стремень* 59 с точки зрения древнерусского вида неправильна и тем самым разоблачает составителя СПИ как носителя современного русского языка. Конечно, по-русски свободно можно сказать, например, и *он осторожно ступает по кочкам* (когда кочек много), и *он останавливается, набирается духу — и наконец все же ступает на последнюю ступеньку* (когда речь идет об одной ступеньке). Но Хендлер (с. 132) откуда-то знает, что для глагола *ступати* в древнерусском, в отличие от современного языка, было возможно только первое, но не второе (из чего и следует, что автор СПИ

здесь попался). Никакого реального материала для такого утверждения у него нет — только его собственное мнение.

Как один из своих центральных аргументов Хендлер подает ошибку, которую он якобы выявил во фразе: *Темно бо бѣ въ 3 день: два солнца помѣркоста, оба багряная стльна погасоста* 103. Мы узнаем от него, что здесь «безусловно» (unbedingt) имелось в виду значение ‘стало темно’ (а не ‘было темно’), т. е. смысл здесь мог быть только самым банальным: ‘Темно ведь стало в третий день, два солнца померкли...’ (где последовательные фразы передают просто разные аспекты одного и того же события). Вывод Хендлера: значит, здесь надо было сказать *быть*, а не *бѣ*, а автор из-за плохого владения древним языком ошибся; значит, это был не древний автор, а фальсификатор позднего времени (с. 120).

Между тем ничто не мешает подать эту же картину менее плоско: ‘Темно ведь было в третий день: два солнца померкли...’ (где второе понимается как причина первого). И ровно так всегда и переводят русские переводчики. Выбрав *бѣ*, а не *быть*, автор представил ситуацию именно вторым из этих способов. Но Хендлер знает лучше автора СПИ, что тот хотел сказать.

Нельзя не заметить, кстати, что Хендлер здесь очевидным образом нарушил провозглашенную им самим установку на то, чтобы выводы общего характера строились только на основе бесспорных пассажей СПИ, а не двусмысленных.

Добавим для завершения картины, что когда Айтцетмюллер решил похвалить Хендлера за неотразимые аргументы в пользу поддельности СПИ, то он не нашел ничего более прочного, чем именно этот абсолютно субъективный аргумент с *бѣ*, которое якобы поставлено вместо *быть*.

§ 6. В целом ряде случаев лингвистические утверждения, которые Хендлер кладет в основу своих построений, попросту неверны.

Так, в своей статье Хендлер несколько раз обращается к теме вторичных имперфективов на *-ывати* и времени их возникновения. В частности, он обсуждает вопрос об их возможном появлении в начале XIV в. (с. 110). Наиболее отчетливое из его высказываний на эту тему таково: «класс итеративов на *-ывати* в целом не может быть датирован XII веком» (с. 137).

Между тем в тексте СПИ имеется пример *посвѣчива*я 54. Приговор ясен: вот вам одно из самых очевидных и весомых свидетельств позднего происхождения СПИ.

Не будем доискиваться ответа на вопрос, откуда взял Хендлер свой исходный постулат. Дадим себе труд проанализировать то, что должен был бы сделать сам Хендлер, — посмотрим, как реально обстоит дело с вторичными имперфективами в важнейших древнерусских памятниках. Вот некоторые результаты.

ПВЛ по Лавр.: *оумыкиваху* л. 5а, *съставливати* 9а, *показываеть* 12, *привазывати* 16, *абертывающе* 16 об., *поверзывающе* 17, *показываше* 36 об. — все до [987]; *наказывати* 62 [1074], *приискываху* 89 [1097], *вписывати* 95 об. [1108], *показываше* 95 об. [1110]; далее в текстах Мономаха — *нараживаите* 80с, *вправливати* 81а, *оуганива[ль]* 82 об., *выискивати* 83, *сва[жива]ют ны* 83с.

Киевская летопись XII в. по Ипат.: *подъоучива* 108 об. [1118], *разлоучива* 114 об. [1141], *докучиваоуть* 115 об. [1142], *повабливаеть* 117 об. [1145], *вставливаю* 121 [1146], *ѣха ... оуставливать* (там же), *оутѣшива* 125 [1146], *а сѣмо сѧ за нами Днѣпръ* *росполиваеть* 132 об. [1148], *оукладываю* 133 об. [1148], *понуживаоуть* 138 об. [1149], *замысливаютъ* 144 об. [1150], *сва-*

живати 145 [1150], *рѣкы сѧ смерзываютъ* 147 об. [1150], *а на ма сѧ оборочиша* 151 об. [1151], *броживающе* 152 об. [1151], *оуста гываоутъ* 154 об. [1151], *ты ми еси ... понуживаль* 153 [1151], *скупливати* 169 об. [1154], *скупливаю* 170 [1154], *понуживати* 172 об. [1155], *понуживаще* 173 об. [1156], *послушиваю* 174 [1156], *подъмолвивашеть* 175 об. [1158], *оукаривахутъ* 177 [1159], *пооущиваютъ* 178 об. [1159], *снашивахутъ сѧ* 179 об. [1159], *прикладывахутъ* 166 об. [1152], *оутѣшиваше* 189 об. [1168], *приѣха оправливатсѧ* 191 [1169], *рознаменывающе* 193 об. [1170], *сваживаетъ* (там же), *припрашивати* 194 [1170], *и начаша сѧ снашивати* (там же), *не оуправливаше* 195 об. [1171], *порѣзываю* 197 об. [1172], *вырѣзываю* (там же), *покладывати* 202 [1174], *въжигивашеть* 206 об. [1175], *воскладываютъ* 210 [1175], *нараживающи* 211 об. [1176], *размышилаю* (2×) 214 [1178], *оутѣшиваю* (2×) 215 [1179], *приѣждываоутъ* 218 [1180], *поноуживаю* 226 [1185] (+[1187] [2×]), *росдоумываетъ* 227 об. [1187], *поноуживаши* (вм.-*аше*) 234 [1193], *воста гивати* 236 [1195], *оправливаю* сѧ 238 об. [1195], *ходи ... о томъ щиватсѧ* 241 [1196], *оутѣшиваю* 241 об. [1197].

НПЛ (Синод. список): *съвѣшивати* 68 об. [1204], *въсла ... проваживатъ* 82 об. [1215], *пристраивати* [1224], *разграбливахутъ* 113 об. [1230].

Берестяные грамоты XI–XIII вв.: *съказъвалъ* 959 (конец XI или рубеж XI–XII вв.)⁶², *надѣливати* 794 (3 четв.

⁶² Небезынтересно отметить, что этот пример — самый древний из дошедших в оригинале, а не в списке — представлен в грамоте, которая была найдена в 2006 г., т. е. уже после выхода первого издания настоящей книги. Это очередная иллюстрация того, как новые данные с удивительным постоянством ложатся на ту чашу весов, которая тянет в пользу подлинности СПИ.

XII в.), оурекываютсѧ, ѿсоу[л]ивати 600 (10-е – 40-е гг. XIII в.).

См. также материалы, приводимые в ИГРЯ 1982: 175.

Разумеется, эти данные полностью перечеркивают аргумент Хендлера, связанный со словоформой *посвѣчивая* в СПИ (особенно если учесть, что максимум таких форм обнаруживается в ранний период именно в Ипат. — памятнике, тесно связанном с СПИ). Но показательно и общее качество статьи, если в ней за исходные положения принимаются утверждения такой степени достоверности.

Другой пример. В качестве существенного аргумента в пользу позднего происхождения СПИ Хендлер выставляет статистику употребления имперфекта.

По утверждению Хендлера, статистика здесь такова: СПИ попадает в ту же группу, что церковнославянские тексты (Житие Феодосия, Житие Бориса и Глеба), где имперфектов много, и резко отличается от «Хождения» игумена Даниила, Кирилла Туровского, Задонщины, Илариона, Мономаха (в этой группе произведений имперфектов мало). Таким образом, СПИ, светское произведение (вероятно, светского автора), по употреблению имперфекта объединяется с агиографическими произведениями. По Хендлеру, это значит, что СПИ было создано позднее XII века, «когда стилистическое значение имперфекта воспринималось иначе, чем в период с XI по XIII век» (с. 130).

Статистика Хендлера, однако, абсолютно неудовлетворительна с точки зрения нормальных научных требований.

Во-первых, он подсчитывает количество имперфектов по отношению не к общему числу словоформ прошедших времен, а к общему объему текста. Единственно, чем хороша такая статистика, — это тем, что так

легче считать. В остальном она никуда не годится: какой смысл может иметь подсчет среднего числа имперфектов на страницу текста в условиях, когда в одном тексте описания событий в прошлом могут быть представлены, скажем, вдвое чаще, чем в другом?

Во-вторых, неудовлетворителен выбор сравниваемых памятников. В частности, исключены летописи — под совершенно не относящимся к делу предлогом, что они имеют не одного автора, а многих.

Не будем тратить времени на комментарии по поводу дефектной логики тех выводов, которые делает Хендлер из своих подсчетов.

Проделаем вместо этого самую естественную операцию, которая должна была бы первой прийти в голову человеку, заинтересовавшемуся вопросом о том, действительно ли в СПИ ненормально много имперфектов,— а именно, сравним положение с имперфектами в СПИ и в рассказе Ипатьевской летописи о походе Игоря. Близость и взаимосвязь этих двух произведений общеизвестна: они рассказывают об одном и том же событии, сходны по объему, отчасти и по способам выражения.

Разумеется, мы подсчитываем проценты по отношению к общему числу словоформ прошедших времен, а не к общему объему текста. Глагол *быти*, как и у Хендлера, ввиду его особого статуса из подсчетов исключен. «Темные места» не учитываются.

	Аористы	Имперфекты	Перфекты	Плюсквамперф.
СПИ	143 (72%)	35 (18%)	18	2
Ипат., поход Игоря	160 (68%)	47 (20%)	14	13

Как легко видеть, цифры очень похожи. Утверждение Хендлера, что СПИ сближается только с агиографическими произведениями, полностью провалилось. Процент имперфектов в СПИ даже несколько ниже, чем в рассказе из летописи.

Тем самым аннулируются все выводы, которые пытаются сделать из своей статистики Хендлер. Все подозрения в неподлинности, построенные на статистике имперфектов, он должен теперь адресовать не только СПИ, но в равной мере и Ипатьевской летописи.

В очередной раз подтвердилось известное положение: неграмотно построенная статистика не доказывает ровно ничего; ее единственная польза — впечатление научной солидности, которое она производит на поверхностного читателя.

Еще одна грамматическая тема — деепричастия (точнее, несогласованные причастия).

В СПИ имеется три таких примера: *Се бо готскія красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю, звоня Рускымъ златомъ* 109; *Не тако ли, рече, рѣка Стугна, худу струю имѣя ...* 197; *Здрави князи и дружина, побарая за христяны на поганыя пльки* 217.

О таких деепричастиях (Adverbialpartizipien) Хендлер пишет (с. 139): «Поскольку развитие этой грамматической формы в XII веке, очевидно, еще даже не началось, а старший пример относится к концу XIV века, в высшей степени примечательно, что в СПИ она за свидетельствована трижды, причем в этих случаях речь идет не вообще о "несогласованности", а об однозначных деепричастиях в современном русском смысле».

Сразу же заметим, что пафос этой тирады мгновенно поблекнет, если вспомнить, что позднейшие переписчики несомненно время от времени неосознанно заменяли согласованные причастия оригиналов на привычные им несогласованные.

Например, во фразе *не мы юго 8били, но убила и Дѣвича и Всеволодичъ, ажже замыслили на нашего кназа злo, хота и убити лестью* (Лавр. [1147], л. 106) мы видим несогласованное *хота*; между тем в Радзивил. здесь стоит *хотачи*, в Академич. *хотаче*. Очевидно, не кто иной, как писец Лаврентьевской летописи Лаврентий подменил новым *хота* исконное *хотаче* (и это уже в 1377 году!). Другой точно такой же случай: *брата наша ходили с Стославомъ велики^м кназе^м и билиса с ними, зра на Переяславль* (Лавр. [1185], л. 134 об.); в Радзивил. и Академич. *зряче*.

Одного этого обстоятельства уже вполне достаточно, чтобы обесценить «разоблачение» СПИ, построенное на поведении деепричастий.

Но есть и более глубокая причина, по которой это «разоблачение» недействительно. Дело в том, что неверен главный исходный пункт рассуждения Хендлера: в XII веке разрушение согласования причастий в действительности уже началось.

Вот некоторые примеры: *таче по сихъ шедышема има въ црквь, и сътворивъ млтвоу стѣдоста* (Житие Феодосия — Усп. сб., 41а); *иди, потырти мало ..., аще ли же, то да съваривъши пышеницу ти тоу съмать съ медъмъ, прѣдъставиши на трапезѣ братии* (там же, 50 б.); *и се, владыко, оже жены наиболѣ кланяютъся въ соуботу до земла, тако молва:* «за оупокой кланяюмса» («Вопрошание Кириково», ст. 9); *а въ лохани, рече, въ неи же мывса, пью ('пьют') изъ нея, иноу водоу въльяvъ* (там же, ст. 35); *страх имѣите Бѣи въ срдици своеи и млѣтни твора* нешскудну («Поучение» Мономаха); *да то ты сѣдить сѣть твои хрѣстныи съ малы^м братомъ своимъ, хлѣбъ ѣдучи дѣденъ* (письмо Мономаха к Олегу); *плакашася по немъ людье, принесъ положиша и въ рацѣ мороморянѣ* (ПВЛ — Лавр. [1154], л. 54 об.); *оны же перешедъ Днѣпръ, послашася къ Мъстї-*

словоу Володимирию (Ипат. [1177], л. 213); помоливъшися епископъ (Житие Нифонта по списку 1219 г.). (В исследованиях отмечаются и еще более ранние примеры — в мине 1096 г., Мстиславовом евангелии, Ефремовской кормчей; см. ссылки в Борковский, Кузнецов 1963: 354, сноска 102; см. также ИГРЯ 1982: 325 и сл.)

В берестяных грамотах положение таково. До недавнего времени (в частности, в момент сдачи в печать первого издания настоящей книги) для XII и XIII вв. имелись лишь не вполне надежные примеры несогласованных причастий. Но буквально через месяц после этого момента, в июле 2004 г. в Новгороде была найдена берестяная грамота № 952 середины — второй половины XII в., где содержится фраза: *а хотать ны ати въ Θомоу съ Влацьшкою, а мъльва* ('говоря'): *заплатите четыри съта гривынъ или а зовите Θомоу сѣмо*⁶³. А в XIV в. несогласованные причастия встречаются уже столь часто, что сам принцип согласования следует считать уже по существу разрушенным. При этом при любых подлежащих реально чаще всего встречается прежняя форма ед. числа мужского рода — как в СПИ. Примеры: *приѣхавъ и-Заволоцѣа, носилѣ* ('носили') *серебро* (№ 417, 1410-е – 1430-е гг.); *да иди с Обросиемъ к Степану, жеребии возма* (письмо к матери) (№ 354, сер. XIV в.).

Из древнейших примеров особенно близок к фразам из СПИ пример с *молва* из Кирика (*жены ... кланяются ... молва* —ср. *дѣвы въспѣша ... звоня* в СПИ): причастие той же категории, тот же тип несогласованности, такой же порядок слов. Если примеры из СПИ представляют собой, как сообщает нам Хендлер, «однозначные» деепричастия в современном русском смысле, то это верно и для фразы из Кирика.

⁶³ Ср. предыдущую сноскую о том, что дают новые находки для дискуссии о СПИ.

Можно, конечно, возразить, что примеры из Кирика известны по Кормчей 1280-х гг., а из Мономаха — по Лаврентьевской летописи 1377 г. Но как раз в данном случае для нас здесь никакой разницы нет: если в тексте Кирика и Мономаха эти примеры могли возникнуть под пером переписчика, то ровно то же могло произойти и с СПИ.

В ряде случаев Хендлер кладет в основание своих рассуждений некий исходный постулат, который он сам же и придумал. Такой постулат вводится в сущности декларативным путем — один-два примера с краткими, довольно небрежными комментариями, приводимые в подтверждение такого постулата, разумеется, нельзя считать настоящим научным обоснованием.

Пример. В основе значительной части авторских заключений лежит следующий постулат: «Первоначально древнерусский не знал никакого обозначения итеративности в глаголе» (с. 120). И далее: «В старославянском же наметилось... другое развитие, которое привело к тому, что для итеративных высказываний в сфере прошедшего стал употребляться имперфект, причем не только от дуративных, ... но и от недуративных глаголов» (с. 121).

Таким образом, по Хендлеру, имперфект от глаголов совершенного вида (скажем, *въсегда егда начнѣахомъ сѧ брати ...*) — это старославянское явление, чуждое древнерусскому. В древнерусском же, по Хендлеру, употреблялись только фразы с аористом, без какого-либо специального выражения итеративности, типа *дворовъ много затвориша*. Откуда берется столь сильное и априори абсолютно неочевидное утверждение, Хендлер не поясняет. Он просто знает, что было именно так.

Заявим с полной решительностью: хендлеровский постулат ни в коей мере не соответствует реальной

ситуации в старославянском и древнерусском. Любое сколько-нибудь серьезное исследование материала немедленно бы это показало. Но автор, видимо, счел, что ему достаточно впечатления от нескольких случайно попавшихся ему фраз.

Сама оппозиция «фразы типа *дворовъ много затвориша* — фразы типа *въсегда егда начьнѣахомъ сѧ брати*», которую провозглашает Хендлер, свидетельствует просто о смешении понятия итеративности и понятия множественного объекта. Хендлеру кажется, что если дворов много, то действие с ними тем самым итеративное, — и вот он уже объясняет нам, что во фразе *дворовъ много затвориша* не выражена итеративность. В действительности же эти два понятия не только различны, но и в принципе независимы друг от друга: можно мыслить, например, закрытие сколь угодно большого количества дворов как единое событие (даже если они закрывались не единовременно).

Фразы типа *дворовъ много затвориша*, которые Хендлер объявляет «собственно русским народным способом выражения», столь же свободно употреблялись и в старославянском. Достаточно раскрыть Супрасльский кодекс, и мы немедленно найдем, например: *многы отъ прѣльсти обрати 63б, юже ради блазниша и ізгоубиша многы 75а, на аггельскою се житинъ многы приведе 103б, многы книгы писа III-68а и т. п.*

Что же касается утверждения Хендлера, что в собственно древнерусском были невозможны фразы с имперфектом совершенного вида, то тут остается лишь развести руками. Мало того, что они были возможны, — они составляют характерную особенность древнерусского имперфекта. Ю. С. Маслов в своей классической работе «Имперфект глаголов совершенного вида в славянских языках» (Маслов 1954) на основе анализа обширного материала древних славянских языков с

полной надежностью установил, что важной особенностью древнерусского языка было широкое употребление имперфекта от глаголов совершенного вида, тогда как в старославянском эта черта была развита слабо. См. об этом в статье «Аргументы...», § 14б.

Такова степень достоверности этого фундаментального постулата Хендлера. Но всё дальнейшее в его статье уже будет поворяться этим постулатом. Окажется, в частности, что СПИ ведет себя не как русский памятник, а как церковнославянский: в нем много имперфектов и нет фраз типа *дворовъ много затвориша*. А это подозрительно для светского памятника. А это, как уже легко догадаться, показывает, что памятник не подлинный.

§ 7. Значительная часть аргументации Хендлера подчинена пресловутому принципу «раз не встретилось в памятниках, значит, не было в языке». Казалось бы, ошибочность этого принципа давно установлена и теперь уже должна быть общеизвестна. Но Хендлер с готовностью повторяет ошибки предшественников, многократно попадая в эту простейшую ловушку.

Вот максимально показательный пример. Хендлер всерьез утверждает, что *седлати* — это новообразование из *оседлати*, построенное по аналогии с другими видовыми парами (с. 135). Основание: *оседълати* известно уже в старославянском, а *седлати* засвидетельствовано лишь с 1480 г. О времени образования слова *седлати* Хендлер говорит так: «Ввиду полного отсутствия фиксаций невероятно, чтобы это событие осуществилось уже в XII веке». Таким образом, по Хендлеру, в праславянском от слова **sedъlo* было образовано сразу **obsedъlati*, а слова **sedъlati* не было. Его не смущает, что бесприставочное **sedъlati* отражено практически во всех славянских языках.

Зачем такой акробатический трюк? А вот это как раз легкий вопрос: ведь в СПИ есть *съдлай* — вот сочинитель СПИ и попался на том, что употребил форму, которая появилась на свет только в 1480 году!

И все, решительно все примеры, когда автор работает по формуле «раз не встретилось в памятниках, значит, не было в языке», нужны ему ровно для того, чтобы вывести именно такую мораль.

И вот среди уличающих автора СПИ фактов мы видим, например, то, что в памятниках XI–XIII вв. (а в некоторых случаях и в памятниках XI–XV вв.) нет примеров глаголов *прыскати*, *прыснути*, *свиснути*, *закладати*, *приламати*, *притоптати*, *притрепати*, *троскотати*, *рокотати*, *щекотати* (о соловье) и др. Для глагола *утерпнугти* нет примеров его употребления именно в отношении солнечного света (как это мы находим в СПИ). И т. д.

Замечание. К этому стоит добавить, что сама формула «нет в древних памятниках» у Хендлера на деле практически всегда означает просто: «нет в словаре Срезневского». Например, для глагола *стукнути* Срезн. дает всего один пример — из СПИ (*стукну земля*). И вот уже глагол *стукнути* попадает в «черный список»: по Хендлеру (с. 146), он может значить только ‘ударить’, а в СПИ этот глагол подозрительным образом употреблен в «неправильном» значении ‘загреметь’. И все это лишь потому, что И. И. Срезневский не счел необходимым включать в свой словарь еще и пример из ПВЛ: *В се же время земля стукну* (‘земля загремела’), *иако мнози слышаша*.

Но мы не будем повторять здесь всего, что уже сказано выше об ошибочности и наивности формулы «нет в древних памятниках»; см. «Аргументы...», § 34.

Обратимся теперь к центральному примеру всех построений Хендлера, который он сам подает как неотразимое свидетельство позднего происхождения СПИ.

Исходный постулат Хендлера здесь таков. Глагол *мъркнути* в древнейший период был совершенного вида. Несовершенный вид от него был *мърцати*. В позднее время возникло новое соотношение: *мъркнути* стало несовершенного вида, а его видовой парой стало *помъркнути*.

В СПИ мы находим: *Дльго ночь мръкнетъ* 33; с другой стороны: *Два солнца помѣркоста, оба багряная стльна погасоста* 103. В соответствии с постулатом Хендлера, это новое соотношение. Вывод Хендлера ясен: вот несомненное свидетельство позднего происхождения текста СПИ.

Рассмотрим этот вопрос более подробно.

Верно то, что глагол **тыркноти* принадлежит в южнославянских языках (сербском, словенском) к совершенному виду; то же и в старославянском.

На русской почве положение таково. В подтверждение своего тезиса о том, что *мъркнути* первоначально было совершенного вида, Хендлер приводит только следующие два примера (оба из Срезн.): *Абије же по скръби дънии тѣхъ слънъце мръкнетъ, и лоуна не дастъ свѣта своєго, и звѣзды съпаджть съ нѣсе* (Остромирово ев., Матф. 24.29); *Мерьче слѣнъце* (Галицкое ев. XIII в., Лк. 23.45).

Но Евангелие — это текст, который в лексическом отношении полнее и прочнее всех прочих сохраняет черты своего южнославянского первоисточника. Поэтому эти евангельские примеры сами по себе еще не свидетельствуют о том, что и в собственно древнерусском глагол *мъркнути* был совершенного вида.

В русском церковнославянском с самого начала письменной традиции проявляется тенденция к тому, чтобы заменить *мръкнѣти* южнославянских оригиналов глаголом с приставкой. Так, уже в Остромировом ев. (1057 г.) из двух имеющихся примеров в одном добавле-

на приставка: вместо *мръкъшио* стоит *омъръкъшиоу* (Лук. 23.45, л. 192в). В Архангельском ев. (1092 г.) рассматриваемый глагол встречается только один раз и имеет вид *помърче* (Лук. 23.45, л. 111). В Мстиславовом ев. (до 1117 г.) из пяти имеющихся примеров в четырех стоит форма с *по-* и только в одном форма без приставки: *помъркнеть* (Матф. 24.29, л. 52г, 133а), *помърче* (Лук. 23.45, л. 155б, 159б) — *мърче* (тоже Лук. 23.45, л. 121г). В Юрьевском ев. (1118–28 гг.) из двух примеров в одном стоит форма с *по-*: *помъркнеть* (л. 68а).

А вот как представлены глаголы с корнем *мърк-*/
мърч- в летописях (все примеры связаны с затмениями солнца). Ипат.: *быс знамение въ слѣни: ѿ вечера аки мѣць малъ, и мало не смерчеса* ([1124], л. 107 об.); *тогда бо глахоутъ тмоу бывшию в Галичи яко и звѣзды видити средѣ дні слѣни померъкию* ([1187], л. 228). Синод. НПЛ: *маиа въ 1 днѣ въ ча^с 8 дні яко въ звоненію вечернее слѣнице помърче яко на часу и боле и зvezды быша* ([1185], л. 46); *быс знамение въ слѣнї въ польднї и быс яко мѣць и съмерчеса* ([1187], л. 48); *померче слѣнице* ([1271], [1321], л. 150 об., 162).

В Житии Андрея Юродивого, переведенном на Руси в XI – 1-й половине XII века, находим: *и померкнеть днѣ и не просвѣтится въ вѣкы 29в; тогда днѣ ти померъкну^т 66б; ноющи же тогда не буде^т, ни видимыи свѣтъ, все бо се померкнеть* С167 об. (аналогично: *помрекне^т* 66б, *померклаѧ* С27 об.); без приставки только: *да англи блискаютса. а дѣмонѣ мерчать* ‘да ангелы блестают, а демоны темны’ 57а (где *мерчать* — ‘пребывают темными’, несовершенный вид).

В Успенском сборнике XII века встретилось только: *како не оубояшаса на крестѣ пригвоздити юго же слѣнице видѣвъ пропънена помърче* 242б.

Из примеров противоположного типа могу указать только один: *идоущемъ же имъ на полууднї, вънезапоу*

въ юдиномъ часѣ мърче, и бысть ноющъ в памятнике житийного характера «Чудеса Николы» (л. 69а), составленном, по-видимому, в XI веке и сохранившемся в списке XII века. Судя по контексту, мърче здесь относится к совершенному виду.

Как видно из приведенного материала, в текстах, сочиненных в XII веке, в перфективном значении 'потемнеть, затмиться' используются только глаголы с приставкой (*помъркнути, съмъркнутися*), но не бесприставочное *мъркнути*. Последнее изредка встречается в этом значении только в списках с созданных ранее оригиналов, а именно, в канонических церковных текстах и один раз в житии святого. Но даже и в евангелиях идет активный процесс устранения этих реликтов; позднее XIII века их, по-видимому, уже нет вообще.

Сказав *помъркоста*, а не *меркоста*, автор СПИ поступил в точности так же, как летописи и литературные произведения XII века. Напротив, если бы он употребил *меркоста*, которого здесь требует Хендлер, это была бы очень странная уступка даже не просто церковнославянскому узусу, а его уже почти исчезнувшему к эпохе Игоря варианту.

Теперь о виде глагола *мъркнути*. Взглянем на тот класс глаголов, к которому принадлежит в современном русском языке *меркнуть*: это глаголы на *-нуть*, способные терять *-ну-* в прошедшем времени, со значением 'становиться таким-то', 'переходить в новое состояние'. Во всей вост.-слав. зоне все глаголы этого класса (*мёрзнуть, тускнуть, вянуть, молкнуть, вязнуть, грязнуть, гибнуть, мокнуть, сякнуть, сохнуть, пухнуть* и т. д.) принадлежат к несовершенному виду — в отличие от глаголов на *-нуть* с устойчивым *-ну-*, обозначающих единичный акт (*крикнуть, двинуть* и т. п.).

Столь четкая ситуация с видами глаголов на *-нуть* действительно в наибольшей степени характерна имен-

но для вост.-слав. зоны. В других зонах некоторые из этих глаголов относятся к другому виду. Это не значит, однако, что в вост.-слав. зоне непременно должно было произойти изменение уже вполне сформировавшегося совершенного вида, например, глагола *мъркнути* на противоположный. Так, польское *mierzchnąć* ‘меркнуть’ тоже относится к несовершенному виду; в некоторых болгарских говорах существует *мръкне се* ‘смеркается’ (несов. вида) (см. ЭССЯ, 21: 133). Дело в том, что окончательное распределение глаголов по видам происходило уже независимым образом в отдельных языковых группах и отдельных языках. Исходное же видовое состояние было еще достаточно аморфным. Отдельные глаголы относительно долго сохраняли эту видовую аморфность; к их числу могло относиться и *мъркнути*.

Видовая пара *меркнуть – померкнуть* ныне совершенно аналогична таким, как *гаснуть – погаснуть*, *тухнуть – потухнуть*, *тускнуть – потускнуть*, *блёкнуть – поблёкнуть* и т. п. Согласно Хендлеру, однако, у глагола *меркнуть* нынешний несовершенный вид — не первоначальный, то есть этот глагол в ходе истории сменил свой вид.

В работе самого Хендлера этот тезис для собственно древнерусского языка в сущности ничем не подкреплен. Попробуем помочь Хендлеру примером *мърче* из «Чудес Николы». Правда, вероятнее всего здесь то простое объяснение, что этот единичный пример представляет собой не что иное, как церковнославянанизм.

Но представим себе все же, что это собственно русский пример употребления *мъркнути* в XI веке в значении совершенного вида. Если это так, то необходимо допустить, что в какой-то момент наступил переходный период, когда *мъркнути* могло употребляться в обоих видах, после чего уже установилось современ-

ное состояние. И тогда вопрос о том, является ли анахронизмом *мъркнетъ* (несовершенного вида) в СПИ, очевидным образом сводится к тому, когда начался этот переходный период, — позднее XII века (как думает Хендлер) или не позднее.

Понятно, что значения слов *мъркнути* и *помъркнути* взаимосвязаны; эволюция этих значений не индивидуальна, а происходит в рамках данной пары. И вот мы видим, что в сочинениях XII века в контекстах, требующих совершенного вида, используется только *помъркнути*. Это дает все основания полагать, что даже если *мъркнути* некогда относилось к совершенному виду, то в эту эпоху оно уже имело (хотя бы в части случаев) значение несовершенного вида, свойственное ему ныне.

А на чем основано противоположное мнение Хендлера — что предполагаемая смена вида у глагола *мъркнути* началась позднее XII века? Оказывается, на всё том же пресловутом принципе «раз не встретилось в памятниках, значит, не было в языке»: имеется в виду то, что в ранних памятниках нет примера *мъркнетъ* со значением несовершенного вида.

О цене такого аргумента уже много говорилось выше; но в данном случае достаточно просто напомнить, что в эту эпоху в нецерковных памятниках (если не считать СПИ) бесприставочное *мъркнути* не встретилось вообще.

Таким образом, даже если бы гипотеза Хендлера о том, что глагол *мъркнути* в ходе истории изменил свой вид, была верна, Хендлер абсолютно ниоткуда не мог бы знать, что в живой древнерусской речи в конце XII века смена старого вида новым у глагола *мъркнути* еще не произошла и даже не начался переходный период, когда они сосуществовали.

Такова цена «анахронизма», который якобы обнаружил Хендлер в формах *помъркоста* и *мъркнетъ*.

В конце работы автор резюмирует выявленные им факты, которые, как он считает, ставят под сомнение раннюю датировку СПИ (с. 158): «однозначные неологизмы, такие как итератив на *-ывати* и троекратное употребление деепричастия», «поразительно сильный параллелизм с агиографией», полное отсутствие «собственно русских народных способов выражения — таких, как итеративность, выраженная синтаксически с помощью аориста», «необыкновенно большое количество... неправильностей грамматического и семасиологического характера». «В СПИ едва ли найдется хоть одно предложение, которое бы не обнаруживало отчасти странных искажений и описок». Особо подчеркнуто «поразительно широкое и во многих случаях грамматически сомнительное употребление имперфектов вместе с бесчисленными нерегулярными формами у одних только глаголов, не говоря уже об остальном тексте» (с. 159).

Как можно видеть из нашего разбора, не выдерживает критики ни один из этих пунктов.

Примечательно, что автор постоянно делает упор на «необыкновенно большое количество» таких мест, которые вызывают его недоверие. В самом деле, ему остается надеяться лишь на количество, поскольку качество его утверждений в каждом конкретном случае плачевное. Но даже и сотня мыльных пузырей, взятых вместе, дает всего лишь мокрое место.

Общий итог нашего разбора оказался резко отрицательным. Работа Хендлера поверхностна: затронуты десятки вопросов, но все бегло — ни один не исследован глубоко. При чуть более глубоком анализе в любом месте всё проваливается. По поводу целого ряда аргументов автору совершенно достаточно было бы просто заглянуть в СССПИ, где приводятся примеры из памятников, чтобы увидеть, что его утверждение элементар-

но не соответствует фактам. Работа просто не заслуживала бы подробного разбора, если бы не то значение, которое ей приписывают новые сторонники поддельности СПИ.

О статье Р. Айтцетмюллера (1992) «К употреблению имен в "Слове о полку Игореве"»

§ 8. Статья задумана как дополняющая данные М. Хендлера (1977): Хендлер изучил употребление глаголов в СПИ, а в этой статье в том же ключе изучается употребление имен.

В отличие от Хендлера, который в своих выводах ограничивается сдержанными формулировками, Р. Айтцетмюллер решителен: что СПИ — это подделка конца XVIII века, для него совершенно очевидно. Его тон по отношению к тем, кто этого еще не понял, небрежен и высокомерен.

Как и другие авторы этого цикла работ, Р. Айтцетмюллер не считает нужным не только опровергать аргументы противников, но даже упоминать. Ни слова о Задонщине, хотя ясно, что многие из обсуждаемых проблем прямо зависят от решения вопроса о ее соотношении с СПИ.

Значительную часть статьи составляет панегиический пересказ работы Хендлера (1977), с которой Айтцетмюллер полностью солидаризируется. Единственное, что его не устраивает у Хендлера, — это мнение последнего, что имена в СПИ не позволяют судить о времени создания произведения. По Айтцетмюллеру, имена доказывают поддельность СПИ с такой же очевидностью, как глаголы.

Характеристика научного уровня работы Хендлера уже дана нами выше, и мы не будем здесь обсуждать вопрос о том, что может означать полное с ней согласие.

Основное содержание статьи Айтцетмюллера можно разделить на две неравные части: 1) демонстрация фактов из сферы употребления имен в СПИ, которые были невозможны в XII в.; 2) аргументация в пользу того, что эти факты указывают не на XV–XVI вв., а именно на конец XVIII в. К части автора следует сказать, что это разделение он сам четко объявляет.

Первая часть образует основное содержание статьи, вторая — это две страницы в конце.

Про первую часть можно сказать лишь одно: здесь автор ломится в открытые ворота. Давно установлено, что в СПИ не только фонетический облик слов, но и их морфологическое оформление, в частности, окончания склонения, соответствуют нормам XV–XVI веков, а не XII века (см. «Аргументы...», § 17). Только полным отрывом от всего, что уже сделано в этой области, можно объяснить тот пафос, с которым Айтцетмюллер демонстрирует нам представленные в СПИ поздние окончания склонения и т. п.

С поразительным простодушием автор указывает нам в СПИ словоформы, которые совпадают с современными русскими, и восклицает: «neurussisch!», «absolut neurussisch!». Понимать это следует так: вот вам и вопиющая улика против фальсификатора, который плохо справился со своей задачей, вставив по простоте то тут, то там свои родные формы.

Когда встречаешь подобный предельно поверхностный аргумент, становится неловко за лингвистов. Возьмем Мономаха — да кого угодно — и тут же найдем у него дюжину примеров neurussisch! Как можно не видеть, «выставляя на позор», например, встретившуюся в СПИ словоформу Р. ед. жен. *быстрой*, что нужно сперва проверить, не была ли она обычной уже для XVI в. (а не только для XVIII–XX вв.), и если да, то эта «улика» не стоит ровно ничего?

А каким немыслимым простофилей и недоучкой предстает сочинитель СПИ, если поверить Айтцетмюллеру! Он, оказывается, просто не справился со склонением существительных и написал, например, *въ Путинвль* вместо *въ Путинвили* по той простой причине, что сам так говорил; и то же в десятках других подобных случаев. И наш автор-лингвист не отдает себе отчета в том, что этот уровень не очень способного школьника он приписывает тому же самому человеку, который, например, сумел постичь совершенно чуждую ему категорию двойственного числа, безошибочно построить соответствующие древнерусские словоформы иставить их в текст в правильных местах, сумел освоить чуждую ему глагольную систему с несколькими прошедшими временами, сумел овладеть правилами использования древнерусских энклитик, сумел правильно употребить десятки слов в их древнем значении, а не в том, которое было привычно ему самому, и т. д. — не будем продолжать...

Поистине, наш автор недалеко ушел от тех, кто представляет себе написание СПИ как фарс, устроенный каким-то литературным Хлестаковым на спор с друзьями за один вечер.

Правда, ловя таким же образом сочинителя СПИ на словоформах Р. ед. земли и И. мн. зори, Айтцетмюллер все же дает некоторый комментарий. По его словам, эти словоформы идут именно из современного русского, так как объяснить здесь окончание *-и* диалектным переходом *ѣ* в *и* нельзя: в СПИ в корнях слов *ѣ* в *и* не переходит (с. 111, 116).

Увы, автор просто не знает особенностей русских рукописей XV–XVI вв., в частности, именно псковских. Он не знает, что во многих северо-западных рукописях (в основном псковских) в части форм представлено окончание *-и* на месте *-ѣ*, при том что общего

фонетического перехода *ѣ* в *и* нет; иначе говоря, это *-и* имеет морфологическое, а не фонетическое происхождение. В таких рукописях, в частности, Р. ед. жен. и И. В. мн. мягкого склонения имеют именно окончание *-и* (*земли*, *зори* и т. д.) — при сохранении *ѣ* в корне, т. е. в точности так, как в СПИ.

Вообще, практически все звенья айтцетмюллеровского списка словоформ, якобы прямо взятых из современного русского (М. ед. мягкого склонения на *-ѣ*, Р. ед. *земли*, В. мн. *кони*, смешение *-и* и *-ы* в И. В. мн., И. мн. *сулицы*, В. мн. *князей*), непосредственно обнаруживаются, например, в Строевском списке Псковской 3-й летописи и в Псковской судной грамоте; см. «Аргументы...», § 22.

Мы узнаём, что сочинителя СПИ разоблачает также словоформа *прикрыты*: по Айтцетмюллеру, в XII в. могло быть только *прикръвены*. Однако если бы автор заглянул хотя бы в СССПИ (4 [1973]: 124), то легко нашел бы там примеры: *покрыти* (И. мн. причастия) в Ипат. [1151], *покрытъ*, *покрыта*, *покрыто* в Флав. (перевод XI–XII вв.), *покрыто* в «Девгениевом деянии» (перевод XII–XIII вв.). Добавим к этому, что в Флав. есть и другие такие же примеры (*не ѿкрыта*, *не съкрыто* и т. п.) — всего здесь 11 примеров с *-крыт-*, и только один раз встретилось *съкровень* (419в); а в Киевской летописи по Ипат. не нашлось вообще ни одного примера причастия на *-кръвенъ*. Формы на *-кръвенъ* в действительности характерны только для церковных текстов. Такова цена деклараций автора о том, что было и чего не было в древнерусском языке XII века.

Неужели, однако, в ворохе предъявленных Айтцетмюллером аргументов нет буквально ни одного серьезного? Стараясь проявлять максимальную лояльность, мы выделили все же два из них, заслуживающих несколько большего внимания:

а) В СПИ представлено собирательное *Хинова* (во фразе *и многи страны — Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела и Половци — сулици своя повръгоша* 135), тогда как по данным Б. Унбегауна собирательные на *-ова* на основе И. мн. на *-ове* (типа *жидова из жидове*) появляются не ранее XV в.

б) В СПИ представлено *стонущи* 28, с *-ну-*, тогда как изначальным здесь является *-ню-*.

В обоих случаях, однако, переписчику XV–XVI в. достаточно было заменить всего одну букву, чтобы получить привычную для себя форму. Эта замена вполне сходна с заменой окончаний склонения, которую он заранее производил очень часто, или, скажем, с заменой древнего *шеломенемь* на более позднее *шеломянемъ* 32, 47 (с аналогическим я, перенесенным из *шеломя*).

В ряду *Литва, Ятвязи, Деремела и Половци*, где по-переменно представлены собирательные и словоформы И. мн., словоформа *Хинове* была бы вполне на месте; а ее замена на *Хинова* легко объясняется влиянием следующего слова *Литва*. Трактовка *Хинова* как замены для *Хинове* находит прямую поддержку в тексте Задонщины, где мы находим *Хинове* (И-1), *Хиновя* (У). Что же касается фразы *и великое буйство подастъ Хинови*, то здесь из двух существующих интерпретаций для *Хинови* (Д. ед. на *-ови* от *Хинъ* и Д. от собирательного *Хинова* [с аномальным окончанием *-и*]) достаточно принять первую.

Для *стонущи* ситуация в принципе аналогична случаю с *-кръвенъ* и *-крыть*, а именно, ясно, что в восточнославянской зоне в какой-то момент древняя модель (*стоню, стонуть, стонючи*) сменилась новой (*стону, стонуть, стонучи*). Как во всех подобных случаях, смена не могла быть мгновенной: в течение какого-то времени две модели сосуществовали. В случае с *-кръвенъ* и *-крыть* мы благодаря памятникам знаем, что новая модель появилась не позднее XII века. В случае со *сто-*

нуци документация намного беднее: показательные для нашей цели словоформы глагола *стонати* (или *стенати*) в древнерусских памятниках встречаются редко. Мы можем указать причастие *стоныи* (в сочетании *стоныи трясыися*), с *-ныи*, а не *-ня* (Увар. лет. [1426], л. 345 об.) и презенсы *постенутъ* (Геннадиевская библия 1499 г.; см. Слов. XI–XVII, 17: 239) и *возстонутъ* (Измаагд, список XVI в. с оригинала XIV–XV вв.; см. СССПИ, 1: 136), с *-ну-*, а не *-ню-*. Ясно, таким образом, что словоформа *стонуци* вполне могла появиться под пером переписчика XV–XVI в. Но, кроме того, ниоткуда не следует, что словоформ *стону*, *стонуть*, *стонучи* не было раньше XV века; т. е. нельзя исключать и того, что *стонуци* просто принадлежало оригиналу.

К сожалению, в статье Айтцетмюллера неоднократно встречаются ошибки и орехи, свидетельствующие, по-видимому, о том, что автор не слишком утруждал себя, полагая, что такую несложную задачу, как разоблачение поддельности СПИ, он может выполнить и впол силы. Например, в перечне форм из СПИ, попавших в его текст, по мнению Айтцетмюллера, прямо из современного русского языка (с. 112–113), мы с изумлением обнаруживаем среди прочих также и Д. ед. земли (*Руской земли*) и М. ед. земли (*въ Руской земли*). Русский глагол *стонати* цитируется в виде *стонути* (с. 115). *Въсплакашась, скратишась* и другие формы с *-сь* приводятся как свидетельства поздней формы языка, когда *ся* уже дало *сь* (с. 113), — автор забыл, что эти формы принадлежат издателям СПИ, которые передали через *сь* стоявшее в рукописи надстрочное *с*.

Однако нам нет нужды вникать в эти частности. Главное в том, что вся первая часть работы Айтцетмюллера не доказывает ничего такого, чего не могли бы легко допустить сторонники подлинности СПИ. Всё, что может объясняться привычками писцов XV–

XVI вв., вполне совместимо с гипотезой о раннем происхождении СПИ.

Таким образом, хотя тон работы Айтцетмюллера таков, что он уже нагромождением свидетельств позднего характера именных окончаний в СПИ (и ряда других подобных фактов) как бы доказал свой тезис о поддельности, в действительности для доказательства этого тезиса существенна только вторая часть его работы.

§ 9. Проблему, стоящую во второй части, автор формулирует так: имеются ли явления, которые а) однозначно указывают на XVIII век или б) однозначно опознаются как архаизирование (=фальсификация) XVIII века?

«По моему мнению, на оба эти вопроса ответ должен быть положительным», — говорит автор (с. 115). Слова «по моему мнению» — это уже очень много: всё остальное автор подает без подобных смягчений. Видимо, в данном случае даже он сам чувствует некоторую легковесность своих аргументов.

Ответ автора на вопрос «а» построен на значении слова *мръкнетъ* во фразе *Долго ночь мръкнетъ* 33. Автор исходит из того, что этой фразой изображается утренняя заря (рассвет), а не вечерняя (сумерки). Но русское *меркнуть* связано только с сумерками (ср. корень этих слов); глагола, объединяющего эти две зари, в русском языке нет. Такой глагол есть только в немецком: *dämmern*. Отсюда Айтцетмюллер делает вывод, что в СПИ здесь не что иное, как германизм (употребление русского *меркнуть* в значении немецкого *dämmern*), а его могли допустить в России высшие классы не ранее XVIII в.

Нельзя не признать это решение остроумным. Тем не менее в качестве доказательства чего бы то ни было оно, конечно, не годится. Дело прежде всего в том, что *Долго ночь мръкнетъ заря свѣтъ запала* — это пассаж,

о значении которого идут длительные ожесточенные споры. Во-первых, в обсуждении отрезка *долго ночь мръкнетъ* конкурируют интерпретации ‘долго ночь темнеет’, ‘долго ночь находится в состоянии мрака’ и ‘долго ночь рассветает’. Во-вторых, существует и вполне «конкурентоспособна» версия с иным членением всего пассажа: *Долго ночь мръкнетъ заря. Свѣтъ запала* (‘Долго в ночи⁶⁴ потухает заря. Рассвет забрезжил’).

В такой ситуации любое дальнейшее рассуждение, основанное ровно на одной из возможных интерпретаций, — это лишь условная конструкция, но никак не доказательство. (Рассуждение Айтцетмюллера основано на версии ‘долго ночь рассветает’, в которой глаголу *мъркнути* приписывается самое необычное из всех обсуждаемых значений.) И, конечно, даже если допустить, что *мръкнетъ* имеет здесь указанное необычное значение, то объяснять это значение именно через влияние немецкого языка как минимум необязательно.

Ответ автора на вопрос «б» состоит из трех пунктов (с.116–117). Чтобы нас не заподозрили в злонамеренном оглублении оппонента, приводим их как можно ближе к авторскому тексту, с включением прямых цитат.

1) В СПИ в И. мн. мы находим, наряду с *галици*, *дѣвици*, *лисици* (2×), также *сулицы*, с *ци*. Но в древнерусском было не *сулици*, а *сулицѣ*. «Как же тогда объясняются *галици*, *дѣвици*, *лисици*? Если в речи составителя уже не было мягкого *ци*, а только твердое *ци*, значит, он также и обычное для него *галицы* и т. п. преобразовал обратно в более древнее *галици*». «Путь от современного русского назад в древнерусский здесь очеви-

⁶⁴ Наречие *ночь* ‘ночью’, ‘в ночи’ (возникшее на основе accusativus temporis) многократно представлено, в частности, в Ипат., например ([1170], л. 192): *дѣютъ людье вѣче ночь*.

ден» (т. е. 'очевидно, что автор проделал здесь именно такой путь'). «Конечно, в древнерусском имелись такие формы, как *галици*, *лисици*, но не в XII веке, а лишь после появления нового противопоставления по мягкости *-ы* : *-и* (в XII в. еще было *-ы* : *-ѣ*)».

2) В древнерусском прилагательные различались по родам в И. мн., тогда как в современном русском — единое *-ые*. Поэтому сочинитель нового времени иногда ошибался, когда занимался обратным преобразованием этого *-ые* в древнерусские формы. Так, в СПИ находим *копіа харалужныя* вместо *харалужная*, *златыи* вместо *златии*, *сѣрыи* вместо *сѣрии* и др. «Ни один переписчик XIII, XIV, XV, XVI, XVII века не заменил бы *-ая* на *-ыя* или *-ии* на *-ыи*».

3) Представленная в СПИ форма *приламати* — «ни древнерусская, ни современная русская. Можно ли здесь привлекать один раз встретившееся в Супрасльском кодексе *прѣламаюма* в качестве свидетельства подлинности, остается сомнительным. Потому что скорее речь идет об "улучшении" глагола *приломать*, как это звучало в русском языке XVIII века; по-древнерусски ожидалось бы *приломляти* или в крайнем случае *приламляти*».

И непосредственно за этим абзацем следует величественное заключение всей статьи, которое должно поставить крест на теории подлинности СПИ (с. 117): «Этих примеров, пожалуй, достаточно. Если приверженцы теории подлинности не могут их опровергнуть и тем не менее продолжают держаться своего мнения, несмотря на работы Троста и Хендлера, которые образуют единство с вышесказанным, то остается лишь признать, что вера иррациональна».

§ 10. Тяжелое впечатление оставляет этот пример научного самодовольства в непосредственном сочетании с прямыми ошибками и явно недостаточным знанием предмета.

Мы принимаем вызов и беремся за задачу — к прискорбию для автора разбираемой статьи, не слишком трудную — опровергнуть все три предшествующих пункта его рассуждений.

Пункт 1. Заметим прежде всего, что этот пункт вообще ничего не говорит о XVIII веке, доказывая только то, что Мусин-Пушкинская рукопись СПИ не могла быть написана в XII веке.

Но особенно любопытно здесь то, сколь сильные выводы автору «очевидны».

Как хорошо видно из рукописей, в XV–XVI вв. в большинстве говоров псковской зоны в И. В. мн. жен. мягкого склонения было уже окончание *-i*, а не *-ѣ*. В говорах с отвердевшим *ц* словоформа типа *лисици*, естественно, звучала как *лисицы*. Но у тогдашних писцов несомненно существовало практическое правило «слышишь *цы* — пиши *ци*». Это ясно из того, что в рукописях *цы* обычно встречается лишь изредка, на фоне преобладающего *ци* в тех же формах. Так, в Строев. находим, например: И. мн. *черници* 18, *черноризици* 30 об., В. мн. *рядници* 74 об. и т. п.; то же и в Р. ед. — *оу святѣи Троици* (часто), *святыи мученици Феклы* 36, *Богородици* 81, *до Куклине лавици* 92 об. и т. п.; но изредка встречается и *-цы*, например, Р. ед. *святѣи Троицы* 60. Иначе говоря, картина здесь в точности такая же, как в СПИ. (Для довершения сходства добавим, что в СПИ в этих формах имеются также единичные примеры с древним окончанием *-ѣ* или заменяющим его *-e* [И. мн. *усобіцѣ*, Р. ед. *красны дѣвице*] и с церковнославянским окончанием *-я* [И. мн. *тучя*] — и точно такие

же случаи есть и в Строев., например, *оу святѣи Троицѣ 70, И. мн. вдовица 18.*)

Для возникновения в рукописи именно такой картины поведения *-чи* и *-цы* совершенно достаточно того, чтобы переписчик при записи словоформы придавал ей то окончание, которое было нормально для его собственной речи; а этот тип модернизации текста при переписке текстологам хорошо известен. Он произносил *лисицы* и, применяя указанное орфографическое правило, записывал *лисици*; а редкие записи с *-цы* типа *сулицы*, *Троицы* возникали там, где у него ослабевало внимание.

Если же из соотношения *-чи* и *-цы* в СПИ Айтцетмюллеру «очевидно», что это был не простой писец, а фальсификатор, гримирующий текст под древнерусский, то никак не менее «очевидно», что подделкой позднего времени является и Строевский список псковской летописи.

Пункт 2. Фраза «Ни один переписчик... не заменил бы...» — это, к сожалению, пример того, как риторикой и авторитетным тоном подменяется реальное знакомство с материалом (в данном случае со средневековыми русскими рукописями).

Утверждение элементарным образом неверно. Переписчики несомненно допускали замены этого рода: названные Айтцетмюллером случаи ничем не отличаются от десятков других, когда в ходе истории окончание некоторой формы сменилось и переписчик каждый раз должен был делать некоторое усилие, чтобы записать знакомую словоформу не так, как она существовала в его собственной речи, а как стоит в оригиналe. Достаточно ему было немного ослабить внимание — и словоформа уже получала модернизированный вид. Кроме того, почти во все эпохи существовали и такие

центры книгописания или группы книжников, которые считали нужным писать «правильно», а не копировать слепо ветхий оригинал. Именно этим объясняется, скажем, существование евангелий XIV века, где нет уже никаких следов от определенных черт орфографии евангелий XI века. В сферу подобных «исправлений» могли входить и многие элементы морфологии.

В обсуждаемом случае, вообще говоря, достаточно указать на существование в реальных рукописях примеров типа представленных в СПИ *копія харалужныя* или *сѣрыи вльци*. Таких примеров действительно очень много — чем позднее, тем больше. Ограничимся минимумом: *черныи люди погнаша по немъ* (НПЛ [1255], л. 134); (*ру)куписание*⁶⁵ *лжисвыя* ‘фальшивые завещания’ (берестяная грамота № 307, 2-я четверть XV в.); *врата каменныя* (Строев. [1473], л. 157 об.), *дѣла соудебныа и земскиа* (Строев. [1478], л. 191 об.). Но для тех, кого могут убедить только примеры появления подобных сочетаний именно при переписке, приведем и такие примеры. Архивский 2-й список Псковской 3-й летописи (сер. XVII в.), согласно А. Н. Насонову, списывался со Строевского (1560-е гг.). Сравним в них три места:

Строевский список	Архивский 2-й список
<i>сдѣлаша великаа врата каменнаа</i> ([1469], л. 123 об.)	<i>здѣлаша великия врата каменныя</i>
<i>котори их провадили</i> ([1476], л. 177; <i>-ри</i> здесь вместо <i>-рии</i> во избежание трех и подряд)	<i>которыи их провадили</i>
<i>а котории тобѣ такъ ималися</i> ([1477], л. 181 об.)	<i>а которые тобѣ такъ ималися</i>

⁶⁵ Форма И. мн., записанная с *-ние* вместо *-ниа*.

Пункт 3. Произвольность утверждения о том, что форма *приламати* сочинена искусственно, столь очевидна, что даже сам автор не рискнул подать его в решительной форме. Почему свидетельство Супрасльского кодекса сомнительно, автор не поясняет, как не поясняет и того, почему *приламати* — форма не древнерусская. В действительности в старославянском отмечено не только *прѣламати*, но также *ламати* и *поламати* (см. SJS). В словаре Срезневского находим *ламати*, *изламати*, *поламатиса*, *разламатиса*, *съламати*, *съламатиса* — тогда как ни глагола *ломати*, ни соответствующих приставочных в нем как раз нет (как нет и *-ломлами*, которое подает как древнерусскую норму Айтцетмюллер). В украинском глагол имеет вид *ламати*; и такой же вид он имеет во всех остальных славянских языках, кроме современного русского (см. ЭССЯ, 14: 25). Дело в том, что в истории русского языка исконное *ламати* было со временем сменено на *ломати* — совершенно так же, как *прашати* на *прошати*, *раняти* на *роняти* и т. п. В древненовгородском диалекте новообразования данного типа фиксируются начиная с XIV в. (см. ДНД₂, § 5.12); так что если мерить *приламати* из СПИ этой меркой, то получается как раз точное соответствие норме XI–XIII веков.

Таким образом, в случае с *приламати*, как и в случае с *запалати* (см. с. 301), предполагаемый фальсификатор поступил бы очень неудачно, если бы вставил в свой текст те формы (*приломлами*, *запылати*), которые ему предписывает в качестве правильных его разоблачитель Айтцетмюллер. Тогда он действительно выдал бы себя, поскольку для XII века это были бы анахронизмы. Но он этого не сделал — видимо, он располагал более достоверными, чем у Айтцетмюллера, сведениями о системе огласовок древнерусского глагола.

Общий вывод очевиден. Из четырех предъявленных Айтцетмюллером аргументов в пользу отнесения СПИ к XVIII веку первый (значение словоформы *мръкнеть*, § 9) не имеет доказательной силы, поскольку является не более чем гипотезой, а три остальные (§ 10) просто ошибочны.

В целом члены рассмотренной группы сторонников поддельности СПИ оказались до огорчительности легковесны. Их подход к своей задаче крайне поверхностен, их так называемые доказательства сплошь и рядом ошибочны уже на уровне исходных посылок. Показать поддельность СПИ кажется им делом совсем несложным: достаточно небрежно ткнуть пальцем то в одну, то в другую особенность этого текста, которая им бросилась в глаза. Они как будто не знают о существовании лингвистических аргументов также и на противоположной чаше весов.

И на этом фоне совершенно удручающее впечатление производит манера этих авторов употреблять громкие слова вроде *eindeutig*, *unbedingt*, *außer Zweifel*, *unwiderlegbar* там, где ответственный автор имел бы право не более чем на слова «мне кажется».

Я должен подчеркнуть, что начал изучать эту группу работ с безусловным априорным уважением. Но чем более внимательно в них вчитывался, тем больше поражался их неосновательностью (и огорчался, что лингвисты могут быть столь же склонны к произволу, как и представители менее точных гуманитарных дисциплин). Гипотеза о поддельности СПИ оказалась построена в них на предельно шатких аргументах с густой примесью просто ошибочных.

Столь слабые работы несомненно оказывают дурную услугу той концепции, на стороне которой стоят их авторы. У постороннего наблюдателя растет естественное подозрение, что если в защиту этой концепции выставляются столь легковесные аргументы и столь пустые громкие слова, то ничего более прочного за ней и не стоит.

Итак, сторонники поддельности СПИ могут теперь говорить, что в их лагере появились и лингвисты. Но, увы, в рассмотренных выше работах перед нами предстает такое количество фактических ошибок и не подкрепленных фактами утверждений, такое неумение отличить доказательство от вольной гипотезы, что эти работы не делают чести лингвистике.

НОВЕЙШИЙ КАНДИДАТ НА АВТОРСТВО «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» — ЙОСЕФ ДОБРОВСКИЙ

§ 1. Настоящая статья присоединена нами к уже написанной книге в связи с появлением книги Эдварда Кинана «*Josef Dobrovsky and the Origins of the Igor' Tale*» (Кинан 2003), идея которой состоит в том, что СПИ сочинил Йосеф Добровский (1753–1829). В основную статью мы предпочли не вносить по этому поводу сколько-нибудь существенных изменений. Вместо этого мы пытаемся ниже выяснить, насколько применимо к новому выступлению против подлинности СПИ то, что уже установлено в отношении прежних. (При этом нам кое-где придется частично повторить уже сказанное в статье «Аргументы...».)

Отметим прежде всего, что, в отличие от легковесных работ Троста, Хендлера и Айтцетмюллера, книга Кинана — основательный и интересный труд. Это третья книга в серии больших работ, доказывающих поддельность СПИ, — после Мазона и Зимина.

Книга написана ясно и увлекательно. Хотя затмение солнца, изображенное на суперобложке книги, недвусмысленно говорит читателю: солнце древней русской словесности отныне ушло во тьму, — следует все же признать, что о своей гипотезе Кинан говорит в приемлемой тональности (с. 396): «Только время и беспристрастная научная дискуссия покажет, представляются ли другим эти наблюдения столь же убедительными, как мне». Небезинтересно также заявление Кинана

(там же), что ряд соображений побуждает его «оставить свой прежний взгляд (что текст был создан в качестве праздного развлечения за короткое время) и склоняет к представлению, что работа Добровского над текстом была скорее довольно серьезным и длительным занятием».

Большим достижением Кинана по сравнению с его единомышленниками является тезис о том, что все предлагавшиеся до сих пор кандидаты на роль автора СПИ никоим образом для этой роли не подходят, поскольку они были заведомо неспособны решить необходимую лингвистическую задачу. Тут мы с ним охотно соглашаемся. Действительно, лучше Й. Добровского кандидата нет: все прочие предлагавшиеся кандидаты в отношении лингвистической подготовки не идут с ним ни в какое сравнение.

В статье «Аргументы...» был обрисован портрет Анонима — человека нового времени, который мог бы создать СПИ. Оказалось, что этот человек, если он существовал, необходимым образом должен был обладать целым набором совершенно исключительных качеств. В частности, это должен был быть: гениальный лингвист; человек, познакомившийся с очень большим количеством древнерусских рукописей (в их числе с совершенно определенными сочинениями, обнаруживающими неслучайную связь с СПИ); человек, знакомый с устным народным творчеством разных славянских стран. В статье не утверждалось, что такого человека безусловно не было, но указывалось, что вероятность его существования крайне мала.

И вот в книге Кинана мы находим очень похожий набор требований, предъявляемых к кандидату на роль автора СПИ. Но кардинальная разница состоит в том, что Кинан утверждает: такой человек найден! И он дает нашему Анониму имя: Йосеф Добровский.

Прежде всего, это действительно великий лингвист, основатель славянской лингвистики как науки. Можно задаваться вопросом о мере его гениальности, но его первенство в знании новых и древних славянских языков среди всех его современников бесспорно.

Далее, он действительно имел возможность ознакомиться с очень большим количеством древнерусских рукописей за время своего полугодового визита в Россию в 1792–1793 гг. Известно, что он неустанно работал все эти месяцы над рукописями, делая многочисленные выписки. При этом ситуация оказалась максимально благоприятной для его задачи: по указу Екатерины II от 11 августа 1791 г. книжные собрания монастырей были переданы в ведение Синода, и Добровский смог с ними ознакомиться. Он работал в библиотеке Петербургской академии наук и в «Собрании российских древностей» А. И. Мусина-Пушкина.

Более того, открытия недавних лет показали, что, вопреки прежним представлениям, Добровский был знаком со всеми тремя главными источниками, обнаруживающими связь с СПИ, — Ипатьевской летописью, псковским прологом 1307 г. и Задонщиной.

И наконец, Добровский был общепризнанным знатоком славянского фольклора. Он постоянно читал все, что выходило в свет по этой тематике.

Отметим еще, что некоторые из частных проблем, указанных выше в статье «Аргументы...», при гипотезе об авторстве Добровского находят по крайней мере частичное решение. Так, автор-чех должен был иметь гораздо меньше затруднений, чем русский, с древнерусскими энклитиками. В частности, в отличие от русских, он был хорошо знаком с энклитической частицей *ти*, которая в чешском языке сохранилась. Существенно также привлеченное Кинаном сведение о том, что Добровский знал о существовании у Днепра прозвища

*Славута*⁶⁶ (с. 367) и что он мог найти словосочетание *си ночь* у Крижанича (с. 286).

Правда, даже и после всего этого снимаются далеко не все проблемы, связанные с обращением Анонима к рукописям и к народнопоэтическим произведениям. В частности, остается остройшая проблема, состоящая в том, что Аноним должен был использовать не один, а пять списков Задонщины (см. «Аргументы...», § 28). Согласно Кинану, имеется документальное подтверждение знакомства Добровского со списком С; про все остальные списки он лишь предполагает, что Добровский видел также и их (но не оставил об этом никаких записей)⁶⁷. Во всяком случае, при разборе текстов это обстоятельство явно мешает Кинану, и он старается его обходить. Цитаты из Задонщины помечаются просто словом «Задонщина», и только из примечаний читатель может установить, что Кинан цитирует не менее четырех разных ее списков⁶⁸. Другая проблема состоит в том, что лишь часть народнопоэтических образов и диалектных слов, представленных в СПИ,

⁶⁶ Правда, надежно здесь только то, что он знал об этом из публикации 1796 г.; что он мог знать это и раньше, Кинан лишь предполагает.

⁶⁷ В новой работе О. Б. Страховой (2006) убедительно показано, что вероятность знакомства Добровского с пятью списками Задонщины близка к нулю и что даже его знакомство со списком С в действительности документального подтверждения не имеет.

⁶⁸ Не говорим уже о том, что, как показано в «Аргументах...» (§ 23), фальсификатор должен был затратить на лингвистическое изучение одной только Ипатьевской летописи чрезвычайно большое время и труд. Между тем Добровский видел эту рукопись лишь в числе более чем тысячи (!) других, с которыми он ознакомился за полгода своего пребывания в России (см. Кинан 2003: 104).

можно найти в публикациях XVIII века (и более ранних); остальные Добровский должен был узнавать какими-то другими путями.

Но мы все же не будем углубляться в эту гипотетическую сферу.

Другой важной стороной вопроса является произведенное Кинаном исследование истории появления, публикации и исчезновения рукописи СПИ, в результате которого он поддерживает уже высказывавшуюся его предшественниками гипотезу о ложности сведений по всем этим пунктам, исходящих от А. И. Мусина-Пушкина. В частности, согласно Кинану, никакого старого сборника, в состав которого входило СПИ, вообще не существовало. Этот раздел книги Кинана написан очень увлекательно и действительно склоняет читателя к мысли, что картина там весьма подозрительная. Но, как это часто бывает, разоблачительная сторона его работы выглядит гораздо убедительнее, чем его собственная гипотеза о том, как обстояло дело. Он не нашел никаких позитивных свидетельств передачи Добровским каких бы то ни было текстов кому-либо из прямых или косвенных участников публикации СПИ. Его версия, согласно которой Добровский составил СПИ в несколько приемов и одну порцию за другой каким-то неустановленным способом передавал или пересыпал неустановленному лицу из круга будущих публикаторов, остается целиком в сфере вольных предположений — не говоря уже о загадочности мотивов, которыми руководствовался Добровский⁶⁹. Таким образом, эта

⁶⁹ Добавим к этому, что в работе Страхова 2006 детально проанализирована проблема выписок из сборника, содержавшего СПИ, сделанных Карамзиным (о которой Кинан умалчивает). Если верен тезис Кинана о том, что такого сборника вообще не существовало, то Карамзин был участником заго-

сторона исследования Кинана представляет собой не более чем набор подозрений и сама по себе еще ничего в отношении Добровского не доказывает. Основное бремя доказательства ложится не на нее, а на сам текст СПИ.

Ниже мы от темы обстоятельств находки, равно как от литературоведческой проблематики, отвлекаемся и будем заниматься только лингвистической стороной вопроса.

Итак, Кинан предложил кандидата на роль автора СПИ, который действительно в ряде существенных отношений похож на воображенного нами Анонима. Нам предстоит выяснить, каковы реальные шансы Добровского на эту роль.

§ 2. Прежде чем переходить к лингвистике, хотелось бы все же коснуться еще одной стороны вопроса. «Кандидатура» Добровского на роль Анонима не может не вызывать недоумения в связи с некоторыми обстоятельствами его биографии.

Добровский, хотя и поверил (по крайней мере вначале) в подлинность Краледворской рукописи, категорически отказался признать подлинной вторую подделку Ганки — Зеленогорскую рукопись (см. об этих подделках выше, «Аргументы...», § 3). По поводу этой рукописи он писал: «очевидный подлог мерзавца, который хотел, чтобы его легковерные соотечественники были у него в дураках». Его бескомпромиссная позиция в этом вопросе обошлась ему дорого: между ним и его учеником Ганкой произошел разрыв, и Добров-

вора и скомпилировал эти выписки из нескольких других источников, предварительно лингвистически обработав каждый из них. В работе Страхова 2006 показано, однако, что эти источники были Карамзину просто недоступны.

ский, несмотря на огромные заслуги в деле чешского национального возрождения, окончил свои дни не на вершине почета, а под бременем осуждения со стороны чешских патриотов, которые не прощали никому сомнение в подлинности Краледворской и Зеленогорской рукописей; ему пришлось выносить даже инсинации, что он не настоящий чех, а «славянствующий немец».

Если Добровский сочинил СПИ, то он клеймил Ганку за то, в чем был повинен сам. И если он не признавался в авторстве СПИ, чтобы, как объясняет Кинан, не нанести морального ущерба России, в которой он видел гаранта будущего возрождения славянства, то это делал тот же самый человек, который в деле чешского национального возрождения держался принципа, что истина выше патриотизма.

Другой важный факт состоит в том, что Добровский многократно обращался в своих исследованиях к СПИ как к источнику, предлагал интерпретации ряда темных мест и, главное, включил некоторые формы из СПИ в труд своей жизни — *Institutiones*, который должен был стать настольной книгой всех последующих славистов (и действительно немалое время играл именно такую роль), — в одном ряду со ссылками на множество кропотливо изученных им подлинных древних рукописей.

Если он сам и написал СПИ, значит, он пошел на риск того, что в случае разоблачения погибнет репутация его главного научного сочинения — а ведь это была эпоха, когда репутация научного труда еще представляла собой капитальную ценность. А в то, что разоблачение в таких случаях в принципе возможно, Добровский не мог не верить, коль скоро он сам добивался разоблачения Ганки (заметим, что *Institutiones* вышли в 1822 г., на четыре года позже «открытия» Зеленогорской рукописи).

Но даже этого мало: Добровский вносил некоторые выписки из СПИ в свои рабочие записные книжки, которые совершенно не предназначались для публикации. Кому был адресован этот изысканный обман?

Неудивительно, что Кинан чувствует себя в этих пунктах своей гипотезы неуютно. Он называет поведение того Добровского, которого он нам рисует, «неискренним» (*disingenuous*), но это, конечно, мягчайший из возможных эпитетов. В поисках хоть какого-то объяснения Кинан готов ссыльаться на душевную болезнь Добровского и даже обсуждает возможность того, что Добровский забыл (!), что это он сочинил СПИ.

Но не наша задача решать, верно ли, что гений и злодейство — две вещи несовместные. Мы обратимся к чисто лингвистической стороне дела.

§ 3. Общая направленность книги Кинана — показать, что СПИ насыщено богемизмами и другими следами деятельности Добровского. Основную часть книги составляет построчный разбор всего текста СПИ. Для каждой фразы Кинан дает комментарий в свете авторства Добровского. И он уже не говорит: «Если это написал Добровский, то...». Он говорит просто: «Здесь Добровский сделал то-то»⁷⁰. В результате мы узнаём, что чуть ли не в каждой фразе СПИ какие-то элементы можно объяснить как богемизмы: список богемизмов в

⁷⁰ Заметим, что, помимо всего прочего, это эффективный способ воздействия на подсознание читателя: недоказанное (а только еще доказываемое) утверждение переводится в сферу презумпции, а в этой сфере, как известно, интеллектуальное сопротивление слушателя (читателя) максимально затруднено. Справедливость требует признать, однако, что тут Кинан поступает точно так же, как большинство его противников.

резюме (с. 393) насчитывает 65 единиц; но в тексте точек вероятного чешского влияния указывается еще намного больше. Если верить Кинану, в сущности весь текст СПИ написан на полурусском-получешском языке. Можно только изумляться тому, что за двести лет этого не заметил никто из тех сотен исследователей (в их числе и чехов), которые трудились над разгадыванием загадки СПИ. Но сам Кинан уже настолько сжился с этой идеей, что, комментируя, например, слово *шизыи* или слово *яруга*, он считает уместным указать, что в чешском этих слов нет; а комментируя слово *буйство*, которое заведомо не имеет отношения к чешскому, поскольку оно представлено также и в Задонщине, он все-таки как бы мимоходом отмечает: «ср. чешское *bujně* ‘весело’».

Логическую схему кинановского разбора можно представить так: «Примем гипотезу, что автор СПИ — Добровский; и смотрите, строчка за строчкой, сколь многое в тексте СПИ эта гипотеза позволяет успешно объяснить».

Как уже отмечено в «Аргументах...» (§ 3), такая схема анализа в принципе допустима; но, конечно, возникают вопросы: 1) в какой степени возможно объяснить те же факты в рамках версии подлинности СПИ?; 2) как эта гипотеза объясняет факты, которые обычно служат опорой версии подлинности? Ответственный автор обычно старается ответить на такие вопросы, не дожидаясь, пока их зададут оппоненты. В случае Кинана это не так. Он ограничивается демонстрацией только того, что идет на пользу его гипотезе. Поэтому эту вторую половину дела нам придется делать самим.

Схема «одностороннего анализа», принятая Кинаном, — в сущности такая же, как в рекламе. Соответствующие правила рекламы можно сформулировать примерно так:

1. Нужно с убежденностью в голосе говорить: «Наш товар очень хорош — он прекрасно удовлетворит ваши потребности».

2. Нужно повторять это как можно большее число раз, например, указывая как можно большее число частных случаев, когда товар удовлетворит потребности покупателя.

3. Ни слова о том, что во всех этих случаях потребность мог бы удовлетворить также и товар конкурента.

4. Ни слова о том, что бывают ситуации, где рекламируемый товар не может удовлетворить потребности покупателя.

У Кинана мы находим почти то же самое:

1. Предлагается гипотеза: «автор СПИ — Добровский»; утверждается, что это хорошее решение всех связанных с СПИ проблем.

2. На протяжении 500-страничной книги для множества мест из текста СПИ и для различных связанных с СПИ проблем предлагается объяснение, исходящее из этой гипотезы.

3. О том, что в каждом конкретном случае в принципе есть возможность и другого объяснения, не говорится вообще или говорится мимоходом как о варианте явно неудовлетворительном.

4. Не упоминаются вообще те стороны дела, которые предлагаемая гипотеза сколько-нибудь правдоподобно объяснить не может.

Как и в случае с рекламой, такой метод вполне может давать значительный эффект в применении к широкой публике; непрофессионалов, которых книга Кинана этим потоком аргументов, бьющих в одну точку и поданных убежденным тоном, покорит, возможно, окажется немало. Но, конечно, с точки зрения нормальных профессиональных требований к научному исследова-

нию такая структура аргументации неудовлетворительна (из-за пунктов 3 и 4).

Кажется неправдоподобным, чтобы автор начала XXI века, предлагающий очередную версию поддельности СПИ, мог вести себя так, как если бы в пользу противоположной точки зрения никогда никаких серьезных аргументов не предъявлялось. И однако же Кинан счел для себя возможной именно такую позицию: сторонники подлинности СПИ предстают в его изображении просто как фанатики, все занятие которых состоит в том, чтобы придумывать какие попало возражения против очевидных свидетельств поддельности СПИ. Никакого серьезного разбора их аргументов в книге Кинана нет; есть лишь снисходительная насмешка прозревшего над слепыми.

В соответствии с описанным положением дела наш последующий разбор делится на две части: 1) доказательно ли то, что в книге Кинана есть; 2) о том, чего в книге Кинана нет.

Доказательно ли то, что в книге Кинана есть

Вопрос об уровне надежности

§ 4. Кинан с самого начала исходит из того, что в проблеме подлинности или поддельности СПИ речь может идти только о предположениях. И раз нет ни одного совершенно прочного аргумента, пусть будет много до некоторой степени вероятных; не пренебрегает Кинан в этом вопросе и совсем уж ничтожной вероятностью (всё это очень похоже, например, на позицию Хендлера, ср. «О противниках...», § 7).

Кинан сам объявляет (с. 139), что он будет уделять «особое внимание неясным словам и темным местам».

Но темные места — это традиционное поле для разгула вольных фантазий. И можно только поражаться способности большинства комментаторов к ярко выраженному *doublethink* в этом вопросе: четкое критическое мышление, отличная логика, способность учитывать даже детали и т. д., когда речь идет об оценке чужого решения, и совершенно неправдоподобная слепота и отсутствие всех этих критических качеств, когда тот же автор предлагает свое собственное решение. Видимо, почти все изобретатели филологических решений до такой степени подпадают под обаяние своей идеи, что становятся неспособны подойти к ее оценке со своими же обычными критериями, так что их суждения о том, насколько она удачна, нельзя вообще принимать во внимание — судьями с самого начала должны быть трети лица.

К сожалению, Кинан здесь не исключение. Его самого его конъектуры полностью убеждают. По его собственным словам (с. 138), его прочтение текста СПИ имеет ряд преимуществ перед чтением его предшественников, первое из которых — это то, что он убедительно (*convincingly*) исправляет некоторые темные пассажи.

Увы, никакого существенного отличия от его предшественников в действительности у него нет: то, что убедительно для изобретателя конъектуры, оказывается на каждом шагу совершенно неубедительным для читателя.

Вот пример: рассказывая о преимуществах своего прочтения, Кинан в качестве самой лучшей иллюстрации, которую он сам явно считает неотразимой, выбрал отрезок *босуви врани* 98. Это чтение первого издания Кинан исправляет на *бо суви и врани*, толкуя *суви* как 'совы'. По смыслу действительно получается неплохо:

Всю нощь съ вечера бо суви и врани възграяху 'ибо всю ночь с вечера совы и вороны граяли (кричали)'.

Но это достигается совершенно немыслимой ценой: *суви* — это якобы чешское разговорное *sývy* 'совы' (в литературном чешском — *sovy*). Добровский здесь каким-то непостижимым образом упал с уровня уникального знатока всех славянских языков и наречий до уровня неграмотного чешского мальчишки: он не сумел отличить разговорную чешскую форму от литературной, не сумел сообразить, как должно выглядеть русское соответствие этого слова, и даже забыл, что русское слово должно иметь окончание *-ы*, а не *-и*. (После этого можно уже не обсуждать вопроса о том, почему энклитика *бо*, которая должна была бы стоять после *всю* или после *нощь*, оказалась на неправильном месте.)

Такова самая несомненная, по мнению автора, из новых интерпретаций.

Вот еще один пример. Загадочное *ростренакусту* 197 Кинан исправляет на *ростре на кусы ту* 'растерзала на куски там' (с. 383–384). А речь идет о том, как утонул в Струге юный князь Ростислав. Получается, что река Струга растерзала тонущего Ростислава на куски! Поистине, объяснить такую картину без ссылки на то, что сочинитель СПИ был психически нездоров, затруднительно.

Обсуждаемые пассажи действительно темны. Но и новые чтения Кинана только лишний раз это ярко демонстрируют. И мы согласны с В. М. Живовым, что в подобных случаях необходимо не «филологическое буйство», а смиренное признание того, что некоторые темные места надежного решения не получат уже никогда.

И ясно главное: построение конъектур для темных мест текста — занятие хоть и увлекательное и небесполезное, но даже близко не стоящее к тому уровню надежности, который требуется для решения вопроса

о подлинности или поддельности текста. Можно не упрекать Кинана в том, что его конъектуры недостаточно надежны: тут он не хуже многих других. Но важно то, что эти конъектуры не имеют практически никакой силы в качестве аргументов в пользу его гипотезы.

В полете фантазии Кинан мало себя ограничивает и в других вопросах. Например, он всерьез предлагает версию о том, что Добровский записывал сочиняемое им СПИ смесью латиницы и кириллицы, а приведение всего текста в кириллический вид — это уже дело его русских сообщников, готовивших СПИ к печати. Он не осознает того, что если все тонкости средневековой кириллической орфографии, которые обнаруживаются в СПИ, достигнуты этими публикаторами, то он вынужден предположить лингвистическую гениальность не только у Добровского, но и у публикаторов и тем самым потерять главный козырь, составляющий привлекательную сторону его гипотезы.

Придумывая объяснения для мешающих его гипотезе фактов, Кинан не затрудняет себя долгим поиском аргументов. Годятся любые предположения, в том числе и совершенно произвольные⁷¹. Это могут быть, например, ссылки на те или иные склонности Добровского, на его настроение в момент сочинения конкретного пассажа и даже на его душевную болезнь. Это могут быть догадки о том, по какому ложному пути пошла мысль Добровского, — Добровский был, конечно, великий лингвист, но, как мы уже видели, все же не настолько, чтобы не ошибиться там, где ошибка на руку Кинану.

⁷¹ Пестрое качество этих предположений во многом определяется еще и тем, что Кинан придерживается известного принципа, согласно которому какое-нибудь объяснение надо дать всегда: читатель не любит слов «не знаю».

Вообще, величие Добровского как лингвиста в основном фигурирует у Кинана лишь в сфере общих деклараций. При разборе конкретных сюжетов Добровский то и дело оказывается в роли человека, который чего-то не знал или где-то ошибся. Собственно, каждый из бесчисленных богемизмов, которые вылавливает Кинан, есть не что иное, как промах Добровского.

Как объяснить, например, *и* во встретившемся в СПИ слове *шизыи*? Поскольку идея псковизма противоречит гипотезе об авторстве Добровского, Кинан вынужден искать другое объяснение. И вот он его находит. По его словам (с. 167), «решение напрашивается само (suggests itself)»: Добровский придумал вариант с *и*, ошибочно применив здесь то звуковое соотношение, которое существует между рус. *серый*, *седой* и чеш. *šerý*, *šedý* (и столь же ошибочно не применив соотношение между рус. *сивый* и чеш. *sivý*). Зачем вообще Добровский сделал столь безумную с точки зрения его целей вещь — заменил русское слово *сизый* (которое он, следовательно, знал) на «чехоподобное» *шизый*, — над этим Кинан не задумывается. Затем, чтобы текст был больше похож на чешский? Воистину, это выдающийся пример решения, которое «напрашивается само».

И это при том, что слово *шизыи* содержится в новгородской берестяной грамоте XII века № 735 (что, между прочим, открыто уже довольно давно: см., например, ДНД₁ [1995], с. 270; НГБ X [2000], с. 34).

Принцип «релевантности» памятника

§ 5. Инструментом, который призван радикально облегчить Кинану его задачу, является введенное им понятие «релевантных источников», т. е. единственно существенных — таких, помимо которых все остальные

уже можно просто игнорировать. Далее любое слово из СПИ уже будет сравниваться не со всем массивом имеющихся данных, а только с релевантными источниками. И если его там не нашлось, оно будет трактоваться как гапакс (т. е. слово, не встречающееся более нигде), сколько бы раз оно ни встретилось за рамками этих источников. А всякий гапакс, естественно, подается как очередное свидетельство искусственности СПИ.

Самая жестокая хирургическая операция здесь состоит в том, что из числа релевантных источников раз и навсегда исключаются все сведения, записанные после 1800 г., т. е. позднее первой публикации СПИ. Тем самым исключаются из рассмотрения, в частности, все данные говоров. Не принимается во внимание словарь Даля⁷². Мотивация: слово могло попасть в эти поздние источники из СПИ.

Нельзя не признать эту мотивацию абсолютно неудовлетворительной. Да, несколько слов из СПИ действительно могли получить некоторую популярность и попасть в словари; вероятность того, что они проникли после этого в какие-то народные тексты, ничтожна, но можно допустить даже и это. Однако это не значит, что у лингвистов нет никаких средств их распознать и что исследователь вправе вообще отказаться на этом основании от анализа какого бы то ни было диалектного и фольклорного материала или перечеркнуть работу Да-

⁷² Фраза «Слово выдумано Далем» используется с легкостью необыкновенной. Например, такой выдумкой Даля объявлено слово *бусый* (с. 145). И это при том, что в СРНГ (3: 306) примеры на прилагательное *бусый* (и *бусой*) (три омонима), собранные в 30 разных областях России, занимают целую страницу. Не знаешь, чему больше удивляться: популярности выдумок Даля у русского народа или той филологии «сплеча», которую практикует Кинан.

ля. У Кинана, увы, это просто дешевый способ избавиться от весьма неудобных для его гипотезы данных.

Замечание. Вообще слова из СПИ, которых нет нигде, кроме говоров, составляют постоянную головную боль для сторонников поддельности. Если верить Зимину, всякое такое слово фальсификатор из говоров и взял. А вот Кинан нашел прямо противоположный выход: это носители говоров взяли такие слова из СПИ (а фальсификатор их просто выдумал).

Как это ни странно для исследователя начала XXI века, имеющего дело с древнерусской лексикой, Кинан совсем не знает материала берестяных грамот и даже ни разу их не упоминает. Между тем в этом материале имеется множество примеров, полностью опровергающих его методологические постулаты.

В связи с постулатом Кинана о недопустимости обращения к данным говоров приведем некоторые (далеко не все!) слова из берестяных грамот XI–XV веков, которые обнаружены только в говорах: *веретище* 'холщовый полог или подстилка', 'дерюга'; *вержса* (или *вережса*) 'рыболовная снасть, верша', 'рыболовный участок'; *верѣка* в знач. 'веревка для невода'; *головица* 'передняя часть сапог или поршней'; *юлань* 'прогалина, луговая или полевая равнина'; *зобатиса* 'заботиться'; *клещь* 'лещ'; *клѣтище* 'кусок домотканого холста, холстина'; *коза* в знач. 'таган, железная решетка'; *колтки* (род височных подвесок); *коракула* (или *коракула*) (род железного инструмента); *овыдъ* 'яровая рожь'; *орогъ* 'лощина, низина'; *оромица* 'пахотная земля'; *пнати* 'растягивать', 'тянуть'; *подлина* 'подкладка'; *присловын* в знач. 'худая слава, укор'; *рудавыи* 'буро-красный, рудый'; *ѣмена* 'зерно, предназначенное на еду'.

В других памятниках XI–XV веков этих слов нет. По методологии Кинана любое из этих слов, если бы оно встретилось в СПИ, было бы признано не имею-

щим «релевантных» параллелей и попало бы в категорию подозрительных (т. е., по мнению Кинана, скорее всего просто выдуманных фальсификатором).

Вот особенно яркий пример того, как далеко заходит Кинан в своих фантазиях относительно происхождения и способа распространения русских слов, равно как и в своей самоуверенности.

Как в СПИ, так и в Задонщине (список У) есть слово *былина* в значении 'действительное событие, быль' (*по былинамъ сего времени* в СПИ, *по дѣломъ и по былинамъ* в Задонщине). Кинан предлагает нам (с. 155 и 159) следующую конструкцию из четырех этажей гипотез:

1) *былинамъ* в списке У Задонщины — простая описка (писец якобы не сумел правильно воспроизвести *по дѣломъ быльмъ*);

2) в СПИ слово взято из Задонщины (именно из этого списка — иначе говоря, фальсификатору не повезло: он позаимствовал простую описку);

3) из СПИ слово *былина* в данном значении попало в словарь Даля;

4) из словаря Даля оно вошло в русский язык.

Далее Кинан пишет (с. 160, сноска 77): «Слово было, по-видимому, незнакомо Пушкину; он думал, что ударение в нем на конечном слоге ("Небылицы, былины / Православной старины")».

А теперь заглянем в Псковский областной словарь (2: 233): *былинá* 'то, что происходило в прошлом; былое' (с примером: *Ну, ни загавáривай, гаварí пра былинú*). Получается, что все-таки Пушкин знал лучше, чем Кинан, как ставить ударение в этом слове. (Но соревнование тут, конечно, нечестное: у Кинана не было в детстве няни Арины Родионовны.)

Да и историческая акцентология на стороне Пушкина: *былóй* и *быль* — слова акцентной парадигмы *с*, следовательно, исключительное ударение в *былина* 'былое, реаль-

но бывшее' было флексионным. При исходной парадигме с это правильное древнее ударение для того *-ин-а*, которое образует имена качества и имена объектов — носителей данного качества; ср., например, *съдинá* от *съдóй*, *косинá* от *косóй*. С другой стороны, слово *былина* 'травинка, былинка' (т. е. со значением единичности) закономерно имеет ударение на суффиксе — это правильное ударение для суффикса *-ин-а*, образующего имена со значениями единичности, рода ткани или мяса, увеличительности и др.; ср., например, *хворостíна*, *лъсíна*, *лосíна* от слов *хвóрост*, *лъсъ*, *лось* (акцентной парадигмы с). По этому образцу получило свое ударение и позднее *были́на* 'эпическая песня'.

Конечно, не во всех случаях ситуация столь кристально ясна — не всегда готовы быть свидетелями сразу и Пушкин, и диалектология, и историческая акцентология. Но заметим и то, что для Кинана пример *былина* — один из главных для обоснования принципа неприемлемости поздних свидетельств, он ссылается на этот пример многоократно.

Другой пример. По Кинану (с. 361), слово *вѣтрило* (в обращении к ветру) просто выдумано Добровским. Но оно есть в Пск. обл. слов. (3: 128) и в Арханг. обл. слов. (4: 22) — в обоих случаях в значении 'сильный ветер'; возможно оно и в русской разговорной речи. О том, что усилительный (или эмоциональный) вариант с суффиксом *-ил-о* существовал уже в древности, говорят такие древние прозвища, как *Мужило*, *Братило*, *Дѣдило*.

В целом отказ (под совершенно неубедительным предлогом) от современных диалектных данных просто обедняет фактическую базу рассуждений Кинана и обесценивает целый ряд его заключений по конкретным лексемам.

С другой стороны, Кинан исключает, хотя уже не столь категорически, также церковнославянские памят-

ники. Насколько можно понять, это значит, что, по его мнению, подлинное светское сочинение XII века не должно было бы содержать церковнославянизмов. Это явно не соответствует реальной литературной ситуации XII века, но зато успешно помогает ему обнаруживать в СПИ «незаконные» церковнославянизмы. А если вспомнить, что, отказавшись от фольклорных и диалектных источников, Кинан выбросил из рассмотрения и целый пласт собственно народных восточнославянских слов, то понятно, что у него сфера «законных», т. е. не вызывающих его подозрений, слов в СПИ оказалась усечена одновременно с двух противоположных сторон: церковнославянской и собственно народной. А все слова из СПИ, которые не попали в оставшуюся куцую выборку, объявляются подозрительными, и Кинан объясняет их как результат лексических промахов Добровского.

Сузив до предела круг «релевантных источников», Кинан не замечает того, что он сам вгоняет себя в очевидное противоречие: если уж действительно источников, с которыми позволительно сравнивать, так мало, то почему же он всё-таки продолжает придавать капитальное значение тому, что в этом узеньком кругу памятников того или иного слова из СПИ не нашлось? Ведь ясно, что если база для поиска параллелей мала, то отсутствие той или иной параллели ничего не значит.

Аргумент «отсутствие в памятниках»

§ 6. Как и все его единомышленники, Кинан активно использует тезис «раз нет в памятниках, то скорее всего не было и в языке». При этом за счет введения принципа «релевантности» этот тезис дает ему даже более существенный выигрыш, чем остальным: достаточно, чтобы слово отсутствовало в узком кругу избранных памятников, и оно уже признается искусственным.

Вопрос о неправомерности данного тезиса уже рассмотрен нами в статье «Аргументы...» (§ 26, 34). Дополнительной иллюстрацией могут служить приведенные выше (в § 5) слова из берестяных грамот: все они отсутствуют в традиционных памятниках XI–XV вв. (в том числе, разумеется, во всех «релевантных» для Кинана).

К этим иллюстрациям уместно добавить еще и такие слова из берестяных грамот, которые не зафиксированы более вообще нигде — ни в памятниках, ни в говорах (значение многих из них по понятной причине установлено недостаточно точно или даже вовсе не установлено). Не пожалеем места и приведем для убедительности достаточно большое число таких слов (хотя всё же далеко не все):

аесова (бранное слово, букв. ‘сователь яйца’); *без отступа* ‘непременно’; *бересто* ‘документ на бересте, берестяная грамота’; *вежники* ‘живущие в шатрах, кочевники’ (?); *вершь* ‘верхом’; *вздирати на кого* ‘задираться, придиরаться’; *включити* ‘вложить (деньги), затратить’; *вкупникъ* ‘соарендатор’; *всписати* ‘написать в ответ’; *входити кого ротѣ* (значение не установлено); *вырути* ‘подвергнуть конфискации имущества’; *высажнути* ‘вырваться’ (?), ‘выйти из повиновения’ (?); *вытолъ* (значение не установлено); *голубина* ‘голубая ткань’; *дикатыи* ‘дикий, диковатый’ (?); *дужьба* ‘выздоровление, излечение’; *дѣтатичъ* ‘дитя, сын’; *задѣти кому* ‘обидеть, задеть кого-л.’; *изростъ* ‘проценты, лихва’; *искупникъ* ‘человек, выкупленный из плена’; *крытою* (какая-то выплата); *лендомъ* (или *лендома*) (мера количества рыбы); *либинъ* ‘лив’; *льго*: *не льго* ‘не позволено, нельзя’; *молодогъ* ‘солид’; *москотъю* ‘ткани’ (?), ‘имущество, добро’ (?); *недума* ‘пустомеля’; *оперсникъ* (какой-то вид одежды); *остать* ‘остаток’; *отатьбити* ‘обвинить в воровстве’; *оточка* ‘обшивка’, ‘оторочка’; *паробень* ‘слуга’, ‘парубок’; *переслышивати*

‘перехватывать слухи’; *перечинати* ‘переправлять (о вестях)’ (?); *поленныи* ‘украшенный лентами’ (?), ‘разноцветный’ (?); *полубуивыи* ‘дурковатый’ (?), ‘полудикий’ (?); *поногатною* (род подати); *поправити* в знач. ‘отправить, доставить’; *привитка* (какой-то вид одежды); *прокрута* ‘наделок’, ‘приданое’; *пролежь* ‘товар, пролежавший дольше нормального срока’ (?); *промышнияти въ дому* ‘заниматься домашним хозяйством’; *рало* в знач. ‘подать с плуга, сохи’; *робичныи* (значение не установлено); *рубъ* ‘разверстка’; *рудавьщина* ‘ткань буро-красного цвета’; *сдаюти* ‘дать в придачу’; *семница* ‘седьмая часть’ (?), ‘седьмая часть гривны’ (?); *семокъ* ‘седьмая часть’ (?); *скудятина* (о бедном); *счетка* (значение не установлено); *ты дни* ‘на днях’, ‘давеча’; *усторовѣти* ‘уцелеть’; *хамъ* ‘полотно’; *хамецъ* ‘полотнишко’; *чатровыи* ‘сделанный из ткани чаторь’; *чermничныи* ‘сделанный из ткани чермница’.

Этот список слов из берестяных грамот (вместе с аналогичным списком, приведенным в § 5) является самым наглядным ответом на тезис «если нет в памятниках, то не было и в языке». Любое из этих слов, попади оно в состав СПИ, было бы зачислено Кинаном, как и его единомышленниками, в свидетельства поддельности СПИ. Однако же отрицать, что эти слова существовали в древнерусском, может теперь только тот, кто и берестяные грамоты объявит поддельными.

Но, может быть, наличие слов, не представленных в других памятниках, — это некая специфическая особенность берестяных грамот, не свойственная литературным произведениям? Прямая проверка немедленно убеждает нас, что это не так: такие слова обнаруживаются также практически в любом древнерусском литературном произведении.

Например, при проверке с этой точки зрения Жития Андрея Юродивого (перевод XI–XII вв.) обнаружено

71 такое слово (не считая имен собственных). В части случаев известны по крайней мере те морфемы, из которых состоит слово (что дает возможность составить представление о значении всего слова, хотя часто лишь весьма приблизительное), например: *беставьныи, боголишь, въръвънитиса, жирлава, лаица, мошьница, наусица, обрѣзгати, погримание, посинѣльць, похритьникъ, прѣтищати, хытьникъ*. В других случаях нет даже и этого, например: *блечетати, клекати, крехъкъ, крѣкатиса, моухатиса, мърдати, опрачие, осладище, рижати, рить, скалоуша, сноубити, трыжнение, оухлочень* (не говоря уже о таких явных заимствованиях, как, например, *капилие, пифаръ, родостома, хлена*).

Мы намеренно привели все эти слова без переводов (которые, впрочем, иногда и неизвестны): видя эти примеры нигде более не встречающихся слов, извлеченных из заведомо подлинного древнерусского памятника, и получив непосредственное впечатление от их непонятности, читатель, вероятно, уже не согласится считать наличие слов такого же рода в СПИ сколько-нибудь серьезным аргументом в пользу его поддельности.

Богемизмы

§ 7. Массив богемизмов в СПИ, если верить Кинану, чрезвычайно велик (ср. выше, § 3). Необходимо только сразу же пояснить, что Кинан называет богемизмами слова, которые можно объяснить из чешского.

Заявим сразу же: таких слов в СПИ, которые нельзя было бы объяснить иначе, как из чешского, по нашей оценке, в списках Кинана нет ни одного.

Важнейший момент, который читатель может и не уловить, поскольку он довольно удачно замаскирован, состоит в том, что при установлении богемизмов Кинан существенным образом опирается на постулат

«СПИ — это подделка XVIII века», т. е. на то, что он еще только собирается доказать.

Вот пример его рассуждения (с. 261), скрытым образом основанного на этом постулате. В СПИ слово *рана* в части фраз, по-видимому, имеет значение ‘удар’. В русском языке такого значения у этого слова нет, но оно есть у чешского *rána*; следовательно, перед нами богемизм — слово, неосознанно употребленное сочинителем-чехом (забывшим или не знающим, как обстоит дело в русском языке) в привычном для него значении.

Но это рассуждение годится только на случай, если заранее знать, что СПИ написано в XVIII веке. Если же в принципе допускается также и древняя дата создания СПИ, то оно сразу теряет силу: в древнерусском языке, в отличие от современного, у слова *рана* имелось также и значение ‘удар’ (см. Срезн., III: 68). (Мы отвлекаемся от того, что есть и более простая причина, по которой *рана* ‘удар’ не может здесь быть богемизмом; см. об этом ниже.)

Другой такой же пример. По Кинану (с. 363–364), в *насильно вѣши* ‘с силой дуешь (о ветре)’ 173 выступает не русский оттенок значения глагола *вѣяти*, а чешский: русское *веять* означает только легкое движение ветра, а чешское *váti* — любое, в том числе и сильное. Но и здесь верно то же, что в предыдущем случае: в древнерусском, в отличие от современного, *вѣяти* имело тот же круг значений, что и в чешском (а глагол *дуги* применялся только к живым существам); ср., например, в *Киликии оубо сѣверъ зѣло вѣющъ* ‘в Киликии же сильно дует северный ветер’ (см. СДРЯ, II: 311).

Эти примеры — не единичные, а типовые. Дело в том, что в своей охоте за богемизмами Кинан не учитывает следующего важнейшего обстоятельства: XII век — это время, которое еще очень незначительно отстоит от эпохи праславянского единства (по концеп-

ции многих славистов поздний праславянский период простирается во времени по XI век включительно). В это время различия между будущими разными славянскими языками в сфере значений слов были несравненно меньшими, чем ныне. Поэтому переносить на XII век те лексические различия, скажем, между русским и чешским или русским и польским, которые были в XVIII веке, — это безусловный анахронизм. В XII веке очень многое из того, что позднее стало характерно только для одного или нескольких славянских языков, еще было частью общего для всех славян фонда. Свидетельством этого служат многочисленные случаи, когда слово сохранилось только в двух-трех языках, относящихся к разным ветвям славянства.

Существенно также то, что сохранение одних слов и полная утрата других характерны в первую очередь для литературных языков. В говорах же границы словарного состава гораздо менее резки и могут веками сохраняться слова, утраченные литературным языком. Если же взять всю совокупность говоров некоторого славянского языка, то оказывается, что чуть ли не любое праславянское слово в каком-нибудь глухом углу еще сохранилось. А в XII в. литературный язык еще не имел лексического стандарта, отграничивающего его от говоров.

Таким образом, презумпция, что мы имеем дело с сочинением XVIII века, а не XII, в действительности для всех аргументов Кинана капитальна. Только в силу этой презумпции можно выискивать тонкие смысловые отличия русского слова от чешского и тем более от украинского или белорусского. Что касается восточнославянской зоны домонгольского периода, то мы вообще ни про одно слово (не говоря уже об отдельных значениях слова) не имеем возможности уверенно утверждать, что оно отсутствовало в какой-то части этой зоны. Например, про ряд слов мы знаем, что они име-

лись в древненовгородском диалекте, а за его пределами не отмечены; но у нас нет никакого способа удостовериться в том, что они действительно отсутствовали в каком-то другом регионе. А обнаружить у некоторого редкого слова параллель, скажем, в сербском или в чешском — это обычно значит просто получить подтверждение его праславянского возраста; ни о каком заимствовании это само по себе не говорит (см. об этом «Аргументы...», § 26).

Далее, нужно учитывать, что Кинан на роль автора СПИ уже выбрал себе чеха. Поэтому, объявляя некоторое слово богемизмом, он не обращает внимания на то, что, кроме чешского, оно есть и в каком-то другом славянском языке (нередко во многих). Например, *потрутати* — это для него богемизм, несмотря на то, что имеется украинское *потручáти* и польское *potrącać*.

Насколько произвольно и поверхностно может быть в таких случаях у Кинана объяснение «взято из чешского», можно видеть на примере выражения *съ заранія* ‘рано утром’. Мнение В. П. Адриановой-Перетц, что это может быть архаизм, Кинан без особых скрупулов квалифицирует как *wild speculation*; по его мнению, источник здесь прост: это чешские *zrána* и *záraní* (с. 246).

В действительности же данная лексическая единица представлена (в том или ином варианте) в большинстве славянских языков. Исходно здесь свободное сочетание **za ranja* ‘ранним утром’, с таким же **za* + генитив, как в *за утра* ‘завтра’ (с типовым развитием значений ‘утром’ → ‘завтра’, как в англ. *tomorrow*, нем. *morgen*, польск. *jutro* и т. п.), *за тепла* ‘пока еще тепло’ (Ипат., см. СДРЯ, III: 276); то же в других славянских языках, например, в словенском: *za rana* ‘рано утром’, *za svetlega dne* ‘засветло’, *za solnca* ‘пока светит солнце’, *za hlada* ‘пока прохладно’, *za časa* ‘вовремя’, *za svojega*

žitka ‘при жизни’. Прямым продолжением исконного **za ranja* являются наречия: укр. *зарання* ‘рано утром’ (Гринченко, 2: 88), русск. диал. *зáráнье* ‘рано утром’ (Пск. обл. слов., 12: 87; в примере — *зáрання*), *зарáнне* ‘с утра, очень рано’ Брян. (СРНГ, 10: 378) (как в псковской, так и в брянской форме в условиях яканья конечные *-я* и *-е* неразличимы).

Слово **ranje* представлено в основном в предложных сочетаниях (*из ранья*, *с ранья* и др., также *с самого ранья*), но встречается и в других контекстах. Ср. *из раны* в «Вопрошании Кирикове» (ст. 29 и Савв. 11), также в СРНГ (34: 105): *ránье* (и *раньё*) ‘раннее утро, рань’ Орл., Брян., Смол., Ряз., Влад.; ср. далее верх.-луж. *ranje* ‘утро’, словен. *z ranja* ‘рано утром’.

Слово **zaranje* — вторичное образование (как от **za rana*, так и от **za ranja*), подобно *заутрие* от *за утра*, *загорье* от *за горою*, *застолье* от *за столом* и т. п.; ср. польск. *zaranie* ‘раннее утро’ (старое значение), ‘начало, заря чего-л. [перен.]’ (новое значение). Производное **za-ran-ъj-e* построено точно так же, как синонимичное ему **za-ran-ъk-ъ* (представленное почти во всех славянских языках, ср. также русское *спозаранку*); разница только в суффиксе.

Восточнославянское *зарание* встречается в основном в сочетании с предлогом *с* (*с зарания*), причем это сочетание значит то же, что **za ranja*, и фактически является просто его морфологически переосмысленным вариантом: *заранья*, подобно *завтра*, утратило морфологическую прозрачность (поскольку предлог *за* в данном значении в языке исчез), а добавление предлога *с* ее восстанавливает. Ср. в украинском *з зарáння* — то же, что *зарáння*; в брянском говоре *з зарáния* (Козырев 1976: 98) — то же, что *зарáнне* (см. выше).

В СПИ в *съ зараніа до вечера* 66 явно представлено существительное *зарание*. Но в *съ заранія въ пят(о)къ*

потопташа поганыя плькы Половецкыя 37 в первоначальном тексте могло стоять и древнее за рания.

Подобные примеры лишний раз показывают, сколь большое облегчение обеспечил себе Кинан, раз и навсегда освободив себя в волевом порядке от обращения к диалектному материалу. «Взял из чешского» — конечно, проще: конец всей лингвистике в один ход.

Итак, предполагаемые Кинаном богемизмы — это отнюдь не логическая опора его гипотезы об авторстве Добровского, а наоборот, единицы, которые сами возникли в силу этой гипотезы. Если эта гипотеза по какой-либо причине поколеблется, то сразу растают как мираж и все кинановские богемизмы.

§ 8. Рассмотрим некоторые типовые ходы рассуждений, которые позволяют Кинану выявлять все новые и новые богемизмы или по крайней мере поддерживать у читателя неугасающее внимание к проблеме чешского влияния на СПИ.

Поиск богемизмов подчинен у Кинана следующему методическому принципу: если представленное в СПИ слово (вообще или в определенном значении) есть в чешском и/или в древнечешском и его нет ни в современном русском, ни в «релевантных памятниках» древнерусского, то это богемизм. Чтобы испытать надежность этого принципа, проделаем небольшой эксперимент: поищем кинановским методом богемизмы в берестяных грамотах.

Представленное в берестяной грамоте № 130 (конец XIV в.) слово *x'ěrъ* ‘серое сукно, сермяга’ не встречается ни в каких других древнерусских или современных русских источниках. Но его точное соответствие за-свидетельствовано в древнечешском: *šěř* (позднее *šeř*) ‘серое сукно, сермяга’, ‘жалкая одежда’ (Вермеер 2003). С точки зрения критериев Кинана, случай абсолютно

ясный: трудно представить себе более полное соответствие его пониманию богемизма. Кинану пришлось бы признать, что не только СПИ, но и эту древненовгородскую грамоту писал чех.

В берестяной грамоте № 724 (1160-е гг.) о некоем Тудоре говорится: *порозъмѣтие, братъе, емъ, даче что въ се емъ състане тягота тамъ и съ дръжиною егъ* 'отнеситесь же с пониманием, братья, к нему, если там из-за этого приключится тягота ему и дружине его'. Глагол *порозумѣти* отмечен в древнерусских памятниках только в значении 'понять, вникнуть' (см. Срезн.). Значение 'понять кого-л.', 'отнеслись с пониманием к кому-л.' (с дополнением в дательном падеже — кому), представленное в грамоте № 724, засвидетельствовано только в чешском *porozuměti kоти* (и в словацком). И этот пример тоже полностью удовлетворяет кинановскому пониманию богемизма.

Нет нужды рассматривать все примеры столь же подробно. Укажем просто еще ряд слов из берестяных грамот, которые отсутствуют в современном русском языке (по крайней мере литературном), зато есть в чешском (обычно, правда, и еще в каких-то из западнославянских):

вытъргнутиса 'вырваться' в грамоте № 752 (1080-е – 1110-е гг.) — чеш. *vytrhnouti se* (то же);

тобола 'сумка, чемодан' в № 141 (XIII в.) — чеш. *tobola* (то же);

почта 'почестье', 'почетный дар' в № 147 (XIII в.) — чеш. *rosta* 'почесть, почет';

прилбица 'шлем' в № 383 (XIV в.) — чеш. *přilbice* (то же);

нечесть 'бесчестье, позор' в № 589 (XIV в.) — чеш. *nečest* (то же);

для прозвища *Чъльпъ* в № 713 (XIII в.) прямое соответствие — ст.-чеш. *člup* 'холм, бугор', а в восточнославянском только с суффиксами;

для прозвища *Лбиске* в № 321 (XIV в.) прямое соответствие — чеш. *lbisko* (увеличительное к ‘лоб’, см. ЭССЯ, 16: 224), а в восточнославянском только *лбище*.

Добавим сюда еще *корь* ‘кустарник’, ‘выкорчеванный лес’ из пергаменной Варламовой грамоты (1192–1210 гг.) — чеш. *keř* ‘куст’.

Всё это будут явные богемизмы, если принять методику Кинана.

Другой источник кинановских богемизмов — случаи, где значения русского и чешского слов в той или иной мере расходятся. Понятно, что к XVIII веку таких случаев имелось уже немало. Например, у русского *рана* уже не было значения ‘удар’, у чешского *skácati* не было значения ‘мчаться галопом’. В СПИ есть как примеры слов, употребленных в «специфически чешском» значении, так и примеры слов, употребленных в «специфически русском» значении.

Разумеется, для Кинана особенно удобны случаи типа *рана*. Здесь он просто заявляет: вот и прямое свидетельство того, как Добровский по недостаточному знанию русского языка использует слово в чешском значении (см. выше). Этот класс случаев очень велик. Так, мы узнаём, например, что в чешском значении (или с чешским оттенком значения) в СПИ употреблены слова *рано* ‘(ранним) утром’, *доспѣти* ‘изготовиться, быть готовым’, *гнѣздо* ‘клан, род’, *трудъ* ‘страдание, горе’, *трудный* ‘горестный, печальный’, *хоть* ‘супруг, супруга, возлюбленный, -ая’, *ковати* ‘замышлять, устраивать [козни]’, *казати* ‘указывать’, *искусити* ‘попробовать’, *похитити* ‘подхватить’, *рассутися* ‘рассыпаться’ и целый ряд других. И всё только потому, что их нет в современном русском языке или они употребляются в другом значении. В древнерусском все они есть. Поразительно, как Кинан мог не заметить, что, например,

доспѣти и доспѣвати употребляются на каждом шагу в Ипатьевской летописи (ровно в том же значении, что в СПИ), что многодетный князь Все́волод Юрьевич именовался Все́волод Большое Гнездо, и т. д.

В тот же ряд включает Кинан и многие совсем уж обычные русские слова, например, *ярый, тяжко, посуху, дрѣмати, опутати, приодѣти, прикрыти, прыскати* и др. Для каждого из них он подыскивает какую-нибудь тонкую причину, по которой для чешского текста это слово, по его мнению, было бы естественнее, чем для русского.

Но особенно замечательно то, что Кинан легко справляется и со случаями типа *скакати*, когда в СПИ слово выступает не в чешском, а в русском значении. Казалось бы, такое слово должно озадачить Кинана: ведь это ситуация, обратная той, которая успешно служит для подкрепления его идеи. Ничуть! Кинан и здесь знает, как было дело: Добровский заметил при чтении Задонщины это странное для чеха значение глагола *скакати* и запомнил его; и ему понравилось это русское *скакати*, и он в дальнейшем щедро его применял (с. 182). Кинан даже нашел подходящий термин для таких случаев: «руси́зм». Так что СПИ всё же не целиком чешское: в нем есть и русизмы. Вот некоторые примеры других таких «руси́зов»: *къмети, храбрый, синий, жестокий* в значении ‘жесткий, крепкий’, *година* ‘пора, период времени’. Во всех этих случаях в чешском всё не так — значит, как объясняет нам Кинан, здесь Добровский «отталкивался» от чешского.

Как видим, Кинана устраивает и тот и другой тип соотношения значений. В обоих случаях он успешно дает читателю почувствовать присутствие автора-чеха.

Восхищает точность внутреннего взора Кинана, когда он с живостью очевидца рассказывает нам о тонких

движениях души и мысли у Добровского во время написания им того или иного пассажа СПИ. Например, Кинан объясняет нам (с. 204–205), как получилось, что в СПИ встречается и *начати*, и *почати*. Оказывается, сочиняя зачин *Не лѣпо ли ны бяшеть, братie, начати старыми словесы ...*, Добровский находился под влиянием Задонщины (где в соответствующем месте стоит глагол *начати*), а пассаж *почнемъ же, братие ...* он сочинял самостоятельно и поэтому подпал под влияние родного чешского языка, для которого обычен глагол *ročít*. Для русского же, как указывает Кинан, обычно *начать*. Таким образом, всё удалось объяснить и, что ценно, нашлись очередные следы чешского влияния. Беда только в том, что если все-таки заглянуть в древнерусские памятники, то там в изобилии обнаружится как *начати*, так и *почати* (последнее, по-видимому, даже несколько чаще).

Кинан настолько вжился в своего героя, что ему не трудно указать нам, в каких точках текста СПИ Добровский был серьезен, а где решил поиграть словами или даже немного посмеяться над читателем. Например, Кинан разгадал, что в список народов *Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела и Половци* 135 Добровский вставил слово *Деремела* в качестве шутки, потому что он был в этот момент playful: это не что иное, как слегка видоизмененное чешское слово *drmola* ‘тараторка’ (с. 334). Вообще задача Кинана тут нелегка, поскольку оказывается, что Добровский был весьма непостоянен в своих качествах: то ясный ум, то галлюцинации; то несравненный эрудит и знаток всех славянских наречий, то человек, который не знает, что по-русски словоформа ‘совы’ должна иметь окончание *-ы*, а не *-и*. Но, как мы видим, Кинан успевает уследить за всеми этими психологическими поворотами, и это дает ему ключ к разгадке многих загадок СПИ.

Еще один замечательный источник пополнения списка богемизмов у Кинана состоит в следующем: он считает вполне допустимым исправлять кое-какие буквы в тексте СПИ или переосмысливать целые пассажи так, что после этого в тексте появляются богемизмы. Один такой пример мы уже видели: это *суви* — якобы ‘совы’. Вот некоторые другие.

Папорзи Кинан правит на *наперники* (предполагая сразу целую россыпь буквенных ошибок), и тогда это богемизм: ср. чеш. *náprsník* ‘нагрудный доспех’ (с. 333).

Дотечаше ‘догонял’ Кинан правит на *ся дотъкаше* ‘прикасался’ (с примерно таким же количеством буквенной правки), и тогда это богемизм: ср. чеш. *dotknouti se* ‘прикоснуться’ (с. 169).

В *вльци грозу въсрожатъ* 31 Кинан правит *въсрожать* на *вызрождать* и предлагает толковать всю фразу как ‘волки возвещают (делают явным) ужас’; тогда здесь представлен богемизм: ср. чеш. *vyzrážetи* ‘выдавать (тайну), делать явным’ (с. 239)⁷³.

Кончакъ ему слѣдъ править 42 Кинан (с. 250) предлагает толковать как ‘Konchak tells him the way’, и тогда *правити* — это богемизм: ср. чеш. *praviti* ‘говорить’ (Добровский, оказывается, не знал, что в русском языке глагол *править* не значит ‘говорить’).

А Игорева храбраго плъку не крѣсити 80 Кинан (с. 276–277) предлагает толковать как ‘Igor’s band is indomitable’, исходя не из древнерусского *крѣсити* ‘воскрепить, воскрешать’, а из чешских *zkřísnoti* и *zkřesati*, имеющих среди прочего значение ‘укротить’. И это при том, что фраза имеет прямые соответствия в летописи:

⁷³ Такая деталь, что вторичному имперфективу *vyzrážetи* (глаголу на **-ati*) соответствовал бы презенс *вызражаютъ*, а не *вызрождать*, Кинана не смущает: Добровский ведь уже не раз ошибался — ну, ошибся еще раз.

реч(е) же имъ Ольга: люба ми есть рѣчъ ваша; оуже мнѣ мужа своего не крѣсти (ПВЛ по Лавр. [945], л. 15); сего нами оуже не крѣсти (о погибшем в бою князе Владимире Давыдовиче — Ипат. [1151], л. 158 об.).

Не будем комментировать доказательную силу богемизмов этой категории.

Погоня за богемизмами любой ценой, увы, иногда приводит Кинана к совсем уж нелепым ошибкам. Выше было показано, что история значений слова *рана* не дает никаких оснований считать *рана* в значении 'удар' богемизмом. Но есть и гораздо более примитивная причина, по которой версия Кинана неверна. По его мнению, во фразе СПИ *Се у Римъ кричать подъ саблями Половецкыми, а Володимиръ подъ ранами* 121 слово *раны* — это богемизм. Но дело в том, что эта фраза имеет соответствие в Задонщине (список И-2): *А уже диво кличет под саблями татарскими, а тем рускымъ богатырем под ранами*. Выходит, что богемизмы есть и в Задонщине!

И это не единственный случай: такую же ошибку допускает Кинан со словом *рано*. По его мнению, *рано* в значении 'утром' (а не 'рано') — богемизм (с. 353, 357). Но это слово несколько раз встречается в Задонщине в точно таком же контексте, как в СПИ (*рано плакашеся*).

Конечно, со словами *рана* и *рано* Кинану очень не повезло: он неосторожно погнался здесь за парой лишних богемизмов, а вместо этого вполне убедительно показал читателю, что его метод позволяет объявить богемизмом что угодно.

Как можно видеть, каждый в отдельности из рассмотренных ходов не обладает никакой доказательной силой. Но этих ходов так много, что тема богемизмов

не угасает в книге Кинана ни на миг. И читатель в конце концов уже настолько захлестнут потоком мелких апелляций к чешскому материалу по любому поводу, что сам вопрос о наличии чешского влияния на СПИ уже как бы более и не стоит — он переведен в презумпцию.

А между тем описанным методом, ввиду его беспроигрышности, безусловно можно было бы достичь такого же психологического результата, выбрав и любой другой славянский язык, скажем, польский.

§ 9. Перебирать один за другим все случаи, когда Кинан применяет описанные выше ходы, бессмысленно.

Окажем Кинану услугу и выделим в легионе его богемизмов, бесчисленность и бездоказательность которых подрывает у серьезного читателя всякое доверие к этой теме вообще, те немногие случаи, где гипотеза о чешском влиянии хотя бы заслуживает рассмотрения. По нашей оценке, сюда можно отнести следующее.

Слово *уѣдие* (*хотять полетѣти на уедie* 65 [о галках]). Этого слова действительно ни в каких восточнославянских источниках не обнаружено. Кинан (с. 185) указывает чешскую параллель: *íjed / íjed'* ‘мертвые животные как пища для охотничьих хищных птиц’, ‘падаль’. Любопытно, что он сам при этом предпочитает объяснять слово *уѣдие* все же скорее не как богемизм, а как личное изобретение Добровского (который якобы исходил здесь из церковнославянского *уясти* ‘укусить, ужалить’); а чешское слово, как это ни поразительно, Кинан готов подозревать в том, что оно возникло в позднее время под влиянием СПИ (!).

Русско-чешская параллель здесь действительно впечатляющая. Но все же эти слова не так уж изолированы в мире славянской лексики, как их представляет Кинан. *Уѣдие* — слово той же структуры, что, напри-

мер, *удушье*, *разгулье*, *доверие* и т. п. (ср. также *убытие*, *подпитие* и т. п., с «опорным» *-т-*). При этом *убдие* в СПИ следует связывать скорее не с *убьсти*, а с соответствующим возвратным глаголом, ср. укр. *уйстися* ‘наестся’ (несов. *уїдатися*) (Гринченко, 4: 326), белор. *уёсціся* ‘наестся [о чем-л. очень вкусном]’ (несов. *уядáцца*) (ТСБМ, 5: 623); то же возможно и в разговорном русском (*они наконец упились и уелись*), хотя и не фиксируется словарями. Ср. также следующий яркий пассаж из былины о Василии Буслаевиче (Новг. был., с. 65): *С пиру пошли, так нынь заплакали | — Да у вора у Васьки Буслаева | Не упито было, не уедено, | Красно-хорошо было не ухожено, | Только на век увечья залезено.* Слово *уедие* относится (по форме и по значению) к *уестся/уедаться* и *уедено* так же, как, например, *удушье* к *удушить(ся)* и *удушенено*.

С другой стороны, связь данного слова с хищными птицами прослеживается не только в чешском: ср. словен. *ujêda* (также *ujêd* [жен., Р. ед. *ujêdi*]) ‘хищная птица’ (Плетершник, 2: 715).

Таким образом, никакой обязательности в заимствовании из чешского для слова *убдие* нет: коннотации, связанные с обжорством и с действиями хищных птиц, здесь вполне могут быть древними.

Глагол *преторгнути* в значении ‘загнать, надорвать [лошадь]’ (*претръгоста бо своя бръзая комоня* 191) находит прямое соответствие в чешском (и древнечешском) *přetrhnouti*, *přetrhovati* (с. 379). Эта параллель тоже представляет интерес.

Но здесь необходимо учитывать следующее. Корни *търг-/търг-* ‘рвать’ и *ръв-* практически синонимичны; в ходе истории в живой речи первый был вытеснен вторым. Так, древние *ростъргнути*, *вытъргнути*, *перетъргнути* значили ровно то же, что нынешние *разорвать*,

вырвать, перервать. Например, *выторже* в СПИ означает ‘вырвал’; речка *Перетерга* (в районе Псковского озера) иначе называлась *Перерва*.

Оба корня со значением ‘рвать’ могут использоваться для обозначения понятия ‘замучить (вывести из строя) работой’, ‘довести до болезни или гибели’; ср. др.-рус. *претъргнутися* ‘изнуриться’ (см. Срезн.); ср. также у Даля (II: 407): *Не гони в гору, надорвешь лошадь.* Сюда же: *подорвать здоровье, сорвать голос.* Таким образом, древнее *претъргнутися* ‘изнуриться’, с одной стороны, и современное *надорвать лошадь*, с другой, позволяют полностью объяснить значение древнего *преторгнути комонь* — без всякого обращения к чешскому.

Фраза *rѣкы мутно текуть* 49 находит близкую аналогию в песне из чешской грамматики Яна Благослава 1571 г. (которую Добровский знал): *Dunaju, Dunaju, сеть smuten tečeš?* (в этой грамматике песня названа «украинской»). По Кинану (с. 256), оттуда Добровский эту фразу и взял.

Однако независимо от того, как понимать слово *мутно* — в прямом смысле (‘замутненно’) или, как предпочитает Кинан, в переносном (‘печально’), — нельзя не признать прямую смысловую связь фразы *rѣкы мутно текуть* с фразой *взмути rѣки и озера* 89. А эта фраза есть не только в СПИ, но и в Задонщине: *и взмутишася rѣки и потоки и озера* (список У).

Но раз уже в XV в. русский автор знал выражение *взмутити реку* (= сделать так, чтобы река *мутно текла*), значит, и в XVIII веке можно было употребить его в тексте, не опираясь ни на какой чешский источник. Скорее всего образ мутно текущей реки (как символ встревоженности), общий для русской и чешской традиции, просто восходит к общеславянскому народно-поэтическому фонду.

По предположению Кинана (с. 211), слово *жалость* во фразе *жалость ему знаменіе застути искусити Дону Великаго* 12 есть просто ошибка Малиновского, который плохо списал с подлинника Добровского, где стояло *жадость* (или *žadost*), которое есть не что иное, как чешское *žádost* ‘желание’, ‘страстное желание’. Действительно, смысл фразы при такой конъектуре улучшается: ‘страстное желание’ в данном контексте уместнее, чем основное значение современного слова *жалость*.

Однако, прежде всего, это конъектура, следовательно, не более чем гипотеза. И у слова *жалость* имелись в древних текстах и такие значения, которые гораздо более подходят к данному контексту, чем современное значение, а именно: ‘ζῆλος’, ‘рвение’, ‘зависть’, ‘ревность’ (ср. СССПИ, 2: 69)⁷⁴.

С другой стороны, если все-таки допустить предложенную Кинаном конъектуру, то нет никакой обязательности в том, чтобы искать ее источник именно в чешском: ср. в русских говорах *жáдость* ‘сильное желание, стремление’ Том., Смол. (СРНГ, 9: 60).

В слове *пардуже* ‘барсово [гнездо]’ проблему составляет *жс* вместо ожидаемого *иš*: исходным для такого прилагательного должно быть *пардузъ*, тогда как засвидетельствовано только *пардусъ*. И вот Кинан указывает (с. 297), что в древнечешских памятниках встречается не только *pardus*, но и *parduz*.

Однако само явление вариантности конечных *с* и *з* в заимствованных словах вовсе не ограничено чешским.

⁷⁴ Кроме того, слово *жалость* (причем в весьма нестандартном значении, хотя и не том же самом) дважды встречается в Задонщине (и несколько раз встречаются его производные), что до некоторой степени поддерживает версию присутствия именно этого слова (а не *жадость*) в тексте СПИ.

Оно представлено также и в русском: ср. *кумыс* и др.-рус. *кумызъ*, *кумузъ*, *комузъ*; *тулумбас* и др.-рус. *тулунбазъ*; *кутас* и др.-рус. *кутазъ*; *тórbaz* и *тórbas*; *kárbaś* и *kárbaž*; *hárius* и *hárjuz*; *kámbusz* и *kámbus*; *mýes* и *mýez* и др.; ср. также *каприз* из франц. *caprice* (см. Фасмер и СРНГ). В этих условиях тот факт, что у редкого древнерусского слова *пардусъ* вариант *пардузъ* не встретился в памятниках, не имеет никакой доказательной силы.

Что можно сказать по поводу этой группы примеров? Действительно, сами по себе, в изоляции от всей остальной проблематики, они таковы, что решение Кинана должно быть признано возможным. Но обязательности здесь, как и в других примерах Кинана, нет. Конечное решение вопроса зависит не от них. Если выяснится, что по другим причинам признать Добровского автором СПИ невозможно, то и для этих примеров чешская версия безболезненно отпадет.

Гебраизмы, итальянизм

§ 10. Капитальную роль в системе рассуждений Кинана играют гебраизмы (заимствования из древнееврейского), которые, по его словам, он открыл в СПИ. Про них он говорит то, что к остальным своим аргументам он применять воздерживается: неоспоримо (*indisputable*).

К сожалению, с нашей точки зрения, это всего лишь очередной пример того, как исследователь полностью уверовал в свою догадку и в таком состоянии уже просто не видит ее слабых сторон. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Во фразе, которую обычно читают как *Ce у Римъ кричать подъ саблями Половецкыми, а Владимиръ*

подъ ранами 121, Кинан (с. 317) предлагает читать *се уримъ кричатъ*, где *уримъ* — это гебраизм (обозначение священной реликвии на облачении иудейского первосвященника)⁷⁵. Его перевод: ‘Lo! The *urim* [i.e., objects on or in Volodimer’s breastplate] are crying under the sabres of the Polovtsians’. Далее Кинан показывает, что такой гебраизм мог появиться на Руси только в относительно позднее время; отсюда вытекает позднее происхождение СПИ.

Но эта интерпретация с обязательностью требует следующих допущений (о чем Кинан читателю не сообщает):

1) простой случайностью является параллелизм между СПИ и рассказом Ипатьевской летописи о походе Игоря, состоящий в том, что в Ипат. почти рядом стоят эпизод ранения (в бою с половцами) князя Владимира Глебовича и эпизод расправы половцев с жителями города, именуемого *Rimъ* или *Rimовъ*, а в СПИ в одной фразе фигурируют раны Владимира Глебовича и слова *у римъ* или *уримъ* перед словами *кричатъ подъ саблями Половецкыми*⁷⁶, — и это при том, что в целом и во множестве деталей эти два рассказа параллельны;

2) *уримъ* (сокращение от *уримъ и туммимъ*), означающее священные драгоценности, вшитые в эфод (на-

⁷⁵ Эту интерпретацию впервые предложил полтора века назад (в 1842 г.) Ф. Эрдман, но никто ее не поддержал. Кинан повторил это достижение.

⁷⁶ Весьма нелестно для научного стиля Кинана то, что, излагая свою версию, он предпочел вообще умолчать об этом параллелизме. Вместо этого мы находим лишь фразу о том, как было бы несочувственно, если бы автор СПИ в описании сражений вдруг упомянул «какой-то безвестный *shtetl* на Украине» (с. 313; *shtetl* — ‘местечко’, из идиша). Какое имеет значение, безвестный город или знаменитый, если именно он фигурирует в рассказе Ипатьевской летописи, который параллелен СПИ?

грудное облачение) иудейского первосвященника, могло быть использовано также как обозначение какой-то части нагрудного облачения не священника, а светского лица, и не иудея, а христианина — в данном случае князя-воина (при том, что никаких свидетельств возможности такого его использования Кинан не приводит);

3) славянское наименование *уримъ* сочеталось с множ. числом предиката (сохраняя множ. число, к которому относится эта словоформа в древнееврейском);

4) о той части облачения князя-воина, которая так называлась, уместно сказать, что она кричала.

Таковы трудности, которые возникают при новом чтении Кинана (даже если отвлечься от вопроса о том, зачем фальсификатору было вставлять в текст такой странный элемент).

Наиболее обычный из «традиционных» переводов здесь: «Вот у Римова кричат под саблями половецкими». Очевидным преимуществом данной интерпретации является прямое соответствие рассказу Ипатьевской летописи. Особо отметим, что предлог *у* в *у Римъ* по смыслу уместен: летопись говорит, что часть римовичей *вытидоша из града и бываоутъся ходаще по Римъскому болотоу* (Ипат. [1185], л. 226).

Этот перевод, правда, тоже сопряжен с трудностью: необходимо допустить, что название данного города имело, помимо двух известных вариантов (*Римъ* и *Римовъ*), еще и вариант *Римы* (подобно древнему *Луки*, современным *Ромны*, *Сумы*, *Лубны*, *Кромы* и т. п.) или что *у Римъ* — это буквенная ошибка вместо *у Рима*.

Указанная трудность, однако, представляется незначительной по сравнению с теми, которые возникают при переводе Кинана. Таким образом, самое мягкое, что можно сказать про новую интерпретацию обсуждаемой фразы, — что она не более вероятна, чем старая.

Тут, правда, Кинан выставляет в качестве кардинального обстоятельства то, что он не просто нашел в СПИ слово *уримъ*, но обнаружил некую трансформацию того же слова еще и в другом месте СПИ, а именно, истолковал из древнееврейского загадочное слово *орътъма* (явно обозначающее какую-то ценную одежду, захваченную русскими у половцев). Согласно Кинану (с. 318), это древнееврейское *'wrtm*, про которое полагают (*thought to be*), что это сложение форм единственного числа от *urim* и *tumtim*, использовавшееся для обозначения их вместе.

Далее версия Кинана требует признания следующих семантических сдвигов (Кинан говорит о них мимоходом, как о чем-то очевидном и не составляющем никакой проблемы, но в действительности это отнюдь не так). Во-первых, слово *'wrtm* в силу метонимии начинает обозначать сам эфод (нагрудное облачение иудейского первосвященника), на котором или внутри которого «*urim* и *tumtim*» находились. Во-вторых, от значения ‘облачение иудейского первосвященника’ происходит переход к значению ‘дорогая одежда вообще (не обязательно церковная и не обязательно у иудеев)’. Ни первый, ни второй переход никакими документальными свидетельствами не подтвержден. Известно лишь семантическое развитие термина «*urim* и *tumtim*» в совершенно ином направлении — в качестве символов абстрактных понятий: света и истины, *doctrina et veritas* и др.

Конечно, совпадение согласных в *орътъма* и *'wrtm* замечательное. Но семантическая дистанция весьма велика. А без ограничений на выбор языка-источника и без требования семантической близости вовсе нетрудно найти и других «кандидатов» с такими же замечательными внешними данными. Например, из одного лишь греческого можно было бы взять: ἄρτημα ‘серьги’, ἐρί-

τιμός ‘драгоценный’, ἔρυθρης ‘красный цвет’, ἀριθμός ‘количество’ и т. д. (мы предлагаем эти слова просто как примеры, не в качестве реальных решений проблемы).

Могла ли быть такая цепочка семантических сдвигов, которой требует гипотеза Кинана? Да, в принципе могла: семантические сдвиги бывают весьма разнообразны. Но без документального подтверждения это не более чем одна из многих возможностей.

Кинан прав, что для слова *орътъма* не было до сих пор предложено полностью убедительного решения. Лишь предположением, хотя и довольно вероятным, является, в частности, версия, связывающая *орътъма* с тюркским корнем *ör* ‘ткать, плести’ (как, например, в *örmäk* ‘одежда из верблюжьей шерсти’, заимствованном в древнерусский в виде *ормякъ*). Но он сам в действительности просто пополнил список гипотез по поводу загадочного слова *орътъма* (довольно длинный, см. ЭСПИ, 3: 372–373) еще одной гипотезой — весьма экстравагантной и никак не более надежной, чем прежние.

Конечно, высказанные выше критические замечания окажутся не относящимися к делу, если признать тезис Кинана, что речь здесь идет вовсе не о реальных явлениях языка, а просто о выдумках эрудита, который был совершенно свободен в своей фантазии. Но, разумеется, в этом случае и Кинан совершенно свободен в фантазиях о том, что могло прийти в голову непредсказуемому эрудиту⁷⁷, и вся проблема откровенно перемещается из научной сферы в сферу гадания.

⁷⁷ Действия Добровского в изображении Кинана и в самом деле загадочны — настолько, что не обойтись без апелляции к его сумасшествию. Допустим, в духе Кинана, что *уримъ* было для Добровского масонским знаком и он захотел показать своим читателям этот знак, — тогда он правильно поступил, вставив его в текст в открытом виде. Но зачем

Заметим в очередной раз, что Кинан строит здесь классический порочный круг: гебраизмы *уримъ* и *орьтъмами* служат, по его словам, важнейшими доказательствами его тезиса об авторстве Добровского; а сама интерпретация слов *уримъ* и *орьтъмами* как гебраизмов возможна только при условии, что текст сочинен поздним фальсификатором (причем обладавшим специфическими характеристиками Добровского). Выйти из этого круга можно было бы только в том случае, если бы верность хоть какого-то из этих двух тезисов была твердо установлена на основании других доводов — например, если бы во фразе СПИ *уримъ* было единственным возможным чтением. Но мы видели, что это совершенно не так.

Но разве все-таки невозможно, чтобы *уримъ* было гебраизмом? Теоретически возможно. Но только если в силу других доводов окажется правдой, что СПИ сочинил гебраист нового времени. И точно так же, как в случае с *богемизмами*, если в силу каких-то доводов будет установлено, что гипотеза о создании СПИ ученым гебраистом неверна, немедленно отпадет и версия об *уримъ* как гебраизме.

Позволим себе прочие гебраизмы Кинана, на которых он сам уже не настаивает с такой решительностью, не разбирать.

Помимо гебраизмов, Кинан усматривает в СПИ также один итальянism, которому он тоже придает очень большое значение: вместо *стреляеши съ отня злата стола салтани за землями* 131 он предлагает читать *стреляеши съ отня злата стола с алтаны за земля-*

тогда другой такой же знак он зашифровал так глубоко — и внешне (*орьтъма* вместо *ур-тум*), и семантически (превращением в одежду), — что его не удалось разгадать никому, кроме Кинана?

ми. В чешском *altán* (из итал. *altana* через немецкое посредство) значит ‘беседка’, но раньше, согласно Кинану, это слово «означало то же, что и в итальянском, а именно, ‘небольшая башня’, ‘крытая терраса’, ‘портик’, ‘бельведер’, ‘лоджия’ или ‘павильон’».

Версия Кинана такова (с. 329). Добровский взял это слово из чешского или из немецкого. Сочиненная им фраза означала: ‘стреляешь с отеческого золотого престола, с башни, [находящейся] за [многими] странами’. Издатели СПИ не поняли стоявшего в тексте Добровского *с алтаны* (или *s altany*,ср. выше о латинице у Добровского) и написали *Салтани* (в Е. *Салътани*). Позиция тех, кто все-таки желает видеть здесь слово «султаны», по словам Кинана, имеет мало смысла и «основана на предположении о необычной ошибке писца (unusual scribal lapse)» — *сал-* вместо *соул-* или *сул-*. А поскольку итальянский архитектурный термин сформировался относительно поздно и проник в немецкий язык и далее в чешский не ранее XV в., то перед нами очередное свидетельство позднего происхождения СПИ.

Можно только поражаться тому, до какой степени свободным чувствует себя Кинан от фактов, которые уже давно выявлены в этой связи и не могут не быть ему известны. Ведь он должен был бы признать, что точно такой же «scribal lapse» — написание *салтанъ* — многократно допущен авторами и писцами XV–XVI вв., в частности, писцом Ермолинского летописца XV в. или Афанасием Никитиным (или его копиистом) и т. д. (см. хотя бы СССПИ, статья «Салтан»). Например, в Уваровской летописи конца XV в. данное слово встретилось 12 раз (начиная со статьи 1366 года) — и все 12 раз писец совершил все тот же «scribal lapse», т. е. написал *салтанъ!* (а вариант *султанъ* не встретился ни разу). Известно также полдюжины людей этих веков,

которые имели прозвище *Салтанъ* или *Солтанъ*; к тем из них, которые отмечены в СССПИ, можно добавить и других, например, человека по имени *Салтанъ Сукиныхъ*, упомянутого под 1547 г. в летописи (Строев., л. 213). Иначе говоря, на Руси это слово свободно использовали как прозвище — надо полагать, не сверяясь с тем, был ли человек турецким султаном. Титул *soltan* носили вожди половецких племен; на берегу Северского Донца имеется городище Салтановское (см. ЭСПИ, статья «Салтан»). А вот пример из летописи, где слово *салтанъ* входит в наименование не султана, а князя: *князи же болгарьскии Осанъ и Махматъ салтанъ и добиста челомъ князю великому* (Увар. лет. [1376], л. 262).

Далее: значение итальянского *altana* описано Кинаном необъективно, поскольку на первый план он выдвигает значение ‘небольшая башня’, которое ему нужно для военного контекста, представленного в СПИ. Итальянский энциклопедический словарь определяет *altana* как «крытая терраса, сооруженная в виде башенки над крышей, — архитектурный элемент, характерный для барочных дворцов». Никаких даже отдаленных намеков на военное использование такой постройки Кинану найти не удалось. В славянских языках, заимствовавших это слово, его значение повсеместно развивалось в сторону предельно мирного ‘беседка’.

Тем самым образ, который якобы вложен Добровским в обсуждаемую фразу: ‘стреляешь с дворцовой надстройки (или беседки), находящейся за многими странами’ — не обладает даже таким первейшим свойством любой жизнеспособной конъектуры, как правдоподобие смысла. Ее странность уж никоим образом не меньше, чем у фразы про султанов, которые на самом деле не султаны, а просто любые восточные владыки и князья.

Зачем лингвист Добровский вставил в текст СПИ такой явно поздний лексический элемент? У Кинана есть ответ и на этот вопрос: Добровский хоть и был блестательный лингвист, но все-таки мог и ошибиться; в данном случае, как сообщает нам видящий его насквозь Кинан, он ошибочно думал, что слово *алтана* было заимствовано в общеславянский из латыни.

Замечательны и помощники Добровского в деле обмана русского общества — публикаторы СПИ: они, с одной стороны, были недостаточно сильны в филологии, чтобы понять, что Добровский написал *с алтана*, с другой — были настолько в ней сильны, что догадались заменить получившийся у них правильный аккузатив множ. числа *салтаны* на обманное *салтани*, где ошибочное окончание *-и* должно было имитировать характерную ошибку писца XVI века.

Такова степень убедительности этого открытого Кинаном «итальянизма».

Итак, на вопрос о том, доказательны ли содержащиеся в книге Кинана рассуждения, ответ должен быть отрицательным. Все они представляют собой лишь предположения разной степени правдоподобия. Тот факт, что их очень много, как уже показано выше, сам по себе не имеет принципиального значения. Большинство их либо просто должно быть отвергнуто при более аккуратном рассмотрении фактов, либо обладает лишь весьма незначительной степенью правдоподобия. Очень немногие могут быть оценены как действительно правдоподобные. Но ведь даже и большое правдоподобие — еще не то же, что истина. Безусловно бывает и так, что решение, локально более правдоподобное, чем его альтернативы, в конечном счете оказывается все же неверным — после того, как учтены более весомые факты.

Что можно было бы добавить из работы Кинана в нашу сводку существенных аргументов по поводу СПИ («Аргументы...», § 36)? По-видимому, всего несколько слов, про которые возможно подозрение, что они взяты фальсификатором из того или иного иностранного языка. В каждом отдельном случае речь идет лишь об одном из возможных предположений. Неоспоримых, несмотря на декларации Кинана, среди них нет ни одного. Таким образом, речь идет не более чем о некотором численном увеличении аргументов слабого типа. От столь незначительного добавления стрелка наших «лингвистических весов» почти не пошевелилась.

Резюмировать можно так: если бы каким-то другим путем было установлено, что СПИ сочинил Добровский, то многие предположения Кинана по поводу конкретных слов получили бы сильнейшую поддержку. Но из самих этих предположений никакого доказательства тезиса о Добровском как авторе СПИ не вытекает. Истинность или ложность этого тезиса может быть установлена только с помощью каких-то более надежных аргументов, которых в книге Кинана нет.

Кинан искал всевозможные свидетельства поддельности СПИ в течение целого ряда лет, вложив в это мощную эрудицию и поистине беспрецедентную энергию. И что же? В бездне предъявленных им свидетельств — строго ни одного надежного!

Какая же теперь надежда остается у прочих теоретиков поддельности когда-либо найти такое свидетельство?

О том, чего в книге Кинана нет

§ 11. Перейдем теперь к самому существенному — к тому, чего в книге Кинана вообще нет, но что имеет капитальное значение для решения всей проблемы.

Кинан понимает, что вопрос о лингвистической компетенции составителя СПИ имеет для интересующей его проблемы первостепенное значение. И вот что он в связи с этим говорит (с. 125): «Не подлежит никакому сомнению, учитывая *Institutiones* и другие, более ранние работы, что он [Добровский] был полностью способен произвести такой архаический текст». И далее снова: «То, что Добровский был способен составить текст на уникальном креольском славянском, представленном в СПИ, не подлежит сомнению».

Но помимо этих деклараций мы не находим во всей книге больше решительно ничего о том, каким знанием древней грамматики располагал Добровский. Только рассуждения о том, что он великолепно знал славянскую лексику. Лингвистическая компетенция явно сводится в глазах Кинана к знанию слов. Это совершенно совпадает с тем, что мы читаем, например, у Зимина, и в очередной раз показывает, до какой степени нелингвисты склонны считать, что все проблемы языка сводятся к проблемам лексики. Они не осознают, что настоящая сложность языка в действительности лежит на гораздо менее доступных поверхностному наблюдению уровнях (ср. «Аргументы...», § 5 и 34).

Как уже было сказано, мы совершенно согласны с Кинаном в том, что никто из людей XVIII века не подходит по своим лингвистическим знаниям на роль автора СПИ лучше Добровского. Остается выяснить одно: подходит ли для этой роли Добровский.

Основной ответ — отрицательный — в сущности уже содержится в обстоятельной статье О. Б. Страховой (2003), где реальные грамматические явления, имеющиеся в СПИ, сопоставлены с представлениями Добровского об этих явлениях, изложенными в основном труде его жизни — *Institutiones*. Резюмируем наиболее существенные факты, выявленные в этой статье.

1. В СПИ среди словоформ аориста представлены, в частности, *потопташа*, *насыпаша*, *полизаша*, *троскоташа*, *вътроскоташа*, *въсплакашасъя*. Между тем в своих *Institutiones* Добровский, который не различает аорист и имперфект в качестве различных времен, предусматривает для глаголов на *-ати* в 3 мн. прошедшего времени только формы на *-аху*, следовательно, в данном случае *потоптаху*, *насыпаху* и т. д.

2. В СПИ представлены также аористы 3 мн. *прегородиша*, *преградиша*, *отступиша*, *попошиша*, *поклониша*, *подълиша*, *позвониша*, *ся обратиша*, *скратишасъя*. Между тем по таблицам Добровского они должны были бы оканчиваться так же, как в 2 мн., т. е. на *-исте* (следовательно, *прегородисте*, *преградисте* и т. д.).

3. Представленные в СПИ плюсквамперфекты образованы с помощью *бяше* (*бяшеть*): *бяше успиль*, *бяшеть притрепеталь*. Между тем согласно *Institutiones* плюсквамперфект образуется с помощью *бѣ* (*быль бѣ* и т. д.).

4. Как показал А. Тимберлейк (1999), в СПИ формы имперфекта без *-ть* и с *-ть* (типа *бяше*, *бяху* и типа *бяшеть*, *бяхуть*) обнаруживают достаточно строгое распределение в зависимости, в частности, от наличия энклитик при глагольной словоформе, а также от наличия в предложении частиц *же*, *бо* и определенных союзов. И это распределение совпадает с наблюдаемым в том отрезке Лаврентьевской летописи, который охватывает 1111–1185 гг. Между тем в *Institutiones* формы имперфекта с *-ть* (причем только множ. числа) упомянуты лишь однажды мельком, с пометой «исключительно редко».

5. В СПИ в 1-м лице двойств. числа представлены только словоформы с *-вѣ*: *есвѣ*, *рострѣляевѣ*, *опутаевѣ*. Между тем Добровский считает окончание *-вѣ* ошибочным, а правильным признает *-ва* (что в данном случае дало бы *есва*, *рострѣляева*, *опутаева*).

6. Орфография СПИ обнаруживает сразу девять⁷⁸ диагностических признаков второго южнославянского влияния, выявленных в свое время А. И. Соболевским, которые характерны для восточнославянских рукописей, написанных между концом XIV и серединой XVI века. Детальные данные по второму южнославянскому влиянию, содержащиеся в фундаментальном исследовании М. Г. Гальченко (2001), позволяют установить, что комплекс орфографических черт, представленных в СПИ, указывает на интервал с конца XIV по рубеж XV и XVI веков. Между тем нет никаких свидетельств того, что Добровский или какой бы то ни было другой славист знал о том комплексном явлении в орфографии этих веков, которое именуется вторым южнославянским влиянием, ранее 1894 г., когда оно было открыто А. И. Соболевским.

7. Добровский в своих трудах не различал сочетания типа *торгъ* (т. е. восходящие к **TъrT*) и типа *кровь* (т. е. восходящие к **TrъT*); он постоянно цитирует те и другие в единых списках. Иначе говоря, ему еще было неизвестно, что здесь представлены разные по происхождению звуковые последовательности. Между тем в СПИ эти два класса безусловно разграничены: условное написание с *rъ*, *лъ* (*пръстъ*, *плъкъ* и т. п.) применяется исключительно для класса **TъrT*; сочетания класса **TrъT* всегда пишутся с *o*, *e* (*кровь*, *кровавыя*, *тростию*, *слезами*, *стремень* и т. д.).

Из этих фактов ясно: если СПИ — сочинение Добровского, то это значит, что он включил в свой главный труд *Institutiones* ряд заведомо ошибочных грамматических правил, зная, каковы истинные правила, а

⁷⁸ Признак «нестяженный имперфект» мы исключили: *граахуть* есть имперфект от *граати* (не от **грати*).

еще про несколько важнейших своих лингвистических открытий вообще умолчал.

§ 12. Добавим к этому перечню наиболее существенные из результатов, полученных нами выше в статье «Аргументы...».

1. В § 9–13 этой статьи показано, что в СПИ энклитики стоят в полном соответствии с древнерусскими правилами, а именно, подчиняются закону Вакернагеля. Особенно существенно правильное древнерусское поведение энклитики *ся*, поскольку ее препозиция или постпозиция по отношению к глаголу определяется сложным комплексом правил. В СПИ положение *ся* во фразе соответствует той ступени исторической эволюции этой энклитики, которая представлена в ранних берестяных грамотах, прямой речи в Киевской летописи по Ипат. и ряде других памятников, созданных в домонгольский период.

Фальсификатор, если это его работа, должен был прежде всего выбрать себе группу памятников для подражания, а именно, он должен был отказаться от имитации как старославянских и позднейших церковных памятников, так и светских памятников, созданных позднее XIV века. После этого он должен был провести весьма трудоемкое исследование избранного памятника именно с данной точки зрения.

Здесь, правда, фальсификатор-чех оказывается в более выгодном положении, чем русский, поскольку поведение энклитики *se* (а также *si*) в чешском гораздо ближе к древнему состоянию, чем поведение *ся* в современном русском. Но все же полного совпадения между чешскими правилами и правилами, отразившимися в СПИ, нет. Чешский язык в принципе допускает как постпозицию, так и препозицию *se* (причем во мно-

гих случаях выбор между ними относительно свободен), но в целом гораздо сильнее тяготеет к постпозиции, чем древнерусский.

Й. Юнгманн, автор первого перевода СПИ на чешский язык (сделанного в 1810 г.), который стремился как можно ближе следовать за древнерусским текстом как в выборе слов, так и в их порядке (иногда даже в ущерб естественности чешского текста), из 11 примеров препозиции *ся*, представленных в СПИ, в четырех сохранил порядок слов русского текста. К ним примыкает фраза *stany se Polovecké pozdvihovaly*, где переводчик из двух *ся* русского текста (*вежи ся Половецкіи подвизашася*) оставил только препозитивное (заметим, что в полученной фразе положение *se* оказалось весьма необычным для чешского). В остальных шести случаях Юнгманн, несмотря на свою общую установку, все же считал необходимым так или иначе перестроить фразу. Ср., в частности:

ту ся саблямъ потручиши → *tu šavlím přitupiti se* (здесь препозиция просто заменена на постпозицию);

а древо с(я) тухою къ земли преклонилос(я) → *a strom touhou k zemi přiklonil se* (постпозиция вместо двойного *ся*; правда, Юнгманн первого *ся* здесь, вероятно, и не видел).

По-другому перестроены примеры:

ту ся копиемъ приламати → *tu (bylo) kopím se latati;*

и древо с(я) тухою къ земли прѣклонило → *a strom s touhou k zemi se překlonil.*

Здесь и в чешском препозиция, но *se* стоит уже непосредственно перед глаголом; в древнерусском такой порядок (когда *ся* оказывается в положении после нескольких начальных тактовых групп, перед последней из которых нет условий для появления ритмико-синтаксического барьера) почти не встречается.

Таким образом, одно лишь знание чешского языка еще не обеспечило бы именно такого расположения энклитики *ся*, которое представлено в СПИ, — фальсификатору все равно пришлось бы делать поправки на особенности древнерусских правил об энклитиках.

2. В § 8 и 15 указан также комплекс других черт, представленных в СПИ, которые характерны для текстов, созданных в домонгольский период, в частности: правильное двойственное число, древняя форма аккузатива множ. числа, система из четырех прошедших времен, имперфект с наращением *-ть*, релятивизатор *то*, частица *ти*.

Чешский язык тут был бы полезен фальсификатору лишь в отношении частицы *ти* (которая в чешском, в отличие от русского, сохранилась). Во всем прочем он дает не больше, чем современный русский.

3. В § 17 указан комплекс черт, представленных в СПИ, которые характерны для памятников, созданных или переписанных в XV–XVI вв., в частности: позднее состояние редуцированных; *ки*, *ги*, *хи* (наряду с *кы*, *гы*, *хы*); ряд других поздних фонетических явлений; орография, отражающая второе южнославянское влияние; смешение номинатива и аккузатива множ. числа; И. В. множ. женского рода мягкого склонения на *-и*; М. ед. мягкого склонения на *-ѣ*; смешения в сфере прошедших времен; двойное *ся*.

Представлены также явления, которые появляются уже в древний период, но активно развиваются позднее: двойственное число среднего рода на *-а*; употребление локатива с предлогом на месте старых беспредложных конструкций; несогласованные причастия, приобретающие функции деепричастий.

Знание истории чешского языка (или любого другого из западно- и южнославянских) тут не помогло бы

фальсификатору почти ни в чем. Необходимые сведения можно было извлечь только из глубокого анализа значительного числа восточнославянских рукописей XV–XVI вв.

4. В § 18 показано, что представленные в СПИ ошибки и отклонения от правил точно соответствуют тому, что реально наблюдается в рукописях XV–XVI вв.

Если перед нами работа фальсификатора, то все грамматические явления, перечисленные выше, он воспроизводил не в силу выработанных с детства автоматизмов, а путем сознательного применения выявленных им грамматических правил. В этой ситуации естественно ожидать последовательного применения таких правил. Чтобы искусственно создать еще и ошибки, причем не какие угодно, а точно такие же, как в реальных рукописях, фальсификатор должен был исследовать средневековые рукописи также специально и с этой точки зрения. При этом сама стратегия сознательного внесения в текст ошибок означает глубоко продуманную коварную стратегию обмана, предназначенную отнюдь не для публики, а для будущих исследователей-профессионалов.

5. В § 19–20 установлено, что в рукописи СПИ, как она восстанавливается на основе первого издания, Екатерининской копии и записей Малиновского, по нескольким параметрам одновременно (написания *кы*, *гы*, *хы* и *ки*, *ги*, *хи*, смешение номинатива и аккузатива и др.) наблюдается нарастание процента ошибок по мере продвижения от начала рукописи к концу. Это такой же эффект, как во многих средневековых рукописях (где он связан с появлением усталости у писца).

Если же, как полагает Кинан, никакой средневековой рукописи не было, то либо перед нами очередная предельно маловероятная случайность, либо данный эффект искусственно создал фальсификатор, который,

во-первых, открыл само существование данного эффекта в рукописях, во-вторых, сумел его успешно сымитировать.

6. В разделе «Диалектные особенности в СПИ» (§ 21–22) показано, с учетом результатов предшествующих исследований, что текст СПИ обнаруживает целый комплекс диалектных фонетических и морфологических особенностей, характерных для северо-западных (в первую очередь псковских) рукописей XV–XVI веков.

Как быть Кинану с псковскими чертами? Приписать Добровскому знание и этих черт он не решается⁷⁹. В этой трудной ситуации он находит замечательный выход: а нет никаких псковских черт! это просто измысление! Чтобы нас не обвинили в клевете, приводим полную цитату (с. 147): «Но основная причина нынешнего состояния дел, вероятно, состоит в упрямой готовности верующих (или, точнее, защитников) измыслить для каждой аномалии, открытой скептиками, объяснение — пусть сколь угодно фантастическое, — совместное со структурой их веры. (...) Если в качестве свидетельства сомнительного происхождения выявлены не засвидетельствованные в других источниках написания или грамматические формы, то в игру вступают гипотетические псковские писцы или новгородские диалектные формы». Это и всё, что мы находим в книге Кинана по поводу диалектизмов в СПИ (если не считать библиографических указаний и заявления, что слово *шизыи* не имеет отношения к Пскову [с. 167]).

Мы в очередной раз видим, сколь поверхностно могут относиться к лингвистической проблеме нелингвисты.

⁷⁹ В самом деле, как отмечает О. Б. Страхова, в *Institutiones* Добровского нигде не упоминается даже самое характерное из северорусских диалектных явлений — цоканье.

Не будем заново повторять здесь весь соответствующий раздел нашей основной статьи. Отметим лишь, что слова Кинана «не засвидетельствованные в других источниках написания или грамматические формы» — это просто безответственная риторика: всё то, что опознается в СПИ как диалектизмы северо-западного типа, — это как раз прекрасно засвидетельствованные в рукописях написания и грамматические формы; см. выше, «Аргументы...», § 21–22. Оставляем лингвистам судить о том, можно ли считать совпадение по двум десяткам параметров продуктом «измышления верующих».

7. В § 30–33 установлено, что в СПИ коэффициент бессоюзия в части, параллельной Задонщине, и в независимой (т. е. остальной) части практически одинаков (65–67%). Между тем в Задонщине этот коэффициент (разный в разных списках) в части, параллельной СПИ, во всех списках выше, чем в независимой. Наиболее показательны списки И-1 и С: в них коэффициент бессоюзия в параллельной части соответственно 68% и 71%, а в независимой 50% и 54%.

Если СПИ первично по отношению к Задонщине, то такая картина легко объясняется различием между стилем первоисточника и стилем автора Задонщины.

Но если СПИ есть позднее сочинение, вторичное по отношению к Задонщине, то эта картина должна объясняться либо как случайность (вероятность чего исчезающе мала), либо как результат следующей особой стратегии Анонима: он выбирал в Задонщине пассажи для копирования по тому признаку, чтобы в них было мало союзов; а потом, сочиняя независимую часть СПИ, он проследил за тем, чтобы она имела точно такой же коэффициент бессоюзия. Эта стратегия одновременно настолько сложна и настолько бессмысленна,

что, по-видимому, единственный способ ее допустить — это апеллировать к сумасшествию Добровского.

Таков истинный масштаб лингвистических проблем, которые должен был решить Аноним, чтобы создать в тексте СПИ те лингвистические эффекты, которые там реально имеются.

Книга Кинана представляет читателю ситуацию так, как если бы ни одной из перечисленных выше проблем вообще не было; тем, кто о таких проблемах разговаривает, посвящено лишь несколько пренебрежительных фраз.

Мы видим, тем самым, насколько голословна уже процитированная выше декларация Кинана: «То, что Добровский был способен составить текст на уникальном креольском славянском, представленном в СПИ, *не подлежит сомнению*». За категоричностью формы в ней не стоит ровно никакого лингвистического анализа. Если у Кинана тут действительно нет никаких сомнений, то это значит только, что он совершенно не представляет себе масштаба проблем, от которых счел возможным отмахнуться.

Кинану для его концепции удобно считать язык СПИ «креольским», т. е. таким, где лексика — это смесь из разных языков, а грамматика примитивна; он готов видеть в нем ошибки всех родов на каждом шагу. Но этот взгляд не имеет ничего общего с действительностью: из нашего разбора ясно, сколь сложные и сколь многочисленные языковые механизмы безупречно действуют в тексте СПИ. Кинан просто не желает их видеть — и не видит.

Таким образом, Кинан, несмотря на весь объем вложенного им труда, оказался вполне похож на своих предшественников:

все они на основании некоторых частных исходных соображений принимают тезис поддельности СПИ, а затем уже начинают в него твердо верить;

на этой основе у них развивается своего рода «одностороннее зрение» — умение замечать факты всех родов и степеней надежности, которые можно истолковать в соответствии с их концепцией, и полностью отвлекаться от тех, которые так истолковать не удается; примечательно, что всем им приходится в связи с этим в первую очередь отвлекаться от серьезной лингвистики; и все они в качестве главного инструмента используют нагромождение слабых, не обладающих никакой обязательностью аргументов, полагаясь не на их надежность, а на их количество.

Заключение

§ 13. Итак, ситуация в целом ясна. На уровне обыкновенного здравого смысла фактов, изложенных в § 11–12, вполне достаточно, чтобы заключить: Добровский не был автором СПИ.

Но, как и в других подобных случаях, остается еще уровень абстрактной логики, допускающей любые события, вероятность которых не равна строгому нулю. Если согласиться рассуждать также и на этом уровне, то мы неизбежно должны признать следующее.

Если все же Добровский был автором СПИ, то он прежде всего был лингвистическим гением того масштаба, который позволяет опередить все остальное человечество на один-два века.

Но, с другой стороны, он счел почему-то нужным скрыть значительную часть своих научных достижений в труде своей жизни — *Institutiones*. Например, он даже не коснулся сферы, в которой, судя по СПИ, он

сделал замечательные открытия и продвинулся исключительно далеко, — орфографии рукописей XV–XVI веков. И что еще более поразительно, во имя некоей коварной игры, цели которой остаются загадочными, он включил в свой *opus magnum*, которому предстояло стать учебником всех будущих славистов, наряду с верными грамматическими правилами некоторое число заведомо неверных — зная при этом, каковы истинные правила. Как ученый, он, конечно, понимал, что со временем другие лингвисты тоже откроют истинные правила и увидят его ошибки. Но выходит, что стремление зачем-то обмануть было сильнее заботы о качестве своего научного труда и о своей научной репутации.

И при всем желании добросовестно выступить в роли *advocatus diaboli* и давать предельно снисходительные оценки любым странным поступкам, приходится все же констатировать: если один и тот же человек сочинил СПИ, создав в нем лингвистические эффекты, указанные выше в § 11–12, и написал (поздней!) *Institutiones*, то он был одновременно ни с кем не сравнимым научным гением и столь же уникальным монстром изощренного коварства, двуличия и циничного отношения к собственной научной деятельности.

Впрочем, у Кинана есть еще один шанс: списать всё на душевную болезнь Добровского, в силу которой он со временем забыл часть своих прежних лингвистических знаний. Это было бы хорошее дополнение к гипотезе о том, что он забыл, что это он написал СПИ.

Таковы «шансы» Йосефа Добровского на авторство СПИ. А у других, как мы уже знаем, они еще намного меньше.

Всё это не значит, что в СПИ нет больше ничего странного, что всё загадочное объяснилось. Темная история находки памятника остается. Темные места в

тексте остаются. Слова спорного происхождения остаются. Озадачивающие литературоведов литературные особенности остаются. Наша книга не решает всех этих непростых задач — она на это и не претендовала.

Просто мы увидели, как мало шансов, несмотря на все эти подозрительные обстоятельства, оказалось у той прямолинейной, родившейся из надежды развязать все узлы одним ударом, гипотезы, что перед нами продукт изобретательности человека XVIII века.

Ныне, после выхода в свет последней книги Зимина, небезынтересно непосредственно сопоставить концепции двух самых объемных трудов, обосновывающих позднее происхождение СПИ, — Кинан 2003 и Зимин 2006. Оказывается, что они сходятся между собой в сущности только в том, что СПИ создано кем-то в XVIII веке (на основе Задонщины и Ипатьевской летописи). Чуть ли не во всех остальных существенных пунктах они утверждают разное, нередко прямо противоположное. Вот некоторые из их утверждений.

Зимин	Кинан
Ответ на вопрос о сборнике с текстом СПИ «однозначен»: он получен Мусиным-Пушкиным от Иоиля Быковского.	Никакого сборника с текстом СПИ вообще не существовало.
Автор СПИ — архимандрит Спасо-Ярославского монастыря Иоиль Быковский.	Автор СПИ — чешский лингвист и просветитель Йосеф Добровский.
Автор СПИ — не ученый лингвист, а книжник, начитанный в древних рукописях.	Автор СПИ — лучший лингвист своего времени, и только такой человек мог создать СПИ.

Зимин	Кинан
Автор СПИ располагал неким неизвестным нам списком Задонщины, относящимся к редакции С, но правленным по списку редакции У.	Автор СПИ видел список С Задонщины и «в принципе мог видеть» и все остальные известные нам списки.
Автор СПИ много слов взял из народных говоров.	Слова, совпадающие с СПИ, могли попасть в говоры именно из СПИ (а автор эти слова просто выдумал).
Язык СПИ плотно насыщен украинскими и белорусскими элементами. Это очень важное свидетельство в пользу авторства Быковского, который родился в Белоруссии и учился на Украине.	Язык СПИ до предела насыщен чешскими элементами. Это решающее свидетельство в пользу авторства Добровского, который не вполне свободно владел русским языком и поэтому часто неосознанно вставлял в текст элементы своего родного языка.

Решительность, с которой оба автора выдвигают эти свои утверждения, у них одинакова. Читатель может выбирать на собственный вкус...

МОЖНО ЛИ СОЗДАТЬ «СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» ПУТЕМ ИМИТАЦИИ

§ 1. Настоящая статья в первом издании книги отсутствовала. Она добавлена уже после появления откликов на первое издание в связи с одним из этих откликов — рецензией Тэтяны Вилкул в киевском журнале «Ruthenica» (Вилкул 2005).

В книге был сделан вывод, что предположение о создании СПИ фальсификатором-лингвистом предельно маловероятно, поскольку он должен был обладать научными знаниями, которых его коллеги смогли достичь лишь на один-два века позже. В указанной рецензии этот тезис не оспаривается, но утверждается, что для создания СПИ в научных знаниях не было необходимости. Основной тезис нашего оппонента состоит в том, что фальсификатор мог достичь тех же результатов и без лингвистических знаний, путем одной лишь имитации прочитанных рукописей.

Рецензия шире по своей цели, чем просто отзыв о книге; это в сущности статья, декларирующая определенный взгляд на происхождение СПИ — один из возможных вариантов концепции поддельности этого памятника.

Автор рецензии — не лингвист, так что в данном случае мы имеем дело с таким же соотношением между профессией и взглядом на СПИ, как у Мазона, Зимина и Кинана. Более того, рецензент прямо противопоставляет себя лингвистам и стремится подвести читателя к тому заключению, что если моя книга что-либо и продемонстрировала, то только бессилие лингвистическо-

го подхода к проблеме происхождения СПИ: «Книга А. А. Зализняка чрезвычайно важна тем, что испытывает (*випробовує*) границы лингвистических методов. Насколько можно судить, результаты оказываются неоднозначными» (с. 279). И далее (там же): «... собственный подход автор воспринимает как само собой разумеющийся и единственно возможный. В действительности же на создание фальсификата, как и на его разоблачение, можно смотреть с диаметрально противоположной перспективы. В ней, в этой перспективе, собранные автором доказательства подлинности превращаются в свою противоположность». За импозантным термином «диаметрально противоположная перспектива» здесь реально стоит не что иное, как приглашение смотреть на СПИ как на продукт простой имитации.

Итак, инструмент, с помощью которого наш оппонент единым ударом сбрасывает со счетов сразу всю лингвистическую аргументацию, — это тезис «фальсификатору не нужно было никакой лингвистики, он просто имитировал реальные рукописи».

Вопрос о том, можно ли создать СПИ путем прямой имитации реальных рукописей, уже рассматривался выше по ходу разбора различных конкретных вопросов (см. «Аргументы...», § 5, 7, 13, 23). Но в возникшей полемической ситуации оказалось целесообразно проанализировать более подробно те аргументы, которые выдвигаются в пользу версии о простой имитации. Это было сделано в статье Зализняк 2006. Именно эта статья положена в основу последующего изложения⁸⁰.

⁸⁰ Но эта статья все же не повторена здесь буквально. В данном случае существенна прежде всего сама проблема имитации, поэтому, например, опущены замечания по поводу некорректного пересказа рецензентом положений моей книги и т. п.

Одна из главных мыслей рецензии выражена так (с. 262): «Лингвистам свойственно преувеличивать доказательную силу филологических аргументов в спорах о фальсификатах. Между тем решающую роль тут играет не точная наука, а все-таки общественное согласие».

Со взглядами такого рода не спорят — это не констатация чего бы то ни было, а позиция. Теперь вообще очень в духе времени разоблачать веру в точную науку и приветствовать наступление эпохи, когда любое вольное предположение будет считаться ничем не хуже утверждений точной науки; главным аргументом будет «в это я верю, а в то не верю» или даже попросту «это мне нравится, а то не нравится», а истина будет достигаться общественным согласием. Идеи этого рода с энтузиазмом распространяются, например, нынешним телевидением.

Я буду далее рассматривать только вопросы лингвистики, а не общественного согласия.

Структура гипотезы о создании СПИ путем имитации

§ 2. Центральное утверждение нашего оппонента состоит в том, что всю приводимую мною аргументацию можно «поворнуть в противоположную сторону», предположив, что СПИ создано в XVIII веке не путем применения лингвистических знаний, а путем имитации прочитанных фальсификатором древних рукописей.

В дискуссии о СПИ идея имитации — отнюдь не новая. Она в той или иной мере использовалась сторонниками поддельности СПИ неоднократно. Позиция нашего оппонента отличается лишь тем, что здесь эта идея положена в основу всей аргументации.

Итак, утверждается, что для подделки древнего текста нет необходимости знать орографию, фонетику и

грамматику языка так, как ее знает современный лингвист. Все то же самое может быть достигнуто путем имитации на основе знакомства с некоторым количеством реальных текстов. Никакой лингвистической науки для этого не требуется.

Это утверждение есть не что иное, как гипотеза.

Т. Вилкул как будто не замечает этого фундаментального обстоятельства. Она подает это утверждение как нечто естественное и не требующее особых доказательств и дальше из него уже просто исходит в частных вопросах.

Между тем мы беремся утверждать: это не только гипотеза, но и гипотеза для конкретного случая с СПИ крайне маловероятная.

Рецензент не только утверждает, что имитация такого рода возможна. В ее изложении она предстает как не такое уж сложное дело, доступное любому мало-мальски способному имитатору; «... для накопления указанных Зализняком признаков не нужно лингвистической виртуозности», — пишет она (с. 263).

Мы же беремся здесь показать, что это глубокое заблуждение.

Если предположить, что СПИ создал гений имитации, то это предположение в строгом смысле слова опровергнуть невозможно, поскольку за гением при желании можно предполагать практически безграничные способности (любого рода). Сторонник этой идеи всегда может сказать: «Ну и что из того, что известные нам люди такой-то операции совершить не могут? Гений — мог». Поэтому такое предположение мы и не будем пытаться опровергнуть. Наш последующий анализ посвящен тому, чтобы показать истинный масштаб тех трудностей, которые должен был преодолеть предполагаемый имитатор, и то, сколь маловероятно, чтобы их мог преодолеть человек, не являющийся гением.

Прежде, чем переходить к дальнейшему, необходимо подчеркнуть, что рецензент полностью отвергает взгляд на фальсификатора как на ученого, познавшего научным путем закономерности древнего языка. Вероятно, этот отказ связан с тем, что фигура ученого, который в XVIII веке открыл все то, что его позднейшие собратья открыли за последующие два века, представляется рецензенту, так же как и мне, неправдоподобной. Впрочем, мне неважно, каков здесь мотив; существенно то, что я с таким отказом охотно соглашаюсь.

Взгляд на фальсификатора как на ученого рецензент называет заблуждением, вызванным тем, что мы мысленно подставляем современного человека на место человека XVIII века, а тот мог быть совсем иным. В ее концепции речь должна идти только о человеке, не причастном ни к какой лингвистической науке.

Соответственно, ниже мы будем рассматривать именно эту версию. Всякое предположение, что сочинитель СПИ в каких-либо вопросах прибегал к лингвистическому анализу, немедленно привело бы нас в сферу гипотезы, которую рецензент отверг. Иначе говоря, все дальнейшее касается только интуитивного имитатора, но никак не лингвиста.

Сформулируем те более частные гипотезы, из которых складывается указанная общая гипотеза (в рецензии они не формулируются прямо, но фактически необходимы для предлагаемых конкретных построений).

Гипотеза 1. Читая древнюю рукопись, одаренный человек, непричастный к лингвистической науке, может научиться имитировать ее язык с такой точностью, что будут правильно воспроизведены не только легко наблюдаемые ее характеристики (как употребление тех или иных слов, орфографические нормы, формы словоизменения и т. п.), но и глубинные характеристики, выявляемые только лингвистическим анализом (законо-

мерности порядка слов, закономерности распределения синонимических или квазисинонимических средств выражения того или иного значения, статистические отношения и т. п.).

Гипотеза 2. Читая несколько древних рукописей, тот же человек может научиться создавать такие тексты, где для одной части лингвистических параметров (таких, как, скажем, орфография, окончания склонения, количество сочинительных союзов) воспроизведены черты первой рукописи, а для другой части параметров — черты второй рукописи.

Уже первая гипотеза, выражаясь языком математики, чрезвычайно сильная. Вторая же еще намного сильнее первой.

Отсутствие документальных подтверждений

§ 3. Для того чтобы версия с неискусенным в науке имитатором оправдалась, нужно, чтобы оказались верными обе указанные гипотезы.

Документальной базы, которая позволила бы прямо ответить на вопрос о том, верна ли гипотеза 1, по-видимому, не существует. Это и понятно: проблему едва ли можно признать актуальной, и где найти объекты для изучения, неясно⁸¹.

⁸¹ Может быть, некоторое подобие такого эксперимента было возможно в эпоху, когда в СССР многие интеллигенты жадно читали югославские газеты «Борба» и «Политика», не имея ни грамматик, ни словарей; к лингвистике они, если не считать небольшого меньшинства, никакого отношения не имели. Можно представить себе, что кто-нибудь из них захотел начать сам сочинять по-сербски. Хотелось бы знать, нашелся ли бы хоть один такой любитель, чьи сочинения сербы признали бы (не из любезности, а всерьез) безошибочными. На мой взгляд, шансов на это очень мало. (Особенно

Отдаленным аналогом здесь, вероятно, может служить изучение иностранного языка человеком, переселившимся во взрослом возрасте в чужую страну.

Мы знаем, что некоторая часть таких людей через несколько лет научается говорить на иностранном языке как на родном (заметим, что эта часть весьма невелика, большинство продолжает говорить на нем не вполне хорошо или даже просто плохо). Как уже указывалось выше, полное овладение означает, что человек даже по всем совершенно не осознаваемым им параметрам (скажем, процент определенных артиклей, долевое соотношение разных прошедших времен, распределение синонимов, тонкости порядка слов и т. п.) совпадет с природными носителями.

Источником научения в таких случаях является длительное ежедневное общение с природными носителями языка.

Специально отметим, что родственная близость языков в этом отношении не только не помогает, а даже затрудняет полное овладение чужим языком. Скажем, научиться немножко говорить по-польски русскому человеку несопоставимо легче, чем немцу. Но овладеть безупречным польским ему труднее, чем немцу (мы говорим здесь не о фонетике, а о самом языке): там, где различие между русским и польским тонкое, родной язык будет постоянно толкать его в ложную сторону.

интересно, как были бы расставлены в таких сочинениях бесчисленные сербские энклитики!)

С другой стороны, можно было бы попытаться счесть экспериментом такого рода деятельность Ганки (хотя тут, конечно, мало шансов на то, что Ганка действовал интуитивно, а не как квалифицированный филолог). Но тогда это эксперимент с отрицательным результатом — язык подделок Ганки не выдержал той проверки, которую произвел Ян Гебауэр.

Может ли быть такое же обучение на основе чтения текста, допустим, некоторой летописи? (Напомним, что древний этап родного языка в интересующем нас отношении аналогичен родственному языку.) Как уже говорилось, документальных данных на этот счет нет. Но все же сразу видно, что шансов здесь намного меньше:

1) объем летописи (даже большой) несопоставимо меньше, чем объем устной речи, воспринимаемой человеком за несколько лет; в частности, в ней встречаются примеры не на все морфологические и синтаксические моменты, подсознательное владение которыми составляет часть полного знания языка;

2) общение с летописью одностороннее — обучающийся не тренируется постоянно в произведении собственного текста, как при разговоре, и летопись, в отличие от собеседника, не поправит обучающегося или не покажет ему своим непониманием, что что-то нужно исправить.

Не говорим уже о том, что для обучения языку при жизни в чужой стране имеется мощный внешний стимул, тогда как при общении с летописью этот стимул нужно заменять чем-то другим, более искусственным.

В качестве еще одной отдаленной аналогии можно рассматривать деятельность пародистов (имеются в виду не устные выступления, а письменные или печатные тексты). Но они имитируют не язык, а стиль. И их главная цель состоит отнюдь не в том, чтобы в точности совпасть по всем параметрам с оригиналом (в этом случае пародийный эффект был бы совсем незначительным), а в том, чтобы иронически обыграть (или просто высмеять) часто повторяющиеся у данного автора приемы (определенные словечки, обороты речи, средства выразительности), а также его общую тональность. Часто пародист строит фразы так, чтобы они прямо напоминали публике какие-то известные ей места из по-

длинных сочинений автора. Обыгрываемые им приемы он непременно утрирует; со статистической точки зрения они оказались бы намного более частыми, чем в оригинальных произведениях. Общее количество разных элементов, которые «работают» на пародийный эффект, обычно бывает небольшим.

Что касается гипотезы 2 (о возможности имитации одной рукописи в одних пунктах и другой в других), то для нее документальной базы не существует и подавно.

При этом, если для ситуации, соответствующей гипотезе 1, еще мыслимы хотя бы отдаленные аналогии — из сферы изучения иностранных языков или пародирования, — то для случая с гипотезой 2 не видно даже и таких аналогий. Например, нет никаких сведений о том, чтобы кто-нибудь научился иностранному языку так, чтобы у него лексика была уличная, а синтаксис — из литературных радиопередач (или наоборот). И нет сведений о том, чтобы кто-либо строил пародии, например, так, чтобы выбранные словечки имитировали стиль одного автора, а синтаксические конструкции — стиль другого.

Таким образом, не обладает правдоподобием ни одна из этих гипотез, и важнейшей характеристикой обеих является полное отсутствие документальных или экспериментальных подтверждений. Ни наш оппонент, ни, по-видимому, и кто-либо иной не может предъявить ни одного реального примера имитации, отвечающей этим гипотезам. Иначе говоря, принятие этих гипотез есть чистый вопрос веры.

Особенности языка СПИ, трудные для имитации

§ 4. Но какие же элементы языка так уж трудно правильно воспроизвести при подражании оригиналу?

Об этом немало сказано в статье «Аргументы...». Но рецензенту каким-то образом удалось не заметить самого существенного в системе лингвистических аргументов, а именно: дело не сводится к тому, что в СПИ есть ряд таких же языковых явлений, как в реальных рукописях определенного класса, — например, двойственное число, препозиция *ся*, имперфект типа *бяшеть*, В. мн. типа *сваты*, написания типа *копія*. Это факты лишь самого первоначального, поверхностного уровня наблюдения. Но рецензент на этом уровне полностью останавливается, в ее представлении лингвистическая характеристика памятника этим и ограничивается⁸². Я даже не исключаю, что она именно из списков в статье «Аргументы...» увидела, как много подобных языковых сходств между СПИ и реальными памятниками. И вот ее замечательный вывод — о том, что мои списки можно понимать как аргумент в пользу поддельности СПИ, т. е. прямо противоположно моему истолкованию! По ее мнению, раз для каждого такого явления нашлась рукопись, где оно тоже имеется, значит, имитатору достаточно было взять его из соответствующей реальной рукописи.

Но в действительности несравненно большую информативную силу имеет не этот первоначальный уровень лингвистического наблюдения, а тот более глубокий, где учитывается не простой факт присутствия не-

⁸² Это та же самая особенность взгляда на явления языка — когда видят только поверхностное, но не глубинное, — которую мы отмечали выше («Аргументы...», § 35а) у Зимина. Разница, правда, в том, что Зимин писал более четверти века назад, а наш оппонент сумел сохранить этот взгляд и после того, как познакомился с разбором именно этой проблемы в рецензируемой книге. Это хорошая иллюстрация того, сколь устойчив у нелингвистов стереотип отношения к языку.

которого элемента или некоторого явления, а системные отношения, в которые этот элемент вступает с другими элементами (во фразе или в парадигме). Это может быть, в частности, позиционное распределение (на каких местах во фразе должны стоять рассматриваемые элементы), распределение равнозначных или близких по значению элементов (например, энклитических и полноударных местоимений), количественное распределение (соотношение численности определенных групп элементов или конструкций), семантическая мотивация (соответствие употребления элемента его значению), сочетаемость (во фразе или в парадигме) с другими элементами или другими чертами⁸³.

И если подделать сам факт присутствия некоторого элемента во фразе можно, позаимствовав этот элемент из другой рукописи, то уследить за тем, чтобы в новой фразе он не пришел в противоречие со всеми названными видами системных отношений, в десятки раз сложнее. И вставляющий как правило просто не в состоянии сразу заметить все подобные последствия своей вставки⁸⁴.

А вот наш оппонент не видит ничего невозможного, например, в том, чтобы двойственное число в СПИ

⁸³ Именно проверка данных этого более глубокого уровня может показать, хорошо или плохо составлен текст на древнем языке, сочиненный человеком нового времени. Тем самым неверно, что при отсутствии живых носителей языка мы вообще не имеем возможности судить о качестве позднего сочинения на древнем языке.

⁸⁴ Некоторой аналогией здесь может служить современная правка при редактировании: хорошо известно, что после любой вставки, даже маленькой, во фразе что-то может нарушиться — от потерянного согласования до нарушения логики мысли, и это далеко не всегда удается сразу заметить, а даже заметив, нередко нелегко исправить.

было получено путем заимствования целых отрезков из другого текста: «Остается, например, открытый вопрос: возможно ли правильное построение двойственного числа поздним стилизатором? Скажем, на основе использования блоков готового текста — так сказать, определенного типа "нарезанного" языка. (...) Таким образом мог быть, например, Ипатьевский список, где двойственное число представлено у огромного числа слов» (с. 265).

А что если не гадать, а взять на себя труд посчитать? В СПИ 38 различных словоформ двойственного числа (не считая ненадежных или записанных с буквенной ошибкой). Из них 10 — местоимения, числительные и связки, 28 — знаменательные (существительные, прилагательные, глаголы). Из этих 28 знаменательных словоформ в Ипатьевской летописи содержится всего две (*мѣсяца и рекоста*), а 26 отсутствуют. А в 5 случаях нет даже и самой лексемы. Вот на каком замечательном основании стоят все рассуждения об «использовании блоков готового текста» (заметьте, даже не словоформ, а целых блоков!), которыми сторонники поддельности СПИ подбодряют друг друга.

§ 5. Чтобы рассуждение о двух уровнях лингвистических характеристик (уровне первоначального наблюдения и уровне более глубокого анализа) не осталось слишком абстрактным, приведем два примера. В обоих случаях в нашей книге даны сведения как первого, так и второго уровня. И в обоих случаях рецензент реагирует только на сведения первого уровня, а сведений второго уровня, несравненно более весомых для рассматриваемой проблемы, вообще не замечает.

Так, в статье «Аргументы...» (§ 9–14) подробно рассматривается лингвистический механизм расстановки энклитик. В частности, для энклитики *ся*, которая осо-

бенно важна для оценки правильности текста, показано, что существует восемь разных категорий (разрядов) синтаксических контекстов, в каждом из которых поведение этой энклитики обладает некоторой спецификой. Подсчеты, выполненные на серии памятников, демонстрируют существование нескольких классов древнерусских памятников, различающихся поведением *ся*. Напомним, что Ипатьевская летопись оказалась в данном отношении неоднородной — потребовалось, в частности, различать прямую речь светских лиц в Киевской летописи, авторскую речь там же и Галицко-Волынскую летопись.

Здесь, разумеется, незачем заново подробно излагать факты — см. «Аргументы...», § 12. Ограничимся тем, что представим (несколько упрощенно) основные итоги проведенных нами подсчетов в виде приводимой ниже таблички, где указан процент случаев препозиции *ся* в наиболее важных группах фраз. В табличку включено несколько древнерусских памятников XI–XIII вв. (с добавлением старославянского Мариинского евангелия) и для сравнения — СПИ.

	Начальное местоим.	Начальное существит.	Начальный глагол ⁸⁵
Ранние берест. грамоты	87%	75%	0%
Прямая речь в Киев. лет.	81%	57%	0%
Автор. речь в Киев. лет.	12%	3%	0%
Галицко-Волын. лет.	9%	5%	0%
Мариинск. ев. (Матфей)	15%	0%	0%
Житие Феодосия	1%	5%	0%
Слово о полку Игореве	100%	60%	0%

⁸⁵ Этот столбец, содержащий одни нули, на первый взгляд кажется излишним: ведь *ся* — энклитика, следовательно, оно не может оказаться в препозиции при начальном глаголе.

Легко видеть, что разные памятники имеют существенно различные наборы коэффициентов и что строка СПИ здесь более всего похожа на первые две строки этой таблички.

Вся эта часть нашего исследования прошла полностью мимо сознания рецензента. Т. Вилкул говорит о проблеме препозитивного *ся* так, как если бы для имитации этой особенности древнего языка было достаточно там и сям вставить в текст препозитивные *ся*. В частности, отмечая, что препозицию *ся* нельзя считать незаметной чертой, она пишет (с. 264): «... эта черта сразу же фиксируется сознанием уже на начальном этапе занятий славянской филологией. Соответственно, нужно ожидать, что и мистификатор обратил бы на нее внимание и использовал бы ее для имитации текста XII века».

Но ведь фальсификатор не просто вставил в свой текст некоторое количество препозитивных *ся*. Он сумел их дозировать так, что кривая распределения их плотности по разрядам (100% – 60% – 0%) получилась весьма сходной с ранними берестяными грамотами (87% – 75% – 0%) и с прямой речью в Киевской летописи (81% – 57% – 0%) и совершенно несходной с другими древними памятниками.

«Ну что же, значит, у него было изумительное интуитивное чувство языка!» — скажет нам сторонник интуитивной имитации.

Допустим, имитатор действительно как-то сумел зафиксировать в своем подсознании, что во фразах с на-

Но это известно только лингвисту, простой имитатор ничего этого не знает. Он должен сам как-то уловить эту особенность при чтении текстов — совершенно так же, как, например, ту особенность, что при начальном местоимении препозиция *ся* в ряде памятников случается часто.

чальным местоимением *ся* нужно ставить в препозицию всегда или почти всегда, а во фразах с начальным существительным — только примерно в половине случаев. Само это допущение уже предполагает исключительно сильные имитаторские способности. Но еще удивительнее, как он нашел себе оригинал для подражания. Понятно, что берестяными грамотами он для своей цели воспользоваться не мог. Остается только прямая речь в Киевской летописи. Но ведь это не сплошной текст: прямая речь все время перемежается с авторской речью; а авторская речь здесь имеет совсем другие показатели препозиции *ся*. Выходит, что наш имитатор еще и сумел сперва расслоить текст и впитывать в свое подсознание одни пласти текста, а другие не впитывать.

Другая сторона проблемы с препозитивным *ся*, не менее трудная для имитатора, состоит в том, в какую именно точку фразы его следует вставить. Например, во фразе *A чи диво ся, братie, стару помолодити* ‘а разве это диво, братья, старому омолодиться’ энклитика *ся* стоит на месте, полностью соответствующем древнерусским синтаксическим автоматизмам. Но каким образом наш имитатор понял, что его не следует ставить, например, ни после *a*, ни после *братie?* (это были бы прямые ошибки); ни после *чи?* (что было бы теоретически допустимо, но реально в памятниках не встречается). А буквально такой (или хотя бы близко сходной) фразы в Ипатьевской летописи нет. А в Задонщине в соответствующей фразе *ся* стоит попросту в постпозиции: *Добро бы, брате, в то время стару помолодитсяя*. Конечно, когда речь идет об одной фразе, нельзя исключать простой случайности. Однако наш имитатор поставил *ся* на правильное место не только в этой фразе, а во всех без исключения фразах СПИ.

Одну из этих фраз выделю особо, поскольку она представляет собой едва ли не самый показательный камень преткновения для имитатора. Это фраза *Вежи ся Половецкіи подвизашася* ‘шатры половецкие зашевелились’, особенности которой уже были подробно разобраны нами выше («Аргументы…», § 13а). Взглянем на нее вновь, на этот раз с точки зрения возможности ее создания путем интуитивной имитации.

Оригинальнейшая особенность этой фразы состоит в том, что *ся* здесь стоит между начальным существительным и согласованным с ним прилагательным (о втором *ся* — в *подвизашася* — речь пойдет ниже отдельно). Такое положение *ся* идеально соответствует древнейшему правилу расстановки энклитик — закону Вакернагеля (см. «Аргументы…», § 9). Но во фразах с начальным сочетанием «существительное + прилагательное» эта древнейшая синтаксическая модель очень рано начинает вытесняться другими конструкциями; в древнерусских памятниках, даже XI–XII веков, она сохраняется лишь в очень редких случаях.

Если перед нами продукт имитации, то имитатор должен был располагать какими-то образцами. И вот как обстоит дело с фондом образцов. В Ипатьевской летописи *ся* встречается около 3600 раз. Из них один раз *ся* стоит во фразе, сходной по структуре с рассматриваемой фразой из СПИ: *си же ся злоба соключи въ днъ стѣго Възвнесенья* ‘а это несчастье случилось в день святого Вознесения’ ([1093], л. 80 об.). Но даже и в этой фразе определение стоит не после существительного, а перед ним, и выражено не прилагательным, а местоимением (не говоря уже о том, что здесь нет второго *ся* после глагола и после начального слова стоит не просто *ся*, а *же ся*). А все остальные кандидаты на статус образца отличаются от фразы из СПИ намного сильнее. Если же имитатор готов был опи-

раться не только на Ипатьевскую летопись, но и на другие попадавшиеся ему рукописи, то тут его шансы были еще хуже: в большинстве древнерусских памятников, даже ранних ему не встретилось бы ни одного подходящего примера — см. сводку в § 13а статьи «Аргументы...».

Дополнительной особенностью той же фразы из СПИ является так называемое двойное *ся*: помимо первого *ся*, поставленного по древнему правилу после начального слова, здесь имеется еще и второе, лишнее *ся*, поставленное по новому (позднему) правилу непосредственно после глагола: *подвизашася*. Такое *ся* изредка встречается в рукописях — иногда просто как ошибка оригинала, но чаще как результат поздней переписки: переписчик хотя и копировал механически древнее препозитивное *ся*, уже плохо понимал его роль и добавлял недостающее, по его ощущению, *ся* после глагола. Именно этот второй тип происхождения лишнего *ся* в рассматриваемой фразе предполагается в рамках версии подлинности СПИ. Если же перед нами продукт имитации, то имитатор обладал неимоверной чувствительностью к редкостям, поскольку данный эффект встречается не чаще, чем один раз на несколько сот примеров с *ся*, причем в ранних рукописях его вообще почти никогда не бывает. Добавим к этому, что других фраз, кроме данной фразы из СПИ, где соединились бы эти две редчайшие особенности — *ся* между существительным и прилагательным и лишнее *ся* после глагола, — в обширном списке обследованных нами рукописей (включающем, среди многоного другого, все старшие летописи) нет вообще. Это яркий дополнительный штрих к оценке гипотезы о копировании «блоков готового текста».

Мы видим, что при сочинении данной фразы имитировать в точном смысле этого слова было уже просто

ничего: нет готового оригинала для подражания. Есть только отдельные черты, к тому же чрезвычайно редкие, из которых предстояло «собрать» фразу для СПИ. Их можно выявить лингвистическим анализом (хотя и отнюдь не самым простым). Но если подобная фраза получена каким-то иным путем, то перед нами уже не имитация, а интуитивная реконструкция ненаблюденного объекта. Как достичь в этом случае правильной реконструкции, совершенно неизвестно. Единственный мыслимый ответ: «Интуиция гения может всё!».

Таков действительный масштаб гениальности, который необходимо признать за нашим имитатором в одном только вопросе расстановки *ся*⁸⁶. На этом фоне особенно выразительно звучит уже известное нам заявление рецензента: «... для накопления указанных Зализняком признаков не нужно лингвистической виртуозности».

Между тем при версии подлинности здесь никаких проблем нет: в живой речи русские люди расставляли *ся* совершенно автоматически, в соответствии с бессознательным механизмом, усвоенным с детства. Так что при фиксации прямой речи достаточно было записывать так, как это обычно говорилось. А о происхождении лишнего *ся* уже сказано выше.

Другой такой же пример относится к имперфектам типа *бяшеть*. Выше («Аргументы...», § 15, с. 116) пересказано замечательное достижение А. Тимберлейка, который установил, что в СПИ представлено такое же распределение двух морфологических вариантов имперфекта (с добавочным *-ть* и без него, например,

⁸⁶ Здесь нелишне заметить, что при изучении иностранного языка правильная расстановка энклитик — одна из самых трудных задач. Ошибки в этом отношении могут сохраняться даже у людей, достигших высокого уровня владения языком.

бящеть и бяще), как в некоторой группе раннедревнерусских рукописей, включающей ту часть Лаврентьевской летописи, которая соответствует XII веку.

Наш рецензент замечает из этого только сам факт наличия в СПИ некоторого числа имперфектов с добавочным *-ть* и комментирует так (с. 274): «В статье 1185 г. [Ипатьевской летописи], посвященной походу Игоря, необычайно большое количество форм имперфекта на *-ть*. Так что тонкостей знать не надо, достаточно имитации».

Мы видим, что снова в поле зрения рецензента попадает только самый поверхностный пласт фактов, а наиболее существенное выпадает. Ведь любому серьезному лингвисту ясно, что для вопроса о происхождении памятника разница между просто присутствием какого-то числа имперфектов типа *бящеть* наряду с обычным типом *бяще* и распределением имперфектов этих двух типов по тому же правилу, что в Лаврентьевской летописи за XII век, громадна. Если в первом случае можно предполагать, что фальсификатор встречал формы имперфекта с *-ть* и вставил их в разных местах наугад, то во втором случае при попытках объяснить этот факт в рамках версии фальсификации не обойтись без совершенно неправдоподобных допущений. Например, в варианте с простым имитатором придется допустить, что он сумел интуитивно впитать при чтении древних рукописей и эту морфологическую тонкость (т. е. именно такое распределение вариантов имперфекта), причем впитывать ее он должен был не из Ипатьевской летописи, которой он пользовался чаще всего, а из Лаврентьевской (поскольку в Ипатьевской распределение этих вариантов совсем другое). Или, наконец, придется обращаться к самому жалкому из прибежищ: объявлять эту особенность СПИ простой случайностью.

Опять-таки в версии подлинности тут никакой проблемы нет: в древней Руси бытовало несколько вариантов распределения форм типа *бяшеть* и типа *бяше*; автор СПИ был носителем того же варианта, что у авторов Лаврентьевской летописи на протяжении XII века. Заметим, что никакой специальной связи с Лаврентьевской летописью это не предполагает: вариантов распределения в этой сфере явно было немного.

§ 6. Обратимся еще к одному ряду фактов. Как показано выше («Аргументы...», § 18–22), в СПИ встречается, во-первых, некоторое число диалектизмов, например, *-са* вместо *-ся* в *връжеса*, *иши* вместо *с* в *шизый*, во-вторых, ряд характерных ошибок против орфографии или морфологии, например, *плъночи* вместо *полночи*, Т. мн. *чепи* вместо *чепы* (= *цѣпы*), В. мн. *на живая струны* вместо *на живыя струны*. Все эти особенности встречаются также и в реальных рукописях XV–XVI вв., в том числе в списках с древних оригиналов. Если СПИ — подлинное древнее произведение, переписанное в XV–XVI в., то их объяснение не составляет никакой проблемы — они появились, как и в других поздних списках, под пером переписчика. Но если СПИ — это фальсификат, то приходится искать намного более сложные объяснения. При версии с имитацией объяснение состоит в том, что имитатор видел такие написания в прочитанных рукописях и затем перенес в свое сочинение.

Здесь следует прежде всего заметить, что имитировать редкие явления (будь то диалектизмы или ошибки) вообще намного труднее, чем массовые. Конечно, лингвист, который решил обмануть публику, мог бы сперва проанализировать все такие явления, а затем вставлять соответствующие написания сознательно, чтобы рукопись была больше похожа на подлинную.

Но перед нами другая фигура — чуждый лингвистике имитатор. И нелегко понять, как ему удается имитировать то, что рассеяно в рукописях в виде редких крошечных вкраплений. «Да просто он переносит в свой текст некоторые бросившиеся ему в глаза своим необычным написанием словоформы, скажем, *сыновчя* вместо *сыновия*», — могут нам сказать. Однако быстро обнаруживается, что таким способом можно объяснить только малую долю всех нестандартных написаний (подобно тому, как можно найти в готовом виде лишь малую долю нужных словоформ двойственного числа). Не будем тратить места на приведение длинных списков — достаточно словоформы *русици*, которой нет в других памятниках и которую, однако же, предполагаемый имитатор записал с диалектизмом: *ц* вместо *ч*. С другой стороны, предполагать, что просто он сам так же неосознанно ошибался, как северо-западные писцы XVI века, решительно невозможно: он же не носитель диалекта и не проходил школу письма XVI века, так что его привычки и автоматизмы — совершенно иные, чем у тогдашнего писца. Таким образом, имитатор неизбежно должен был строить многие словоформы с диалектизмами или типовыми ошибками самостоятельно. И как он достиг в этом правильных результатов, не будучи лингвистом, — загадка.

Рассмотрим для наглядности какой-нибудь конкретный пример этого рода, скажем, написание *-са* вместо *-ся* в *връжеса*. Этот диалектизм отражается в памятниках XV–XVI веков редко. В Ипатьевской летописи, которую рецензент считает главным источником заимствований в СПИ, он встречается всего один раз: *оурадивса* ([1172], л. 199 об.). Коль скоро перед нами работа интуитивного имитатора, опиравшегося на Ипатьевскую летопись, то мы неизбежно должны допустить следующее: читая эту летопись, длина которой — 218

тысяч слов, имитатор отложил в своем сознании (или подсознании) встретившуюся один раз словоформу *оурадивса*, причем не как единое целое, а именно как пример словоформы с *са* вместо *ся*, и затем при сочинении СПИ один раз (либо помня, что это редкость, либо просто подсознательно) вместо обычного *са* написал *са* (в словоформе *връжеса*).

Конечно, поразительно, что одна форма из 218 тысяч смогла отложитьсь в его (под)сознании. Но еще более удивительно, как он, не будучи лингвистом, смог отличить *оурадивса* от форм с простыми описками (где, скажем, вместо *я* написано *ю*), которые тоже встречаются в летописи. А если его подсознание было столь мощным, что фиксировало безотказно все необычные формы подряд, то как ему удалось вставить в СПИ имитацию именно формы с реальным диалектизмом, а не формы с опиской? И каким образом он, не будучи лингвистом, по одному-единственному примеру *оурадивса* угадал, что дело здесь не в замене произвольного *я* на *а*, или произвольного отрезка *ся* на *са*, или *вся* на *вса*, а именно о замене показателя возвратности *ся* на *са*? Ведь, не разгадав этого, он имел бы совершенно одинаковые шансы на то, чтобы вставить в текст как *връжеса* вместо *връжеся*, так и, скажем, *вса* вместо *вся*, или *труса* вместо *труся*, или *всадемъ* вместо *всядемъ*, или *мѣсаца* вместо *мѣсяца*...

Случайность? Да, для единичного написания нельзя исключить и случайность. Но ведь мы привели случай с *-са* вместо *-ся* просто как образец — совершенно аналогичная картина обнаруживается и при анализе еще двух десятков диалектных черт или ошибок против грамматики; см. соответствующие параграфы нашего основного разбора. Целая серия маловероятных случайностей — это уже попросту чудо. Так что версия с лингвистически не подготовленным имитатором здесь

в качестве объяснения ничего, кроме чуда, предложить не может.

Трудности, связанные с подражанием нескольким источникам одновременно

§ 7. Рецензент в нескольких случаях пытается представить Ипатьевскую летопись как источник чуть ли не всех языковых особенностей СПИ⁸⁷. В других случаях, в противоречии с этим, она говорит о том, что стилизатор должен был читать много разных рукописей (в основном северо-западного происхождения) и их орография должна была быть для него привычной. И как мы увидим далее, допускает и то, что некоторые языковые черты фальсификата скопированы не с Ипатьевской летописи, а с какой-то другой рукописи, т. е. фактически опирается на сформулированную нами выше (§ 2) гипотезу 2.

Сомнений в том, что стилизатор должен был читать много рукописей, нет. Он, конечно, читал Ипатьевскую летопись, Задонщину и псковский Апостол 1307 года. Но общий список источников, откуда он должен был почерпнуть те или иные элементы текста, как давно установлено, гораздо шире. Следовательно, он должен был как-то познакомиться и с другими рукописями.

⁸⁷ Например, она отмечает (с. 275), что в Ипатьевской летописи есть и некоторые элементы южнославянской орографии. Их, правда, ничтожно мало для рукописи столь большого объема, но сам факт должен подталкивать читателя к мысли, что и эту черту стилизатор мог заимствовать из Ипатьевской летописи. Прискорбно то, что при этой демонстрации допущен элементарный ляпсус — в число якобы южнославянских написаний включено *жд* в словах *ворожда*, *вражда*. Не имеет отношения ко второму южнославянскому влиянию и *жд* из *zg, *zdj (*иждеցъ*, *изъѣжденъ*): такие написания используются на протяжении всего древнерусского периода.

Лингвистические характеристики этих рукописей во множестве отношений различны. И здесь следует учитывать, что при гипотезе об имитаторе, непричастном к науке, у такого человека практически не было средств понять, какая рукопись ранняя, а какая поздняя, какая северная, а какая южная и даже, например, какая русская, а какая сербская. Весь этот корпус был для него единым большим массивом текстов-источников.

В десятках, если не сотнях пунктов его сознание должно было фиксировать наличие вариантов. В одних рукописях имелось двойственное число, в других нет, причем среди первых не было единства в том, какими окончаниями это двойственное число выражалось. В одних рукописях аорист и имперфект образовывались по древним правилам и четко различались по значению, в других они смешивались и/или получали другие окончания, чем в древности, в третьих вообще не употреблялись. В одних рукописях *ся* было расставлено во фразах по древнейшим правилам, в других оно уже было в большинстве случаев перетянуто в постпозицию к глаголу, в третьих препозиции *ся* уже не было вообще. Окончания склонения чуть ли не в каждой форме допускали варианты, которые иногда были распределены по разным рукописям, иногда конкурировали в тексте одной и той же рукописи. Орфография каждой рукописи имела свои особенности. Фонетический состав слов тоже варьировал в зависимости от места происхождения рукописи и большего или меньшего количества проникших в текст диалектизмов.

На уровне лингвистического знания все это называется исторической грамматикой. В объеме, хотя бы сколько-то приближающемся к полному, все эти знания в состоянии держать в голове только самые высококвалифицированные филологи. Но мы здесь имеем право рассуждать только на уровне интуитивного ими-

татора. Гипотеза, необходимая для нашего оппонента, состоит в том, что в мозгу у имитатора имелся некий эквивалент этой информации, не предполагающий никакой осознанной классификации явлений, однако же дающий возможность интуитивно строить тексты, имитирующие некоторую конкретную рукопись, — и даже не вообще, а в отношении конкретных языковых характеристик.

Здравому смыслу это представляется чудом.

Каким образом человек, чуждый лингвистике, сумел, например, справиться с трудностями, вытекающими из существования четырех разных прошедших времен, тогда как в его собственном языке было только одно? Он мог бы, конечно, считать их все простыми вариантами, но тогда как ему удалось правильно (если не считать всего нескольких примеров перфекта) распределить их в сочиняемом тексте?

Как он понял, например, что аорист надо брать от глаголов совершенного вида (кроме случаев, когда передается многократность действия) и глаголов движения, а имперфект — от остальных глаголов, а также от глаголов совершенного вида в многократном значении? Ведь это распределение уже сбито в поздних рукописях, а окончания аориста и имперфекта в них часто смешиваются. Как он сумел в море поздних испорченных форм аориста выбрать правильные древние формы? Даже лингвист Добровский не сумел этого сделать в своих *Institutiones* без ошибок.

Предполагать, что имитатор каждую конкретную глагольную словоформу видел в каком-то тексте и запомнил, невозможно. Ведь совершенно так же, как в случае с двойственным числом, в Ипатьевской летописи нашлась бы лишь малая часть нужных словоформ, а если бы он набирал их из произвольных рукописей, то они являли бы собой пеструю смесь всех окончаний и

всех орфографий. И мы уже приводили («Аргументы...», § 15) примеры словоформ из СПИ, которые не встретились вообще ни в каких древнерусских памятниках: *гримлють*, *дотчеся*, *поскочяше*, *приламатися*; этот ряд легко можно продолжить. Все такие словоформы имитатор должен был строить самостоятельно — и все они построены безошибочно. Мы видим, таким образом, что интуиция нашего имитатора должна была по своей моли ни в чем не уступать аналитической мысли лингвистов.

Как этот человек сумел расставить *ся* по древним правилам, при том что в большинстве читанных им памятников они уже были расставлены по новым или по смешанным правилам? Научиться правильно расставлять энклитики очень непросто даже если образцом служит большой текст, где они всегда стоят на законных местах. А здесь речь идет об ограниченном числе фраз с расстановкой энклитик по древнему правилу, рассеянных среди гораздо большего числа фраз, уже не соответствующих древнему правилу. Ведь единственный существующий источник достаточно большого объема, где это правило работает без сбоев на протяжении всего текста, — это корпус берестяных грамот! Неслучайно до открытия берестяных грамот (точнее, до систематического анализа всего их корпуса) сам факт, что в древнерусском языке действовало это правило (известное по другим древним языкам), оставался по существу незамеченным.

Как он сумел распределить имперфекты типа *бяшеть* так, что они оказались в согласии с одним из древних вариантов их распределения, при том что в большинстве читанных им памятников, в частности, в Ипатьевской летописи, они были расставлены не так?

Таким образом, предположение о том, что имитатор выбрал себе в качестве ориентира Ипатьевскую лето-

пись, настроился на нее и отключил из своего (под)сознания впечатления от других рукописей, — даже если допустить, что такое вообще возможно, — не проходит. Если двойственное число, аорист и имперфект действительно употребляются в Ипат. по древним правилам, то ситуация с *ся* и имперфектами типа *бяшеть* несравненно сложнее. Такое распределение препозитивных и постпозитивных *ся*, как в СПИ, представлено, как уже указано выше, только в одном очень непросто вычленяемом компоненте Ипат. — в прямой речи светских лиц в Киевской летописи; во всех остальных компонентах Ипат. (т. е. в 90% объема летописи) распределение *ся* другое. А распределение *бяше* и *бяшеть* в СПИ вообще не совпадает с Ипатьевской летописью, а совпадает с Лаврентьевской.

Имеется и ряд других важных несовпадений с Ипатьевской летописью. Например, бессоюзие СПИ абсолютно не поддержано стилем Ипат., где союзов как раз очень много. Эту черту, по словам рецензента, стилизатор заимствовал из Задонщины⁸⁸. Тем самым рецензент признает, что имитатор все-таки не мог ограничиться имитацией лишь одного памятника, а ориентировался на разные памятники в зависимости от того, о каком лингвистическом аспекте фразы идет речь.

Итак, получается, что, работая над своим сочинением, имитатор большей частью «настраивал» свое подсознание на Ипатьевскую летопись; но в вопросе о *ся* —

⁸⁸ Отметим здесь саму идею, что бессоюзие в СПИ непременно должно было быть откуда-то заимствовано. Согласно Т. Вилкул, отсутствие столь высокочастотного бессоюзия в других памятниках XII века свидетельствует о поддельности СПИ. Она не замечает того, что тогда бессоюзие в Задонщине должно точно так же свидетельствовать о поддельности Задонщины, поскольку и в XV веке такого бессоюзия в других памятниках тоже нет.

только на один ее компонент (выделить который ему удалось каким-то загадочным образом). В вопросе об имперфекте типа *бяшеть* он «перенастраивал» свое подсознание на Лаврентьевскую летопись; в вопросе о бессоюзии — на Задонщину. Список легко продолжить, например: в вопросе о написании *ци* или *цы*, или о смешении *ѣ* и *e*, или о несмешении *ѣ* и *и* (в корнях) — на какой-то памятник типа псковской летописи, и т. д.

Что можно сказать перед лицом всей этой картины в защиту версии имитации, кроме все того же: «Гений может всё»?

О принципе «наличие порядка информативнее, чем его отсутствие»

§ 8. Проведенный выше разбор конкретных элементов языка СПИ полезно дополнить некоторыми рассуждениями более общего порядка.

Всегда ли в СПИ сохранены древние правила распределения тех или иных элементов или грамматических форм? Нет, не всегда. И случаи нарушения древних распределений, естественно, оказываются аргументами против подлинности СПИ. Так, в СПИ несколько больше перфектов, чем ожидалось бы для текста XII века, и в нескольких случаях они стоят в контекстах, для перфекта неподходящих (см. об этом «Аргументы...», § 17). И сторонники поддельности, включая нашего рецензента, говорят: вот признак того, что писал человек нового времени, — он по ошибке вставил кое-где свои родные формы прошедшего времени.

Если бы других фактов, связанных с правилами распределения элементов, не было, этот аргумент в пользу поддельности был бы признан весомым. Но такие факты есть. В частности, таково рассмотренное нами древнее правило расстановки энклитик (т. е. их распределение

ния по позициям в разных типах контекстов): оно соблюдено в СПИ очень хорошо.

И тогда встает вопрос: какой из этих двух фактов информативнее — хорошо соблюденное древнее распределение энклитик (= аргумент в пользу подлинности) или не полностью соблюденное распределение перфекта с другими прошедшими временами (= аргумент в пользу поддельности)? На первый взгляд, ситуация симметричная и оба аргумента должны иметь одинаковый вес. Однако при более глубоком рассмотрении эта оценка оказывается неверной.

В соответствии с версией подлинности, СПИ прошло в ходе истории через одно или несколько переписываний. В процессе переписывания писец мог что-то сохранить, а что-то по недостатку внимания или старания изменить. Некоторое правильное древнее распределение могло из-за такой случайной помехи нарушиться. Напротив, плохо соблюденное распределение улучшиться от случайных помех не могло (точнее, вероятность этого события ничтожна); а исправить его сознательно поздний переписчик не мог, поскольку он уже не владел древним правилом. Поэтому полностью сохраненное древнее распределение есть надежное свидетельство того, что оно было в тексте и до переписывания. Напротив, плохо выдержанное распределение могло быть как старым (т. е. представленным уже в оригинале), так и возникшим в силу порчи от случайных изменений при переписывании.

В нашем случае это означает, что распределение энклитик было таким же и до переписывания, тогда как распределение перфекта могло быть и результатом порчи. (Последнее тем более вероятно, что нарушение состоит в превышении ожидаемой доли перфекта, а известно, что переписчики как раз во многих случаях неосознанно заменяли мертвый аорист или имперфект

на живую форму прошедшего времени, т. е. перфект.) Перед нами здесь не что иное, как частное проявление общего принципа «наличие порядка информативнее, чем его отсутствие».

Если мы каким-либо образом удостоверились в том, что фальсификатор не мог знать правила распределения энклитик и не мог их правильно распределить методом имитации, то это фактически означает, что версия поддельности отпадает. И тогда неправильное распределение перфекта вынужденным образом должно объясняться как порча при переписывании (или как присутствовавшее уже в первоначальном тексте), но не как свидетельство поддельности. Тем самым проблема сводится только к вопросу о том, мог ли фальсификатор подделать распределение энклитик, — чем мы выше и занимались.

О соотношении объекта и его модели

§ 9. Изучаемый нами вопрос составляет лишь маленький частный случай гораздо более общей проблемы соотношения объекта и его модели (искусственного эквивалента). Частные случаи здесь могут быть чрезвычайно разнообразны. Это может быть картина знаменитого мастера и подделка под нее; сочинение, имитирующее древние или современные сочинения определенной категории (как выдаваемое за подлинное, так и не выдаваемое); самолет и его модель в виде физического предмета; атом и его модель в виде абстрактной схемы; реальное событие и его изображение в кино, в рассказе или в научной работе.

Общим во всех этих случаях является то, что модель не может воспроизвести все свойства моделируемого объекта. Она воспроизводит (или каким-то иным

способом отражает) только некоторые из них, которые представляются автору модели важными. Остальными он пренебрегает, причем про существование большинства из них он просто ничего не знает. Такое соотношение неизбежно: ведь число свойств реального объекта безгранично, будь это даже простой стакан или камень.

В число свойств объекта входят, конечно, не только такие первичные, как размер, масса, цвет и т. п., но и различные связи и отношения, в которых участвует объект в целом или его части между собой. Если объект — это некоторый текст, то количество его свойств огромно. Даже если взяться рассматривать среди них только те, которые относятся к языку (оставив в стороне литературные, исторические и др.), таких свойств окажется чрезвычайно много — ведь сюда входят не только общие характеристики, но и многочисленные фонетические, орфографические, морфологические, синтаксические, семантические детали. Скажем, для древнерусского текста сюда войдут в числе прочих и все те тонкие синтаксические явления, которые мы рассматривали выше.

Может возникнуть вопрос: если свойств так много, как могут люди их соблюсти в подлинном объекте, например, в подлинном тексте? Ответ состоит в том, что в языковом отношении подлинный текст есть продукт автоматизмов, которые закладываются в человеке с раннего детства. Текст возникает как своего рода натуральный продукт, все языковые характеристики которого определены привычной практикой, существовавшей до создания этого текста.

Если потребуется создать модель объекта, то, по общему принципу, в ней неизбежно окажется учтенной только часть (и даже точнее: очень малая часть) всех этих свойств. В частности, невозможно составить столь

подробное лингвистическое описание текста, чтобы в нем оказались учтены все языковые характеристики текста. И дело здесь не только в том, что это очень долгая работа, но также и в том, что лингвисты еще не всё знают про язык — есть такие свойства языка, которые еще не выявлены.

Частным случаем создания модели является создание подделки. Если подделка создается на основе знания, то понятно, что она может правильно воспроизвести только те свойства объекта, про которые имеется соответствующее знание, — следовательно, не все.

Иначе обстоит дело, когда подделка создается методом подсознательного подражания. Не касаясь таких сфер, как, например, подделка картин, ограничимся вопросом о подделке текстов. Здесь, разумеется, речь идет не о том, чтобы сделать копию какого-то уже существующего текста, а о том, чтобы создать текст, который нельзя отличить от текстов некоторого класса, скажем, от литературных сочинений такого-то века и такого-то жанра на заданном языке.

При создании поддельных текстов главная проблема, очевидно, состоит в полном или неполном владении языком. Если у имитатора и автора образцов один и тот же родной язык, тот же его диалект и языковые привычки одинаковой социальной среды, то со стороны языка продукт имитации будет неотличим от подлинника. Если это не так (т. е. при разнице эпох, разнице диалектов и т. п.), воспроизвести в подделке все свойства языка имитатор сможет лишь в том случае, если он усвоил чужой диалект или чужой язык безупречно. Как мы уже видели выше (§ 2) при разборе гипотезы 1, в случае древнего языка это, по-видимому, невозможно. Следовательно, также и в варианте с имитатором будут воспроизведены не все языковые свойства образцов.

Но если воспроизвести все свойства образцов так безмерно трудно, почему же в человеческой практике некоторые подделки и некоторые имитации все-таки удаются?

Ответ прост: потому что люди обычно не замечают тонких несходств. Например, подлинность или поддельность картины нередко могут установить только высококвалифицированные эксперты, а в глазах всех остальных людей поддельная и оригинальная картина одинаковы. Это значит, что эксперты знают такие свойства, не замечаемые остальными людьми, которые присутствуют только в подлинных картинах и недоступны фальсификаторам или, наоборот, никогда не бывают у подлинных картин.

Все это уже очень похоже на проблемы, связанные с СПИ. С той же естественностью, с которой художник XII века использовал краски, существовавшие в его время в его стране, сочинитель XII века расставлял энклитики в соответствии с автоматизмами языка своего времени. Допустим, экспертам известно, что производство одной из таких красок после XII века во всем мире прекратилось; тогда представленная на суд картина, где химический анализ показал присутствие данной краски, очевидно, будет признана подлинным древним произведением.

Аналогично этому, если каким-либо образом установлено, что фальсификатор не мог знать или не мог воспроизвести древнее распределение энклитик, то СПИ должно быть признано подлинным сочинением. Вопрос сводится, таким образом, только к тому, верно ли, что он этого достичь не мог (если пренебречь исчезающе малой вероятностью того, что распределение энклитик у него вышло случайно). Заметим, что сходство здесь еще и в том, что, подобно тому, как присутствие в картине краски определенного химического

состава совершенно неощутимо для обычного зрителя, так и особенности распределения энклитик в тексте совершенно незаметны для нелингвиста и ровно ничего ему не говорят.

Печально известная теория А. Т. Фоменко гласит, что наше представление о мировой истории есть выдумка фальсификаторов. Например, они якобы изобрели историю древнего Рима, выдумав конкретных людей, их биографии, их дела и подвиги, их язык, их сочинения, их многообразные связи и отношения между собой, условия их жизни и материальной культуры (см. об этом подробнее Зализняк 2000, 2001). Главная причина, по которой эта идея должна быть признана абсурдной, состоит в том, что в реальной жизни все бесконечно сложные переплетения людей, событий и судеб складываются естественным путем по своим, тоже бесчисленным, причинам. (От концепции предначертанности всех событий мы позволим себе здесь отвлечься; но все же заметим, что и в этой концепции источником предначертания может быть только божество, но никак не люди.) А в фиктивном мире, выдуманном фальсификаторами, заменить все эти бесчисленные взаимосвязи должен интеллект фальсификаторов. Поверить в успех такого замысла можно только признав за этим интеллектом такую же мощность, как у божества, т. е. всеведение.

Поучительный факт, связанный с теорией Фоменко, состоит в том, что немало людей этой теории поверило. Этим людям кажется простым и очевидным принцип: «выдумать можно решительно что угодно»; контрольный механизм, который проверял бы степень правдоподобия идеи, у них не работает.

О теории Фоменко полезно помнить и при разборе вопроса о поддельности СПИ. Разумеется, я ни в коем

случае не хочу сказать, что версия поддельности СПИ — такая же абсурдная, как теория Фоменко. В данном случае мы имеем дело с серьезной научной проблемой, а не с откровенными фантазиями. Но общий элемент состоит в легковерии тех, кто готов считать задачу предполагаемого фальсификатора не такой уж сложной.

В частности, ровно на этой точке зрения стоит Т. Вилкул. Тех разделов нашей книги, где показано, в чем именно состояла сложность, она как бы вообще не заметила.

К сожалению, это очередная иллюстрация того застарелого непонимания, которое нередко встречают результаты лингвистического анализа у других гуманистов, — когда они считают возможным, выдвинув какие-нибудь поверхностные, абсолютно не выдерживающие серьезной профессиональной проверки возражения или даже вообще не вникая в суть дела, высокомерно отмахнуться от лингвистических доводов.

Дополнительный пример языковых особенностей СПИ

§ 10. Выше уже указывалось, что конкретных частных закономерностей, которые проявились в языке СПИ, много и что мы демонстрируем здесь лишь примеры.

В свете того, о чем шла речь в предыдущем параграфе, можно сделать и более сильное утверждение: если СПИ — подлинное древнерусское произведение, то в нем непременно должны быть реализованы и какие-то такие закономерности, которых лингвисты в нем пока что не заметили (или которые им еще вообще неизвестны).

Вот один эпизод моих занятий древнерусским синтаксисом, который имеет прямое отношение к данной проблеме.

Уже после выхода в свет первого издания настоящей книги я занимался изучением истории древнерусских энклитик и в ходе этой работы, в частности, исследовал процесс постепенной замены древних энклитических местоименных словоформ (*ми, мя, ти, тя, ны, вы*) полноударными: *мънѣ*, *мене* (позднее *меня*), *тебѣ*, *тебе* (позднее *тебя*), *намъ*, *насъ*, *вамъ*, *васъ*.

Имеются синтаксические позиции, где полноударные местоимения употреблялись издревле. Такова, в частности, позиция в начале фразы или после частиц *не, ни* и союзов *а, и, но*, позиция после предлога (последняя только для местоимений дательного падежа) и некоторые другие. В этих позициях полноударные местоимения совершенно регулярно выступают также и во всех позднейших памятниках.

В прочих позициях древнейшая норма требует употребления энклитических вариантов местоимений. Для этих позиций выявляется следующая картина.

В памятниках домонгольского времени (ранние берестяные грамоты, прямая речь в Киевской летописи, Житие Феодосия, Житие Андрея Юрдивого, «Иудейская война» Иосифа Флавия и др.) в единственном числе древнейшая норма еще выдержана очень хорошо: в 88–99% случаев выступают именно энклитики — *ми, мя, ти, тя* (а не полноударные *мънѣ, мене, тебѣ, тебе*, как в позднем языке).

Но во множественном и двойственном числе картина совсем другая. Доля сохраненных энклитик *ны, вы, на, ва* составляет в берестяных грамотах XI–XII вв. и в прямой речи в Киевской летописи 60–70%, в литературных памятниках того же времени — лишь от четверти до половины.

В памятниках послемонгольского времени мы застаем картину намного более продвинутой эволюции. Так, в берестяных грамотах в единственном числе эн-

клитические местоимения сохраняются в XIII в. в двух третях случаев, в XIV–XV вв. — менее чем в половине. Во множественном числе энклитик уже практически нет (а двойственное число вообще исчезло). А в письмах Василия Грязного (1576 г.) энклитических местоимений уже нет вообще — как в современном языке.

В приводимой ниже таблице указан процент сохранения энклитических местоимений 1-го и 2-го лиц в Д. и В. падежах в нескольких памятниках XI–XVI вв. В одном столбце просуммированы данные по местоимениям единственного числа (*ми, мя, ти, тя*), в другом — по местоимениям множественного и двойственного числа (*ны, вы, на, ва*).

	ед. число	мн. + дв. число
Берест. грамоты XI–XII вв.	94%	60%
Прямая речь в Киев. лет.(XII в.)	89%	71%
Житие Андрея Юрода. (XII в.)	95%	53%
Житие Феодосия (XII в.)	99%	25%
Флав. (XII в.)	88%	24%
Берест. грамоты XIII в.	67%	—
Берест. грамоты XIV–XV вв.	45%	0%
Василий Грязной (1576 г.)	0%	—

Когда я получил приведенные здесь данные, возникла мысль, что было бы интересно проверить с этой точки зрения также СПИ. И вот что оказалось:

Слово о полку Игореве	100% (12 случаев из 12)	33% (1 случай из 3)
-----------------------	----------------------------	------------------------

Ввиду ограниченности материала здесь, конечно, нельзя придавать большого значения точным цифрам процентов. Но все же ясно, что данные СПИ — того же

порядка, что у домонгольских памятников. Это очередной пример того, что в СПИ соблюдена древняя норма в пункте, где в послемонгольское время эта норма уже была частично или полностью разрушена.

Сторонник версии поддельности мог бы здесь, правда, предположить, что фальсификатор заметил существование древней модели и просто провел ее механически по всем случаям. Но быстро обнаруживается, что это не так. Во-первых, в синтаксических позициях, где полноударные местоимения употреблялись издревле, в СПИ правильным образом стоят именно они (например: *Възлелѣи, господине, мою ладу къ мнѣ* 180; ... *ни соколу, ни кречету, ни тебѣ*, *чрѣный воронъ, поганый Половчине!* 41). Во-вторых, один раз употреблено полноударное *намъ* в позиции, где древняя норма требовала энклитики *ны* (*Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслю смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати* 83) и один раз полноударное *наю* в позиции, где древняя норма требовала энклитики *на* (*то почнутъ наю птици бити въ полѣ Половецкомъ* 208).

Отклонения от древнейшего правила в последних двух фразах оказываются особенно показательными — они приходятся на множественное и двойственное число, т. е. они совершенно такие же, как в реальных памятниках XII века.

Таким образом, сверх того, что нам было уже известно, в СПИ оказалось соблюденным еще одно весьма деликатное распределение, где фальсификатор, если таковой имелся, должен был соблюсти (неважно, с помощью лингвистического анализа или без него): 1) ориентацию на домонгольские памятники, но не на более поздние; 2) разделение синтаксических позиций на требующие полноударных местоимений и на требующие энклитик; 3) отличие в поведении энклитик единствен-

го числа от поведения энклитик множественного и двойственного числа, характерное для домонгольской эпохи.

Выходит, что двести лет никто не обращал внимания на детали процесса вытеснения энклитик полноударными местоимениями, а великий фальсификатор XVIII века этими деталями уже овладел — будь то методом познания или методом интуиции.

Воистину, это был величайший гений фальсификации, коль скоро его продукт обладает тем свойством, что чем больше его сторон подвергается контролю (в том числе случайному, как в данном эпизоде), тем больше обнаруживается схождений с бесспорными древними памятниками.

Подведем итоги проведенного разбора проблемы имитации.

Если СПИ — это произведение XII–XIII веков, переписанное в XV–XVI веке, то с точки зрения истории письменного текста перед нами вполне рядовой случай: языковые характеристики СПИ совпадают (пусть не во всех деталях, но во всем основном) с известными ныне характеристиками большого числа реальных рукописей с такой историей.

Если же СПИ — это фальсификат, где неосознанно воспроизведены десятки языковых черт, свойственных указанной категории рукописей, то это уникальный факт мировой истории письменности, для которого ни наш рецензент, ни кто-либо другой не может привести ни одного засвидетельствованного аналога. Рецензент просто верит, что это возможно, и читателю предлагается в это тоже просто поверить.

Является ли отстаиваемое рецензентом предположение безусловно невозможным? Нет, не является. В

ситуации, когда нет документальных данных, можно предполагать что угодно, в частности, что человеческая способность имитации безгранична. Но названная ситуация не является для науки чем-то беспрецедентным. Она возникает в науке не так уж редко, и хорошо известно, что в этих случаях наука занимается тем, что оценивает не только возможность или невозможность, но и вероятность каждого предположения.

Рецензент пытается представить задачу имитатора как не слишком сложную. Но документальный анализ тех трудностей, которые он должен был преодолеть, показывает всю несерьезность такой оценки. Если работал имитатор, то он мог быть только абсолютным гением имитации. И этим, естественно, определяется и степень вероятности всей версии.

Итак, предположение об имитаторе, чуждом лингвистической науке, не невозможно, но предельно маловероятно. Напомню, что предположение о фальсификаторе-лингвисте, достигшем всех необходимых для такой фальсификации научных знаний на один-два века раньше всех своих коллег, тоже предельно маловероятно, хотя уже по другим причинам (которые были подробно обсуждены в основной части настоящей книги). Тем самым предельно маловероятна и вся версия фальсификации.

Иначе говоря, в качестве общего заключения нашей книги мы можем, как и до введения в нее дополнительных полемических разделов, предложить читателю «Заключение» к ее основной части («Аргументы...», § 38).

ЛИТЕРАТУРА, ИСТОЧНИКИ, СОКРАЩЕНИЯ⁸⁹

Айтцетмюллер 1977 — *R. Aitzetmüller. Die Polonismen des Igorlieds // Anzeiger für slavische Philologie*, IX/1 (1977). S. 27–31.

Айтцетмюллер 1992 — *R. Aitzetmüller. Zum Nominalgebrauch im Igorlied // Anzeiger für slavische Philologie*, XXI (1992). S. 109–117.

Акир — Повесть об Акире Премудром // Цит. по: *А. Д. Григорьев. Повесть об Акире Премудром. Исследование и тексты*. Изд. ОИДР. М., 1913.

Александрия — Цит. по: *В. М. Истрин. Александрия русских хронографов // Чтения ОИДР. 1894 г. Кн. 2. Отд. 2*.

«Аргументы...» — «Лингвистические аргументы за и против подлинности "Слова о полку Игореве"» // В настоящем издании, с. 5.

Арханг. обл. слов. — Архангельский областной словарь. Вып. 1—. М., 1980—.

Булаховский 1950 — *Л. А. Булаховский. «Слово о полку Игореве» как памятник древнерусского языка // «Слово о полку Игореве»: Сборник исследований и статей под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 130–163. [Цит. по: Булаховский 1983. С. 441–480.]*

Булаховский 1952 — *Л. А. Булаховский. Функции чисел в «Слове о полку Игореве» // Мовознавство. Т. 10. 1952. С. 120–124.*

Булаховский 1983 — *Л. А. Булаховский. Избранные труды. В 5 томах. Том третий. Славистика. Русский язык. Киев, 1983.*

Брюкнер 1937 — *A. Brückner. Die Echtheit des Igorliedes // Zeitschrift für slavische Philologie*, XIV (1937), 1–2. S. 46–52.

Верmeer 2003 — *W. Vermeer. Czech lexical evidence casting light on Novgorod birchbark document 130 // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения. Материалы международной конференции (Великий Новгород, 24–27 сентября 2001 г.). М., 2003. С. 253–268.*

⁸⁹ В список включено также несколько работ, на которые в тексте нет прямых ссылок.

Вилкул 2005 — *T. Вилкул*. Рец. на кн.: *А. А. Зализняк*. Слово о полку Игореве: взгляд лингвиста // *Ruthenica*. Т. 4. Київ, 2005. С. 262–279.

Виноградов 1941 — *В. В. Виноградов*. Стиль Пушкина. М., 1941.

Виноградова 1985 — *В. Л. Виноградова*. О некоторых словах и выражениях в «Слове о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и его время. М., 1985.

Гальченко 2001 — *М. Г. Гальченко*. Книжная культура. Книгописание. Надписи. М.; СПб., 2001.

ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.

Гринченко — *Б. Д. Гринченко*. Словарь украинского языка. Т. I–IV. Киев, 1907–1909.

ДАБМ — Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Мінск, 1963.

Даль — *В. И. Даль*. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М., 1955.

ДАРЯ — Диалектологический атлас русского языка. Вып. I–III. М., 1986–1997.

ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950.

ДНД₁ — *А. А. Зализняк*. Древненовгородский диалект. М., 1995.

ДНД₂ — *А. А. Зализняк*. Древненовгородский диалект. 2-е изд., испр. и доп. М., 2004.

Дылевский 1962 — *Н. М. Дылевский*. Лексические и грамматические свидетельства подлинности «Слова о полку Игореве» по старым и новым данным // «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. М.; Л., 1962. С. 169–254.

Е. — Екатерининская копия СПИ (см.: *П. К. Симони*. «Слово о полку Игореве» // Древности: Труды Моск. археол. общества, XIII, № 2 [1890]. С. 34–46).

Живов 2004 — *В. Живов*. Улики подлинности и улики поддельности: По поводу книги: *Edward L. Keenan*. Josef Dobrovsky and the Origins of the Igor' Tale. Cambridge, Mass.: Distributed by Harvard University Press, 2003 // Русский язык в научном освещении. № 8 (2004). С. 238–265.

Жит. Андр. Юрод. — Житие Андрея Юродивого (РГАДА, фонд 381, № 182, XIV в.). [Цит. по: А. М. Молдован. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000.]

Задонщина — Цит. по: СПИ и Кулик.

Зализняк 1981 — А. А. Зализняк. Противопоставление относительных и вопросительных местоимений в древнерусском // Балто-славянские исследования 1980. М., 1981. С. 89–107.

Зализняк 1986 — А. А. Зализняк. Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951–1983 гг.). М., 1986. С. 89–219.

Зализняк 1993 — А. А. Зализняк. К изучению языка берестяных грамот // В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993. С. 191–321.

Зализняк 2000 — А. А. Зализняк. Лингвистика по А. Т. Фоменко // Вопросы языкоznания. 2000. № 6. С. 33–68.

Зализняк 2001 — То же в: История и антиистория: Критика «новой хронологии» академика А. Т. Фоменко. Анализ ответа А. Т. Фоменко. 2-е изд., доп. М., 2001. С. 18–75.

Зализняк 2004 — А. А. Зализняк. К изучению древнерусских надписей // В. Л. Янин, А. А. Зализняк, А. А. Гиппиус. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2001 гг.). М., 2004. С. 233–287.

Зализняк 2006 — А. А. Зализняк. Можно ли создать «Слово о полку Игореве» путем имитации // Вопросы языкоznания. 2006. № 5. С. 3–21.

Зализняк 2007 — А. А. Зализняк. Еще раз об энклитиках в «Слове о полку Игореве» // Вопросы языкоznания, 2007, № 6. С. 3–13.

Зимин 1963 — А. А. Зимин. Слово о полку Игореве: Источники. Время создания. Автор. М., 1963.

Зимин 2006 — А. А. Зимин. Слово о полку Игореве. СПб., 2006.

И-1 — Задонщина, 1-й список Исторического музея // СПИ и Кулик. С. 541–546.

- И-2 — Задонщина, 2-й список Исторического музея // СПИ и Кулик. С. 546–547.
- ИГДРЯ 2001 — Историческая грамматика древнерусского языка. Т. II. *О. Ф. Жолобов, В. Б. Крысько*. Двойственное число. М., 2001.
- ИГРЯ 1982 — Историческая грамматика русского языка: Морфология. Глагол. М., 1982.
- Изборник 1986 — Изборник: Повести Древней Руси. М., 1986.
- Ипат. — Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1962.
- Исаченко 1941 — *A. V. Исаченко*. Двойственное число в «Словѣ о пѣлку Игоревѣ» // Заметки к Слову о полку Игоревѣ. Београд, 1941. [Цит. по: *A. V. Isačenko. Opera selecta*. München, 1976. С. 34–48 (Forum slavicum, Bd. 45).]
- «История...» Флавия — «История Иудейской войны» Иосифа Флавия: Древнерусский перевод. Т. I–II. М., 2004.
- К. — выписки Н. М. Карамзина из СПИ (по: СССПИ, 1: 15–25).
- «К чтению...» — К чтению нескольких мест из «Слова о полку Игоревѣ» // В настоящем издании, с. 249.
- Карский 1956 — *E. Ф. Карский*. Белорусы. Язык белорусского народа. Вып. 2. Исторический очерк словообразования и словоизменения в белорусском языке; Вып. 3. Очерки синтаксиса белорусского языка. М., 1956.
- КБ — Задонщина, Кирилло-Белозерский список // СПИ и Кулик. С. 548–550.
- Каринский 1916 — *H. Каринский*. Мусин-Пушкинская рукопись «Слова о полку Игоревѣ» как памятник псковской письменности XV–XVI вв. // Журнал Министерства народного просвещения, LXVI (1916, декабрь). С. 199–214.
- Кинан 1998 — *E. L. Keenan*. Was Jaroslav of Halych really shooting sultans in 1185? // Cultures and Nations of Central and Eastern Europe. Essays in Honor of Roman Szporluk: Harvard Ukrainian Studies, 22 (1998). P. 313–329.
- Кинан 2002 — *E. L. Keenan*. Turkic Lexical Elements in the *Igor Tale* and the Zadonščina // Slavonic and East European Review. Vol. 80. № 3. July 2002. P. 479–482.

Кинан 2003 — *E. L. Keenan. Josef Dobrovsky and the Origins of the Igor' Tale.* Cambridge, Mass., 2003.

Козлов 1988 — *B. П. Козлов.* Кружок А. И. Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве». М., 1988.

Козырев 1975 — *B. A. Козырев.* «Слово о полку Игореве» и современные русские народные говоры // Русская речь. 1975. № 5.

Козырев 1976 — *B. A. Козырев.* Словарный состав «Слова о полку Игореве» и лексика современных русских народных говоров // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XXXI. Л., 1976.

Корш 1909 — *Ф. Корш.* Слово о полку Игореве. СПб., 1909.

Котляренко 1966 — *A. Н. Котляренко.* Сравнительный анализ некоторых особенностей грамматического строя «Задонщины» и «Слова о полку Игореве» // СПИ и Кулик. С. 127–198.

Крысько 2001 — *B. Б. Крысько.* Рецензия на Мозер 1998 // Славяноведение, 2001, № 4. С. 103–107.

Лавр. — Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 1–3. Л., 1926–1928.

Ларин 1975 — *B. A. Ларин.* Лекции по истории русского литературного языка (Х – середина XVIII в.). М., 1975.

Лихачев 1982 — *Д. С. Лихачев.* Слово о полку Игореве. Историко-литературный очерк. 2-е изд. М., 1982.

М. — выписки А. Ф. Малиновского из СПИ (по: СССПИ, 1: 15–25).

Мазон 1940 — *A. Mazon.* Le Slovo d'Igor. I–IV. Paris, 1940.

Маслов 1954 — *Ю. С. Маслов.* Имперфект глаголов совершенного вида в славянских языках // Вопросы славянского языкознания. Вып. 1. М., 1954. С. 68–138.

Мещерский 1958 — *H. A. Мещерский.* К изучению лексики и фразеологии «Слова о полку Игореве» // Труды Отдела древнерусской литературы, XIV (1958). С. 43–48.

Мозер 1998 — *M. Moser.* Die polnische, ukrainische und weißrussische Interferenzschicht im russischen Satzbau des 16. und 17. Jahrhunderts. Frankfurt am Main etc., 1998. 398 S. (Schriften über Sprachen und Texte; Bd. 3).

Мозер 2005 — *M. Moser. Sind der „Relativisator“ mo und die Syntax anderer Enklitika als klare Beweise für die Authentizität des Igorlieds zu werten?* // *Studia Slavica*, 50/3 (2005, S. 267–282).

Мосенкис 2006 — *Ю. Л. Мосенкис. Поэтическая реконструкция «Слова о полку Игореве» и летописная поэзия.* Киев, 2006.

НГБ X — *В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). Палеография берестяных грамот и их внетретирафическое датирование.* М., 2000.

Новг. был. — Новгородские былины. М., 1978.

НПК — Новгородские писцовые книги. Т. I–VI и указатель. СПб./Пг., 1859–1915.

НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

«О Добровском...» — Новейший кандидат на авторство «Слова о полку Игореве» — Йосеф Добровский // В настоящем издании, с. 344.

«О противниках...» — О нескольких лингвистических работах противников подлинности «Слова о полку Игореве» // В настоящем издании, с. 282.

«Об имитации...» — Можно ли создать «Слово о полку Игореве» путем имитации // В настоящем издании, с. 406.

Обнорский 1939 — *С. П. Обнорский. «Слово о полку Игореве» как памятник русского литературного языка* // *Русский язык в школе*. 1939. № 4. С. 9–18.

Обнорский 1946 — *С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода*. М.; Л., 1946.

Обнорский 1960 — *С. П. Обнорский. Избранные работы по русскому языку*. М., 1960.

Орлов 1946 — *А. С. Орлов. Слово о полку Игореве*. 2-е изд. М.; Л., 1946.

Орфоэп. слов. 1989 — Орфоэпический словарь русского языка. М., 1989.

П. — Первое издание СПИ: Ироическая песнь о походе на половцев удельного князя Новагорода-Северского Игоря Святославича. М., 1800.

Павлов 1908 — Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. Памятники XI–XV в. / Под ред. А. С. Павлова. 2-е изд. СПб., 1908 (Русская историческая библиотека. Т. 6).

ПВЛ — Повесть временных лет.

Перетц 1926 — *В. Перетц*. Слово о полку Ігоревім. Київ, 1926.

Петerson 1937 — *H. M. Peterson*. Синтаксис «Слова о полку Игореве» // *Slavia. Roč. XIV. Seš. 4. V Praze*, 1937. С. 547–592.

ПЛДР XII — Памятники литературы Древней Руси, XII век. М., 1980.

Плетершник — *M. Pleteršnik*. Slovensko-nemški slovar. Т. 1–2. Ljubljana, 1894 (Reprint: 1974).

Потебня 1914 — *A. A. Потебня*. Слово о полку Игореве: Текст и примечания. 2-е изд. Харьков, 1914.

Пск. обл. слов. — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1—. Л., 1967—.

Радзивил. — Радзивиловская летопись. Цитируется по разночтениям к Лаврентьевской летописи, см. Лавр.

Пчела — Цит. по: Древняя русская Пчела по пергаменному списку. Издатель В. Семенов. ОРЯС, 54 № 4. СПб., 1893.

РГБ — Российская Государственная библиотека в Москве (ранее: ГБЛ).

ркп. — рукопись.

РНБ — Российская Национальная библиотека в Санкт-Петербурге (ранее: ГПБ).

С — Задонщина, Синодальный список // СПИ и Кулик. С. 550–556.

СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 1—. М., 1988—.

Синодальная библия — Библія, сирѣчъ книги свѧщенна-го писанїа Ветхаго и Новаго Завѣта. М., 1914.

Слов. XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1—. М., 1975—.

Смирнов 1912 — *C. I. Смирнов*. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины (тексты и заметки): Чтения ОИДР. Кн. 3. 1912.

Соболевский 1916 — *А. И. Соболевский*. К «Слову о полку Игореве» // Изв. ОРЯС Акад. Наук. XXI. № 2 (1916). С. 210–213.

Соболевский 1929 — *А. И. Соболевский*. К «Слову о полку Игореве» // Изв. по РЯС АН СССР. II (1929). С. 174–180.

Соловьев 1962 — *А. В. Соловьев*. Русичи и русовичи // «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. М.; Л., 1962. С. 276–299.

СПИ — Слово о полку Игореве.

СПИ, Библиотека поэта 1967 — Слово о полку Игореве / Перевод Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева, О. В. Творогова. 2-е изд. Л., 1967 (Библиотека поэта. Большая серия).

СПИ и Кулик. — Слово о полку Игореве и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова». М., 1966.

Срезн. — *И. И. Срезневский*. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I–III. СПб., 1893–1903.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–. М.; Л., 1965–.

СССПИ — Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / Сост. В. Л. Виноградова. Вып. 1–6. М.–Л., 1965–1984.

ССУМ — Словник староукраїнської мови XIV–XV ст. Т. 1–2. Київ, 1977–1978.

Стенсланд 2002 — *Л. Стенсланд*. Живая струны — морфологическая аномалия в «Слове о полку Игореве» / Explorare necesse est. Hyllningsskrift till Barbro Nilsson. Stockholm, 2002. S. 217–224.

Страхова 2003 — *О. Б. Страхова*. Языковая практика создателя «Слова о полку Игореве» и лингвистические взгляды Йозефа Добровского // Славяноведение. 2003. № 6. С. 33–61.

Страхова 2006 — *О. Б. Страхова*. Новая книга о происхождении «Слова о полку Игореве»: шаг назад // Славяноведение. 2006. № 2. С. 37–65.

Строев. — Строевский список Псковской 3-й летописи // Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955. С. 78–250.

Сузд. лет. — Суздальская летопись (по Лавр.).

Супрасл. — Супрасльский кодекс.

ТСМБ — Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. Т. 1–5. Мінск, 1977–1984.

Творогов 1966 — *O. B. Творогов*. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина» // СПИ и Кулик. С. 292–343.

Творогов 2006 — *O. B. Творогов*. О книге А. А. Зимина // В кн.: *A. A. Зимин*. Слово о полку Игореве. СПб., 2006. С. 5–7.

Тимберлейк 1999 — *A. Timberlake*. On the Imperfect Augment in ‘*Slovo o polku Igoreve*’ // H. Baran, S. I. Gindin et al. (eds). *Roman Jakobson: Texts, Documents, Studies*: Moscow: Russian State University for the Humanities, 1999. Р. 771–786.

Трост 1974 — *K. Trost*. Karamzin und das Igorlied. Ein Beitrag zur Kontroverse um die Echtheit des Igorliedes // *Anzeiger für slavische Philologie*, VII (1974). S. 128–145.

Трост 1982 — *K. Trost*. Die Germanismen des Igorlieds // *Anzeiger für slavische Philologie*, XIII (1982). S. 25–28.

Тупиков — *H. M. Тупиков*. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903.

У — Задонщина, список Ундольского // СПИ и Кулик. С. 535–540.

Увар. лет. (Уваровская летопись) — Полное собрание русских летописей. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV века. М., 1949.

Унбегаун 1935 — *B. Unbegaun*. La langue russe au XVIe siècle (1500–1550). I. La flexion des noms. Paris, 1935.

Унбегаун 1938 — *B. Unbegaun*. Les Rusiči – Rusici du Slovo d’Igor // *Revue des études slaves*, XVIII (1938). Р. 78–80.

Усп. сб. — Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971.

Феннелл 1968 — *J. L. I. Fennell*. The *Slovo o polku Igoreve*: The Textological Triangle // *Oxford Slavonic Papers*, № 1 (1968). Р. 126–137.

Флав. — «История Иудейской войны» Иосифа Флавия в списке Архивского хронографа (ркп. РГАДА, фонд 181, МГАМИД, № 279/658, XV в.). [Цит. по: «История...» Флавия.]

Чудеса Николы — По списку Торжественника XII в. (рукопись РНБ, F. п. I, 46).

Хендлер 1977 — *M. Hendlér*. Der Verbalgebrauch im Igorlied // *Anzeiger für slavische Philologie*, IX/1 (1977). S. 103–159.

Частотн. слов. 1977 — Частотный словарь русского языка / Под ред. Л. Н. Засориной. М., 1977.

ЭСПИ — Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 1–5. СПб., 1995.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. Вып. 1–. М., 1974–.

Югов 1970 — Слово о полку Игореве / Перевод, комментарии и статьи А. Югова. М., 1970.

Юнгманн 1810 — Slovo o pluku Igorove: ruský tekst v transkripci, český překlad a výklady Josefa Jungmanna z r. 1810. V Praze, 1932.

Якобсон 1935 — *R. Jakobson*. Les enclitiques slaves. [Цит. по: *Jakobson R. Selected Writings. Vol. II. The Hague; Paris, 1971. P. 16–22.*]

Якобсон 1948 — *R. Jakobson*. La Geste du Prince Igor'. [Цит. по: *Jakobson R. Selected Writings. Vol. IV. The Hague; Paris, 1966. P. 106–300.*]

Якобсон 1952 — *R. Jakobson*. The Puzzles of the Igor' Tale on the 150th Anniversary of Its First Edition. [Цит. по: *Jakobson R. Selected Writings. Vol. IV. The Hague; Paris, 1966. P. 380–410.*]

Якобсон 1966 — *R. Jakobson*. Retrospect // *Jakobson R. Selected Writings. Vol. IV. The Hague; Paris, 1966. P. 635–704.*

Янин, Зализняк 1999 — *В. Л. Янин, А. А. Зализняк*. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1998 г. // Вопросы языкознания. 1999. № 4. С. 3–27.

Institutiones — *J. Dobrovský*. Institutiones linguae slavicae dialecti veteris, quae quum apud Russos, Serbos aliosque ritus Graeci, tum apud Dalmatas glagolitas ritus Latini Slavos in libris sacris obtinet. Vindobonae, 1822 (2-е изд. 1852).

SJS — Slovník jazyka staroslověnského. Praha, 1958–1997.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Текст «Слова о полку Игореве»

Ниже прилагается текст «Слова о полку Игореве» с той нумерацией звеньев (взятой из работы Якобсон 1948), которой мы пользуемся в настоящей книге. Указано также (римскими цифрами) предложенное Якобсоном разделение на части.

Наша цель — чисто практическая: сделать книгу более удобной для читателя, дав ему возможность быстро найти обсуждаемое место в тексте СПИ.

Представление текста СПИ — задача более сложная, чем для обычных памятников. Проще всего в точности воспроизвести текст первого издания; но для читателя это было бы весьма неудобное решение — из-за большого числа мест, где чтение, словоделение, деление на фразы и т. д. было исправлено позднейшими критиками. Однако общепринятого исправленного текста не существует. Почти каждый публикатор в каких-то частных моментах отклоняется от своих предшественников.

В настоящем приложении мы никоим образом не ставим перед собой амбициозной задачи дать некий «наиболее правильный» текст произведения. В соответствии с нашей практической задачей, ниже приняты следующие установки.

Буквенный состав текста в общем случаедается по первому изданию. Лишь единичные буквы взяты не из первого издания, а из Екатерининской копии; они подчеркнуты. Добавленные буквы (или более длинные отрезки) даны в круглых скобках, исправленные — в угловых.

Буквы *и* и *й* даны не в соответствии с первым изданием, а по морфологическим правилам.

Таким образом, мы ориентируемся не на реконструкцию Мусин-Пушкинской рукописи (в этом случае нужно было бы намного шире использовать написания Екатерининской

копии и пришлось бы во многих местах совершить субъективный выбор между конкурирующими версиями), а на максимальное приближение к первому изданию во всех случаях, где это не приносит явного ущерба пониманию текста.

В отличие от буквенного состава, словоделение, знаки препинания и выбор заглавных или строчных букв не следуют за первым изданием. Но при этом все же в соответствии с традицией мы даем больше заглавных букв, чем требуют нынешние правила. Может несколько отклоняться от нынешних правил также пунктуация. Заметим, что выбор знака препинания для разделения предложений (точка, тире, двоеточие, точка с запятой или запятая) в значительной мере субъективен (равно как выбор между точкой и восклицательным знаком), поэтому расхождениям между разными комментаторами в этом вопросе не следует придавать большого значения.

Перевод не дается: в условиях, когда для большинства пассажей имеется ряд конкурирующих вариантов перевода, это вывело бы нас далеко за рамки нашей задачи.

Что касается деления на слова и на фразы, предлагаемый текст достаточно близок к большинству существующих изданий. Из многочисленных конъектур, предлагавшихся различными комментаторами, включены в текст только совсем немногие. Из перестановок отрезков текста, предлагавшихся разными авторами, приняты только две (они оговорены в сносках).

Темной заливкой выделены так называемые «темные места», т. е. отрезки текста, интерпретация которых (а часто даже и словоделение) вызывает самые длительные споры. В большинстве случаев такие отрезки даны в том буквенном составе, в котором они выступают в первом издании (хотя нередко с другим словоделением), а возможные конъектуры указаны в сносках. В наиболее сложных случаях «темное место» приводится вообще без разделения на слова (хотя комментаторы и предлагают то или иное словоделение); это: *въстазби 28, подобію 31, ростренакусту 197.*

В число «темных мест» ниже не включены, однако, те случаи, когда буквенный состав слова и синтаксис фразы вполне ясны и трудность состоит только в установлении значения слова (например, *шереширь*).

Такой же темной заливкой выделены спорные буквы или слоги в составе отдельных слов, например, *ки* в *кикахуть* 65. Это значит, что дискуссия касается именно данной части слова (а от этого уже может зависеть истолкование всего слова или даже фразы). Спорный вопрос обычно состоит в том, нет ли ошибки в выделенных буквах. Так, в приведенном примере конкурируют версии *кикахуть* ‘кричали поптичи’ и *к(л)икахуть* ‘кликали’.

Пунктирным подчеркиванием выделены отрезки, для которых спорным является вопрос о том, с какими словами — предшествующими или последующими — их следует объединять в синтаксическом и смысловом отношении. В связи с этим специально отметим, что мы не во всех случаях следуем за работой Якобсон 1948 в том, куда отнести слово (или несколько слов) — в конец первого из двух последовательных звеньев или в начало второго.

Указание «темных мест», спорных букв и точек спорного деления на фразы должно помочь читателю увидеть соответствующую текстологическую проблему. В части таких случаев в сносках даются пояснения. Но эти пояснения предельно кратки и схематичны: мы исходим из того, что за более полной информацией о спорных чтениях и конкурирующих интерпретациях читатель все равно должен обращаться к комментированным изданиям.

Под условными ярлыками «другие версии», «некоторые версии», «обычно правят» могут быть указаны некоторые из предлагавшихся конъектур или альтернативных интерпретаций. Но мы не даем при этом ссылок на конкретных комментаторов и, разумеется, ни в коей мере не претендуем в этом вопросе на полноту: в ситуации, когда существующие комментарии к тексту СПИ практически безбрежны, такая претензия была бы абсурдной. Мы не считали также необходимым указывать в спорных пунктах свои предпочтения.

В помощь читателю статьи «Аргументы...», где обсуждаются параллели между СПИ и Задонщиной, мы выделили в тексте СПИ те отрезки, которые имеют соответствия в Задонщине. Эти отрезки даны курсивом.

При этом, однако, мы выделяем всё же не целые предикативные группы, как в § 25 указанной статьи, а в принципе только те их части, где отрезки из СПИ и из Задонщины либо просто совпадают, либо различаются лишь синтаксической конструкцией или выбором синонимов. Приравниваться друг к другу могут также соответствующие друг другу в СПИ и Задонщине действующие лица и реалии, например, Игорь Святославич — Дмитрий Иванович, половецкие — татарские, Каяла — Непрядва и т. п. В состав выделяемого отрезка могут быть включены стоящие в его начальной части союзы и частицы.

Для выделения отрезка достаточно, чтобы у него имелась параллель хотя бы в одном из списков Задонщины.

Параллельные отрезки длиной всего в одно слово, выступающие в составе фразы, где других параллельных отрезков нет, могут не отмечаться.

СЛОВО О ПЛЪКУ ИГОРЕВЪ,
ИГОРЯ СЫНА СВЯТЬСЛАВЛЯ, ВНУКА ОЛЬГОВА

I.

1. *Не лѣпо ли ны бяшетъ, братіе, начати старыми словесы трудныхъ повѣстій о пѣлку Игоревѣ, Игоря Святъславича?*
2. *Начати же ся тѣй пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленію Боянью.*
3. *Боянъ бо вѣцій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашется мыслю по древу, сѣрымъ вѣлкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы.*
4. *Помняшеть бо, речь¹, пѣрвыхъ временъ усобїцѣ. Тогда пущашеть 10 соколовъ на стадо лебедѣй: которыи дотечаше, та преди пѣснѣ поясие — старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пѣлкы касожскими, красному Романови Святъславичю.*
5. *Боянъ же, братіе, не 10 соколовъ на стадо лебедѣй пущаше, нѣ своя вѣціа прѣсты на живая струны вѣскладаше; они же сами княземъ славу рокотаху.*
6. *Почнемъ же, братіе, повѣсть сю отъ стараго Владимира до нынѣшняго Игоря, иже истягну умъ крѣпостію своею, и поостри сердца своего мужествомъ;*
7. *напльнився ратнаго духа, наведе своя храбрыя пѣлкы на землю Половѣцкую за землю Русскую.*

II.

8. Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты.
9. И рече Игорь къ дружинѣ своей:
10. «Братіе и дружино! Луце жъ бы потяту быти, неже полонену быти.
11. *А всядемъ, братіе, на свои брѣзыя комони, да позримъ синего Дону».*
12. *Спала князю умъ похоти и² жалость ему знаменіе заступи — искусити Дону Великаго.*

¹ Обычно правят на *рече*.

² Другие версии: *похотѣ* и; *похоти*.

13. «Хощу бо, рече, копіе приломити конець поля Половецкаго; съ вами, Русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону».

III.

14. *O Бояне, соловію старого времени! Абы ты сia плъкы ущекоталь, скача, славію, по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы, свивая славы оба полы сего времени, рища въ тропу Троянию чресъ поля на горы.*
15. Пѣти было пѣснъ Игореви того внуку:
16. «Не буря соколы занесе чресъ поля широкая — галици стады бѣжать къ Дону Великому».
17. Чи ли въспѣти было, вѣщей Бояне, Велесовъ внуче:
18. «Комони ржуть за Сулою — звенить слава въ Кыевѣ; трубы трубяты въ Новѣградѣ — стоять стязи въ Путивлѣ». Игорь ждеть мила брата Всеволода.
19. *И рече ему буй туръ Всеволодъ:*
20. «Одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый — ты, Игорю: оба есвѣ Свѧтъславичя!
21. *Сѣдлай, брате, свои брѣзыи комони,*
22. *а мои ти готови оствѣдлани у Курьска на переди.*
23. А мои ти куряни свѣдоми къмети, подъ трубами повити, подъ шеломы възлелѣяны, конець копія въскрѣмлени;
24. *пути имъ вѣдоми, яругы имъ знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изъострени;*
25. *сами скачують, акы сѣрыи вльци въ полѣ, ищучи себе чти, а князю славѣ».*

IV.

26. *Тогда въступи Игорь князь въ златъ стремень и поѣха по чистому полю.*
27. *Солнце ему тьмою путь заступаше;*
28. нощь стонущи ему грозою птичъ убуди; свистъ звѣринъ въстазби³.

³ Некоторые версии: *въ ста зби* ('в сотни забил'); *въ ста(i) зби* ('[зверей] в логовища забил'); *въста*; *зби(ся)* ('[свист...] встал; взбился [= встрепенулся?] [Див]').

29. *Дивъ кличетъ връху древа: велитъ послушати земли незнаемѣ — Вльзѣ, и Поморію, и Посулію, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ, Тымутораканьский блъванъ!*
30. *А Половци неготовами дорогами побѣгоша къ Дону Великому; кричатъ тѣлѣгы полунощы, рци лебеди роспущени: Игорь къ Дону вои ведеть!*
31. *Уже бо бѣды его пасеть птицъ подобію⁴; вльци грозу въсрожать⁵ по яругамъ; орли клектомъ на кости звѣри зовутъ; лисици брешутъ на чръленыя щиты.*
32. *О Руская земле! Уже за шеломянемъ еси!*

V.

33. *Длъго ночь мръкнеть.*
34. *Заря свѣть запала, мъгла поля покрыла.*
35. *Щекотъ славій успе, говоръ галичъ убуди⁶.*
36. *Русичи великая поля чрълеными щиты прегородиша, ищучи себѣ чти, а князю славы.*

VI.

37. *Съ заранія въ пят(о)къ потопташа поганыя плѣкы Поло-вецкыя и рассущася стрѣлами по полю, помчаша красныя дѣвки Поло-вецкыя, а съ ними злато и паволокы и драгая оксамиты.*
38. *Орѣтмами и япончицами и кожухы начашя мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ, и всякими узорочьи Поло-ѣцкими.*
39. *Чръленъ стягъ, бѣла хорюговъ, чрълена чолка, сребено стружіе храброму Свѧтъславличу!*

VII.

40. *Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо; далече залетѣло.*
41. *Не было нѣ⁷ обидѣ порождено ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чръный воронъ, поганый Половчине!*

⁴ Некоторые версии: *по дѣубію; подоб(олоч)ію*. В Задонщине в соответствующем месте *под облакы*.

⁵ Другие версии: *въсро(ш)атъ* ('ерошат, разозляют'); *в(о)рожатъ*.

⁶ Другая версия: *убуди(ся)*.

⁷ Обычно правят на *(о)н(о)*.

42. Гзакъ бѣжитъ *сѣрымъ влькомъ*, Кончакъ ему слѣдъ править къ *Дону Великому*.

VIII.

43. Другаго дни велми рано *кровавыя зори* свѣтъ повѣдаютъ.
44. *Чръныя тучя съ моря идутъ*, хотятъ прикрыти 4 солнца, а въ нихъ *трепещутъ синіи млыніи*.
45. *Быти грому великому*, итти дождю стрѣлами съ *Дону Великаго!*
46. Ту ся копіемъ приламати, ту ся саблямъ потручиши *о шеломы Половецкыя, на рѣцѣ на Каялѣ*, у *Дону Великаго*.
47. *О Руская землѣ! Уже (за) шеломянемъ еси!*

IX.

48. Се *вѣтри*, Стрибожи внuci, *вѣютъ съ моря* стрѣлами на храбрыя плѣкы Игоревы.
49. Земля тутнетъ, рѣкы мутно текуть, пороси поля прикрывають.
50. *Стязи глаголють: Половци идутъ отъ Дона и отъ моря!*
51. И отъ всѣхъ странъ Рускыя плѣкы *(о)ступиша*.
52. *Дѣти бѣсови кликомъ поля* *прегородиша*, а храбріи *Русици* *преградиша* чрълеными щиты.

X.

53. Яръ *tуре* Всеволодъ! *Стоши на борони*, прыщеши на вои стрѣлами, *гримлеши о шеломы мечи харалужными*.
54. Камо *туръ поскочяше*, своимъ златымъ шеломомъ *посвѣчивая*, тамо лежать поганыя головы Половецкыя.
55. Поскепаны саблями калеными *шеломы* Оварьскыя отъ тебе, яръ *tуре* Всеволоде!
56. *Кая раны* дорога братіе⁸, забывъ чти и живота и града Чрънигова отня зата стола и своя милыя хоти, красныя Глѣбовны, свычая и обычая.

XI.

57. Были *вѣчи*⁹ Трояни, минула лѣта Ярославля; были плѣци Олговы, Ольга Свѧтъславличя.

⁸ Некоторые версии: *кая раны, дорога братіе* 'кляня (или: про-клял) раны, дорогие братья'; *кая ран(a)* *дорога, братіе* 'какая рана имеет значение, братья'; *(д)ая раны, дорога братіе*.

58. Тъй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше и стрѣлы по земли съяше.
59. *Ступаетъ въ златъ стременъ въ градъ Тьмутороканъ.*
60. То же звонъ слыша давный великий Ярославъ.
61. <А Владиміръ сынъ Всеволожъ¹⁰ по вся утра уши заклашаše въ Черниговъ.
62. Бориса же Вячеславлича слава *на судъ приведе*, и на Канину¹¹ зелену паполому постла, за обиду Олгову, храбра и млада князя.
63. Съ той же Каялы¹² Святоплькъ по~~л~~елъя отца своего междю Угорскими иноходьцы ко Святѣй Софіи къ Киеву.
64. Тогда при Олзѣ Гориславличи съяшется и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Даждьбожа внука, въ княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомъ скратиша~~съ~~.
65. *Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть¹³, нѣ часто враны гряхуть, трупia себѣ дѣляче, а галици свою рѣчъ говоряхуть:* хотяъ полетѣти на уедie.
66. То было въ ты рати и въ ты плѣкы, а сицей рати не слышано: съ зараніа до вечера, съ вечера до свѣта летять стрѣлы каленые, громлють сабли о шеломы, трещать копia харалужныя въ полѣ незнаемѣ, среди земли Поло-вецкыи.
67. *Чръна земля подъ копыты костыми была посѣяна, а кровію польяна:* тugoю взыдоша по Руской земли.

ХII.

68. *Что ми шумить, что ми звенить давечя рано предъ зорями?*
69. *Игорь плѣкы заворачаетъ, жаль бо ему мила брата Все-волода.*
70. Бишася день, бишася другой — третяго дни къ полу-днію падоша стязи Игоревы.

⁹ Согласно Н. М. Карамзину, в рукописи стояло не *вѣчи*, а *сѣчи*.

¹⁰ П. и Е.: *сынъ Всеволожъ а Владиміръ.*

¹¹ Другая версия: *ка~~вы~~лу* (или *к~~овы~~лу*).

¹² Другие версии: *Ка~~нин~~ы*; *ка~~вы~~лы* (или *к~~овы~~лы*).

¹³ Другая версия: *к~~л~~икахуть*.

71. *Tu ся брата разлучиста на брезъ быстрой Каялы;*
72. *ту кроваваго вина не доста;*
73. *ту пиръ докончаша храбріи Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую.*
74. *Ничить трава жалоющими, а древо с(я) тугою къ земли преклонилос(я).*
75. Уже бо, братіе, невеселая година въстала, уже пустыни силу прикрыла.
76. Въстала обида въ силахъ Дажьбожа внука; вступил(а) дѣвою на землю Трояню; *въсплескала лебедиными крылы* на синѣмъ море, у Дону; плещучи *убуди*¹⁴ жирня времена.
77. *Усобица* княземъ на поганыя погыбе, рекоста бо братъ брату: «се мое, а то мое же»; и начяша князи про малое «се великое» мльвити, а сами на себѣ крамолу ковати.
78. А поганіи съ всѣхъ странъ приходжаху съ побѣдами на землю Рускую.

XIII.

79. О! далече зайде соколь, птиць бъя, — къ морю!
80. А Игорева храбраго пльку не крѣсити.
81. За нимъ кликну карна, и ж(е)ля поскочи по Руской земли, *смагу мычючи въ пламянѣ розъ.*
82. *Жены Рускія въсплакашас(я), а ркучи:*
83. «Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслю смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра *ни мало того потрепати*».
84. *A въстона бо, братіе, Киевъ тугою, а Черниговъ напастыми.*
85. *Тоска* разліяся по Руской земли; печаль жирна тече средь земли Рускыи.
86. А князи сами на себе крамолу коваху;
87. а поганіи *сами*, побѣдами нарищуще на Рускую землю, емляху дань по бѣлѣ оть двора.
88. Тіи бо два храбрая Святъславича Игорь и Всеволодъ уже лжу *убуди*(ста), которую то бяше успилъ отецъ ихъ

¹⁴ Другая версия: *у(n)уди* ('распугала').

Святыславъ грозный великий Киевский — грозою бѧшеть притрепеталь¹⁵.

89. Своими сильными плѣкы и харалужными мечи наступи на землю Половецкую, притопта хльми и яругы, взмутти рѣки и озеры, иссухи потоки и болота; а поганаго Кобяка изъ Луку моря, отъ желѣзныхъ великихъ плѣковъ Половецкихъ яко вихрь выторже — и падеся Кобякъ въ граде Киевѣ, въ гридницѣ Святыславли.
90. Ту Нѣмци и Венедици, ту Греки и Морава поютъ славу Святыславлю, кають князя Игоря, иже погрузи жиръ во днѣ Каялы, рѣкы Половецкія, Рускаго злата насыпаша.
91. Ту Игорь князь выскѣдѣ изъ сѣдла злата а въ сѣдло кощево.
92. Уныша бо градомъ забралы, а веселіе пониче.

XIV.

93. А Святыславъ мутенъ сонъ видѣ въ Киевѣ на горахъ.
94. «Си ночь съ вечера одѣвах^утъ мя, рече, чръною паполомою, на кроваты тисовѣ;
95. чръпахуть ми синее вино съ трудомъ смѣшено;
96. сыпахуть ми тѣщими тулы поганыхъ тльковинъ великий женчюгъ на лоно,
97. и нѣгуютъ мя; уже дѣски безъ кнѣса в моемъ теремѣ златоврѣсѣмъ.
98. Всю нощь съ вечера б^ус^иви¹⁶ врані възграяху;
99. у Плѣснѣска на болони бѣша дебръ(с)ки сан^и и не сош^ая¹⁷ къ синему морю».

XV.

100. И ркоша бояре князю:
101. «Уже, княже, туга умъ полонила.
102. Се бо два сокола слѣтѣста съ отня стола злата поискати града Тымутороканя, а любо испити шеломомъ Дону: уже соколома крильца припѣшали поганыхъ саблями, а самаю опуташа въ путины желѣзны.

¹⁵ Другая версия: притрепалъ.

¹⁶ П. и Е.: босуви.

¹⁷ П.: дебръ Кисаню и не сошлио (в Е. кисаню).

103. Темно бо бѣ въ 3 день: *два солнца помѣркоста*, оба багряная стльпа погасоста, и съ ним(а) молодая мѣсяца, Олегъ и Свѧтъславъ, тьмою ся поволокоста *и въ морѣ* погрузиста, и великое *буйство* подаст(а) Хинови¹⁸.
104. На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла —
105. *по Руской земли* *простроилася* Половци, аки пардуже гнѣздо.
106. Уже снесеся хула на хвалу.
107. Уже тресну нужда на волю.
108. Уже връжеса Дивъ на землю.
109. Се бо Готскія красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю: звоня Рускымъ златомъ, поютъ время Бусово, лелѣютъ месть Шароканю.
110. А мы уже, дружина, жадни веселія».

XVI.

111. Тогда великий Свѧтъславъ изрони злато слово слезами смѣшено, и рече:
112. «О моя сыновчя Игорю и Всеволоде! Рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити, а себѣ славы искати. Нѣ нечестно одолѣсте, нечестно бо кровь поганую про-ліясте.
113. Ваю храбрая сердца въ жестоцемъ харалузѣ скована, а въ буести закалена.
114. Се ли створисте моей сребреней сѣдинѣ!
115. А уже не вижду власти сильного и богатаго и многовои
брата моего Ярослава съ Черниговьскими былями, съ
могуты, и съ татраны, и съ шельбиры, и съ топчакы, и
съ ревугы, и съ ольберы. Тіи бо бес щитовъ съ засапож-
ники кликомъ плькы побѣждаютъ, звонячи въ прадѣд-
нююю славу.
116. Нѣ рекосте: «мужаимѣся сами, преднююю славу сами
похитимъ, а заднюю ся сами подѣлимъ!»
117. *A чи диво ся, братie, стару помолодити?*

¹⁸ В П. и Е. отрезок *и въ морѣ ... Хинови* стоит в 105, после *гнѣздо*.

118. Коли соколъ въ мытехъ бываетъ, высоко птицъ възбиваєтъ: не дастъ гнѣзда своего въ обиду.

119. Нъ се зло: княже ми непособіе.

XVII.

120. На ниче ся годины обратиша!

121. Се у Римъ кричать подъ саблями Половецкими, а Владимиръ подъ ранами.

122. Туга и тоска сыну Глѣбову!»

XVIII.

123. Великий княже Всеволоде! Не мыслю ти прелетѣти издалеча отня зата стола поблюсти?

124. Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти.

125. Аже бы ты былъ, то была бы чага по ногатѣ, а кощей по резанѣ.

126. Ты бо можеши посуху живыми шереширы стрѣляти — удалыми сыны Глѣбовы.

XIX.

127. Ты, буй Рюриче и Давыде! Не ваю ли¹⁹ злаченными шлемы по крови плаваша?

128. Не ваю ли храбрая дружина рыкаютъ акы тури, ранены саблями каленными на полѣ незнаемѣ?

129. Вступита, господина, въ зата стремен*(и)*²⁰ за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоревы буого Святславича!

XX.

130. Галички Осмомыслѣ Ярославе! Высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ, подперъ горы Угорскыи своими желѣзными плѣки, заступивъ королеви путь, затворивъ Дунаю ворота, мечи *(б)ремены*²¹ чрезъ облаки, суды ряда до Дуная.

131. Грозы твоя по землямъ текутъ; отворяєши Киеву враты; стреляеши съ отня зата стола салтани за землями.

¹⁹ Часто правят на *Не ваю ли вои.*

²⁰ П. и Е.: *стремень.*

²¹ По чтению Н. М. Карамзина; П. и Е.: *времены.*

132. Стрѣляй, господине, Кончака, поганого кощея за землю
Русскую, за раны Игоревы буего Святславлича!

XXI.

133. А ты, буй Романе и Мстиславе! Храбрая мысль носить
васъ²² умъ на дѣло.

134. Высоко плаваеши на дѣло въ буести, яко соколь на
вѣтрехъ ширяся, хотя птицу въ буйствѣ одолѣти.

135. Суть бо у ваю желѣзныи па(в)орзи²³ подъ шеломы Латинскими. Тѣми тресну земля, и многи страны — *Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела и Половци — сулици своя повръгоша, а главы своя по(д)клониша подъ тыни мечи харалужсныи.*

136. Нъ уже, княже Игорю, утръпъ солнцю свѣтъ, а древо не
бологомъ листвie срони.

137. По Рсі и по Сули гради подѣлиша; а Игорева храбраго
плѣку не крѣсити.

138. Доњь ти, княже, кличетъ и зоветь князи на побѣду.

139. Олговичи, храбрыи князи, доспѣли на брань.

XXII.

140. Инъгварь и Всеволодъ, и вси три Мстиславичи, не худа
гнѣзда шестокрилци! Непобѣдными жребіи собѣ власти
расхытисте!

141. Кое ваши златыи шеломы и сулицы Ляцкіи и щиты?

142. Загородите полю ворота своими оstryми стрѣлами за
землю Русскую, за раны Игоревы буего Святъславлича!

XXIII.

143. Уже бо Сула не течеть сребреными струями граду²⁴ Переяславлю, и Двина болотомъ течеть онимъ грознымъ Полочаномъ подъ кликомъ поганыхъ.

144. Единъ же Изяславъ сынъ Васильковъ позвони своими
острыми мечи о шеломы Литовскія; притрепа славу
дѣду своему Всеславу, а самъ подъ чрълеными щиты на

²² Другие версии: *ва(ю); ва(ш)ъ.*

²³ Версия 'завязки, крепящие шлем'. Из прочих версий: *pan(e)rci; 'конские нагрудники', 'панцыри'.* П. и Е.: *panorzi.*

²⁴ П. и Е.: *къ граду.*

кровавъ травъ притрепанъ Литовскими мечи, и с хотию
на кровать.

145. И рекъ:

146. «Дружину твою, княже, птиць крилы пріодѣ, а звѣри
кровь полизаша!».

147. Не быс(т)ь ту брата Брячяслава, ни другаго — Всево-
лода: единъ же изрони жемчужну душу изъ храбра
тѣла чресъ злато ожереліе.

148. Унылы голоси, пониче веселie; трубы трубяты Горо-
деньскіи.

149. Ярославе и вси внуце Всеславли! Уже понизит^(e)²⁵ стя-
зи свои, вонзит^(e)²⁶ свои мечи вережени:

150. уже бо выскочисте изъ дѣдней славъ.

151. Вы бо своими крамолами начясте наводити поганыя на
землю Рускую, на жизнь Всеславлю.

152. Которо^(ю) бо бѣше насилие отъ земли Половецкыи.

XXIV.

153. На седьмомъ вѣцѣ Трояни връже Всеславъ жребій о
дѣвицю себѣ любу.

154. Тѣй клюками подпръся окони и²⁷ скочи къ граду Кыеву
и дотчеся стружіемъ злата стола Кіевскаго.

155. Скочи отъ нихъ²⁸ лютымъ звѣремъ въ пльночи изъ
Бѣлаграда, обѣсися синѣ мъглѣ,

156. утръже вазни с три кусы²⁹, отвори врата Новуграду,
разшибе славу Ярославу,

157. скочи влькомъ до Немиги, съ^(ду) тоцѣ³⁰. На Немизѣ
снопы стелють головами, молотятъ чепи харалужными,
на тоцѣ животъ кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣла.

²⁵ П. и Е.: *понизить*.

²⁶ П. и Е.: *вонзить*.

²⁷ Другие версии: *о кони и*; *о ко(p)ии*.

²⁸ Другая версия: *от(a)и*.

²⁹ Версия '[урвал] удачи с три куска'. Другие версии: *вазни*, *<в> три кусы* ('в три набега' или 'в три попытки'); *во(nз)и* (*o*)*стри кусы* ('вонзил острые клыки').

158. Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѧни,
посѧни костьми Рускихъ сыновъ.
159. Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше,
а самъ въ ночь влькомъ рыскаше: изъ Кыева дорискаше
до куръ Тмутороканя, великому Хръсови влькомъ путь
прерыскаше.
160. Тому въ Полотскѣ позвониша заутренюю рано у Свя-
тыя Софiei въ колоколы, а онъ въ Кыевѣ звонъ слыша.
161. Аще и вѣща душа въ друзѣ³¹ тѣлѣ, нъ часто бѣды стра-
даше.
162. Тому вѣщей Боянъ и прѣвое припѣвку смысленый рече:
163. «Ни хытру, ни горазду, ни птицю³² горазду, суда Божіа
не минути».

XXV.

164. О, стонати Руской земли, помянувшe прѣвую годину,
и прѣвыхъ князей!
165. Того стараго Владимира не лъзѣ бѣ пригвоздити къ го-
рамъ Кіевскимъ.
166. Сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзіи Дави-
довы; нъ розъно ся имъ хоботы пашутъ;
167. копіа поютъ.

XXVI.

168. На Дунаи Ярославнынъ гласъ слышитъ³³ — зегзицею
незнаемъ рано кычеть:
169. «Полечю, рече, зегзицею по Дунаеви;
170. омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ,
171. утру князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ!».
172. Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, а
ркучи:
173. «О вѣтрѣ, вѣтрило! Чему, господине, насильно вѣеши?

³⁰ Версия 'сдул ток' (= 'размел место для поединка'). П.: съ Ду-
дутокъ (Е.: съ дудутокъ).

³¹ Обычно правят на въ дрѣзѣ.

³² Другая версия: пытъцю.

³³ Обычно правят на ся (...) слышитъ (место ся неопределенно)
или на слышати.

174. Чему мычещи Хиновьскыя стрѣлки на своею нетрудною крилцу на моея лады вои?
175. Мало ли ти бяшеть горѣ подъ облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ?
176. Чему, господине, мое веселіе по ковыллю развѣя?»
177. Ярославна рано плачеть Путивлю городу на заборолѣ, а ркучи:
178. «О Днепре Словутицю! Ты пробилъ еси каменныя горы сквозѣ землю Половецкую.
179. Ты лелѣяль еси на себѣ Святославли носады до пльку Кобякова.
180. Вѣзлелѣи, господине, мою ладу къ мнѣ, а быхъ не слала къ нему слезъ на море рано».
181. Ярославна рано плачеть *(в)* Путивлѣ на забралѣ, а ркучи:
182. «Свѣтлое и тресвѣтлое слѣнце! Всѣмъ тепло и красно еси.
183. Чему, господине, простре горячюю свою лучю на ладѣ вои, въ полѣ безводнѣ жаждею имъ лучи съпряже, тугую имъ тули затче?».

XXVII.

184. Прысну море полунощи; идутъ сморци мыглами. Игореви князю Богъ путь кажеть изъ земли Половецкой на землю Русскую, къ отню злату столу.
185. Погасоша вечеру зари. Игорь спить, Игорь бдить, Игорь мыслю поля мѣрить отъ Великаго Дону до Малаго Донца.
186. Комонь въ полуночи Овлуръ свисну за рѣкою — велить князю разумѣти: князю Игорю не быть кликну³⁴!
187. Стукну земля, вѣшумъ трава, вежи ся Половецкіи подвизашася.
188. А Игорь князь поскочи горнастаемъ к тростю и бѣлымъ гоголемъ на воду.
189. Въ(з)връжеся на брѣзъ комонь и скочи съ него босымъ вѣкомъ.

³⁴ Трактуют как Д. падеж *nлѣнъ* или *клѣаднъикъ* или же как аорист *кликну*, относящийся к 187.

190. И потече къ лугу Донца, и полетъ *соколомъ* подъ мыглами, избивая *гуси и лебеди* завтроку и обѣду и ужинѣ.
191. Коли Игорь *соколомъ* полетѣ, тогда Влуръ *влькомъ* потече, труся собою студеную росу: претръгоста бо своя бръзая комоня.

XXVIII.

192. Донецъ рече:
193. «Княже Игорю! Немало ти величія, а Кончаку нелюбія, а Руской земли веселіа!»
194. Игорь рече:
195. «О Донче! Немало ти величія, лелѣявшу князя на вльнахъ, стлавшу ему зелѣну траву на своихъ сребреныхъ брезѣхъ, одѣвавшу его теплыми мъглами подъ сѣнію зелену древу;
196. стрежаше е~~го~~ гоголемъ на водѣ, чайцами на струяхъ, чрънядьми на ветрѣхъ.
197. Не тако ли, рече, рѣка Стугна: худу струю имѣя, поожрыши чужи ручьи и стругы *растренакусту*³⁵ уношу княз~~я~~ Ростислав~~(а)~~ затвори днѣ пр~~(и)~~³⁶ темнѣ березѣ.
198. Плачется мати Ростислав~~я~~ по уноши князи Ростиславѣ.
199. Уныша цвѣты жалобою, и древо с(я) тugoю къ земли прѣклонило».

XXIX.

200. А не сороцы в(с)троскоташа: на слѣду Игоревѣ ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ.
201. Тогда *врани* не *граахуть, галици* помлькоша, сороцы не троскоташа,
202. *полозію*³⁷ ползоша только; *дятлове* тектомъ *путь* къ рѣцѣ кажутъ; соловіи веселыми пѣс(н)ыми свѣтъ *поєѣдаютъ*.

³⁵ Некоторые версии: *растре на кусту* ('затерла на кусте [или: в двух кустах]'); *растрена к усту* ('расширенная к устью').

³⁶ Другая версия: уношу князю Ростиславу затвори *Днѣпръ* (так П. и Е.) 'юноше князю Ростиславу [Стугна] затворила Днепр' (а *темнѣ березѣ* включается в 198).

³⁷ Другие версии: *по лозію* 'по ветвям, по сучьям'; *полозі* 'полозы (змеи)'.

203. Мльвить Гза къ Кончакови:
204. «Аже соколь къ гнѣзду летить, соколича рострѣляевѣ
своими злачеными стрѣлами».
205. Рече Кончакъ ко Гзѣ:
206. «Аже соколь къ гнѣзду летить, а вѣ соколца опутаевѣ
красною дѣвицею».
207. И рече Гзакъ къ Кончакови:
208. «Аще его опутаевѣ красною дѣвицею, ни нама будетъ
сокольца, ни нама красны дѣвице, то почнуть наю пти-
ци бити въ полѣ *Половецкомъ*».

XXX.

209. Рекъ Боянь и Ходына³⁸ Свѧтъславля пѣсноторца ста-
раго времени Ярославля, Ольгова коганя хоти:
210. «Тяжко ти головы кромѣ плечю, зло ти тѣлу кромѣ
головы» — Руской земли безъ Игоря.
211. Солнце свѣтится на небесѣ — Игорь князь въ Руской
земли.
212. Дѣвици поютъ на Дунаи, выются голоси чрезъ море до
Киева.
213. Игорь ѿдеть по Боричеву къ Святой Богородици Пиро-
гощей.
214. Страны ради, гради весели.
215. Пѣвша пѣснь старымъ княземъ, а по томъ молодымъ
пѣти.
216. Слава Игорю Свѧтъславличу, буй-туру Всеволодѣ, Вла-
димиру Игоревичу³⁹.
217. Здрави князи и дружина, побарая за христьяны на по-
ганыя пльки.
218. Княземъ слава а дружинѣ. Аминь⁴⁰.

³⁸ Из других версий: *<пр>o <c>ына*.

³⁹ Рассогласованные окончания в этой фразе правят либо в сто-
рону схемы «Слава + Д. падеж», либо в сторону схемы «Слава +
зват. форма».

⁴⁰ Другая версия: *a дружинѣ <честь>*.

О принципе «наличие порядка информативнее, чем его отсутствие» (§ 8)	433
О соотношении объекта и его модели (§ 9)	435
Дополнительный пример языковых особенностей СПИ (§ 10).....	440
ЛИТЕРАТУРА, ИСТОЧНИКИ, СОКРАЩЕНИЯ	446
ПРИЛОЖЕНИЕ: Текст «Слова о полку Игореве».....	457

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Лингвистические аргументы за и против подлинности «Слова о полку Игореве»	
[Общее] (§ 1–2)	8
Почему дискуссия о подлинности «Слова о полку Игореве» тянется так долго (§ 3–4)	16
Задачи, стоящие перед имитатором древнего текста (§ 5)	30
Общие сведения о рассматриваемых памятниках (§ 6)	36
Раннедревнерусские черты СПИ (§ 7–16)	38
<i>Двойственное число</i> (§ 8)	41
Энклитики (§ 9–14a)	48
Закон Вакернагеля. Энклитика <i>ся</i> . Релятивизатор <i>то</i> .	
<i>Имперфект совершенного вида</i> (§ 14б)	94
<i>Второе лицо единственного числа аориста</i> (§ 14в)	106
<i>Коротко о других древних чертах</i> (§ 15)	114
<i>Особые случаи</i> (§ 16)	119
Черты XV–XVI веков в СПИ (§ 17–20)	122
Диалектные особенности в СПИ (§ 21–22)	139
Итоги сравнения СПИ с другими памятниками (§ 23)	156
Связь СПИ с древнерусскими памятниками (§ 24)	162
Связь СПИ с современными говорами и народной поэзией (§ 25)	165
СПИ и берестяные грамоты (§ 26)	166
Некоторые параллели «Задонщина – СПИ» (§ 27–28)	171
Два компонента в текстах СПИ и Задонщины (§ 29)	187
Бессоюзие в СПИ и в Задонщине (§ 30–33)	190
О лингвистических аргументах против подлинности СПИ (§ 34–35)	205
О последней книге Зимина (§ 35а)	220
Баланс лингвистических аргументов (§ 36)	231
О возможных вставках в СПИ (§ 37)	241
Заключение (§ 38)	244

К чтению нескольких мест из «Слова о полку Игореве»

[Общее]. <i>Лучи съпряже</i> (§ 1).....	249
<i>Полозію ползоша</i> (§ 1а).....	254
Частица <i>нъ</i> (§ 2)	260
<i>Оконо</i> 'как бы', 'как будто' (§ 3–5)	268
Параллелизм частиц <i>нъ</i> и <i>ни</i> . Вариант <i>окони</i> .	

О нескольких лингвистических работах противников подлинности «Слова о полку Игореве»

[Общее] (§ 1).....	282
О статье К. Троста (1974) «Карамзин и "Слово о полку Игореве"» (§ 2)	284
О статье К. Троста (1982) «Германизмы в "Слове о полку Игореве"» (§ 3)	292
О статье Р. Айтцетмюллера (1977) «Полонизмы в "Слове о полку Игореве"» (§ 4).....	298
О статье М. Хендлера (1977) «Употребление глаголов в "Слове о полку Игореве"» (§ 5–7)	304
О статье Р. Айтцетмюллера (1992) «К употреблению имен в "Слове о полку Игореве"» (§ 8–10)	329

Новейший кандидат на авторство «Слова о полку Игореве» — Йосеф Добровский

[Общее] (§ 1–3)	344
Доказательно ли то, что в книге Кинана есть (§ 4–10).....	354
Вопрос об уровне надежности. Принцип «релевантности» памятника. Аргумент «отсутствие в памятниках». Богемизмы. Гебраизмы, итальянизм.	
О том, чего в книге Кинана нет (§ 11–12)	391
Заключение (§ 13)	402

Можно ли создать «Слово о полку Игореве» путем имитации

[Общее] (§ 1).....	406
Структура гипотезы о создании СПИ путем имитации (§ 2) ..	408
Отсутствие документальных подтверждений (§ 3)	411
Особенности языка СПИ, трудные для имитации (§ 4–6) ..	414
Трудности, связанные с подражанием нескольким источникам одновременно (§ 7)	428

Научное издание

Андрей Анатольевич Зализняк

**«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»:
ВЗГЛЯД ЛИНГВИСТА**

Издатель А. Кошелев

Художественное оформление переплета
Натальи Прокуратовой и Сергея Жигалкина

Корректура и верстка М. Толстой

Подписано в печать 11.08.2008. Формат 84 × 108^{1/32}.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. п. л. 24,3. Тираж 1000 экз. Заказ № 9839.

НП «Рукописные памятники Древней Руси».

ОГРН № 1067746430102.

Тел.: 607-86-93. E-mail: Lrc.phouse@gmail.com

Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

Отпечатано с готовых диапозитивов в ОАО ордена «Знак Почета»
«Смоленская областная типография им. В. И. Смирнова».
214000, г. Смоленск, проспект им. Ю. Гагарина, 2.

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».

Тел./факс: 8 (499) 255-77-57, тел.: 246-05-48, e-mail: gnosis@pochta.ru

Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).

Адрес: Зубовский проезд, 2, стр. 1 (Метро «Парк Культуры»)

Foreign customers may order this edition

by E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru

ISBN 978-5-9551-0261-0

9 785955 102610 >

Андрей Анатольевич Зализняк (род. в 1935 г.) — лингвист, специалист в области современной и исторической грамматики русского языка, сравнительного и общего языкознания; ряд исследований посвятил новгородским берестяным грамотам. Действительный член РАН, профессор. Работает в Институте славяноведения РАН и преподает на филологическом факультете МГУ. Преподавал также в университетах Экс-ан-Прованса, Парижа и Женевы; выступал с лекциями в ряде университетов Италии, Франции, Швейцарии, Германии, Австрии, Швеции и Англии.

Основные книги: Русское именное словоизменение (издания: 1967, 2002), Грамматический словарь русского языка (1977, 1980, 1987, 2003, 2008), Грамматический очерк санскрита (в составе «Санскритско-русского словаря» В. А. Кочергиной; 1978, 1987), От праславянской акцентуации к русской (1985), «Мерило Праведное» XIV века как акцентологический источник (1990), Древнерусский диалект (1995, 2004), Новгородские грамоты на бересте (совместно с В. Л. Яниным) — тома VIII (1986), IX (1993), X (2000), XI (2004), Древнерусские энклитики (2008).

